
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 1(18)/2019

Редакционная коллегия

Научный руководитель — ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н., генеральный директор издательства «Нестор-История» (Москва)
Ответственный редактор — СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
Зам. ответственного редактора — ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург)
Ответственный секретарь — КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

Члены редакционной коллегии

АКСЕНОВ Владислав Бэнович, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Самарского государственного университета (Самара)
ПРОЗУМЕНЩИКОВ Михаил Юрьевич, к.и.н., заместитель директора Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив новейшей истории» (РГАНИ) (Москва)
ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)
ТЕСЛЯ Андрей Александрович, к. филос.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград)
ТИХОНОВ Виталий Витальевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
ТРОИЦКИЙ Юрий Львович, к.и.н., доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания ИФИ РГГУ, заместитель директора ИФИ РГГУ по методической работе и историческому образованию (Москва)
УЛУНЯН Арутюн Акопович, д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ (Москва)

Редакционный совет

ГЛУШКОВСКИЙ Пётр, к.и.н., зам. директора Института русистики Варшавского университета (Польша)
ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (assistant professor), Хьюстонский университет (США)

КАСЬЯНОВ Георгий Владимирович, д.и.н., проф., зав. отделом Института истории НАНУ (Украина)

КАРАВАШКИН Андрей Витальевич, д.ф.н., проф. кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ (Москва)

КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филол.н., доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ-«НИНХ»), сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) (Новосибирск, Москва)

ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ (Москва)

СМИТ Кэтрин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, зам.директора Института славяноведения РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и славистики Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год

ISSN 2409-6105

DOI 10.31754/2409-6105-2019-1

Издатель ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.istorex.ru
Отпечатано в АО «Первая Образцовая Типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
тел. (499) 270 73 00
Тираж 300 экз.
Заказ № 1736
Дата подписания в печать 29.03.2019

В НОМЕРЕ:

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Национальная память

- 7 *«Национализм является “нормальной” составляющей общественной жизни, и было бы наивным думать, что он подобен болезни, которую можно излечить». Интервью с М. Ларюэль*

13 **МАРЛЕН ЛАРЮЭЛЬ**

Столетие 1917 в России: Двойственная историческая политика государства и захват исторического рынка церковью

Корпоративная память

- 39 *Уничтожить и забыть. Документы и воспоминания о жизни и гибели историка Миркинда*
- 41 **А. С. ТУЛБУРЕ** *Это история об исключении из жизни и о забвении после смерти*

- 64 *Архивные документы*
- 91 *Воспоминания и интервью В. А. Либин (Миркинд), П. Ю. Уварова, Н. В. Бабилунги, В. А. Солоняря, В. Н. Поливцева, И. С. Кремера*

Семейная память

- 139 *«Маме сказали: “Беги, пока не поздно!”»
Интервью с В. А. Беспаловой*
- 146 *«Анастас Иванович Микоян: каким я его знал и помню». Интервью с А. А. Микояном*

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

- 160 **Е. А. НЕСТЕРОВ** *Продолжение легенды: старостиха Василиса в советской и постсоветской литературе*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Мир

- 184 **Д. К. КНОРРЕ** *Рец.: Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918: Сборник документов. М.: Политическая энциклопедия, 2014.*
- 190 **А. Т. БЕЗАРОВ** *Братья поневоле. Рец.: Каптелер А. Нерівні брати. Українці та росіяни від середньовіччя до сучасності / пер. з нім. В. Кам'янець. Чернівці: Книги-XXI, 2018. 320 с.*

- 202 **С. С. БЕЛЯКОВ** *Строили Русь, а получилась Украина. Рец.: Федевич К. К., Федевич К. И. За Віру, Царя і Кобзаря. Малоросійські монархісти і український національний рух (1905–1917 роки) / пер. с рос. К. Демчук. Київ: Критика, 2017. 308 с.*
- 210 **А. А. СИЛКИН** *Королевство сербов, хорватов и словенцев Югославия (1918–1941) на страницах коллективного труда «Югославия в исторической перспективе» (Белград, 2017). Рец.: Jugoslavija u istorijskoj perspektivi. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2017.*

Российская империя

- 224А. **А. ТЕСЛЯ** *Шлецер, сын Шлецера: письма из России. Рец.: «У меня в Москве есть повод быть довольным». Переписка Христиана фон Шлецера с семьей. Жизненные мифы гуманитариев, трансфер знаний и культуры в России начала XIX века / введение, комментарий, общ. редакция А. Каплуновского; пер. с нем. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 576 с.: ил. (серия «История науки»).*
- 230Е. **П. СЕРАПИОНОВА** *Рец.: Иностранцев М. А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. д.и.н. А. В. Ганина. М., 2017. 928 с.*
- 238 **С. Л. ФИРСОВ** *Образ последнего русского императора Николая II в современной отечественной исторической литературе*

СССР

- 271Т. **А. МУХАМАТУЛИН** *Страны, звери и советское общество. Рец.: Голубев А. В. «Подлинный лик заграницы»: Образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922–1941 гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 282 с.*
- 276 **В. П. ЛЮБИН** *Рец.: Уроки Октября и практики советской системы, 1920–1950-е годы. Материалы X Международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2018. 919 с.*
- 285 **Г. А. КУРЕНКОВ** *«Правящими кругами любой страны и в любое время информация всегда дозируется». Ответ М. М. Мину*

КОНФЕРЕНЦИИ

- 296 **Д. В. СТРАТИЕВСКИЙ** *Международная научная конференция «Советские военнопленные. Сопротивление. Коллаборационизм. Память». 21–24 октября 2018 г. (Новосибирск)*

IN THE ISSUE:

COLLECTIVE MEMORY

National memory

- 7
13 **M. LARUELLE**
- “Nationalism is a ‘normal’ component of public life and it would be naive to think that it can be cured as a disease”. Interview with M. Laruelle*
- Commemorating 1917 in Russia: Ambivalent State History Policy and the Church’s Conquest of the History Market*

Corporate memory

- 39
41 **A.S. TULBURE**
- To decimate and to forget Mirkind. The documents and memoirs regarding life and death of a historian. With introduction and commentary of Alexey Tulbure*
- These is a story about exclusion from life and about oblivion after death*
- 64
91
- Archival document*
- Memories and interview with V. A. Libin (Markind), P. Y. Uvarov, N. V. Babilunga, V. A. Solonari, V. N. Polivtsev, I. S. Kremer*

Family memory

- 139
146
- “They told my mother: «Run, it is not too late!»”*
- Interview with V.A. Bespalova*
- “Anastas Ivanovich Mikoyan: how I knew and remember him”. Interview with A.A. Mikoyan*
-

AS IT ACTUALLY WAS

- 160 **E.A. NESTEROV**
- The continuation of the legend: “Starostikha Vasilisa” in the Soviet and post-Soviet literature*
-

REVIEWS

The world

- 184 **D.K. KNORRE**
- Rev.: Getman P.P. Skoropadskii. Ukraina na perelome. 1918: Sbornik dokumentov. Moskva: Politicheskaya enciklopediya. 2014*
- 190 **A.T. BEZAROV**
- Brothers against their will. Rev.: Kappeler A. Nerivni brati. Ukrainci ta rosiyani vid seredn’ovichchya do suchasnosti / per. z nim. V. Kamyanev’. Chernivci: Knigi-HHI, 2018. 320 s.*

In the issue:

- 202 **S.S. BELYAKOV** *Built Russia, and it turned out Ukraine. Rev.: Fedevych K.I., Fedevych K.K. For Faith, Tsar and Kobzar. Little Russian Monarchists and the Ukrainian National Movement 1909–1917. / Translation from the Russian by K. Demchuk. – Kyiv: Krytyka, 2017*
- 210 **A.A. SILKIN** *Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Yugoslavia (1918–1941) in the pages of the collective work “Yugoslavia in historical perspective” (Belgrade, 2017)*

The Russian Empire

- 224A.A. TESLYA *Schlözer, the son of Schlözer: the letters from Russia. Rev.: “U menia v Moskve est’ povod byt’ dovol’nym”. Peregiska Khristiana fon Shletsera s sem’ei. Zhiznennye miry universitariu, transfer znanii i kul’tury v Rossii nachala XIX veka, vvodenie kommentarii, obshchaia redaktsiia A. Kaplunovskogo; per. s nem. K. Levinsona. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 576 p.: il. (Seriiia “Istoriia nauki”)*
- 230E.P. SERAPIONOVA *Rev.: Inostrancev M. A. Vospominaniya. Konec imperii, revolyuciya i nachalo bol’shevizma / Pod red. d.i.n. A.V. Ganina. M., 2017. 928 p.*
- 238 **S.L. FIRSOV** *Emperor Nicholas II in modern Russian historical literature*

URSS

- 271T.A. MUKHAMATULIN *Countries, animals and Soviet society. Rev.: Golubev A.V. «Podlinnyi lik zagranicy»: Obraz vneshnego mira v sovetskoi politicheskoi karikature, 1922–1941 gg. M.-Spb.: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2018). 282 p.*
- 276 **V.P. LYUBIN** *Rev.: Uroki Oktyabrya i praktiki sovetskoi sistemy, 1920–1950-e gody. Materialy 10 mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii. Moskva, 5–7 dekabrya 2017 g. M.: Politicheskaya enciklopediya; Prezidentskii centr B.N. El’cina, 2018. 919 p.*
- 285 **G.A. KURENKOV** *“Information is always dosed out by the ruling circles of any country and at any time.” Response to M. M. Mints*

CONFERENCIES

- 296 **D. V. STRATIEVSKII** *International scientific conference «Soviet prisoners of war. Resistance. Collaboration. Memory.» 21–24 October 2018 (Novosibirsk)*

«НАЦИОНАЛИЗМ ЯВЛЯЕТСЯ “НОРМАЛЬНОЙ” СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, И БЫЛО БЫ НАИВНЫМ ДУМАТЬ, ЧТО ОН ПОДОБЕН БОЛЕЗНИ, КОТОРУЮ МОЖНО ИЗЛЕЧИТЬ».

Интервью с М. Ларюэль

Ключевые слова: славистика, PONARS, «нелиберализм», этнический и «державный» национализмы, научная деятельность и пропаганда.

Аннотация. В интервью профессор Марлен Ларюэль рассказывает, почему выбрала профессию ученого, по каким причинам стала заниматься славистикой, говорит о своей научной карьере и содиректорстве в Программе новых подходов к изучению и безопасности в Евразии (PONARS). Профессор Ларюэль высказывает свое мнение о том, что современный рост этнического национализма является частью более широкого и опасного явления — «нелиберализма», что русский национализм носит не столько этнический, сколько «державный» характер, что ученым-гуманитариям грозит опасность превратиться в пропагандистов новой холодной войны, а также делится своими творческими планами.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-1-7-12

Ларюэль Марлен — профессор, заместитель директора Института европейских, российских и евразийских исследований (IERES), руко-

водитель программы Центральной Азии при Университете Джорджа Вашингтона (Вашингтон), содиректор Программы новых подходов

© Историческая Экспертиза, 2019

Ларюэль Марлен — профессор, заместитель директора Института европейских, российских и евразийских исследований (IERES), руководитель программы Центральной

Азии при Университете Джорджа Вашингтона (Вашингтон), содиректор Программы новых подходов к изучению и безопасности в Евразии (PONARS)(США); laruelle@gwu.edu

к изучению и безопасности в Евразии (PONARS)(США). Автор книг: Russian Eurasianism. An Ideology of Empire. Washington D.C.: Woodrow Wilson Press / Johns Hopkins University Press, 2008, paperback 2011; In the Name of the Nation. Nationalism and Politics in Contemporary Russia. New York: Palgrave/MacMillan, 2009; The “Chinese Question” in Central Asia. Domestic Order, Social Changes and the Chinese Factor. London; New York: Oxford University Press, and Hurst, 2012 (co-authored with Sebas-

tien Peyrouse); Globalizing Central Asia. Geopolitics and the Challenges of Economic Development. New York: M. E. Sharpe, 2013 (co-authored with Sebastien Peyrouse); Russia’s Arctic Strategies and the Future of the Far North, New York: M. E. Sharpe, 2014; Russian Nationalism. Imaginaries, Doctrines and Political Battlefields. London: Routledge, 2018; Understanding Russia. The Challenges of Transformation, Lanham, Boulder, New York: Rowman & Littlefield, 2018 (co-authored with Jean Radvani).

Беседовл С. Е. Эрлих

С. Э. В наше время ученый — не самая денежная профессия. Чтобы избрать научную карьеру, необходима сильная внеэкономическая мотивация. Что повлияло на вас в выборе профессии: семья, школа или что-то еще?

М. Л. Я происхожу из семьи профессоров и учителей. Поэтому я была воспитана в духе интеллектуальной традиции, согласно которой высшими ценностями являются не деньги, но возможность писать и преподавать.

С. Э. Из интервью нашего журнала с тремя американскими славистами¹ выяснилось, что на их жизненный выбор прямо или опосредованно повлиял запуск спутника

в 1957 г. Чем была обусловлена ваша специализация в области постсоветских исследований? Есть ли у вас русские корни?

М. Л. У меня нет русских корней. Я начала изучать русский язык в школе, когда мне было 15 лет. Это было время перестройки, когда во Франции возник огромный интерес к реформам Горбачева. Мне было интересно следить за тем, что происходит в России. Я влюбилась в нее сразу, впервые посетив Советский Союз в 1990 г., и после этого решила изучать славистику в университете. Для моего поколения перестройка была подобна эпохе Гагарина, хотя она и привела к не столь замечательным последствиям для России.

С. Э. Расскажите об основных этапах вашей научной карьеры и программе PONARS-Eurasia, содиректором которой вы являетесь.

М. Л. Я получила ученые степени, аналогичные кандидатской

¹ URL: istorex.ru/page/kevin_platt_intervyu; istorex.ru/page/sovremennaya_amerikanskaya_pamyat_glazami_istorar-usista_ketlin_smit; istorex.ru/page/verch_d_uchet_osobennostey_natsionalnikh_narrativov_dolzen_pomoch_politikam_luchshe_ponyat_svoikh_sobesednikov_po_peregovoram.

и докторской, во Франции, изучая евразийство и русский национализм. Я также интересовалась Центральной Азией и провела пять лет во Французском институте Центральной Азии, расположенном в Ташкенте. Поэтому я много лет параллельно занималась российскими и центральноазиатскими исследованиями. В 2005 г. я получила мой первый постдокторский грант в Институте Кеннана и с тех пор живу в США. В Университете Джорджа Вашингтона я начала работать с 2011 г. и основала здесь в 2012 г. Программу Центральной Азии, а также стала содиректором Программы новых подходов к изучению и безопасности в Евразии (PONARS). Я периодически меняла тему исследования, занимаясь то Россией, то Центральной Азией. Содиректорство в PONARS предоставило мне возможность заниматься Евразийским регионом в целом. Например, сейчас я много работаю над изучением Украины и Закавказья, т.е. темами, которые прежде не присутствовали в моем исследовательском «портфолио». Я также все больше и больше занимаюсь арктическими регионами России, теперь я могу на практике реализовать мое давнее восхищение Сибирью.

С.Э. После крушения «советского блока» существовало представление, что этнический национализм — это «отрыжка» экономической неэффективности социализма и охваченные им народы Центральной и Восточной Европы скоро преодолеют этот устаревший концепт общественного сознания и присоединятся

к передовым европейским обществам, успешно движущимся от гражданской нации к реальности глобального человечества. Но сегодня этнический тренд нарастает, в том числе в ведущих странах Евросоюза и в США. Чем, по вашему мнению, вызван нынешний подъем этнического национализма, к каким последствиям он может привести? Существуют ли альтернативные силы, способные изменить ситуацию?

М.Л. Я считаю, что национализм является «нормальной» составляющей общественной жизни, и было бы наивно думать, что он подобен болезни, которую можно излечить. Национализм является выражением общественной озабоченности, которой должно уделяться серьезное внимание, он ни в коем случае не должен рассматриваться как «ошибка», овладевшая некоторыми частями общественного организма. За три последних десятилетия в Центральной и Восточной Европе, куда я включаю и Россию, произошли огромные, с точек зрения поведения, восприятия, мировоззрения и ценностей, изменения в политике, экономике и культуре. И это нормально, что на смену эйфории, возникшей в 2000-е при вступлении ряда этих стран в ЕС, сегодня приходит некоторая реакция.

Я бы не стала рассматривать национализм в качестве главной характеристики происходящего сегодня в регионе, в остальной Европе и в США. На мой взгляд, стоит обратить внимание на более широкое явление «нелиберализма» (illiberalism). Это больше, чем этнонационализм,

это проблема ценностей нашего общества, это дискуссия о том, какого общественного договора, какого внутреннего и международного порядка мы хотим.

Глубокое беспокойство, выражаемое по поводу роста нелиберальных ценностей, во многих отношениях обоснованно, но в ряде случаев это больше политический конструкт. Бесплезно призывать к искоренению «ошибочного мышления». Для преодоления беспокойства нашему обществу необходимо предложить иные образцы общественного устройства. Поэтому я думаю, что нынешний тренд — надолго. Он приведет к большим структурным переменам в наших обществах, на которые уйдут годы, если не десятилетия. Мы переживаем критический поворот, знаменующий конец того «либерализма после холодной войны», в том виде, в каком он был сформулирован в 1990-е и 2000-е.

С.Э. У меня создается может и неверное впечатление, что у русских слабо развита этническая идентичность, что им действительно, согласно Достоевскому, больше присуща «всемирная отзывчивость». Вы много занимаетесь проблемами евразийства и русского национализма. Было бы интересно узнать ваше мнение о характере и размахе русского национализма в сравнении с национализмами европейских народов.

М.Л. Действительно, этнический национализм никогда не был развит в России столь сильно, как это свойственно «малым» (в смысле ма-

лочисленности) нациям, которые гораздо острее чувствуют угрозы этническому единству и выживанию. Этнический национализм слаб, потому что его побеждает имперский национализм, в котором, начиная от Москвы третьего Рима через советский интернационализм и вплоть до некоторой степени до сегодняшней России с ее миссией «консервативных ценностей», статус «русского» поддерживается не через «чистоту», а с помощью «цивилизационной миссии» не только в отношении к соседям по евразийскому пространству, но и во всемирном масштабе.

Возможные противоречия между этническим и имперским национализмом компенсируются сильным «державным» национализмом, который поддерживается государством, чтобы удерживать вместе всевозможные интерпретации «русской нации». Таким образом, если этнический национализм у русских менее развит, чем в ряде других европейских стран, то национализм в смысле чувства превосходства и основанных на этом превосходстве прав — достаточно высок, но не обязательно выше, чем, например, в США.

С.Э. Сегодня в отношении России и стран НАТО наблюдается нечто напоминающее времена холодной войны. Многие историки переквалифицируются в пропагандистов. Когда это делают русские коллеги, я не могу их оправдать, но могу понять. В России почти нет частных университетов. Штат государственных учреждений науки сокращается. В этой

ситуации публично изъясляемый «патриотизм» становится (подобно демонстрации преданности идеям коммунизма в советское время) инструментом выживания. Но я не могу понять, почему это делают некоторые академические работники в США, где много негосударственных университетов и, следовательно, зависимость от государства гораздо меньше. Яркий случай здесь Тимоти Снайдер, которого многие, в том числе и вы², критикуют за отход от академических стандартов. Как бы вы объяснили эту тревожную тенденцию?

М.Л. Действительно, российские ученые, по финансовым, институциональным, культурным и политическим причинам, располагают гораздо меньшими возможностями сохранять независимость от общего «духа времени». У американских исследователей подобных ограничений меньше, тем не менее я как иностранка, проживающая более десяти лет в США, ощущаю сильную идеологическую рамку, которая «подталкивает» мыслить определенным образом. Можно спорить, является ли это всего лишь конформизмом либо уже встраиванием в пропаганду, но это факт: чрезвычайно сложно идти против политического мейнстрима, особенно в таком городе, как Вашингтон. Многие американцы все еще верят, что их страна является универсальной моделью общественного устройства и ее миссия состоит в распространении демократии и рыночной

экономики по всему миру. Поэтому они рассматривают режимы, общественные группы и страны, которые противостоят этим идеям, в качестве своих противников.

В нынешнем контексте сильно ухудшившихся отношений с Россией существует целая «экосистема», которая создана (или восстановлена в том виде, в каком она существовала в период холодной войны), чтобы продвигать в СМИ, поддерживать финансово и вознаграждать в институциональном смысле тех, кто предлагает себя в качестве экзальтированных пророков, возвещающих американские ценности по всему миру и поэтому ненавидящих Россию. Это чрезвычайно губительно для истинного плюрализма мнений, который так необходим нам всем.

С.Э. Каковы ваши творческие планы?

М.Л. Я работаю сразу над двумя проектами. Один из них – небольшая книга, которую я пишу с русским коллегой о реабилитации в России «белого» прошлого и связанных с этим процессом проблемах памяти. Более масштабный проект посвящен производству идеологии в современной России, описанию различных групп, которые соревнуются за то, чтобы предложить свою продукцию государственным институтам и общественному мнению.

С.Э. Спасибо за интервью.

“NATIONALISM IS A ‘NORMAL’ COMPONENT OF PUBLIC LIFE AND IT WOULD BE NAIVE TO THINK THAT IT CAN BE CURED AS A DISEASE”. INTERVIEW WITH M. LARUELLE

Laruel M. – Professor, Deputy Director of the Institute of European, Russian and Eurasian studies (IERES), head of the Central Asia program at George Washington University (Washington), co-Director of the Program of new approaches to the study and security in Eurasia (PONARS) (USA)

Key words: Slavistics, PONARS, illiberalism, ethnic and superpower nationalism, academic activities and involvement in propaganda.

Abstract. In the interview “Nationalism is a ‘normal’ component of public life and it would be naive to think that it can be cured as a disease” Marlene Laruelle tells why she chose Humanities and the field of Slavistics, observes her academic career and her activities as a PONARS co-director. Professor Laruelle points out that current ethnic nationalism is a part of such dangerous phenomenon as illiberalism, the discourse of Russian nationalism is more related to superpower than ethnicity and academics have to resist their involvement in propaganda in current situation of new “Cold war”. She tells about her academic plans as well.

СТОЛЕТИЕ 1917 В РОССИИ: ДВОЙСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ЗАХВАТ ИСТОРИЧЕСКОГО РЫНКА ЦЕРКОВЬЮ

Ключевые слова: историческая политика в России, столетний юбилей революций 1917, мультимедийный исторический парк «Россия – моя история».

Аннотация. Российская историческая политика по поводу столетнего юбилея революций 1917 г. состояла из нескольких параллельных стратегий: преуменьшения исторического значения событий с целью избавить главу государства и других важных чиновников от необходимости делать заявления по этому поводу, передачи сторонним исполнителям (outsourcing) подряда на проведение юбилейных мероприятий с намеренно ограниченным общественным размахом, развертывания нарратива примирения белых и красных, снисходительного отношения к тому, что другие акторы производят множество взаимоисключающих прочтений. Место, освободившееся в результате отказа государства отмечать юбилей, было захвачено церковью, которая сегодня выступает главным проектировщиком исторической политики и продвигает отчетливый процаристский нарратив, наиболее успешно воплощенный в экспозиции мультимедийного парка «Россия – моя история».
DOI 10.31754/2409-6105-2019-1-13-38

Юбилей – это время переоценки истории с современной точки

© М. Ларюэль, 2019

Ларюэль Марлен – профессор, заместитель директора Института европейских, российских и евразийских исследований (IERES), руководитель программы Центральной Азии при Университете Джорджа Вашингтона (Вашингтон), содиректор Программы новых подходов к изучению и безопасности в Евразии (PONARS)(США); laruelle@gwu.edu
Впервые опубликовано: Marlene Laruelle (2019): Commemorating 1917 in Russia: Ambivalent State History Policy and the Church's Conquest of the History Market, Europe-Asia

зрения. Столетие большевистской революции Октября 1917 является знаковым событием, в котором отражается современный статус революции. В связи с тем, что советский опыт, идеология марксизма и мировое революционное движение принадлежат прошлому, дискуссии по поводу этой годовщины на Западе были ограничены

Studies. To link to this article: <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1552922>
Published online: 15 Jan 2019.

преимущественно интеллектуальными и политическими кругами.

В России коммеморация этого потрясшего мир события носила весьма противоречивый характер. Революции 1917 г. являлись мифом основания Советского Союза. Для нынешней Российской Федерации, которая объявляет себя законным наследником советского режима, использование этого символического ресурса сопряжено с трудностями. Историческая политика, посредством которой государство старается сформировать публичный исторический нарратив, тесно связана с задачами актуальной политики. Прошлое, как утверждает поговорка, больше рассказывает нам о настоящем, чем о себе. Как праздновать революции, по определению расчищающие путь в будущее, в стране, где и политические элиты, и общественное мнение до сих пор переживают травму стремительных перемен, последовавших за крушением Советского Союза в начале 1990-х? Как праздновать падение империи и территориальные потери режиму, который призывает вернуть России статус великой державы? Как относиться к Февральской революции, которая изображается, по крайней мере церковью, как предвосхищение негативного влияния Запада на Россию в 1990-е? Как оценивать Октябрьскую революцию, которая, с одной стороны, принесла отвергнутый ныне коммунизм, но вместе с тем привела к возрождению России в качестве великой державы?

Нежелание вспоминать то, что Ольга Малинова (*Malinova* 2018)

окрестила «неудобным юбилеем», прекрасно воплотилось в формулировке Дмитрия Пескова, пресс-секретаря администрации российского президента. Отвечая на вопрос, почему государство якобы хранит молчание по поводу этого события, он невозмутимо парировал: «А в связи с чем это нужно праздновать?» (Песков не увидел... 2017). Позиция Кремля была уточнена Сергеем Нарышкиным, директором Службы внешней разведки Российской Федерации и, по совместительству, председателем Российского исторического общества, которому была поручена организация памятных мероприятий. Он заявил, что надо «отмечать, а не праздновать» (Сергей Нарышкин 2018; см. также: Гусман 2017).

В этой статье я утверждаю, что российская историческая политика по поводу столетнего юбилея революций 1917 г. состояла из нескольких параллельных стратегий: преуменьшения исторического значения событий с целью избавить главу государства и других важных чиновников от необходимости делать заявления по этому поводу, передачи сторонним исполнителям подряда на проведение юбилейных мероприятий с намеренно ограниченным общественным размахом, развертывания нарратива примирения белых и красных, снисходительного отношения к тому, что другие акторы производят множество взаимоисключающих прочтений. Место, освободившееся в результате отказа государства отмечать юбилей, было захвачено церковью, которая сегодня выступает главным проектировщиком исторической

политики и продвигает отчетливый процаристский нарратив, наиболее успешно воплощенный в экспозиции мультимедийного парка «Россия — моя история».

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Историческая политика стала важным элементом путинского режима. Это не уникальная особенность России, но общий феномен государств Восточной Европы. Страны Балтии, Польша и Украина столь же усердно формируют историческую политику в отношении к своему соседу, рассматриваемому в качестве символического «другого» (*Mäalksoo* 2012; 2013; *Fedor et al.* 2017). Историческая политика, сосредоточенная преимущественно на переосмыслении «крутых поворотов» и травм политических трансформаций XX в., поддерживает российский национальный нарратив в вопросах отношений с Европой и с соседями. В случае России обсуждение истории является неотъемлемой составляющей дискуссий по поводу внутренних проблем, в данном контексте история выступает в качестве политического языка. Как отмечает Иван Курилла, «отношение к Сталину или распаду СССР лучше указывает на индивидуальные политические взгляды, чем такие определения, как “либеральный” или “консервативный”» (*Kurilla* 2018: 4).

За исключением нескольких определяющих событий, вроде Второй мировой войны, российская историческая память демонстрирует высочайший уровень всеядности

(inclusiveness) и пластичности. Почти все интерпретации приемлемы при условии уважения к многовековой, несмотря на различные политические и территориальные воплощения, преемственности российской государственности. Для коллективного потребления предлагается несколько исторических «продуктов». Граждане могут питать теплые чувства к Советскому Союзу или к царской империи. В качестве выдающихся героев национальной истории они могут выбирать между Иваном Грозным, Николаем II, Столыпиным, Лениным, Сталиным, Гагариным и даже Путиным. Этот плюрализм хорошо отражен в монументальной политике. В 2016–2017 гг. в России воздвигли статуи как князю Владимиру, крестителю Руси, так и пользующемуся дурной славой Ивану Грозному, а также соорудили Аллею правителей, начинающуюся Рюриком, основателем русского государства, включающую Ленина и Сталина вместе с их оппонентом, главой Временного правительства Александром Керенским, свергнутым большевистской революцией (*New Bronze Statue...* 2017).

Вторая мировая война, именуемая в России Великой Отечественной войной, остается ядром исторической политики для государства и общества. Война советского (русского) народа «против фашизма» уже в 1970-х получила статус национального мифа основания (*Brundstedt* 2011). Она понимается как легендарное событие, в котором проявились величайшие ценности отваги и самопожертвования, которые дают русским право считать себя

нацией мучеников и героев, способных на великий подвиг (*Tumarkin* 1994).

Празднование пятидесятилетия Победы в 1995 г. закрепило за Второй мировой войной центральное положение в памяти постсоветской России. С начала века власть стремится поставить под контроль нарратив и перформативные аспекты памяти об этом событии (*Wood* 2011). Растет число идущих «снизу» инициатив, представляющих новое прочтение войны. Наиболее значительной из них является шествие Бессмертного полка, в ходе которого участники несут фотографии членов семьи – участников Второй мировой войны (В акции «Бессмертный полк»... 2015). Эта инициатива была перехвачена государством и включена в число официальных мероприятий.

Вторая мировая война является важным элементом «полезного прошлого» (*usable past*), позволяющим российскому государству укреплять общественный консенсус через общую память. Из всех патриотических «опций», доступных правительству, только Вторая мировая война почти лишена двусмысленности и воспринимается преимущественно положительно, что позволяет укреплять негласный договор между правителями и управляемыми, который без этого может быть поставлен под сомнение. Более того, это незаменимое средство для передачи памяти новым поколениям, а также важнейший инструмент социализации молодежи и сохранения чувства коллективной ответственности.

Культ Второй мировой войны оставляет мало места для интеграции в государственную историю других исторических событий. Левада-Центр, проводящий опросы по поводу важнейших событий русской истории XX в., отмечает, что в период 1989–2017 гг. более 70 % населения рассматривали Вторую мировую войну в качестве важнейшего исторического события, космический полет Юрия Гагарина отметили в 1989 – 38 %, а в 2017 – 58 %, что объясняется возрождением духа холодной войны и технологического соревнования с США (*Гудков* 2004), развал Советского Союза в 2017 упомянули 44 % (Общественное мнение 2018). Другие исторические события занимают гораздо более скромное место: Первая мировая война упомянута 15 %, Гражданская война – 13 %, убийство царской семьи – 13 %, Февральская революция – 3 % и только Октябрьская революция – 36 %. В сравнении со Второй мировой войной все, что относится ко времени революции 1917 г., воспринимается как события второго ряда. Социологический опрос, проведенный Левада-Центром в марте 2017 г., как раз к столетию падения царизма, включал вопрос: «Какие периоды нашей истории вызывают у вас особый, повышенный интерес?» Ответы распределились следующим образом: за Второй мировой войной (38 %) следовали эпохи Петра Великого (31 %) и Киевской Руси (28 %). Революции 1917 г. занимали скромное седьмое место (13 %) (История России 2017).

В то время как по поводу нарратива Второй мировой войны существу-

ет консенсус, облегчающий манипуляции общественным мнением, дискурс вокруг революций 1917 г. всегда представлял больше сложностей для российских властей, которые стремятся установить верный баланс по этому вопросу на протяжении двух десятилетий. В 1993 г. Борис Ельцин описал Октябрьскую революцию как катастрофу молодой демократической России, рожденной в феврале 1917 г. в ходе крушения царского режима. Большевицкая революция, по его утверждению, отклонила страну с пути европейского развития (Smith 2002). Радикальная критика Октябрьской революции как неверного поворота русской истории была вскоре смягчена в результате провала либеральных реформ. В ходе конкуренции с популярным лидером КПРФ Геннадием Зюгановым слабеющий Ельцин в 1996 г. решил продвигать более консенсусное прочтение, переименовав 7 ноября в «День согласия и примирения» (Указ Президента... 1996). Этот компромисс — сохранение революционного праздника вместе с удалением его коммунистического содержания — предлагал движение вперед через примирение красных и белых. Такой взгляд разделяли многие политические деятели, в том числе Александр Лебедь (1950–2002), предложивший в качестве символа примирения с противоречивым прошлым одновременно перезахоронить Николая II и Владимира Ленина (Лебедь 1995).

Этот компромисс не смог примирить противоречивые прочтения большевицкой революции. С приходом к власти Владимира Путина

в 2000 г. власть двигалась в сторону реабилитации отдельных элементов советского прошлого, и в связи с этим двойственное отношение к революции продолжало сохраняться (Малинова 2017: 38–39). После цветных революций в Грузии и на Украине, режим во все возрастающей степени позиционировал себя как контрреволюционный, настаивая на том, что России необходимо избегать любых революций. В 2005 г. Борис Грызлов, тогдашний председатель Государственной думы и руководитель президентской партии Единая Россия, подчеркнул контрреволюционный характер идеологии Кремля: «Социальный консерватизм — это опора на средний слой, действия в интересах этого слоя, отстаивание интересов тех, кому не нужны никакие революции — финансовые, экономические, культурные, политические, “оранжевые” [цветные революции], “красные” [коммунистические], “коричневые” [фашистские] или “голубые” [гомосексуальные]» (Грызлов 2004). Такое консервативное позиционирование изменило прочтение большевицкой революции. Если при Ельцине главная задача состояла в поиске примирения красных и белых, то при Путине в центре стала проблема придания положительной ценности советскому прошлому без прославления его учредительного события. При этом первое прочтение не исчезло, но было подчинено «контрреволюционному повороту».

Это изменение фокуса произошло в результате смены мемориальной стратегии. Начиная с 2001 г. власти вспоминают 7 ноября не как годовщину большевицкой революции,

а как военный парад 7 ноября 1941 г. Эта демонстрация силы была устроена советскими властями в то время, когда армии нацистов стояли у стен Москвы, после чего 28 тысяч советских солдат отправились прямо на фронт для спасения города от угрозы нацистской оккупации (Osborn 2011). В 2004 г. ежегодная коммеморация Октябрьского переворота в Петрограде, с которого началась революционная эра, утратила престижный статус «нерабочего праздничного дня». В 2005 г. власти, при активной поддержке Русской православной церкви, решили учредить новый национальный праздник – День национального единства, отмечаемый 4 ноября в память о победе над польско-литовскими оккупантами Речи Посполитой. Новый праздник, учрежденный через год после украинской оранжевой революции, не только стал первым шагом к формированию образа России – осажденной крепости, ведущей борьбу с западным вмешательством. Подчеркивалось, что это было завершение Смутного времени, после чего последовало восхождение на царство династии Романовых, которая обеспечила России три века стабильного развития (Omelicheva 2017). 7 ноября утратило ельцинское название «Дня согласия и примирения» и опять стало «Днем Октябрьской революции 1917 года». При этом статус коммеморации был понижен до уровня «Памятных дней России», а воинский парад 7 ноября 1941 г. включили в разряд одного из «Дней воинской славы России».

Это изменение коммеморативной стратегии имело только частичный успех. Следуя советской традиции,

Коммунистическая партия и ее сторонники продолжали устраивать демонстрации в день 7 ноября. Русские националисты на какое-то время «присвоили» 4 ноября в качестве дня Русских маршей, в ходе которых преобладали радикалы и скинхеды (Zuev 2013). Перед правительством стала задача «овладеть» праздником и преобразовать его в приемлемую для режима демонстрацию, несмотря на то, что он так и не стал истинно народным. Тем не менее Кремль продолжает накачивать эту дату символическими смыслами: так, в 2016 г. день 4 ноября был избран для церемонии открытия прямо у стен Кремля памятника князю Владимиру, принесшему христианство на территории современных России, Украины и Белоруссии (Walker 2016).

Двусмысленное отношение российского государства к большевистской революции частично отражается в общественном мнении, которое в значительной мере расколото пониманием этого события. Согласно опросу Левада-Центра, проведенному в марте 2017 г., почти половина респондентов (48 %) считали, что Октябрьская революция была положительным историческим событием, в то время как 31 % оценили ее отрицательно, а 21 % затруднились с ответом (Столетие революции... 2017). Более трети заявили, что революция способствовала социальному и экономическому развитию страны, тогда как 21 % полагали, что она препятствовала прогрессу. В числе причин революции усматривались прежде всего социоэкономические (50 %) и политические (45 %, слабость правительства) про-

блемы, в то же время 20% видели причину в заговоре врагов России. При этом половина считала, что Россия после революции продолжала развиваться в согласии со своими национальными традициями, тогда как треть полагала, что страна пошла чуждым ей путем. Церковь рассматривалась как главная жертва большевистской революции (почти две трети респондентов), за ней следовали жертвы русского крестьянства и русской культуры.

УКЛОНЧИВОЕ ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА К 1917 Г.

Смена жесткого символизма 7 ноября на расплывчатое и податливое 4 ноября отнюдь не закрыла вопрос официальной интерпретации большевистской революции. Этот вопрос начал переосмысливаться властями в 2014 г. в связи со столетием начала Первой мировой войны, которая, после длительного периода официального забвения, была постепенно реабилитирована государственным историческим нарративом. При этом всеядность и гибкость кремлевской политики памяти натолкнулись на раскалывающее общество аспекты революции 1917 г. Поэтому власти посчитали необходимым найти баланс между устранением интерпретаций, раскалывающих общество, и коммеморацией, направленной на примирение этих вызывающих разногласия интерпретаций.

Предлагалось несколько конкурирующих переосмыслений событий 1917 г. Рабочая группа Российского исторического общества по подго-

товке Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории предложила термин «Великая российская революция», созданный по образцу принятой в России формулы для французской революции 1789 г., которая рассматривается как длительный многофакторный процесс, переживший несколько стадий (Рабочая группа... 2013). С конца 2000-х учебники начали применять эту формулу к Февральской и Октябрьской революциям, а также к последовавшей Гражданской войне. Было предложено распространить ее на коммеморацию столетнего юбилея. Обозначение революции в единственном числе позволяло притушить значение Октябрьской революции, включив ее в единый хронологический ряд с Февральской революцией. Кроме того, определение революции с помощью прилагательного «российская» вместо «русская» позволяло не привлекать внимания к национальным проблемам, которые играли важную роль в двух революциях, и могли возбудить дебаты по щекотливым вопросам места различных народов в истории России.

В 2015 г. министр культуры Владимир Мединский выдвинул пять тезисов, которые должны, по его мнению, формировать восприятие столетнего юбилея: признание преемственности русской истории от Российской империи через Советский Союз к нынешней Российской Федерации; признание травмы социального раскола, порожденной Гражданской войной, уважение и к красным, и к белым, признание того, что оба лагеря были воодушевле-

ны истинным патриотизмом; критика идеологии революционного террора; осуждение вмешательства внешних сил во внутрироссийский конфликт (Документ дня 2015). В 2016 г. министр иностранных дел Сергей Лавров выразил озабоченность тем, что памятные мероприятия могут использоваться, особенно за рубежом, для «новых информационных атак на Россию», и предложил воспринимать русскую революцию как момент внутреннего развития страны, которая вместе с тем «была величайшим событием в плане воздействия на мировую историю» (Лавров 2016). Оба заявления нацелены на продвижение относительно позитивного образа Октябрьской революции как одного из величайших событий XX в. Они отказываются усматривать в революции национальную катастрофу и тупик для России и вместе с тем сожалеют по поводу кровавого раскола нации по идеологическим основаниям и осуждают внешнее вмешательство во внутренние дела. Этот нарратив, с точки зрения режима, хорошо согласуется и с современной ситуацией.

Этот презентизм был продемонстрирован директором Службы внешней разведки Российской Федерации Сергеем Нарышкиным, ведущей фигурой государственной исторической политики. Нарышкин был председателем Комиссии при президенте России по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам РФ все время ее существования (2009–2012), а сейчас возглавляет Российское историческое общество, которое отвечало за мероприятия

столетнего юбилея. Он заявил: «Юбилей такого события, <...> необходим не для торжественных мероприятий, не для празднования, а прежде всего для глубокого осмысления событий столетней давности и главное — для того, чтобы сформулировать самые важные уроки не только для нашей страны, но и для мира. <...> Главный из этих уроков — это ценность единства, гражданского согласия, умение общества находить компромиссы и не допускать крайнего раскола в обществе в форме гражданской войны» (Нарышкин... 2016). Нарышкин также без обиняков связал революции 1917 г. с современностью, указав на «импорт так называемых революционных технологий и всяких “цветных” революций, которые всегда приносят вслед за собой кровь, смерть граждан, разрушения и бедствия для тех стран, которые стали жертвами подобных экспериментов». Далее он подчеркнул ценность стабильности перед лицом угроз со стороны «тех центров, преимущественно за океаном, где принимаются решения о финансировании государственных переворотов», тем самым продемонстрировав, что придерживается широко распространенных конспирологических подходов, согласно которым все социальные потрясения порождены тайными манипуляциями из-за рубежа (Yablokov 2018)².

² На заседании Оргкомитета, посвященного 100-летию революции 1917 года, 23 января 2017. URL: <https://historyrussia.org/sergey-naryshkin/vystupleniya-s-e-naryshkina/vystuplenie-s-e-naryshkina-na-zasedanii-organizatsionnogo-komiteta-po-podgotovke-i-provedeniyu-meropriyatij-posvyashchennykh-100-letiyu-revolutsii-1917-goda-v-rossii.html> (дата обращения: 10.11.2018).

Президент Путин медлил, подбирая верный тон, и его нерешительность свидетельствует, насколько сложно было объявить свою позицию по этому обоюдоострому вопросу. В послании к Федеральному собранию 1 декабря 2016 г. он заявил: «Наступающий, 2017 год — год столетия Февральской и Октябрьской революций. Это весомый повод еще раз обратиться к причинам и самой природе революций в России» (Путин 2016) и добавил, что чрезвычайно важно взглянуть на это историческое событие с современной точки зрения: «Уроки истории нужны нам прежде всего для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия, которого нам удалось сегодня достичь» (Там же). Через несколько дней Путин высказался более прямолинейно: «Когда мы в следующем году будем отмечать столетие революционных событий, в 2017 году, мы должны вести дело к примирению, к сближению, а не к разрыву, не к нагнетанию страстей» (Большая пресс-конференция... 2016). 19 декабря эти заявления были оформлены в виде распоряжения президента, которое поручало Российскому историческому обществу срочно организовать памятные мероприятия в следующем году. Распоряжение использовало сдержанную терминологию, именуя юбилей просто «столетием революции 1917 года в России» (Распоряжение президента...). Российское историческое общество подтвердило, что его главная цель предложить уравновешенный взгляд, создать, цитируя Мединского, «платформу национального примирения» (Революцию отметят мирно 2016).

Результатом лавирования Кремля стало молчание главы государства по поводу столетия обеих революций. 7 ноября 2017 г. власти ограничились военным парадом на Красной площади, устроенным не по поводу большевистской революции, а в память героических событий 7 ноября 1941 г. Парад сопровождали исторические реконструкции сопротивления москвичей захватчикам в 1612 г. и битвы с Наполеоном в 1812 г. (Парад 7 ноября). Большевистская революция полностью отсутствовала в официальной повестке дня. Присутствие Сергея Собянина, который представлял на параде российское государство, низводило церемонию на скромный, едва ли не муниципальный уровень.

Обращает внимание отсутствие Памятника примирения, который намеревались открыть в Крыму 4 ноября 2017 г. Это памятное событие было запланировано во многом потому, что полуостров со времени его аннексии включался во все официальные празднования, а также в связи с тем, что завершением Гражданской войны считается эвакуация из Крыма через Черное море остатков белой армии Врангеля в ноябре 1920 г. Мединский в самом деле предлагал увековечить это событие в качестве символа примирения сил, вовлеченных в Гражданскую войну, но проект остался на бумаге (Введенский 2017). Памятник примирения вначале планировали установить в Керчи, в том месте, где мост соединяет Крым с остальной Россией, потом в Севастополе, но он не был открыт ко времени празднования во многом из-за протестов местных жителей (Обще-

ственность Севастополя... 2017). Поэтому примирение все еще ждет своего воплощения в камне.

Если взглянуть на список памятных мероприятий Российского исторического общества, поддержанных президентской администрацией, то обнаружится более сложный взгляд на то, как официальные институты отмечали столетний юбилей (План основных мероприятий...). Основательность этого списка может вызывать сомнения, поскольку он составлялся в большой спешке, на эту работу Обществу было отведено всего несколько недель, и похоже, что в него добавили и те мероприятия, которые были запланированы ранее. Список из 118 пунктов включает выставки, конференции, публикации, видео- и кинопродукцию. Большинство мероприятий были национального уровня и лишь дюжина – регионального (хотя список из еще 30 региональных событий также был утвержден) (Региональный план...). Из дюжины зарубежных, в основном в Европе, мероприятий лишь одно планировалось провести на постсоветском пространстве (в Вильнюсе), что может свидетельствовать об отсутствии у российских институтов власти интереса к продвижению своего взгляда на революции на бывшей территории Российской империи. Некоторые мероприятия были, несомненно, адаптированы к аудитории, так, в Китае были представлены выставка о Ленине и конференция о революции, приуроченная к Четвертому форуму международного коммунистического движения (План основных мероприятий...).

Изучение списка обнаруживает основные линии дискурса власти в более отчетливом, чем в речах Путина, виде. Почти все мероприятия и публикации посвящены Октябрьской революции, в то время как Февралю уделяется пренебрежительно малое, менее дюжины событий, внимание. Причем большинство из них посвящены крушению царизма, например, отречению Николая II и сложному вопросу судьбы останков семьи Романовых. Гражданская война едва присутствует в серии интервью с потомками белых и красных под наименованием «Гражданская война как национальная трагедия», а также в виде публикации о Колчаке, который является единственной фигурой эпохи вооруженного противостояния белых и красных, представленной в списке. Хуже всего освещена деятельность Временного правительства с единственным мероприятием, посвященным Керенскому.

Список отражает официальное отношение к событиям 1917 г.: Временное правительство, считающееся слишком либеральным и прозападным, практически полностью игнорируется; Гражданская война едва упоминается, чтобы не уделять большого внимания раскалывающей общество природе революции; белая интерпретация в пользу царизма занимает скромное место; доминирует более традиционный советский нарратив Октябрьской революции. Список одновременно и положительный, и нейтральный. Позитивно представлены достижения Советов в индустриализации, просвещении, науке и культуре, нейтрально говорится об идеоло-

гических корнях революции, государственного насилия и всего относящегося к доктринальному коммунистическому наследию. Доминирование Октября в списке памятных мероприятий, поддержанных государством, свидетельствует не столько об восхищении созидательной ролью большевистской революции, сколько об инерции, которая ведет к тому, что институты (музеи, архивы) воспроизводят советские «наработки». При этом очевидны изменения, среди них возросшая критика насилия, совершенного во имя революции, и почти полное отсутствие отсылок к марксизму-ленинизму.

Воплощением этой инерции является мавзолей на Красной площади, существующий несмотря на постоянные споры о необходимости придать тело Ленина земле (*Sharkov* 2017) и вопреки тому, что власти его больше не почитают. Действительно, официальная линия, поддержанная Путиным, критически относится к отцу-основателю Советского государства. Президент неоднократно заявлял, что большевики предали нацию, когда подписали мирный договор в Брест-Литовске с германским противником, уступив ему значительные российские территории. В 2014 г. в лагере патриотически настроенной молодежи на озере Селигер Путин заявил, что «большевики в ходе Первой мировой войны желали поражения своему Отечеству» (*Seliger...* 2014). В 2016 г., отвечая на вопрос, каково его мнение о Ленине, он обвинил его в том, что большевики «заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она

и рванула потом» (Путин рассказал ученым... 2016). В то же время Путин старается примирить советское прошлое с православием, заявляя, что «коммунистическая идеология, <...> очень сродни христианству» и что 12 «заповедей» Морального кодекса строителя коммунизма, провозглашенного Коммунистической партией в 1961 г., были «примитивной выдержкой из Библии» (цит. по: (*Sharkov* 2018)). И в данном случае «нестыковка» заявлений вызвана конфликтом отрицательного отношения к революционному действию с положительной оценкой постреволюционных советских культуры и идеологии.

Уклончивость российских властей может объясняться «идеологией» путинского режима: поддержка контрреволюции во имя стабильности и постепенные «эндогенные» преобразования. При таком взгляде революции несут только хаос и разрушение, они часто организуются совместными усилиями внешних и внутренних врагов. Празднование юбилея Октябрьской революции как учредительного события стало бы вызовом режиму, т.к. дало бы основания считать, что некоторые революции оправданы. При этом огульное осуждение Октябрьской революции, которым, как мы увидим далее, продолжает заниматься часть деятелей, было бы слишком опасным, т.к. сделало бы нелегитимным почитание Советского Союза в качестве одного из воплощений России – великой державы. Поэтому в год столетнего юбилея Кремль решил балансировать между отрицанием и признанием, сохраняя неустойчивое равновесие,

опирающееся на три компонента: молчание главы государства; отказ от поддерживаемых государством чувствований революции на высшем уровне; передачу памятных мероприятий незначительного размаха на откуп множеству институтов, каждый из которых продвигает собственную интерпретацию событий.

Такая тактика хорошо продумана и более десяти лет с успехом осуществляется администрацией президента на практике. Режим культивирует множественность идеологических позиций, исходя из предположения, что возникающая какофония позволяет избежать идеологической поляризации (Laruelle 2017). Играя сразу на отрицании и признании, власти наделись избежать какой-либо политизации юбилея. Павел Зенькович, глава Департамента социальных проектов администрации президента, лицемерно заявил, что эта дата будет отмечаться исключительно «в историческом контексте», и призвал «не политизировать» тему (цит. по: (Рожкова 2016)). Тем не менее надежда на деполитизацию юбилея оправдалась не полностью.

ЦЕРКОВЬ — НОВЫЙ АКТОР РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Важная особенность кремлевской стратегии при столкновении с проблемной коммеморацией 1917 г. состояла в том, что на сцену были выпущены различные общественные акторы (Малинова 2018). В марте, в столетнюю годовщину Февральской революции, Сергей Митрохин, лидер либеральной партии

«Яблоко», возложил цветы к мемориальной доске тем, кто погиб, защищая Учредительное собрание, разогнанное большевиками. Он назвал сторонников Ленина «политическими бандитами» и заявил, что его партия является наследником партии социалистов-революционеров (A Century of Revolution 2017). 7 ноября Коммунистическая партия, храня верность советской традиции, организовала демонстрацию в честь большевистской революции (Kolesnikov 2017). Но наиболее выдающимся негосударственным актором исторической политики стал Московский патриархат Русской православной церкви.

Сложная система отношений между церковью и государством все больше запутывается из-за растущего числа персональных и институциональных посредников, появляющихся в процессе сближения этих двух юридических лиц. Государство не монолитно в этом вопросе, одни его фракции выступают за тесное сотрудничество, другие — против. Церковь также разделена на несколько идеологических кланов, одни из которых больше озабочены религиозными вопросами, другие стремятся участвовать в политике. Несмотря на то, что государство и церковь вместе работают над патриотическим преобразованием российского общества и продвижением так называемых «консервативных ценностей» (Malinova 2014), они в значительной степени разделены подходами к исторической политике, кроме того, внутри самой церкви существуют конкурирующие интерпретации истории (Torbakov 2014). Так президентская админи-

страция продвигает советскую ностальгию в качестве «общего знаменателя» российского общества, но уже в отношении к сталинской эпохе государственная позиция становится двойственной и сопровождается нарастанием ритуалов скорби, осуществляемых под руководством церкви (Rousselet 2016).

На государственном уровне проводится частичная реабилитация царского режима. Во второй половине 2000-х этот процесс шел по нарастающей. Его символами стали перезахоронение белого генерала Антона Деникина (1872–1947) и консервативного мыслителя Ивана Ильина (1883–1954). Во время президентства Медведева и в еще большей мере начиная с третьего срока Путина символика царизма стала заметным фактором общественной жизни. В 2012 г. двухсотлетие Отечественной войны против Наполеона отмечалось в экстравагантной манере массовыми историческими реконструкциями.

В 2013 г. громко праздновалась четырехсотая годовщина восшествия на престол Романовых. С тех пор образ Николая II получил широкое распространение: памятники последнему царю были установлены в Санкт-Петербурге, в Ярославской области, в Павловске, в Курске в основном на церковной территории³; в 2017 и 2018 гг. церковь развернула рекламную кампанию в нескольких городах, в ходе которой на рекламных щитах появились изображения Николая II и его супруги в сочета-

нии с их наиболее известными высказываниями (В Москве установили... 2017). Повстанцы Донбасса, вдохновленные царской символикой, также обратились к Романовым. Решающую роль в этом сыграл тогдашний военачальник региона Игорь Стрелков, который активно занимался историческими реконструкциями Первой мировой войны (Laruelle 2015). Эта частичная реабилитация царизма, осуществленная при поддержке специфических групп с националистической и монархической повесткой, не должна скрывать того, что государственные институты подчеркивают свое почтительное отношение к Советскому Союзу, в связи с чем существует разрыв между государственными и церковными интерпретациями 1917 г.

Московский патриархат также колеблется в отношении к царскому прошлому. Официально церковь пока еще находится вне политики, но в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» она призывает к десекуляризации общества и демонстрирует приверженность монархии и теократии, которые рассматриваются в качестве высших форм правления, поскольку гарантируют «византийскую симфонию» мирской и духовной властей (Knox 2003). После нескольких лет колебаний патриарх Алексей II, находясь под давлением радикальных групп, включая Русскую зарубежную церковь, согласился канонизировать царскую семью. Он заявил, что этот акт является не признанием царского режима, а только причислением последнего императора из дина-

³ Относительно установки посвященных ему памятников в Санкт-Петербурге, См. (Памятники и два бюста...).

стии Романовых и его семьи к лику святых страстотерпцев (*Морозов* 2000; *Leeper* 2001).

Кирилл, ставший патриархом в 2008 г., известен как сторонник более выраженной этнонациональной повестки, он ведет церковь по пути активного участия в общественной жизни (защита «традиционной» семьи, ограничение абортов, противодействие ювенальной юстиции), а также продвижения более политизированного восприятия истории. С точки зрения церкви Февральская революция символизирует начало национальной трагедии, решающим моментом которой был крах царизма, а большевистская революция стала лишь неизбежным ужасным следствием. При этом патриархия стремится быть вместе с властями и поэтому призывает прежде всего к примирению. В связи с этим церковь придерживается двойственного отношения к Ленину, несмотря на то, что радикальные группы, включая синод Зарубежной церкви, которая вошла в состав Московского патриархата, согласно Акту о каноническом общении 2007 г., призывают убрать мавзолей Ленина.

Наиболее радикальные группы церкви игнорируют колебания своей институции и идут по пути завоевания рынка исторической политики. Их наиболее успешным продуктом является исторический парк «Россия — моя история». Под историей здесь понимается не только исследование прошлого, но и увлекательный рассказ («story»). Первый вариант проекта был представлен в 2013 г. в Манеже рядом

с Красной площадью. Потом для исторического парка было выделено постоянное место на территории Всероссийского выставочного центра (ВДНХ). Площадь этой амбициозной экспозиции составляет 28 тысяч квадратных метров, где представлены 900 единиц мультимедийной техники, 11 кинозалов и 20 исторических реконструкций в 3D формате⁴.

Во главе этого мегапроекта стоит Патриарший совет по культуре, основанный в 2010 г. по инициативе вероятного «духовника» Путина отца Тихона (Шевкунова), который возглавляет направление церковного идеологического активизма и проникновения в государственные институты. Совет провозгласил, что его целью является «диалог и взаимодействие с государственными учреждениями культуры, творческими союзами, общественными объединениями граждан, работающих в сфере культуры» (Патриарший совет по культуре). Идея исторического парка была поддержана мэрией Москвы, которая близка церкви еще со времен прежнего градоначальника Юрия Лужкова, часть финансирования была получена от «Норильского никеля» и нескольких подразделений «Газпрома». Проект был также поддержан администрацией президента. Путин, Медведев и Вячеслав Володин, который тогда был первым заместителем руководителя администрации президента Российской Федерации, не раз встречались с Тихоном и другими организаторами проек-

⁴ См. URL: myhistorypark.ru/ (дата обращения: 10.11.2018).

та. Реконструкция павильона экспозиции обошлась в 1,4 миллиарда рублей, которые были предоставлены из федерального бюджета (*Пушкарская, Горяев 2017*). Ответственность за реализацию проекта была возложена на Фонд гуманитарных проектов, возглавляемый Иваном Есиным, который с молодых лет был православным активистом. Значительную часть своей карьеры он сделал в «Газпром нефти» и с тех пор стал помощником Тихона и членом нескольких церковных комитетов. Он участвовал в продвижении интерактивных безэкранных дисплеев с целью обеспечения различных патриотических мероприятий, и его расположенная в Сколково «Дисплей компани» является примером успешного мультимедийного стартапа (Там же).

Исторический парк позиционируют в качестве «живого учебника». Экспозиция подразделяется на три части, посвященных, соответственно, династиям Рюриковичей, Романовых и советской истории. Дизайнеры парка, вдохновленные возможностями мультимедийных технологий, комбинируют визуальные элементы (фото, видео, анимацию) с инфографикой и короткими текстами. Цель выставки состоит не в том, чтобы произвести научно обоснованный продукт, как в обычном музее, но породить визуальные впечатления, способные воздействовать на широкую аудиторию. Из кого она должна состоять — не совсем ясно, но, скорее всего, целевой группой являются школьники, а задача состоит в формировании у молодежи представлений о национальной истории. Успех

проекта определяется уникальным сочетанием консервативного прочтения русской истории со сверхсовременным медийным оборудованием.

В зале династии Рюриковичей сообщается, что Древняя Русь была основана викингами (с очевидными арийскими коннотациями), рассказывается о принятии христианства и нескольких эпических битвах. Все это представлено в виде анимации, вдохновляющейся культурой видеоигр. Разделы Рюриковичей и Романовых используют общий цветовой код, события, положительно влиявшие на развитие России, отмечены зеленым цветом, все, что имело негативные последствия для страны, представлено на красном фоне. Поэтому каждый период, царствие или событие окрашены либо в зеленый, либо в красный цвет и сопровождаются инфографикой, показывающей, как Россия расширяла либо теряла свою территорию, как росло либо сокращалось ее население. Складывается впечатление, что благо для России определяется через размер и мощь, т. е. продвигается классический взгляд на Россию как империю. В первом и втором разделах экспозиции представлен диалог прошлого и настоящего, прежде всего посредством высказываний как знаменитых российских историков и интеллектуалов, так и политиков, в том числе Путина и Лаврова, что помогает посетителям переосмысливать прошлое в свете современных событий.

Раздел, посвященный правлению династии Романовых, является наиболее идеологизированной частью

всей экспозиции, поскольку открыто пропагандирует монархическую позицию, постоянно представляя русских царей в качестве мудрых правителей. Любые попытки поставить под вопрос их самодержавную власть осуждаются как заговор внешних и внутренних врагов России. Все революционные движения, включая декабристов, окрашены красным и изображаются как заговоры, спланированные масонами.

Экспонаты, посвященные периоду 1914–1917 гг., занимают несколько залов и обладают особой силой визуального воздействия. Три документальных фильма пропагандируют церковную точку зрения на события 1917 г., которая может быть суммирована следующим образом: при Николае II Российская империя шла по пути процветания и модернизации в экономической, политической и культурной сферах, но была уничтожена совокупностью внешних и внутренних сил⁵. Эти семена зла были посеяны в ходе революции 1905 г., когда самодержавие уступило парламентской демократии. В одном из фильмов утверждается, что «слабость цензуры позволила либералам десакарализовать царя».

Первая мировая война представлена как геополитическая игра по перестройке Европы путем разрушения империй Габсбургов, Оттоманов и Романовых. Февральская

⁵ Это описание основано на посещении выставки автором в июле 2016 и декабре 2017 г. и ее записях, сделанных при просмотре документальных фильмов, публичное воспроизведение которых не регулируется законодательством.

революция была подготовлена при поддержке «иностранного и отечественного капитала», при этом главным внешним недоброжелателем выступает не, как можно было предположить, Германия, а Великобритания. Другой фильм о перевороте 1917 г. обвиняет либералов, утверждая, что «династия Романовых пала не под ударами сторонников советов и террористов-революционеров, но в результате деятельности аристократов, придворных, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и других представителей гражданского общества». В этом контексте, как заявляется в еще одном документальном фильме, Февральская революция становится первой «цветной революцией» русской истории, имеющей очевидные параллели с «оранжевой революцией», Евромайданом и «арабской весной».

Заявляя, что Российская империя «была разрушена своими собственными элитами», церковь изображает Февральскую революцию, которая символизирует либеральные ценности и прозападные взгляды, как зло, разрушившее Россию. Большевики появились позже, только в результате провала либерализма. Поскольку Ленин представлен в качестве марионетки Германии, его роль становится во многом вторичной, т.к. он возглавлял группу слабых революционеров, имевших незначительную народную поддержку. Поэтому не творцы Советской России, а Запад несет ответственность за падение царизма. Эта уловка позволяет организаторам выставки не выступать открыто против поддерживаемого государством по-

ложительного отношения к Советскому Союзу. Тем самым подтверждается презентизм исторической политики церкви: ее сегодняшним идеологическим противником выступает не коммунизм и не ностальгия по советскому прошлому, а либерализм.

Советский раздел исторического парка предлагает более сложную дискурсивную конструкцию, которая вынуждена принять во внимание разрыв между нарративами церкви и государства. В то время как большевистская революция и Гражданская война представлены в качестве отрицательных событий (окрашены красным) достаточно рано, начиная с образования Советского Союза в 1922 г., возникают положительные (окрашены зеленым) явления. В этом разделе «визуальная доктрина» выставки дополняется голубым цветом, которым сопровождаются культурные, научные и технологические достижения СССР, а также все, что относится к понятию прогресса. Преодолев красно-зеленую дихотомию предыдущих разделов, выставка движется по пути более «консенсусного», разделяемого большинством прочтения советского прошлого. Насмешки большевиков над русскими национальными традициями, государственный атеизм и преследования церкви в 1920-х и 1930-х решительно осуждаются в нескольких залах выставки. Государственное насилие и ГУЛАГ не отрицаются, но сталинизм откровенно реабилитируется в знак благодарности за возврат к национальным ценностям и восстановление «традиционного для России» курса на «сильное

и самостоятельное государство». Также положительно оценивается реабилитация Сталиным героев русской истории и символов, подвергнутых большевиками десакрализации. В еще одном документальном фильме смело заявляется, что «уже к концу первой пятилетки Советский Союз больше походил на новую красную империю, нежели на утопию Интернационала»

Выставка «Россия – моя история» оказалось успешной и в политическом, и в коммерческом смыслах. В конце 2016 г., словно в знак признания эффективной стратегии лоббирования, продемонстрированной церковью, Министерство образования и науки рекомендовало использовать ресурсы выставки для обучения школьников, студентов вузов и будущих учителей истории из педагогических институтов (*Пушкарская, Горяев 2017; Комафов 2017*).

Государственное агентство Ростуризм планирует включить выставку в свою программу для туристических групп (Ростуризм... 2016). К концу 2018 г. в России должно было открыться 18 парков (Россия – моя история) из 25 запланированных (Архипелаг Шевкунова 2017). Финансирование выставок осуществляется из региональных бюджетов, а также «Газпромом» и администрацией президента (Там же; «Без панигириков царям» 2017). Региональным паркам разрешено вводить в состав экспозиций компоненты местной истории с целью лучшего отражения специфики регионов. В ряде случаев, например в Волгограде, местная

администрация сделала упор на памяти о Второй мировой войне (Президент РФ... 2018), в других местах, вроде Екатеринбурга с его слишком либеральным, по мнению некоторых, Ельцин-центром, выставки рассматривались в качестве противовеса другим институтам (Директор парка...). В национальных автономиях парки были адаптированы с учетом особенностей титульных наций⁶.

Часть российских ученых резко реагировала на тенденциозность экспозиций исторических парков. Вольное историческое общество (ВИО) протестовало против многочисленных исторических ошибок (фальшивые цитаты, факты, не подтвержденные документами, теории заговора, противоречащие общепринятым в науке мнениям) используемого нарратива. Против ВИО выступил единый фронт в лице Тихона, церкви и различных государственных институций, вовлеченных в проект, которые отвечали критикам (Яковлева 2017; «Без паники царям» 2017). В конкуренции с могущественным альянсом государства и церкви за контроль над историческим дискурсом профессиональные историки оказываются в слабой позиции. Тем не менее необходимо отметить, что, несмотря на жесткую идеологию нарратива парка, он не является застывшим. Между 2016 и 2017 гг. самые грубые ошибки были исправлены, поэтому нельзя говорить, что протесты ис-

ториков были напрасны⁷. Более того, некоторые местные экспозиции более нюансированы в сравнении с московской, что свидетельствует о гибком «инжиниринге» мультимедийных артефактов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С точки зрения историка стремление российских властей объединить Февральскую и Октябрьскую революции является рационально обоснованным. Более того, хронологический период может быть еще расширен в рамках своеобразной *longue durée*, бурного десятилетия, начавшегося вступлением России в Первую мировую войну и завершившегося созданием Советского Союза в декабре 1922 г., когда страна прошла через многочисленные изменения своих границ и политического режима. Не Вторая мировая война, на чем настаивают власти, и не революция(ии) 1917 г. являются краеугольными камнями современной России, которой недостает исторической легитимности. Насильственные преобразования, последовавшие за революциями 1917 г. и первым десятилетием сталинизма, привели к исчезновению царской России и драматически изменили общество, которое позже претерпело очередную трансформацию под влиянием Второй мировой войны. Огромные потери

⁶ Например см.: (В столице Республики Татарстан... 2017; При историческом парке... 2018).

⁷ Наблюдения автора во время посещений выставки в июле 2016 и декабре 2017 г. Например, мультимедийная инсталляция, объединявшая советский и постсоветский периоды и представлявшая идеологию коммунистического атеизма, в качестве предшественника постсоветской олигархии, была удалена.

и глубокие перемены, вызванные войной, породили «второй» Советский Союз, прямым наследником которого является современная Россия, тогда как связи с «первым» революционным Советским Союзом носят непрямой характер.

С точки зрения исторической политики хаотические изменения в период 1914–1941 гг. никогда не приобретут статус «полезного» прошлого, которое легко интерпретировать и демонстрировать. Внутренняя историческая политика России в основном сосредоточена на кристаллизации памяти о Второй мировой войне и «воспитательных» (performative) аспектах коммеморации. В то же время разрешены более разнообразные интерпретации других событий национальной истории, которые не столь важны с точки зрения легитимации режима. Столетие революции(ий) 1917 г. относится ко второй («плюралистической») категории, тем не менее оно было уникальным в том смысле, что породило замешательство на высшем уровне. В самом деле, являясь менее значимым событием, чем Вторая мировая война, революция остается основополагающим моментом русской истории XX в. и поэтому весьма чувствительна к поляризации по линиям ответственности белых и красных. Путинский режим продвигает комбинацию обеих линий. С одной стороны, он реабилитирует некоторые моменты советского прошлого, с другой — чрезвычайно критически относится к революции и ее героям, включая Ленина, и вместе с тем включает «белые» компоненты, в том числе некоторых героев

Белой армии, в исторический пантеон. Российские власти традиционно весьма озабочены вопросами, которые относятся к интерпретации сталинизма, усматривая в них попытки непрямо оценивать нынешний режим, тогда как «красно-белое» противостояние считалось заслуживающим меньшего внимания до тех пор, пока столетний юбилей не вынес на поверхность раздоры по этому вопросу.

Возможны четыре схематических прочтения событий 1917 г.: сожаление по поводу краха царизма и вера в то, что Февральская революция положила начало десятилетию государственной и общественной нестабильности (прочтение церкви); представление о том, что Февральская революция, приведшая к власти демократическое Временное правительство, имела положительное значение, а Октябрьская — отрицательное (либеральное прочтение); убеждение, что Октябрьская революция возвестила начало славной советской эпохи, положив конец как царизму, так и слабому Временному правительству, которое находилось в подчинении Западу (коммунистическое прочтение); разочарование в обеих революциях, но без скорби по поводу крушения царизма, возрождение могущественной России усматривается не в Октябрьской революции, а в основании Советского Союза в 1922 г. (неотчетливо сформулированное прочтение государства).

Государственная и церковная интерпретации совпадают в отрицательном отношении к Февральской и Октябрьской революциям,

поскольку и та, и другая ослабили государство и нацию. Либералы и коммунисты считают, что революция (для первых — Февральская, для вторых — Октябрьская) была легитимным средством для изменения судьбы страны. Революции связаны с подчинением Западу с точек зрения церкви, государства и коммунистов (только Февраль), тогда как либералы считают, что демократическая Февральская революция была направлена против авторитарного режима, но не против интересов страны.

Символическая борьба за определение того или иного момента истории XX в. в качестве «исходной точки» для современной России ограничена либо Второй мировой войной и послевоенным Советским Союзом, либо дореволюционной Россией с упором на царствование Николая II. Период 1917–1941 гг. остается за рамками этой борьбы. Церковь, в лице как идеологических групп, так и сторонников политического православия, выбирает царствование последнего Романова в качестве точки отсчета. Эта стратегия открыто сформулирована в экспозиции парка «Россия — моя история». Ее сторонником является бывший генеральный прокурор Республики Крым и нынешний депутат Государственной думы Наталья Поклонская, которая во время марша Бессмертного полка несла портрет Николая II в качестве намёка на то, что царизм лежит в основе родословия нынешней России.

Россия вошла в период столетних юбилеев двух первых десятилетий Советского Союза, включающих

Гражданскую войну, новую экономическую политику, национал-коммунизм, ликвидацию Сталиным старых большевиков, индустриализацию, коллективизацию и массовые репрессии. Таким образом значение исторической политики как силы, способной влиять на общественную поляризацию, будет возрастать в ближайшие годы. Мы увидим, будет ли достигнуто равновесие между стремлением власти поддерживать как можно более широкий консенсус памяти и отчетливым планом церкви выдвинуть на первый план почитание царизма. Историческая политика — это не абстрактное идеологическое соревнование, а неотъемлемая составляющая нынешнего российского режима. Исторический парк «Россия — моя история» наглядно демонстрирует, что эта разновидность политики формируется на пересечении влиятельных индивидуальных посредников, частных инициатив, включенных в повестку государственных институтов, смеси коммерческих стратегий, захватывающих государственные бюджеты и политику.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Архипелаг Шевкунова 2017 — Архипелаг Шевкунова: как «духовник Путина» строит патриотические центры по всей стране // Дождь. 20.11.2017. URL: tvrain.ru/articles/gazprom_itihon-450410/ (дата обращения: 15.11.2018).

«Без панигириков царям» 2017 — «Без панигириков царям»: проект «Россия — моя история» защитили от критиков // РИА Новости. 13 декабря 2017. URL: ria.ru/religion/20171213/1510875369.html (дата обращения: 15.11.2018).

Большая пресс-конференция... 2016 – Большая пресс-конференция Владимира Путина, 23 декабря 2016. URL: kremlin.ru/events/president/news/53573 (дата обращения: 10.11.2018).

В акции «Бессмертный полк»... 2015 – В акции «Бессмертный полк» участвовали 12 миллионов россиян // Lenta.ru. 9 мая 2015. URL: lenta.ru/news/2015/05/09/polok3/ (дата обращения: 10.11.2018).

В Москве установили... 2017 – В Москве установили билборды с перепиской Николая II с женой // РИА Новости. 27 сентября 2017. URL: ria.ru/religion/20170927/1505646781.html (дата обращения: 15.11.2018).

В столице Республики Татарстан... 2017 – В столице Республики Татарстан открылся мультимедийный исторический парк // Россия – моя история. 27 октября 2017. URL: myhistorypark.ru/news/v-stolitserespubliki-tatarstan-otkrylsya-multimediynny-istoricheskiy-park-rossiya-moya-istoriya-/ (дата обращения: 15.11.2018)

Введенский 2017 – *Введенский А.* «Примирения» в Крыму не будет? // Крым. Реалии. 2017. 20 августа. URL: ru.krymr.com/a/28686732.html (дата обращения: 10.11.2018).

Грызлов 2004 – Грызлов: нам «медведям» крылья не нужны // Ведомости. 25 апреля 2004. URL: www.vedomosti.ru/library/articles/2005/04/25/gryzlov-nam-medvedyam-krylya-ne-nuzhny (дата обращения: 10.11.2018).

Гудков 2004 – *Гудков Л.* «Негативная идентичность». Статьи 1997–2002 гг. М.: НЛО, 2004.

Гусман 2017 – *Гусман М.* Сергей Нарышкин: революционные события 1917 года больше не раскалывают общество // ТАСС. 7.11.2017. URL: tass.ru/opinions/interviews/4699298 (дата обращения: 10.11.2018).

Директор парка... – Директор парка «Россия – моя история»: «Мне несим-

патичен либеральный Ельцин-Центр. Я – государственный» // 66.ru, 20 июня 2018. URL: 66.ru/news/society/213361/ (дата обращения: 23.11.2018).

Документ дня 2015 – Документ дня: Платформа национального примирения России // Lenta.ru. 20 мая 2015. URL: lenta.ru/articles/2015/05/20/medinskyvoice (дата обращения: 10.11.2018).

История России 2017 – История России // Левада-центр. 22 марта 2017. URL: www.levada.ru/2017/03/22/istoriya-rossii/ (дата обращения: 15.11.2018).

Комаров 2017 – *Комаров Д.* История – это очень тонкая материя // Знак. 2017. 1 сентября. URL: www.znak.com/2017-09-01/minobr_rf_predlozhit_ispolzovat_park_rossiya_moya_istoriya_dlya_podgotovki_uchiteley_urala (дата обращения: 10.11.2018).

Лавров 2016 – *Лавров С.* Историческая перспектива внешней политики России // Россия в глобальной политике. 2016. № 14 (2). URL: www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektivavneshneipolitiki-Rossii-18017 (дата обращения: 10.11.2018).

Лебедь 1995 – *Лебедь А.* За державу обидно. Киров: Вятское слово, 1995.

Морозов 2000 – *Морозов А.* Что стоит за канонизацией Николая II? // Независимая газета. 2000. 12 августа. URL: www.ng.ru/ideas/2000-08-12/1_nikolai.html (дата обращения: 10.11.2018).

Нарышкин... 2016 – Нарышкин считает столетие революции 1917 года поводом извлечь уроки // РИА Новости. 27 декабря 2016. URL: ria.ru/20161227/1484741774.html (дата обращения: 10.11.2018).

Общественное мнение 2018 – Общественное мнение –2017 // Левада-центр. 2018. URL: www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2018/05/OM-2017.pdf (дата обращения: 15.11.2018).

Общественность Севастополя... 2017 – Общественность Севастополя пытается через суд предотвратить установку памятника примирения-единения // Новый Севастополь. 21 августа 2017. URL: new-sebastopol.com/news/id/18358 (дата обращения 07.02.2019).

Памятники и два бюста... – Памятники и два бюста Николая II в Петербурге // 1703Piter.ru. URL: 1703piter.ru/pamyatniki/pamyatnikinikolayu-ii-v-peterburge/ (дата обращения: 15.11.2018).

Парад 7 ноября – Парад 7 ноября // YouTube. URL: www.youtube.com/watch?v%LyYiCgEv9gk (дата обращения: 10.11.2018).

Патриарший совет по культуре – Патриарший совет по культуре. URL: www.patriarchia.ru/db/text/141942.html (дата обращения: 10.11.2018).

Песков не увидел... 2017 – Песков не увидел необходимости в праздновании 100-летия революции i // Gazeta.ru. 25 октября 2017. URL: www.gazeta.ru/politics/news/2017/10/25/n_10735148.shtml (дата обращения: 10.11.2018).

План основных мероприятий... – План основных мероприятий, связанных со 100-летием революции 1917 года в России. URL: rushistory.org/images/documents/plan100letrevolution.pdf (дата обращения: 10.11.2018).

Президент РФ... 2018 – Президент РФ В.В. Путин посетил исторический парк «Россия – моя история» в Волгограде // Россия – моя история. 2 февраля 2018. URL: myhistorypark.ru/news/prezident-rfvladimir-putin-posetil-istoricheskij-park-rossiya-moya-istoriya-v-volgograde/?city%msk (дата обращения: 15.11.2018).

При историческом парке... 2018 – При историческом парке «Россия – моя история» создадут музей народов Якутии // ТАСС. 20 апреля 2018. URL: tass.ru/v-strane/5143561 (дата обращения: 15.11.2018).

Путин 2016 – Путин: Столетие Февральской и Октябрьской революций – повод изучить причины революций в России // Взгляд. 1 декабря 2016. URL: vz.ru/news/2016/12/1/846946.html (дата обращения: 10.11.2018).

Путин рассказал ученым... 2016 – Путин рассказал ученым о подрывной роли Ленина в российской истории // Интерфакс. 21 января 2016. URL: www.interfax.ru/russia/490856 (дата обращения: 10.11.2018).

Пушкарская, Горяев 2017 – Пушкарская А., Горяев О. Российскую историю изложат в 25 парках // Коммерсантъ. 2017. 13 февраля. URL: www.kommersant.ru/doc/3218554 (дата обращения: 10.11.2018).

Рабочая группа... 2013 – Рабочая группа по подготовке концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. «Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории». 21 октября 2013. URL: www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf (дата обращения: 10.11.2018).

Распоряжение президента... – Распоряжение президента Российской Федерации о подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России. URL: rushistory.org/images/documents/0001201612200017.pdf (дата обращения: 10.11.2018).

Революцию отметят мирно 2016 – Революцию отметят мирно // Коммерсантъ. 20 декабря 2016. URL: www.kommersant.ru/doc/3176519 (дата обращения: 10.11.2018).

Региональный план... – Региональный план основных мероприятий, связанных со 100-летием революции 1917 года в России. URL: rushistory.org/images/documents/region-plan-revolution100.pdf (дата обращения: 10.11.2018).

Рожкова 2016 – Рожкова Н. 100-летие Октябрьской революции отметят вне по-

литики // Известия. 2016. 28 декабря. URL: iz.ru/news/654909 (дата обращения: 10.11.2018).

Россия – моя история – Россия – моя история. URL: myhistorypark.ru (дата обращения: 15.11.2018).

Ростуризм... 2016 – Ростуризм активизирует работу по продвижению парка «Россия – моя история» // Ростуризм. 19 июля 2016. URL: www.russiatourism.ru/news/10802/ (дата обращения: 15.11.2018).

Сергей Нарышкин 2018 – Сергей Нарышкин: революционные события 1917 года больше не раскалывают общество // ТАСС. 6.11.2017. URL: tass.ru/interviews/4699298 (дата обращения: 12.11.2018).

Столетие революции... 2017 – Столетие революции в России. Мониторинг общественного мнения и исторического сознания // Гефтер. 15 февраля 2017. URL: gefter.ru/archive/21178 (дата обращения: 10.11.2018).

Указ Президента... 1996 – Указ Президента Российской Федерации от 07.11.1996 № 1537. URL: www.kremlin.ru/acts/bank/10231 (дата обращения: 15.11.2018).

Яковлева 2017 – Яковлева Е. Выставка «Россия – моя история»: «живой» учебник для детей и взрослых // Аргументы и факты. 2017. 13 декабря. URL: www.aif.ru/society/history/vystavki_rossiya_moya_istoriya_zhivoy_uchebnik_dlya_detey_i_vzroslyh (дата обращения: 10.11.2018).

A Century of Revolution 2017 – A Century of Revolution – An Inconvenient Anniversary for the Russian Government, 2017. URL: intmassmedia.com/2017/03/02/a-century-of-revolution-an-inconvenient-anniversary-for-the-russian-government/ (дата обращения: 10.11.2018).

Kolesnikov 2017 – Kolesnikov A. The October Revolution in Post-Truth Russia // Project Syndicate. 2017. 28 March. URL: www.project-syndicate.org/commentary/

october-revolution-centenary-putinpropaganda-by-andrei-kolesnikov-2017-03?barrier%accessreg (дата обращения: 09.10.2018).

Kurilla 2018 – Kurilla I. History and Memory in Russia During the 100-Year Anniversary of the Great Revolution // PONARS Eurasia Policy Memo. 2018. № 503. URL: www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Рерм503_Kurilla_Jan2018_0.pdf (дата обращения: 21.11.2018).

Laruelle 2017 – Laruelle M. The Kremlin's Ideological Ecosystems: Equilibrium and Competition // PONARS Eurasia Policy Memo. 2017. № 493. URL: www.ponarseurasia.org/memo/kremlinsideological-ecosystems-equilibrium-and-competition (дата обращения: 09.10.2018).

New Bronze Statue... 2017 – New Bronze Statue of Stalin to be Unveiled in Moscow // Calvert Journal. 12 September 2017. URL: www.calvertjournal.com/news/show/8955/statues-soviet-leaders-moscows-alley-rulers, (дата обращения: 09.10.2018).

Osborn 2011 – Osborn A. Russian Soldiers March Through Red Square in Second World War Tribute // The Telegraph. 2011. 7 November. URL: www.telegraph.co.uk/history/world-war-two/8874606/Russian-soldiers-march-through-Red-Square-in-Second-World-War-tribute.html (дата обращения: 09.10.2018).

Seliger... 2014 – Seliger 2014 National Youth Forum, 29 August 2014. URL: en.kremlin.ru/events/president/news/46507 (дата обращения: 09.10.2018).

Sharkov 2017 – Sharkov D. Putin vs. Lenin: Why the Russian President Won't Remove the Soviet Union's Founder // Newsweek. 2017. 5 November. URL: www.newsweek.com/why-putin-will-still-notbury-lenin-his-red-square-mausoleum-698730 (дата обращения: 09.10.2018).

Sharkov 2018 – Sharkov D. Putin Says Communism Comes From the Bible Compares

Lenin to a Saint' // *Newsweek*. 2018. 15 January. URL: www.newsweek.com/putin-says-communism-comes-biblecompares-lenin-saint-781328 (дата обращения: 09.10.2018).

Walker 2016 – *Walker S.* From One Vladimir to Another: Putin Unveils Huge Statue in Moscow // *The Guardian*. 2016. 4 November. URL: www.theguardian.com/world/2016/nov/04/vladimir-great-statue-unveiled-putin-moscow (дата обращения: 09.10.2018).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Малинова 2017 – *Малинова О.* Неудобный юбилей: итоги переосмысления «мифа основания» СССР в официальном историческом нарративе РФ // *Политическая наука*. 2017. № 3.

Малинова 2018 – *Малинова О.* Коммеморация столетия революции 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых меморических акторов // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 1.

Brundstedt 2011 – *Brundstedt J.* Forging a Common Glory: Soviet Remembrance of the Second World War and the Limits of Russian Nationalism, 1960–1991, PhD dissertation. Oxford: University of Oxford, 2011.

Fedor et al. 2017 – *Fedor J., Kangaspuro M., Lassila J. & Zhurzhenko T.* War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus. London & New York, NY: Palgrave MacMillan, 2017.

Knox 2003 – *Knox Z.* The Symphonic Ideal: The Moscow Patriarchate's Post-Soviet Leadership // *Europe-Asia Studies*. 2003. 55, 4.

Laruelle 2015 – *Laruelle M.* The Three Colors of Novorossiya, or the Russian Nationalist Mythmaking of the Ukrainian Crisis // *Post-Soviet Affairs*. 2015. 32, 1.

Leeper 2001 – *Leeper M.* The Schism of the Russian Orthodox Church and the Canonization of Nicholas II and the Royal Family, PhD dissertation. Arlington, TX: University of Texas, 2001.

Mäalksoo 2012 – *Mäalksoo M.* Nesting Orientalisms at War: World War II and the “Memory War” in Eastern Europe // *Barkawi T., Stanski K. (eds.) Orientalism and War*. New York, NY: Columbia University Press, 2012.

Mäalksoo 2013 – *Mäalksoo M.* Liminality and Contested Europeanness: Conflicting Memory Politics in the Baltic Space // *Berg E., Ehin P. (eds.) Identity and Foreign Policy: Baltic-Russian Relations in the Context of European Integration*. Aldershot: Routledge, 2013.

Malinova 2014 – *Malinova O.* Spiritual Bonds as State Ideology: Opportunities and Limitations // *Russia in Global Affairs*. 2014. 18 December. URL: eng.globalaffairs.ru/number/Spiritual-Bonds-as-State-Ideology-17223 (дата обращения: 09.10.2018).

Malinova 2018 – *Malinova O.* “The Embarrassing Centenary”: Reinterpretation of the 1917 Revolution in the Official Historical Narrative of Post-Soviet Russia (1991–2017) // *Nationalities Papers*. 2018. 46. 2.

Omelicheva 2017 – *Omelicheva M.* A New Russian Holiday Has More Behind It Than National Unity: The Political Functions of Historical Commemorations // *Australian Journal of Politics & History*. 2017. 63, 3.

Rousselet 2016 – *Rousselet K.* L’Eglise orthodoxe russe et les dispositifs mémoriels à Boutovo: de la mort du proche à l’histoire nationale // *Bechtel D., Jurgenson L. (eds.) Muséographie des violences en Europe centrale et ex-URSS*. Paris: Kimé, 2016.

Smith 2002 – *Smith K.* Mythmaking in the New Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002.

Torbakov 2014 – *Torbakov I.* The Russian Orthodox Church and Contestations over History in Contemporary Russia // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2014. 22, 1.

Tumarkin 1994 – *Tumarkin N.* The Living and the Dead: The Rise and Fall of the

Cult of World War II in Russia. New York, NY: Perseus Books Group, 1994.

Wood 2011 — Wood E. Performing Memory: Vladimir Putin and the Celebration of World War II in Russia // The Soviet and Post-Soviet Review. 2011. 38, 2.

Yablokov 2018 — Yablokov I. Fortress Russia: Conspiracy Theories in Post-Soviet Russia. New York, NY: Wiley, 2018.

Zuev 2013 — Zuev D. The Russian March: Investigating the Symbolic Dimension of Political Performance in Modern Russia // Europe-Asia Studies. 2013. 65, 1.

COMMEMORATING 1917 IN RUSSIA: AMBIVALENT STATE HISTORY POLICY AND THE CHURCH'S CONQUEST OF THE HISTORY MARKET

Laruel M. — Professor, Deputy Director of the Institute of European, Russian and Eurasian studies (IERES), head of the Central Asia program at George Washington University (Washington), co-Director of the Program of new approaches to the study and security in Eurasia (PONARS) (USA)

Key words: Russia's historical policy, the centenary of 1917, multimedia historical park "Russia — my history".

Abstract. Russia's historical policy towards the centenary of 1917 was composed of several parallel strategies: diminishing the meaning of the event to avoid the head of state and other government figures having to take a stance; outsourcing commemorative events, with no pre-planned grand design; developing a reconciliatory narrative of the "Whites" and the "Reds"; and allowing other actors to promote a plurality of contradictory readings of the events. Yet the space left by the state's refusal to commemorate 1917 has been taken over by the Church, which, as today's most active engineer of Russia's historical policy, promoted a very clear pro-Tsarist narrative best embodied by the multimedia historical park "Russia—my history" (Rossiya — moyá istoriya).

REFERENCES

Brundstedt J. *Forging a Common Glory: Soviet Remembrance of the Second World War and the Limits of Russian Nationalism, 1960–1991*, PhD dissertation. Oxford: University of Oxford, 2011.

Fedor J., Kangaspuro M., Lassila J. & Zhurzhenko T. *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus*. London & New York, NY: Palgrave MacMillan, 2017.

Knox Z. The Symphonic Ideal: The Moscow Patriarchate's Post-Soviet Leadership. *Europe-Asia Studies*, 2003, 55, 4.

Laruelle M. The Three Colors of Novorossiia, or the Russian Nationalist Mythmaking of the Ukrainian Crisis. *Post-Soviet Affairs*, 2015, 32, 1.

Leeper M. *The Schism of the Russian Orthodox Church and the Canonization of Nicholas II and the Royal Family*, PhD dissertation. Arlington, TX: University of Texas, 2001.

Mäalksoo M. Liminality and Contested Europeaness: Conflicting Memory Politics in the Baltic Space. Berg E., Ehin P. (eds.) *Identity and Foreign Policy: Baltic-Russian Relations in the Context of European Integration*. Aldershot: Routledge, 2013.

Määlksoo M. Nesting Orientalisms at War: World War II and the “Memory War” in Eastern Europe. Barkawi T., Stanski K. (eds.) *Orientalism and War*. New York, NY: Columbia University Press, 2012.

Malinova O. “The Embarrassing Centenary”: Reinterpretation of the 1917 Revolution in the Official Historical Narrative of Post-Soviet Russia (1991–2017). *Nationalities Papers*, 2018, 46, 2.

Malinova O. Kommemoratsiia stoletiia revoliutsii 1917 goda v RF: analiz strategii kliuchevykh mnemonicheskikh aktorov. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2018, no. 1.

Malinova O. Neugodnyi iubilei: itogi pereosmysleniia "mifa osnovaniia" SSSR v ofitsial'nom istoricheskom narrative RF. *Politicheskaia nauka*, 2017, no. 3.

Malinova O. Spiritual Bonds as State Ideology: Opportunities and Limitations. *Russia in Global Affairs*. 2014. 18 December. URL: eng.globalaffairs.ru/number/Spiritual-Bonds-as-State-Ideology-17223.

Omelicheva M. A New Russian Holiday Has More Behind It Than National Unity: The Political Functions of Historical Commemorations. *Australian Journal of Politics & History*, 2017. 63, 3.

Rousselet K. L'Eglise orthodoxe russe et les dispositifs mémoriels à Boutovo: de la mort du proche à l'histoire nationale // Bechtel D., Jurgenson L. (eds.) *Muséographie des violences en Europe centrale et ex-URSS*. Paris: Kimé, 2016.

Smith K. *Mythmaking in the New Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002.

Torbakov I. The Russian Orthodox Church and Contestations over History in Contemporary Russia. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 2014, 22, 1.

Tumarkin N. *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York, NY: Perseus Books Group, 1994.

Wood E. Performing Memory: Vladimir Putin and the Celebration of World War II in Russia. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 2011, 38, 2.

Yablokov I. *Fortress Russia: Conspiracy Theories in Post-Soviet Russia*. New York, NY: Wiley, 2018.

Zuev D. The Russian March: Investigating the Symbolic Dimension of Political Performance in Modern Russia. *Europe-Asia Studies*, 2013, 65, 1.

УНИЧТОЖИТЬ И ЗАБЫТЬ.

Документы и воспоминания о жизни и гибели историка Миркинда

Ключевые слова: коллективная память, коллективное забывание, коммуникативная память, культурная память, корпоративная память, А. М. Миркинд, Кишиневский государственный университет.

Аннотация. Публикация представляет попытку восстановить память об Анатолии Морицевиче Миркинде (1921–1983). Один из лучших преподавателей исторического факультета Кишиневского государственного университета был уволен под давлением КГБ. Он тщетно пытался найти новую работу и получил отказ в просьбе эмигрировать в Израиль. В этой отчаянной ситуации Миркинд покончил с собой. Публикация включает три вида источников: 1) Протоколы заседаний факультетских и общевузовских научных советов и партийных комитетов; 2) интервью с дочерью Миркинда Викторией Либин и ее мужем Александром Либиним, с однокашником Миркинда по Московскому университету Ильей Семеновичем Кремером и студентом Миркинда Владимиром Николаевичем Полищевым; 3) Мемуары члена-корреспондента РАН Павла Юрьевича Уварова, который часто встречался с Миркиндом в Кишиневе, когда его мать работала в Молдавии, и воспоминания студентов Миркинда Николая Вадимовича Бабилунги и Владимира Анатольевича Солоняра.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-1-39-138

ВВОДНАЯ СТАТЬЯ

Тулбуре А. С. Это история об исключении из жизни и о забвении после смерти¹

¹ Данная публикация документов и воспоминаний является совместным проектом журнала «Историческая экспертиза» (руководитель — доктор исторических наук Сергей Ефроимович Эрлих), Института устной истории Молдовы (руководитель — Алексей Сергеевич Тулбуре) и Библиотеки цивилизаций им. Марка Блока (руководитель — доктор истории Марк Евгеньевич Ткачук).

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

- 1) Протокол № 10 заседания ученого совета исторического факультета от 24 мая 1977 г. (далее — АГУМ 2) Архив Государственного университета Молдовы. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1695;
- 2) Протокол № 11 заседания ученого совета Кишиневского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени В.И. Ленина от 29 июня 1977 г. (далее — АГУМ

3). Архив Государственного университета Молдовы. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1777;

3) Протоколы заседаний партбюро исторического факультета. Протокол № 15 от 31 октября 1978 г. (далее – **АОПО РМ 4**). Архив общественно-политических организаций Республики Молдова. Ф. 276. Оп. 127. Ед. хр. 374;

4) Протоколы партийных собраний исторического факультета. Протокол № 10 партийного собрания от 31 октября 1978 г. (далее – **АОПО РМ 2**). Архив общественно-политических организаций Республики Молдова. Ф. 276. Оп. 127. Ед. хр. 373;

5) Протоколы заседаний парткома Кишиневского ордена Трудового Красного Знамени госуниверситета им. В. И. Ленина. Протокол № 11 от 16 ноября 1978 г. (далее – **АОПО РМ 3**). Архив общественно-политических организаций Республики Молдова. Ф. 276. Оп. 127. Ед. хр. 353;

6) Письмо руководства исторического факультета на имя ректора КГУ от 17 декабря 1978 г. // Личное дело Миркинда Анатолия Морищевича (далее – **АГУМ 1**). Архив общественно-политических организаций Республики Молдова Ф. 1. Оп. 8. Ед. хр. 814. С. 80.

7) Указатель имен к разделу Архивные документы.

ИНТЕРВЬЮ И ВОСПОМИНАНИЯ

1) *Либин (Миркинд) В. А.* «Я много думаю о папе – чем старше становлюсь, тем больше думаю»

2) *Уваров П. Ю.* #Толяммиркинд

3) *Бабилунга Н. В.* По гамбургскому счету

4) *Солонарь В. А.* Светлая и горькая память. Воспоминания о профессоре Миркинде

5) *Поливец В. Н.* Воспоминания о профессоре Миркинде

6) *Кремер И. С.* «Мы были с ним в переписке по полевой почте»

СОКРАЩЕНИЯ:

АГУМ – Архив Государственного университета Молдовы.

АМГУ – Архив Московского государственного университета.

АОПО РМ – Архив общественно-политических организаций Республики Молдова.

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.

А. С. Тулбуре

Это история об исключении из жизни и о забвении после смерти

В августе 2018 в интервью журналу «Историческая экспертиза» профессор университета Центральной Флориды Владимир Анатольевич Солонарь, рассказывая о годах обучения на историческом факультете Кишиневского государственного университета (КГУ), особо выделил блистательного лектора Анатолия Миркинда. С отчеством любимого преподавателя, однако, возникла проблема – во время интервью Солонарь не смог его вспомнить, подчеркнув, что оно было необычным. В процессе подготовки интервью к печати мы попытались узнать отчество Миркинда. Сделать это, привычно обратившись к Интернету, не удалось. Мировая сеть не содержала информации о преподавателе КГУ Анатолии Миркинде, доступной «с одного клика». Не помогло и изучение литературы по истории КГУ. Миркинд (без отчества) трижды упомянут в главе, посвященной кафедре Новой и Новейшей истории истфака (*Cozma* 1996: 231, 236, 237). Отчество (действительно необычное) позже вспомнил сам Солонарь, и в интервью было приведено полное имя – Анатолий Морицевич Миркинд.

© А. С. Тулбуре, 2019

Тулбуре Алексей Сергеевич – директор Института устной истории Молдовы (Кишинев);
tulbure@gmail.com

Мы¹, поступившие на исторический факультет КГУ после смерти Миркинда, решили восстановить память об этом незаурядном человеке. Все знавшие Анатолия Морицевича отзывались о нем как о замечательном ученом и педагоге, талантливом лекторе, скромном, деликатном человеке. Интерес к личности Миркинда подогревался еще и тем, что, по словам помнящих его людей, судьба историка Нового времени переплелась с ключевыми событиями Новейшей истории. Почти все «вспоминали», что Анатолий Морицевич был участником Великой Отечественной войны, а в 1945 был причастен к работе Потсдамской конференции в качестве переводчика. Как можно было забыть такого человека? Несомненно, что у забвения должно быть менее банальное объяснение, чем безжалостный бег времени. Вычеркивание Миркинда из корпоративной памяти преподавателей КГУ, очевидно, было связано с историей, приведшей к его увольнению из университета, и последовавшими за этим изоляцией и самоубийством.

Нами двигало не только естественное человеческое стремление противостоять неизбежной энтропии,

¹ Марк Ткачук, Алексей Тулбуре, Сергей Эрлих.

но и профессиональный интерес, связанный с исследованиями памяти, устной историей и публичной историей. Забвение Миркинда является ярким примером репрессивной работы коллективной памяти позднесоветского периода, в результате которой короткая коммуникативная память не преобразовалась в долговременную культурную память письменных текстов. Мы также старались выяснить, как память, запечатленная в устных рассказах, трансформирует реальную историю, сохранившуюся в документах эпохи. Дополнительный интерес представляло то обстоятельство, что носителями памяти выступали историки – профессиональные «хранители прошлого». Отличается ли память историков от памяти «обыденной», которая преобразует историю по лекалам мифа? Немаловажным для нас было осознание того, что исследование памяти является одновременно ее конструированием. Мы стремились, чтобы Миркинд занял в коллективной памяти то место, которое бы соответствовало уровню его блистательных лекций.

Через «новые медиа» – социальные сети мы обратились ко всем, кто помнит Анатолия Морицевича Миркинда, с просьбой поделиться своими воспоминаниями. Эти материалы немедленно вывешивались в Интернете и тут же провоцировали новые мемуарные тексты. Первым на наш призыв откликнулся Николай Вадимович Бабилюнга (см.: с. 110–115), бывший студент Миркинда, ныне кандидат исторических наук, заведующий кафедрой Отечественной истории истфака Приднестровского госуниверсите-

та им. Т.Г. Шевченко (Тирасполь). Он обвинил в бедах, свалившихся на голову любимого преподавателя, коллегу последнего по кафедре Новой и Новейшей истории, профессора Александра Константиновича Мошану, ставшего впоследствии спикером первого парламента независимой Республики Молдова. Поскольку в ходе развала СССР Бабилюнга и Мошану были политическими оппонентами – первый способствовал возникновению и укреплению непризнанной Приднестровской Молдавской Республики (ПМР)², второй – стал одним из лидеров унионистского движения³, – упомянутые обвинения требовали документальной проверки.

Мы попросили Владимира Анатольевича Солонаря, который и пробудил у нас интерес к Миркинду, специально написать о нем (см.: с. 116–120). В своих воспоминаниях Солонарь рассказывает о лекциях Анатолия Морицевича, называя их «ярким явлением», вспоминает о том, что Миркинд «читал вдохновенно, с внутренней убежденностью и красноречием, которые выделяли его среди прочих коллег» (с. 117). Солонарь пишет, что Анатолий Морицевич был широко образован, говорил на трех европейских языках, что для Кишинева советского времени было редкостью. Миркинд «любил немецкую поэзию и мог цитировать

² ПМР – Приднестровская Молдавская Республика – самопровозглашенное непризнанное государство, отделившееся от Республики Молдова в 1992 в результате вооруженного конфликта.

³ Унионизм – политико-идеологическое движение, выступающее за объединение Республики Молдова с Румынией.

Гейне по памяти. Он как бы пришел из среды русско-еврейской интеллигенции 20–30-х гг., революционных романтиков-интернационалистов» (с. 117).

Через какое-то время мы получили из Москвы воспоминания доктора исторических наук, члена-корреспондента РАН Павла Юрьевича Уварова (см.: с. 103–109). Он знал Миркинда с детства, как «Толюмиркинда», в семье которого они с матерью часто останавливались, когда приезжали в Кишинев: «В 60-х гг. прошлого века моя мама часто бывала в Молдавии. Сперва – как художник в этнографических экспедициях, затем – как сценограф кишиневского театра “Лучафэрул”. Когда меня не с кем было оставить дома, брала меня с собой. Летом 1965 г. в экспедиции Валентина Зеленчука⁴ мы познакомились с Матусом Лившицем⁵, а уже в Кишиневе он познакомил нас со своим близким другом Анатолием Миркиндом. Они так и отложились в детской памяти как “Матуслившиц” и “Толямиркинд”. У них было много общего. Оба – столичные студенты, ушедшие на фронт, оба служили переводчиками, один был свидетелем Встречи на Эльбе и Нюрнбергского процесса, другой переводил на Потсдамской конференции и на том же Нюрнбергском процессе (так, во всяком

случае, я запомнил)» (с. 103). Уваров вспоминает детские книги в квартире Миркинда: «Сказки Кристиана Пино, непохожие на все, что я читал раньше, – тонкие, романтические, но при этом очень интересные. Другая книга со странным названием “Трудус, трудум, труд” была написана автором по фамилии Луда, и отличалась некоей брутальностью. Это были легенды о французских ремесленниках, чем-то напомнившие мне сказы Бажова, но при этом умело вставленные в превосходно прописанный реальный исторический контекст. Как знать, может быть, эти книги повлияли затем на мой выбор страны изучения?» (с. 104).

Замечателен рассказ о том, как встречались «два мира» Кишинева – русскоязычные и советские «крипторумыны»: «Как я сейчас понимаю, это был достаточно узкий мир русско-еврейской гуманитарной интеллигенции Кишинева (мир Миркинда, Лившица и др. – А. Т.). Я по малолетству не мог осознать всех нюансов, простодушно полагая, что Сема Молдова⁶ (на самом деле – Соломон) со своей милой женой Милой и есть натуральные молдаване, а как же иначе? Совсем иной круг нашего общения составляла молодежь “Лучафэрула” или прогрессивные художники с Рышкановки⁷. Когда мы уезжали в Москву, на наших проводах эти миры пересекались, причем очень дружелюбно. На столе возникали “Негру де Пуркаръ” и “Алб де Масэ”, все обменивались новостями, в том числе и тревожными (“оттепель” закончилась, в Москве шли процессы, раскрывалась кампания “подписантов”),

⁴ Зеленчук Валентин Степанович (1928–2003) – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук МССР, автор многочисленных трудов в области этнографии.

⁵ Лившиц Матус Яковлевич (1920–2008) – искусствовед, специалист в области современного академического и декоративно-прикладного искусства Молдавии, доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Института этнографии и искусствоведения Академии наук Молдавии, заслуженный деятель искусств Молдавии.

⁶ Молдован Соломон Израилевич (Семен Ильич) (1918–2006) журналист, сценарист и переводчик.

⁷ Район Кишинева.

но чаще шутили, искренне радуясь общению друг с другом, и удивляясь, что, живя в одном городе, так редко встречаются, договариваясь непременно видиться чаще, а не только тогда, когда приезжают московские гости. Но поскольку эти слова повторялись из года в год, то даже мне становилось ясно, что без нас они не очень-то и встречались» (с. 104).

Характеризуя Миркинда, Уваров пишет, что он «удивлял своим астеническим телосложением, удивительной подвижностью, неизменной улыбкой, стремлением безукоризненно одеваться и какой-то вычурной вежливостью. Он даже мне говорил “Вы”, несмотря на мой десятилетний возраст. Еще меня поражало, что он не ел ни помидоров, ни “синеньких”⁸, ни гогоша⁹ (это в Молдавии!) и даже к моей любимой кишиневской сладкой колбасе был равнодушен. И только потом я понял, что у него была тяжелая язва, еще с фронтовых времен» (с. 103). В воспоминаниях Уварова содержится много важной информации о Миркинде, в том числе о последнем периоде его жизни после увольнения из университета, о котором у нас не очень много сведений.

Когда занимаешься такого рода исследованиями, своего рода публичной историей, когда полученная информация сразу же публикуется, в какой-то момент непременно происходит нечто, что делает эту работу похожей на приключение.

Нам было известно (к этому моменту уже шла работа с архивными ма-

⁸ Южное название баклажан.

⁹ Рум. gogoşari — разновидность сладкого перца.

териалами), что у Миркинда были две дочери. Нам также было известно, что старшая дочь в начале 1970-х эмигрировала в Израиль. Что с ней случилось в эмиграции, как она там жила, чем занималась — всего этого мы не знали. Виктория Анатольевна Либин (Миркинд), проживающая в Израиле, прочла в Интернете (еще раз о пользе мировой сети!) воспоминания профессора Солоняры об Анатолии Морицевиче. Она связалась с нами и дала прекрасное интервью (см.: с. 91–102).

Воспоминания дочери об отце — это особый жанр. Тут и нежность, и любовь, и признательность, и восхищение: «Он был идеальный отец. Всегда искал встречи со мной, даже специально пораньше устраивал для студентов зимние сессии, чтобы быть со мной во время моих школьных каникул, ходить со мной в театр. Он очень беспокоился о моем развитии, оплачивал учительницу английского языка, присылал в 50-е гг. сто рублей в месяц, чтобы я покупала пластинки классической музыки <...>. В общем, делал все, что только мог, чтобы вырастить из меня человека» (с. 94). В интервью огромная масса деталей, сведений, которые никто другой по понятной причине не смог бы нам сообщить.

Из этого интервью мы впервые узнаем подробности о «деле» Михайла Израилевича Володарского, которого Виктория Анатольевна считает главным виновником всех бед своего отца. Из этого интервью мы узнаем, что Миркинд содействовал Володарскому при вывозе архивных выписок. В интервью участвовал муж Виктории Анатольевны — Александр Либин, у которого

несколько иное мнение о Володарском: «Из его рассказов я понял, что то ли Анатолий Морицевич, то ли он сам (Володарский. — А. Т.) каким-то путем добыл архивные документы (скорее всего, ксерокопии) по его, Володарского, специальности. <...> Абсолютно не секретные. Но документы были архивными, и разрешения на их вывоз не было. Володарский спросил Анатолия Морицевича, может ли тот помочь ему переправить документы на Запад. И тут Анатолий Морицевич выступил невероятным героем, он сказал “Да”. Он позвонил своей приятельнице в Москву по прямому телефону, она была советской сотрудницей французского посольства. Что было дальше, не очень понятно. Так или иначе, Анатолий Морицевич взял на себя эту функцию и даже открыто ее выполнил. Когда Володарский стал уезжать, его “приперли”: “Если хочешь уехать, скажи, откуда у тебя эти бумаги”. В общем, он заложил Анатолия Морицевича, чего он не скрывал и мучился от этого» (с. 97). Получается, что «компетентные органы» знали (из прослушки телефонного разговора Миркинда?), что документы собираются вывезти за рубеж, но не препятствовали этому и только в момент выезда Володарского из СССР решили «задокументировать» факт «преступного содействия» Миркинда. Это маловероятно. Возможно, что часть архивных выписок, благодаря посредничеству Миркинда, была переправлена за рубеж через французское посольство, а часть находилась в багаже Володарского, где и была обнаружена бдительными чекистами. Так ли обстояли дела в реальности, мы узнаем только когда удастся ознакомиться с пока недоступными документами из архивов КГБ.

Из этого интервью мы также узнаем, что Анатолий Морицевич, год спустя после увольнения из университета в 1979, подал заявление в ОВИР¹⁰ на выезд из страны. «Всюду, а особенно в Одессе и Кишиневе, в ОВИРах творилось что-то невозможное, по крайней мере по сведениям, которые до меня доходили. Я в 1978 г. говорил с ним по телефону. У него уже начались неприятности. Я сказал: “Подавайте заявление срочно, потому что потом Вы не сумеете даже его подать, а не то, что уехать”. <...> Но ему уезжать очень не хотелось, и он придумал, что он должен поехать в Москву и попрощаться с близкими друзьями. Так он оттянул это занятие на год. Подал он анкету в 1979 г., а в 1980 или 1981 резко прикрыли эмиграцию. Поток сократился. Поэтому я даже не могу сказать, отказали ему из-за Володарского или из-за Контрольного совета¹¹, или просто саму квоту на выезд из Кишинева сократили, условно говоря, с семисот человек до пятидесяти. Было понятие — “отказ”. Люди, которые были в отказе, в основном не могли работать и оказывались, так сказать, между небом

¹⁰ ОВИР (Отдел виз и регистрации) — подразделения МВД СССР и союзных республик, ведавшие как регистрацией иностранцев, прибывших в СССР, так и оформлением выездных документов для советских граждан, эмигрировавших из СССР.

¹¹ Имеется в виду Советская военная администрация в Германии (СВАГ), где служил Миркинд в 1945–1946. СВАГ — орган военной администрации, созданный 6 июня 1945 и заменивший органы государственного управления в советской зоне оккупации Германии. СВАГ была отделена от оперативного командования войск на этой территории и напрямую подчинялась Совету народных комиссаров. Администрация осуществляла непосредственное управление советской зоной оккупации Германии с 1945 вплоть до образования Германской Демократической Республики в 1949.

и землей. Анатолий Морицевич не мог работать. Не знаю, на что он жил» (с. 99–100).

К моменту знакомства с дочерью Миркинда, у нас было готово еще два интервью.

Одно Марк Ткачук взял у Владимира Николаевича Поливцева, доктора истории, бывшего студента Миркинда (см.: с. 121–129). В своих воспоминаниях Поливцев раскрыл многогранность личности своего педагога. В этом интервью мы также находим ценные сведения о других преподавателях исторического факультета. Многие истории, о которых рассказывается в этом интервью, могут стать предметом новых исследований. В провинциальном университете в эпоху застоя шла интенсивная подковерная борьба «националов» с «интернационалистами». Примечательно, что в ходе этих баталий стороны апеллировали к вышестоящим инстанциям, обвиняя оппонентов в отклонении от марксизма-ленинизма в сторону либо «буржуазного национализма», или же «сионизма» и «троцкизма». Исследование этих процессов может стать любопытной иллюстрацией того, как «бойцы идеологического фронта» (так историки КГУ именовали себя в официальном дискурсе) подспудно разваливали то, что «было навсегда пока не кончилось» (Алексей Юрчак).

Другое интервью, на которое мы очень надеялись, было с Петром Артемовичем Бойко, доктором истории и коллегой Миркинда по историческому факультету. Остальные немногие оставшихся в живых

сотрудники истфака того времени отказались говорить об Анатолии Морицевиче. Это был наш единственный шанс получить информацию не от студентов, родственников и знакомых, а от свидетеля расправы над Миркиндом.

Кроме того, Бойко был первым, кто в 1985 поведал двоим из участников этого проекта¹² об истории Миркинда – Володарского. Лектор почему-то отвлекся от темы раскулачивания в МССР и с озорными подмигиваниями стал изображать «в лицах», это был его излюбленный педагогический прием, как двое хитрецов пытались обмануть родную советскую власть. Но наши бдительные «органы», как всегда, оказались на высоте и пресекли преступление. Тогда он не рассказал, как закончил свои дни Миркинд...

Во время интервью Петр Артемович увлекательно вспоминал о своих коллегах по факультету, о принципах работы кафедр, партийной организации и т.д. Его рассказ о военном времени и годах детства изобиловал многочисленными деталями, с указанием имен и дат. Он поразил нас утверждением, что помнит все «картинки в своем букваре», который по известным причинам был румынским. Однако о «деле» Миркинда – Володарского Бойко мало что смог поведать. Не очень хорошо помнил события, даты, в т.ч. год увольнения Миркинда из университета. Касаясь обсуждения персонального дела Миркинда на заседании парткома КГУ,

¹² Марку Ткачуку и Сергею Эрлиху. Я, Алексей Тулбуре, тогда был в армии.

вспомнил, что брал слово и заявил, что не верит в обвинения в аморальности (и такие были). Володарского называл Мишей и рассказал, что тот приезжал в Кишинев уже после развала СССР. Бойко утверждает, что упрекал тогда Володарского, сыгравшего губительную роль в судьбе Миркинда. К сожалению, цельного повествования, которое можно было бы опубликовать, не получилось. Похоже, в данном случае мы столкнулись с примером т.н. мотивированного забывания, когда человек целенаправленно забывает информацию, вызывающую моральный дискомфорт¹³.

Когда эта статья уже находилась в корректуре произошло то, что иначе как чудом не назовешь. Из ругаемой академическими снобами Википедии выяснилось, что однокашник Миркинда — доктор исторических наук Илья Семенович Кремер пребывает в добром здравии. Девяностосемилетний ветеран войны находится в превосходной форме, которая позволяет преподавать в Московском государственном лингвистическом университете (в знаменитом Московском государственном педагогическом институте иностранных языков им. Мориса Тореза). Илья Семенович любезно согласился ответить на наши вопросы, что позволило объяснить несколько важных моментов биографии Миркинда (см.: с. 130–138)¹⁴.

¹³ См. отрывки из интервью Бойко. URL: www.youtube.com/watch?v=zW0b3yOQ5i0.

¹⁴ Благодарим Леонида Абрамовича Терушкина (НПЦ Холокост), кандидата исторических наук Андрея Александровича Исэрова (Высшая школа экономики), кандидата

Профессор Бойко, в ходе интервью с ним, усиленно рекомендовал нам обратиться к архивным документам, повторяя: «Там все написано». Архивные источники стали важной частью настоящей публикации. Документы по интересующей нас проблеме мы обнаружили в Архиве Московского государственного университета, Архиве Государственного университета Молдовы (бывшего КГУ им. Ленина) и в Архиве общественно-политических организаций РМ (бывший Архив Истории КПМ). В первом обнаружилось личное дело студента истфака Миркинда¹⁵. К сожалению, в Архиве МГУ не удалось найти документов заседаний ученых советов по поводу защит кандидатской и докторской диссертаций Анатолия Морицевича. В Архиве Государственного университета Молдовы было найдено личное дело преподавателя Миркинда и материалы заседаний кафедры Новой и Новейшей истории (к сожалению, стенограмма заседания кафедры, посвященного обсуждению «дела» Миркинда, отсутствует)¹⁶, ученых советов факультета и университета. В Архиве общественно-политических организаций Республики Молдова содержатся протоколы

исторических наук Владимира Павловича Богданова (Московский государственный университет) за помощь в установлении контактов с Ильей Семеновичем Кремером.

¹⁵ Выражаем признательность кандидату философских наук Константину Юрьевичу Мореву (Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина), который нашел в архиве МГУ и скопировал это дело.

¹⁶ Возможно, что кто-то из наиболее усердных участников того обсуждения заметал следы при переходе к новой «общественно-экономической формации».

заседаний партбюро и собраний факультетской и университетской парторганизаций, на которых рассматривалось персональное дело члена КПСС Миркинда¹⁷.

Личное дело Володарского в Архиве Государственного университета Молдовы отсутствует, хотя в архивной описи оно упомянуто. Можно предположить, что это дело было передано в КГБ после того, как Михаил Израилевич был разоблачен госбезопасностью как автор анонимных писем, адресованных в центральные советские газеты (об этом мы будем говорить позже), или же после того, как подал документы на эмиграцию из СССР.

В других архивах документов, касающихся Миркинда и Володарского, мы пока не обнаружили. Представители Архива Службы информации и безопасности Молдовы (бывший КГБ МССР) на наш запрос о доступе к документам, в которых упоминаются имена Анатолия Морицевича Миркинда и Михаила Израилевича Володарского, ответили, что таковых в архиве нет. На запрос в Национальный Архив Молдовы нам пришел такой же ответ. Нет пока ответа на запрос в архивы, находящиеся на территории приднестровского региона Молдовы. Представители Архива МВД Молдовы, в котором мы пытались найти материалы, касающиеся обстоятельств смерти Миркинда, заявили нам, что таких материалов может и не быть вовсе. В ситуации, когда

¹⁷ В личном деле Миркинда указывается, что он стал кандидатом в члены КПСС в июне 1951, а в сентябре 1952 — членом КПСС (АГУМ 1: С. 44, 54).

обстоятельства смерти очевидны (а это, похоже, случай Миркинда), уголовное дело не открывали, а как получить доступ к регистру происшествий 40-летней давности, в котором содержится краткое их описание (если таковой сохранился), нам еще предстоит разобраться.

Документы из архивов Московского и Молдавского государственных университетов позволили узнать следующие биографические данные. Анатолий Морицевич Миркинд родился 30 ноября 1921 в Калуге, в семье служащих. Отец — Миркинд Мориц Борисович, 1900 г.р., место рождения «г. Слоним, БССР». Мать — Миркинд (Басина) Фаина Аркадьевна, 1896 г.р., место рождения «г. Сураж, БССР»¹⁸. С 1922 Миркинды живут в Москве. В 1936 Миркинд вступает в комсомол (АМГУ: С. 2). В 1939 поступает на исторический факультет МГУ, который оканчивает с отличием по кафедре Новой истории в 1944. В личном деле Миркинда есть копия его университетского диплома, в котором говорится, что по результатам учебы ему присвоена квалификация: «*научный работник в области исторических наук, преподаватель ВУЗ'а и ВТУЗ'а, учитель средней школы*» (АГУМ 1: С. 49). Во время войны исторический факультет МГУ был эвакуирован в Свердловск¹⁹, где Анатолий Мо-

¹⁸ (АГУМ 1: С. 44). Понятно, что БССР (Беларусской Советской Социалистической Республики) в годы рождения родителей Миркинда не существовало. Слоним в 1900 — это город в Гродненской губернии, а Сураж в 1896 — город в Витебской губернии Российской империи.

¹⁹ МГУ эвакуировали в Свердловск в сентябре 1941. Из эвакуации университет вернулся в Москву летом 1943 (АГУМ 1: С. 54).

рицевич знакомится с будущей женой Малкой (Мальвиной) Юдовной Плоткиной, 1923 г.р.²⁰, эвакуированной из Ленинграда. В 1945 у них рождается дочь Виктория.

В ноябре 1944 Миркинд мобилизован в Красную Армию и направлен в Военный институт иностранных языков Красной Армии. В военных действиях, как пишет сам Миркинд в одной из анкет, участия не принимал. Дочь считает, что причиной были тяжелые заболевания. В детстве она состояла на туберкулезном учете, как дочь туберкулезника (см.: с. 101). Этот факт подтверждается свидетельством Кремера: «У него, действительно, что-то было с легкими. Я никогда не думал, что это туберкулез, но Толя от чего-то лечился. В легкие ему компрессионно вдували воздух, для того, чтобы их приподнять. Проблема была серьезная» (с. 132). Кроме того в воспоминаниях Уварова отмечается, что Анатолий Морицевич страдал хроническим заболеванием желудка (см.: с. 103). Тем не менее летом 1941 он по заданию МГК ВЛКСМ работал на строительстве оборонительных сооружений в Смоленской области²¹. И этот факт подтверждается воспоминаниями Кремера. Примечательно, что вместе с ними на ры-

тье противотанковых рвов работали их коллеги, ставшие впоследствии звездами историографии: «будущий византинист с мировой известностью» Александр Петрович Каждан и выдающийся источниковед Сигурд Оттович Шмидт (Кремер б.д.).

В 1945 после окончания курса в упомянутом институте ему присвоено звание младшего лейтенанта, и он направлен в Берлин. Из анкетных данных известно, что Миркинд знал три иностранных языка – французский, немецкий и английский. С июля 1945 по ноябрь 1946-го работал в советской секции Союзного Контрольного Совета в должности старшего переводчика французского языка в составе группы переводчиков Начальника штаба Советской военной администрации в Германии (СВАГ)²².

О пребывании Анатолия Морицевича в СВАГ свидетельствуют также документы, размещенные на сайте Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ)²³. В одном из них от 27 мая 1945 указывается, что младший лейтенант Миркинд прибыл к постоянному месту службы с семьей в «составе: жена – Миркинд М. Ю. и дочь Виктория 1 г[ода]» (ГА РФ: Л. 119). Из интервью Кремера следует, что архивным документам не всегда можно доверять и что при их встречах в Берлине летом

²⁰ (АГУМ 1: С. 45). В своем интервью дочь Миркинда – Виктория называет мать Мальвиной Юрьевной. Другой интересный факт, упомянутый Анатолием Морицевичем в анкете, в графе «Судимости, в т.ч. родственников...» – отец жены, работавший бухгалтером, в 1947 был осужден за нарушение финансовой дисциплины, но был оправдан Мурманским областным судом в 1948, а судимость снята. Никаких деталей этого дела мы не знаем. Отца Малки звали Юда Маркович, мать – Гэня Марковна.

²¹ (АГУМ 1: С. 54).

²² См. прим 12.

²³ Выражаем признательность за указание этих документов кандидату исторических наук Владимиру Александровичу Козлову, в 1992–2013 заместителю директора и руководитель Центра изучения и публикации документов Государственного архива Российской Федерации.

1945 семья еще не приехала: «В моей памяти, он был без жены и без дочери. Возможно, он их оформил, но они не сразу приехали» (с. 133). В данном случае нет никаких оснований вставать на сторону «архивных фетишистов» и сомневаться в свидетельстве Ильи Семеновича, который во время поездок из расположения своей войсковой части в Берлин несколько раз останавливался в квартире Миркинда в Карлсхорсте (см.: с. 133). 3 июля 1946 Анатолий Морицевич был назначен одним из переводчиков французского языка советской делегации, которая в июле председательствовала в Транспортном директорате союзной и контрольной власти в Германии (ГА РФ: Л. 149–150), а 29 октября 1946 был переводчиком Железнодорожного комитета и его подкомитетов в том же Транспортном директорате (ГА РФ: Л. 262).

В период Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945) Миркинд находился в Берлине. Нигде (в автобиографиях, анкетах и прочих документах) он не пишет об участии в работе этой конференции. Нигде не упоминает и о своем участии в работе Нюрнбергского процесса (20 ноября 1945 – 1 октября 1946), который проходил также в период его нахождения на службе в Германии. Дочь вспоминает, что, согласно рассказам матери, Анатолий Морицевич ездил в Потсдам во время работы конференции (см.: с. 100). Однако Кремер, который в то время находился в Германии и не раз встречался со своим другом считает это маловероятным: «Я бы знал об этом. Во всяком случае, он ничего об этом не говорил. Не думаю, что он ре-

шил утаить от меня эту информацию. Он откровенно рассказывал о том, как идут заседания Союзного контрольного совета» (с. 134). На Нюрнбергском процессе переводчиком работала добрая приятельница Миркинда, с которой он общался в Берлине: «Там он познакомил меня с одной очень милой девушкой – Таней Ступниковой²⁴. Они были не в близких (тогда это в нашей среде не было принято), но в очень хороших человеческих отношениях. Мы втроем несколько раз встречались там. А позднее ее направили на Нюрнбергский процесс – переводчицей. Потом она выпустила книжку о Нюрнбергском процессе: “Ничего, кроме правды”. По-моему, лучшее, что было об этом процессе написано» (с. 133). Возможно, что впоследствии Миркинд делился уникальными свидетельствами Ступниковой, которые получил в «частном порядке», и это привело к тому, что в памяти его слушателей возникло представление о том, что Анатолий Морицевич лично присутствовал и в Потсдаме, и в Нюрнберге. Может мифологизация происходила по еще более простой схеме: «Был переводчиком в Германии в 1945–1946, когда происходили Потсдамская конференция и Нюрнбергский процесс. Значит, участвовал в их работе».

В ноябре 1946 Миркинд приказом Военного Совета СВАГ демобилизован, как он сам пишет, для учебы в аспирантуре (АГУМ 1: С. 54). Из интервью дочери мы знаем, что Миркинд действительно хотел

²⁴ Татьяна Сергеевна Ступникова (1923–2005), переводчица, мемуарист. Во время войны была разведчицей и не раз выполняла разведывательные задания в ближнем тылу противника.

учиться в аспирантуре в Москве²⁵ (см.: с. 102). Кремер вспоминает, что его другу отказали под тем предлогом, что «он настолько хорошо образован, что аспирантура для него – пустая трата времени» (с. 134). С февраля 1947 по март 1948 Миркинд работает в редакции журнала «Новое время» в качестве литературного сотрудника отдела иностранных изданий. С марта по август 1948 он являлся политическим обозревателем голландской редакции (в другом месте он пишет – «внештатным комментатором») Всесоюзного Радиокомитета при Совете министров СССР (АГУМ I: С. 3, 45). Кремер считает, что в обоих случаях Миркинд «действительно был внештатным сотрудником» (с. 134). В разгар «борьбы с космополитизмом» еврею найти работу в Москве было непросто.

²⁵ В личном деле Миркинда есть копия документа, удостоверяющего его оценки, полученные на экзаменах по кандидатскому минимуму, сданных в 1948–1949.: 1. Тема по специальности: «Маркс и Энгельс о германской социал-демократии 1869–75 гг.» – «Отлично»; 2. Тема: «Вопрос об Эльзасе во французской литературе» – «Хорошо»; 3. Тема: «Публицистика Генриха фон Трейчке в 60–70 гг. XIX века» – «Отлично»; 4. Тема: «Формирование пан-германской идеологии в XIX веке» – «Отлично»; 5. «Исторический и диалектический материализм» – «Отлично»; 6. Французский язык – «Отлично»; 7. Немецкий язык – «Отлично». Среди принимавших экзамены по специальности: Аркадий Самсонович Ерусалимский – специалист по истории внешней политики Германии, доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук ГДР; Исаак Семенович Звавич – специалист по истории Великобритании (с 1949 преследовался как космополит); Лев Израилевич Зубок – американист, выпускник Пенсильванского университета, доктор исторических наук, профессор (с 1949 преследовался как космополит).

Известно, что тогда же в Ленинграде со сходными проблемами столкнулся Юрий Михайлович Лотман, которого тоже не приняли в аспирантуру после окончания университета и не брали на работу даже школьным учителем истории. Отъезд в одну из вновь «присоединенных» национальных республик, где внимание властей было сосредоточено на борьбе с местными «националистами», предоставлял евреям шанс работать по специальности (Лотман 1995: 35–36). Лотман поехал в Тарту. Миркинд нашел работу в Кишиневе.

В конце марта 1948 Миркинд встречается с ректором Кишиневского университета Леоновым²⁶. Встреча произошла в отделе университетов Министерства высшего образования СССР (АГУМ I: С. 9), где, надо полагать, Миркинду сообщили детали его будущей работы. Ему предстоял переезд в Кишинев, недавно созданному Кишиневскому университету позарез нужны были квалифицированные преподаватели. Характеристику блестящего студента для Министерства высшего образования СССР подписал классик советской медиевистики, декан истфака МГУ, член-корреспондент

²⁶ Леонов Иван Григорьевич (1900–1972) – первый ректор Кишиневского государственного университета. Выпускник учительского семинара (1916–1919), участник Гражданской войны. Член партии с 1920 г., работал на руководящих должностях в системе образования. В 1930–1932 – аспирант в госуниверситете Ростова-на-Дону, позже директор Педагогического института. В 1933–1942 работает на руководящих должностях в органах партии и в системе образования. В 1943–1946 – заместитель директора Высшей дипломатической школы (Москва).

АН СССР Сергей Данилович Сказкин: «Миркинд Анатолий Морицевич окончил МГУ в 1944 г. с отличием по специальности “Новой истории”. Во время пребывания в Университете проявил себя как талантливый студент с несомненными исследовательскими дарованиями и был выдвинут кафедрой “Новой истории” в аспирантуру. Рекомендую его как преподавателя вузов Республики» (АГУМ 1: С. 6).

Документы на конкурс по замещению должности старшего преподавателя на кафедре Всеобщей истории исторического факультета КГУ Миркинд подал в мае 1948, а в начале августа он получает из Кишинева телеграмму, извещающую его о том, что конкурс, который в его случае, надо полагать, был формальностью, он прошел и обязан явиться на работу 25 августа. С 1 сентября 1948 Миркинд начинает трудовую деятельность в Кишиневском госуниверситете в должности старшего преподавателя, с окладом 1200 рублей (АГУМ 1: С. 1).

Начальный период своей трудовой деятельности в Кишиневе Анатолий Морицевич описывает в автобиографии: «С IX-1948 до IX-1952 был ст[аршим] преподавателем кафедры всеобщей истории Кишиневского Госуниверситета. <...> В сентябре 1952 г. был сокращен по конкурсу из Кишиневского Госуниверситета. С IX-1952 по настоящее время (автобиография датирована июлем 1960. — А.Т.) работаю ст[аршим] преподавателем кафедры истории Кишиневской Высшей Партийной Школы. В июне 1955 г. Ученым Советом МГУ им. М.В. Ломоносова мне была присуждена степень кандидата исторических наук. 13 сен-

тября 1959 г. решением ВАК мне было присуждено звание доцента по кафедре “историческая наука”. За время работы в Кишиневской Партийной Школе вел различную общественную работу: выполнял поручения ЦК, ГК и РК КПМ²⁷ в области лекционной пропаганды, с 1954 г. и до настоящего времени являюсь председателем бюро Общества по распространению политических и научных знаний при Партийной школе. Родители: Отец, по профессии финансовый работник, ныне пенсионер, инвалид Отечественной войны I-ой группы. Мать по профессии зубной врач, ныне пенсионер, инвалид Отечественной войны II-ой группы. Проживают в гор. Кишиневе. Жена (Валентина Иванова. — А.Т.) — врач-психиатр, сейчас учится в аспирантуре Кишиневского мединститута на кафедре психиатрии» (АГУМ 1: 54–55). С первой женой Миркинд развелся в 1951 (АОПО РМ 3: С. 59).

Этот отрывок автобиографии требует комментариев. В 1952 Миркинда «сокращают» в КГУ. Такое решение застало его врасплох. Это следует из заявления, которое он пишет на имя ректора КГУ Чепурнова²⁸: «Сегодня, 27-VII-52, мною была

²⁷ Центрального Комитета, Городского комитета и Районного комитета Коммунистической партии Молдавии.

²⁸ Чепурнов Виктор Сергеевич (1905–1979) — в 1951–1963 — ректор Кишиневского университета. Выпускник биологического отделения физико-математического факультета Томского государственного университета (1929). С 1929 — ассистент кафедры сравнительной анатомии, в 1931–1935 — заведующий кафедрой ихтиологии и гидробиологии ТГУ. С 1935 — доцент кафедры зоологии Куйбышевского педагогического института. Был деканом факультета естествознания этого института. С 1937 — заведующий кафедрой зоологии и директор

получена по почте выписка из приказа по КГУ от 5-VII-52 об освобождении меня от работы в Университете с 1-IX-52. Вопреки принятым правилам, я не был предупрежден перед отъездом в отпуск (согласно документам отпуск был с 1 июля по 25 августа. — А.Т.) о возможности сокращения, и мне не было предложено задержаться в г. Кишиневе до заседания конкурсной комиссии. Поскольку в конце июля я не могу уже сдать документы на конкурс в какой-либо вуз, прошу рассмотреть вопрос о возможности оставления меня в Кишиневском Университете на ½ ставки с догрузением меня до 360 часов немецким и французским языками. Подпись: А. Миркинд» (АГУМ 1: С. 47).

Похоже, что решение о сокращении было неожиданным не только для Миркинда, но и для его начальства. За три года работы на историческом факультете КГУ, Миркинд получал исключительно положительные характеристики и благодарности, взысканий не имел, т.е. никаких поводов к неудовольствию у руководства не было (АГУМ 1: С. 30, 32). И вдруг — увольнение. 1 июля Миркинд уходит в запланированный отпуск, а 5 июля на заседании конкурсной комиссии его освобождают от должности по сокращению. Где было принято это

Куйбышевского сельскохозяйственного института. С 1939 — заведующий Куйбышевским областным отделом народного образования. В 1945–1948 — ректор Карело-Финского (ныне Петрозаводский) университета, одновременно — заведующий кафедрой зоологии позвоночных. В 1967–1979 — профессор кафедры гидробиологии Одесского университета. Занимался исследованиями в области ихтиологии, гидробиологии, охраны природы. Автор 50 научных работ. Кандидат биологических наук (1946). Доктор биологических наук (1966).

решение, в университете или «выше», нам не известно. Складывается впечатление, что и в Кишиневе Миркинд попал под антисемитскую кампанию «борьбы с низкопоклонством перед Западом», которая в то время находилась в разгаре. Другое объяснение не приходит в голову. Однако его назначение в сентябре того же года преподавателем в Кишиневскую высшую партийную школу и прием тогда же в КПСС позволяют предположить, что у Миркинда нашелся высокий покровитель. Кремер указывает, что этим покровителем был руководитель Кишиневской партшколы Сергей Павлович Трапезников²⁹. Он сделал впоследствии головокружительную карьеру в Москве, поскольку был «человеком Брежнева» — в то время первого секретаря ЦК КП(б) Молдавии. Вполне возможно, что партшкола нуждалась в квалифицированных преподавателях и позиция Трапезникова в партийной иерархии позволяла не учитывать мнение чиновников, уволивших Миркинда из университета. Кремер вспоминает: «Толя пришлось идти к нему на прием, где решалось окончательно: “брат, не брат”. Толя о подробностях не говорил, а только сказал: “Ты знаешь, никогда в жизни со мной так не говорили! У меня было ощущение, что я сижу перед очень опытным и проницательным

²⁹ Трапезников Сергей Павлович (1912–1984). В 1948–1956 годах — директор Республиканской партийной школы при ЦК КП Молдавии, одновременно главный редактор журнала «Коммунист Молдавии». В 1956–1960 годах — помощник секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. В 1960–1965 годах — проректор Высшей партийной школы при ЦК КПСС по научной работе. В 1965–1983 годах — заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС.

следователем. Сверля глаза, он задавал какие-то невероятные, как он считал – трудные для меня – вопросы и по гражданской истории, и по истории партии. Экзаменовал”. И Трапезников взял Толю в партшколу» (с. 135).

В июне 1955 Миркинду присуждена ученая степень кандидата исторических наук после защиты в МГУ диссертации «Германская социал-демократическая партия в борьбе за массы в начале 70-х гг. XIX в.» (Список тем 1958: 203). В 1959 Миркинд утвержден в ученое звание доцента по кафедре «Исторические науки» (курс международного рабочего и национально-освободительного движения) в Кишиневской высшей партийной школе.

Цитируемая автобиография была написана в 1960 для представления в ректорат КГУ, куда Миркинд возвращается в том же году на «должность доцента Кафедры всеобщей истории с окладом в 3200 рублей» (АГУМ 1: С. 50). В трудовой карьере Анатолия Морицевича наступает период относительной стабильности. Он без проблем переизбирается на должность доцента кафедры Всеобщей истории (позже – Новой и Новейшей истории) в 1963, 1968, 1974 (АГУМ 1: С. 75, 95, 119). В период с 1 сентября 1971 по 1 сентября 1973 Миркинд переводится на должность старшего научного сотрудника (оклад 250 руб.) для завершения докторской диссертации (АГУМ 1: С. 101, 103). В основу докторской, которую Миркинд защищает в 1975³⁰, легла его монография

«Под знаменем Коммуны. Германская социал-демократия против реакции и милитаризма. 1871–75 гг.», увидевшая свет в 1971. Монография писалась довольно долго. Еще в 1960 в заявлении на имя ректора КГУ о предоставлении научной командировки в ГДР для работы в архивах Миркинд пишет, что «монография по теме борьбы германской социал-демократии против реакции и милитаризма в период 1871–75 гг. готова на 60 %» (АГУМ 1: С. 59). Кремер вспоминает, что задержка с публикацией была вызвана не только кропотливой работой Миркинда над монографией. Книгу, уже утвержденную к печати, долго откладывали в «долгий ящик» кишиневского издательства. Кремер рассказал «о Толлиной проблеме» заведующему сектором Латинской Америки Международного отдела ЦК КПСС герою Советского Союза Михаилу Федоровичу Кудачкину. Тот посоветовал «написать письмо на имя заведующего международным отделом ЦК КПСС Бориса Николаевича Пономарева. Пономарев поручил именно Кудачкину помочь издать книгу Толи. Кудачкин звонил в Кишинев, договорился с издательством, и книга вышла в Кишиневе под давлением Москвы» (с. 136).

С сентября 1973 он снова на должности доцента кафедры Новой и Новейшей истории, а с сентября 1976 – доктор исторических наук Миркинд занимает должность и.о. профессора той же кафедры (АГУМ 1: С. 117, 133). Из воспоминаний дочери, мы знаем, что этот период был для него не самым простым. Однако, если су-

³⁰ Ученая степень доктора исторических наук присуждается ему решением ВАК при

Совете министров СССР 23 января 1976. Диплом доктора наук ИТ № 000007.

дить только по документам из личного дела, создается впечатление, что в профессиональном плане у Миркинда все складывалось хорошо. Все данные ему в период 1960–1977 характеристики — исключительно положительные (АГУМ 1: С. 61, 72). Миркинду не отказывают в научных командировках (АГУМ 1: С. 62, 67), поддерживают публикацию научных трудов, создают условия для написания докторской диссертации.

Не забывают и о его военных заслугах, хотя в боевых действиях Миркинд не участвовал. В 1965 он награждается медалью «20 лет Победы в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг.». Это его вторая военная медаль, первую — «За Победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг.» — Миркинд, вероятно, получил сразу после окончания войны, поскольку уже в 1948 в личном листке по учету кадров он о ней упоминает (АГУМ 1: С. 5). В том же 1965 «в ознаменовании 20-летия Победы Советского народа над фашистской Германией» приказом ректора КГУ Миркинду была объявлена благодарность с занесением в личное дело (АГУМ 1: С. 80). В 1975 — благодарность и «ценный подарок» (АГУМ 1: 126).

Из личного дела мы узнаем, что с сентября 1977 по январь 1978 Миркинд находился на Факультете повышения квалификации (ФПК) МГУ им. М.И. Ломоносова, о чем представил соответствующий отчет, утвержденный его кишиневским начальством (АГУМ 1: С. 136–142). С 3 июля по 26 августа 1978 Миркинду был предоставлен очередной отпуск (АГУМ 1: 143).

Ничего не предвещало беды. И вдруг в личном деле появляется письмо, датированное 17 декабря 1978, подписанное «тройкой» — деканом, секретарем парторганизации и председателем профбюро факультета на имя ректора КГУ Мельника, в котором говорится о том, что Миркинд «недостойн впредь оставаться в коллективе исторического факультета» (АГУМ 1: С. 146–147). 18 декабря Анатолий Морицевич пишет на имя ректора заявление: «В связи с создавшимися обстоятельствами, прошу Вас освободить меня от работы в Кишиневском государственном университете с 1 января 1979 г. 23 декабря 1978 г.» В заявлении дата «1 января 1979 г.» зачеркнута и вписана дата «23 декабря 1978 г.». Миркинду не разрешили остаться в университете одну лишнюю неделю — приказ ректора об увольнении был датирован 23 декабря 1978. Это последний по времени документ в личном деле Миркинда.

Что же произошло? Попытаемся восстановить хронологию событий, предшествующих увольнению из университета.

В начале 1977 коллега Миркинда, Михаил Израилевич Володарский, кандидат исторических наук, доцент кафедры Новой и Новейшей истории разоблачается госбезопасностью как автор анонимных писем антисоветского характера. Эти письма он отсылал в «центральные органы печати» из Краснодара, Одессы и других городов. В своих письмах он писал о том, «что не разделяет интернациональную миссию СССР и других социалистических стран по отношению к Чехословакии, что это

была настоящая агрессия. Он утверждал, что США более демократичны», критически высказывался в адрес советской избирательной системы и пр. Одним словом, Володарский, говоря официальным языком того времени, «встал на путь клеветнических анонимок на деятелей нашей партии и правительства» (АГУМ 2: С. 54). Представьте, сколько «трудочасов» было затрачено на то, чтобы сопоставить даты на почтовых штемпелях с расписанием поездок кишиневского доцента. Какие изощренные технологии сыскной работы были пущены в ход. «Органы» действительно работали.

КГБ информирует руководство университета об антисоветской деятельности Володарского. 24 мая 1977 созывается ученый совет истфака (Володарский не был членом КПСС, поэтому его не «прорабатывали» на партсобраниях) с одним вопросом повестке дня: «О недостойном поведении доцента кафедры новой и новейшей истории Володарского Михаила Израилевича» (см.: с. 64–74). На заседании присутствовали ректор КГУ Борис Ефимович Мельник, секретарь парткома КГУ Сергей Дмитриевич Рошка, члены ученого совета истфака, представители общественных кафедр, активисты и сам Володарский.

Обвинения – клевета на советский строй или, другими словами, антисоветская деятельность – усугублялись тем, что «идейно невыдержанные» действия и заявления Володарский допускал и в 1956, но тогда ему это простили по молодости лет (АГУМ 2: С. 59). И позже были проявления антисоветского

поведения: не те цитаты приводил из прочитанных книг, отказывался выполнять указания и просьбы секретаря райкома (АГУМ 2: С. 54). Володарскому припомнили и плохие отношения с коллегами по работе, и несносный характер, заносчивость, и аморальное поведение («принуждал студенток заочного отделения к сожителству» (АГУМ 2: С. 54)). Показательно, что об «аморалке» вспомнили только в связи с идеологическими обвинениями, инициированными КГБ. Это позволяет предположить, что «сексуслуги» преподавателям не рассматривались в качестве неприемлемой практики.

Афанасий Васильевич Репида, доктор исторических наук, профессор, декан истфака говорил «о таком поведении» Володарского: «Весь коллектив нашего университета привык смотреть на историков, как на бойцов идеологического фронта, а в данном случае мы столкнулись с антисоветской деятельностью. <...> Я должен сказать, что на протяжении нескольких десятилетий Володарский М.И. был предметом обсуждения. <...> Однажды он не прошел по конкурсу и 5 лет не работал в университете. Затем, из пединститута гор. Смоленска поступали сигналы, что он и там показал себя не с лучшей стороны. После его возвращения в Кишинев на протяжении нескольких лет поступали к нам ходатайства с тем, чтобы принять его опять. Он клялся, что преобразовался, что он уже не “тот” Володарский М.И. Прошло еще некоторое время, а Володарский оказался тем же, и опять он не был избран по конкурсу. Это было 2–3 года назад. Ректорат пошел на гуманность – год Володарский работал по приказу. За этот

год он старался показать себя с лучшей стороны. Опять провели по конкурсу. Оказалось, что он и сейчас вел себя недостойно не только как доцент, не только как воспитатель младшего поколения, но и как гражданин Советского Союза» (АГУМ 3: С. 108).

Заведующий кафедрой Древнего мира и средних веков, профессор Рудольф Юльевич Энгельгардт напомнил, что «в 1963 г. возник вопрос об его освобождении от занимаемой должности ассистента кафедры всеобщей истории <...>. И я тогда считал, что не нужно Михаила Израилевича освобождать от занимаемой должности, так как политических претензий к нему не было, а речь шла о морально-этических проступках. Но ректорат решил иначе. М.И. Володарский затем 5 лет работал в Смоленске. В 1968 г. он возвратился на факультет, но, к сожалению, он вновь не вел себя хорошо <...> М.И. Володарский объективно занимался антисоветской деятельностью» (АГУМ 2: С. 60).

Василий Андреевич Сидоров, заведующий кафедрой политэкономии, охарактеризовал, говоря языком того времени, «моральное лицо» Володарского: «Работники университета, которые давно работают, помнят, очевидно, что в 1956 г. Володарский М.И. обсуждался за аморальное поведение, когда он работал на кафедре новой и новейшей истории и занимался клеветой на преподавателей нашего университета. В 1963 г. Володарский также обсуждался за клевету. Он подслушивал под окнами, под дверь. Эта мерзкая натура проявилась у него уже во время работы в нашем коллективе. Сейчас во всей полноте выявилась его антисоветская деятельность» (АГУМ

3: С. 109). Т.е. перед нами антисоветчик с отвратительным характером.

Была только одна попытка хоть как-то защитить Володарского. Заведующий кафедрой истории СССР Анатолий Михайлович Лисецкий, осудив поведение Володарского и заявив, что ему не место в студенческой аудитории, предложил не лишать его ученой степени кандидата исторических наук и звания доцента, дав ему, таким образом, возможность заниматься наукой и тем зарабатывать на содержание семьи («жена, двое детей, две старушки» (АГУМ 2: С. 56)). Эта попытка была сразу же пресечена репликой ректора КГУ Мельника, который заявил, что Лисецкий плохо понимает задачи ученого и что наука – это идеологический фронт, где нет места людям с антисоветским мировоззрением (АГУМ 2: С. 64).

Попытки Володарского оправдаться – «был не в себе», «ничего не помню», «большая семья на содержании», «больше не повторится» – оказались безуспешными. Ситуацию усугубило наличие у Володарского родственников за границей: «Еще в 1923 г. уехал во Францию брат моей матери. Он уже умер, но там живут его дети, мои племянники, с которыми я поддерживаю родственную переписку. Покойный брат матери приезжал сюда в 1966 г. В 1963 г. в Палестину уехала сестра матери, в 1973 г. – две ее сестры, а в 1974 г. – последняя сестра матери» (АГУМ 2: С. 56–57). Сохранить работу на «идеологическом» факультете при таком количестве зарубежных родственников было непросто и без обвинений в антисоветской деятельности.

Попасться на антисоветчине в «год 60-летия Великой Октябрьской Социалистической Революции», когда «весь советский народ трудился над выполнением X-ой пятилетки» и «по всей стране с новой силой разворачивалось социалистическое соревнование», было особым невезением. На этот раз Володарского прощать никто не собирался — его действия оказались несовместимы со званием преподавателя высшей школы и «с работой на идеологическом фронте» (АГУМ 2: С. 58).

Вероятнее всего, судьба Михаила Израилевича была решена до заседания ученого совета, и не в университете. КГБ за такие вещи в лагеря уже не отправлял, однако Володарский не мог остаться без наказания. И его наказали... руками коллег по факультету и университету. Совет принял решение ходатайствовать перед ректором об увольнении Володарского из университета и перед ВАК — о лишении его ученой степени кандидата наук и ученого звания доцента.

Ученый совет КГУ 29 июня 1977 поддержал и подтвердил решение ученого совета факультета о ходатайстве перед ВАК о лишении М.И. Володарского ученой степени кандидата наук и звания доцента (АГУМ 3: С. 102–112). Володарский на заседание не явился. Выступления участников этого ученого форума можно целиком прочитать в данной публикации (см.: с. 74–77). Я приведу отрывок из выступления ректора КГУ Мельника, которое передает в очень концентрированном виде не только суть обвинений в адрес Володарского, но и дух эпохи,

в которой довелось жить и работать героям нашего исследования: «Володарский Михаил Израилевич на протяжении нескольких лет систематически изготовлял и распространял ряд политически вредных документов. Так, в августе 1976 г., будучи на отдыхе за пределами Молдавской ССР, Володарский М.И. направил в редакцию газеты “Правда” злобный анонимный документ, содержащий клевету на советских государственных и политических деятелей, на деятельность партии и на советский общественный строй. Аналогичный анонимный документ был направлен им в 1974 г. в адрес газеты “Известия” из г. Одессы. Ранее, работая в Смоленском пединституте, Володарский М.И. сочинил и распространил стихотворение сионистского характера. Кроме того, он систематически, с враждебных позиций, комментировал политические события в нашей стране и за рубежом, среди близкого окружения клеветал на советскую власть. Володарский М.И., используя свое служебное положение, неоднократно склонял отдельных студентов к сожительство» (АГУМ 3: С. 107). Володарского уволили с работы и лишили ученых званий и степеней. Но не посадили — времена были уже не те «укромные, теперь почти былинные» (Владимир Высоцкий).

«Дело Володарского» доставило немало неприятностей руководству факультета, которое было обвинено в ослаблении бдительности, чрезмерном гуманизме в отношении к Володарскому, в ослаблении идеологической работы. Это, используя стилистику документов того времени, ЧП сильно подпортило «показатели» истфака в социалистическом соревновании, приуроченном к «60-й годовщине Великой Ок-

тябрьской Революции», и факультет старался как-то оправдаться перед начальством. Вскоре после увольнения Володарского, в сентябре 1977 на факультете обсуждаются задачи парторганизации по усилению бдительности (АОПО РМ 1: С. 79–85). В выступлениях на этом партсобрании имя Володарского звучало не раз. Разумеется, «коллектив единомышленно осудил политически вредное и аморальное поведение бывшего доцента кафедры новой и новейшей истории Володарского» (АОПО РМ 1: С. 84). Из протокола этого партсобрания мы также узнаем, что к этому времени Михаил Израилевич уже подал документы в ОБИР для получения разрешения на выезд в Израиль, что с возмущением отметил один из выступавших (АОПО РМ 1: С. 83).

2 марта 1978 Володарского задерживают на границе и обвиняют в попытке нелегального вывоза архивных материалов из Архива внешней политики России. Его допрашивают, он пишет объяснительную, в которой указывает, что в феврале 1978 Миркинд помогал ему с хранением архивных материалов в Москве. Документы (точнее – выписки) у него отбирают, а его самого отпускают восвояси. КГБ переключается на Миркинда.

Мы не знаем, когда Анатолия Морицевича первый раз вызвали в КГБ (очевидно, не было никаких задержаний, арестов и т.п.) и как шло расследование его «преступления». Из архивных материалов известно, что в июне 1978 Миркинд пишет в КГБ объяснительную записку. В университете узнают о том, что

у Миркинда есть проблемы с органами госбезопасности только в октябре 1978 из информационной записки КГБ, которую пока обнаружить не удалось. Не удалось найти и текст упомянутой «объяснительной» Миркинда. Как уже говорилось, на наш запрос в Архив Службы информации и безопасности Молдовы (СИБ), преемницы КГБ МССР, пришел ответ, что никаких материалов по делу Миркинда у них нет. С другой стороны, очевидно, что нигде, кроме архива КГБ, эти материалы находиться не могут. Мы не знаем были ли эти документы уничтожены в смутное время развала СССР, были ли эти дела вывезены из Кишинева (тысячи досье из архива КГБ в начале 1990-х были вывезены в Тирасполь, а впоследствии в Москву), или молдавские «секуристы» по каким-то причинам не желают предоставить доступ к ним. Надеюсь, в будущем, если эти материалы не были уничтожены, с ними удастся ознакомиться.

Как проходило обсуждение персонального дела члена КПСС Миркинда, мы знаем из протоколов заседания партбюро (АОПО РМ 4: С. 76–81) (см.: с. 78–80) и общего партийного собрания исторического факультета (АОПО РМ 2: С. 110–112) (см.: с. 80–83), которые прошли в один день, 31 октября 1978, а также из материалов заседания парткома КГУ (АОПО РМ 3: С. 58–61), состоявшегося 16 ноября 1978 (см.: с. 83–85).

30 октября 1978, за день до заседания партбюро и партсобрания факультета Миркинд пишет еще одну

объяснительную записку³¹. Текст этой объяснительной мы не обнаружили.

На всех трех упомянутых партийных заседаниях первым слово брал секретарь парторганизации исторического факультета Валерий Николаевич Козма, который упоминал о двух объяснительных, отмечая, что они «аналогичны, но есть расхождения» (АОПО РМ 2: С. 110), а затем вкратце приводил суть дела: «В феврале 1978 г. т. Миркинд А. М. совершил тяжкий проступок. По договоренности с бывшим доцентом университета Володарским М. И. предпринял попытку оказать ему содействие в вывозе за рубеж выписок из архива внешней политики России (АВПР), касающихся взаимоотношений царской России и Ирана в середине 19 в. Миркинд совершил и аморальный проступок, он неоднократно представлял свою квартиру т. Володарскому для интимных встреч» (АОПО РМ 3: С. 58–59).

В процессе обсуждения — на всех трех заседаниях Миркинд присутствовал, выступал, отвечал на вопросы — ему инкриминировались не только приятельские отношения с Володарским, но и сокрытие эмиграции дочери в Израиль, сионизм и другие «грехи», как, например, то, что Миркинд не сообщил партийной организации факультета о том, что Володарский перед отъездом заявил, что «не успокоится пока я (Миркинд. — А. Т.) не приеду к нему в Израиль» (АОПО РМ 2: С. 111).

³¹ Это мы узнаем из материалов заседания партийного бюро исторического факультета от 31 октября 1978.

По поводу своих отношений с Володарским сам Миркинд на заседании партбюро факультета сказал следующее: «Отношения односторонние, он привязался ко мне, а у меня не хватало силы характера отказать. Он мог без звонка заходить, он болтун бестактный. Ситуация усугубилась тем, что в последние годы я остался один. Другом он мне не был по причине его характера, я ему не мог доверять, как другу» (АОПО РМ 4: С. 79).

Слова Миркинда представляются искренними. Он понимал, что попал в ситуацию, грозящую ему большими неприятностями. Более того, вполне отдавал отчет, что Володарский не стоил ни его дружбы, ни его содействия, ни тех жертв, которые, Миркинд чувствовал, ему придется принести.

Судя по тому, как Анатолий Морицевич пытался оправдаться, он очень сожалел о произошедшем, хотя и не мог не понимать, что не совершил ничего предосудительного. Он предчувствовал несоразмерность наказания за такой пустяк, как помощь в хранении выписок из архива и содействие в их вывозе за границу. Миркинд очень хотел остаться на факультете и не хотел эмигрировать из СССР. Мы это знаем из интервью его дочери, но это чувствуется и по тому, как он защищал себя в процессе обсуждения его персонального дела на упомянутых партийных заседаниях. В какой-то момент, отвечая на вопрос о возможной эмиграции, Миркинд сказал: «Если бы я хотел уехать, я там не пропал бы. Я знаю языки, у меня там дочь, но я не хочу ехать, я здесь родился. У меня здесь вторая дочь» (АОПО РМ 4: С. 79).

Он каялся в содеянном, отрицал, что (как написал Володарский в своей объяснительной для КГБ) инициатива вывоза архивных выписок принадлежит ему, объяснял, что был разведен с первой женой и не мог воспитывать дочь, эмигрировавшую в Израиль в 1973, что не имел ни одного партийного взыскания, умолял дать ему шанс исправиться, сам называл себя слабохарактерным и постоянно подчеркивал, что его *«проступок не может перечеркнуть 30 лет работы в высшей школе»* (АОПО РМ 3: С. 59).

В протоколах заседаний партбюро и парторганизации факультета, а также парткома университета нет ни одного выступления в поддержку Миркинда. На заседании партбюро истфака выступали те, кому было положено по должности: Владимир Николаевич Козма — секретарь парторганизации факультета, Афанасий Васильевич Репида — декан истфака, Николай Михайлович Шилинцев — заведующий кафедрой Новой и Новейшей истории. Вопросы задавали и другие члены бюро. Все выступления носили осуждающий характер. Большинство вопросов, в частности о взаимоотношениях с Володарским, об эмигрировавшей в Израиль дочери, формулировались в обвинительном ключе. Бюро единогласно проголосовало за исключение Миркинда из КПСС. Вторым пунктом бюро постановило *«Считать нецелесообразным дальнейшую работу Миркинда А.М. на историческом факультете, готовящего кадры идеологического фронта»* (АОПО РМ 4: С. 81).

Партийное собрание факультета, прошедшее сразу же после заседа-

ния партбюро, утвердило решение последнего. Оно прошло по схожему сценарию: выступление партийного секретаря Козмы, затем вопросы-ответы, далее — осуждающие выступления коммунистов и принятие решения. Заведующий кафедрой Шилинцев напомнил присутствующим, что доступ к архивам ограничен, а вывоз архивных документов — серьезное преступление перед государством и перед партией. Декан Репида подчеркнул, что коммунист бросается в бой, стоит за Родину, за правду. И далее констатировал, что *«в поведении А.М. Миркинда мы не видим воинствующего марксизма»* (АОПО РМ 2: С. 112). Выступивший на этом собрании Александр Константинович Мошану заявил следующее: *«После того, как Володарский решил предать Родину, А.М. Миркинд поддерживал с ним связь и пособничал тому, чтобы он смог вывести частицу ценнейшего нашего достояния. Не аргумент, что это документы царского правительства. Любой документ, который попадает в руки наших врагов, они стараются направить против нас. Своим проступком Вы поставили себя вне партии. Я голосовал за решение партбюро и сейчас поддерживаю его»* (АОПО РМ 2: С. 112). С моей точки зрения, согласно тем документам, которыми мы располагаем, обвинения в адрес Мошану, выдвинутые в воспоминаниях Бабилюнги, не обоснованы. Осуждали Миркинда все, и Мошану в данном случае шагал в ногу вместе с другими «бойцами идеологического фронта».

Примечательно, что следующим пунктом этого партийного собрания было обсуждение персонального дела студентки-коммунистки

Н. Паскал, которую некая гражданка Алаева обвиняла в том, что та отбила у нее мужа, отца двух ее детей. Коммунисты факультета рекомендовали Паскал воздержаться от отношений с Алаевым до его развода. Паскал заявила, что последует рекомендации товарищей. Как мы видим, партии до всего было дело (АОПО РМ 2: С. 112–113).

16 ноября 1978 партком КГУ утвердил решения нижестоящих партийных органов – партбюро и партийной организации истфака об исключении Миркинда из КПСС и об его увольнении из университета. Все выступления участников этого заседания можно прочесть в опубликованном ниже протоколе заседания (см.: с. 83–85). Декан исторического факультета Репида, выступавший, как было сказано, на всех собраниях, где «прорабатывали» Миркинда, на парткоме университета еще раз решил доказать, что не зря возглавляет факультет, называемый кузницей идеологических кадров: *«Мы всегда говорим, что просто историки нам не нужны, а нужны историки-марксисты, ленинцы. В группе, которой руководил т. Миркинд, его студенты слушали вяло (это утверждение противоречило не только воспоминаниям, но и всем характеристикам и оценкам, которые Миркинд получал за свою работу до того момента. – А. Т.), ведь студенты имеют хорошую интуицию. Они скоро поняли, что вы фальшивите перед ними, и партийное собрание правильно решило – вы потеряли право быть воспитателем студентов, воспитывать бойцов идеологического фронта»* (АОПО РМ 3: С. 60).

В этом документе содержится и выступление члена парткома КГУ Бойко, о котором он упоминал в интервью с нами: *«Мы – историки, и сегодня в какой-то мере стыдно даже голову поднять. Я не буду говорить о многом. Речь здесь идет о пособничестве, и, несмотря на публикацию тайных документов царской России, эти документы нужны с какой-то тенденциозной целью. Доктор исторических наук, как бы мне он ни доказывал, что ошибся, я не верю, это уже другие убеждения, утрата коммунистических убеждений. За утрату коммунистических убеждений и неискренность исключить т. Миркинда А. М. из рядов КПСС»* (АОПО РМ 3: С. 59–60). Это выступление, как мы видим, было выдержано в осуждающем тоне и не отличалось от других.

Создается впечатление, что участники ученых советов и партийных заседаний соревнуются в тяжести выдвигаемых обвинений, в осуждающей направленности задаваемых вопросов. При чтении этих протоколов возникает чувство неловкости. Обвинять, демонстрировать непреклонность, не выказать ни капли сочувствия и милосердия было тактикой уже не выживания, как в сталинские времена, но сохранения престижной работы преподавателя советского вуза. Выступившего на защиту Миркинда в лагеря бы не отправили, но выгнать с работы, лишив тем самым куска хлеба с икрой, вполне могли. Тогда героев не оказалось. Хотя и сегодня, в гораздо менее репрессивной общественной ситуации, они встречаются чрезвычайно редко.

17 декабря 1978 последовало письмо, подписанное руководством фа-

культета, с просьбой уволить Миркинда (см.: с. 85–86). С 23 декабря 1978, согласно приказу ректора, доктор исторических наук (ученой степени не лишили), без пяти минут профессор (собирались подать бумаги на утверждение в 1978) Анатолий Морицевич Миркинд уже не являлся сотрудником Кишиневского государственного университета.

Для Володарского увольнение стало началом другой жизни — жизни за границей. Для Миркинда — началом конца.

Похоже, и его судьба была решена в КГБ. В конце 1970-х за такие «проступки» в лагеря уже не отправляли, а расправлялись другими методами, которые, как видим, тоже несли угрозу жизни. Мы никогда не узнаем по какой именно причине ученый, уволенный с «волчьим билетом», решил прибегнуть к суициду. Его жизненные обстоятельства были весьма неблагоприятными. К тому времени он был лишен поддержки семьи. Одна дочь была далеко — в Израиле, другая — ушла из дому (см.: с. 95). Со второй женой он к тому времени также расстался. Миркинд тщетно пытался получить работу по профессии. По свидетельству Бабилунги, рассылал обращения о приеме на работу во все вузы страны, в том числе и расположенные за полярным кругом. Но не проходил «экспертизу» т.н. Первого отдела, структуры советских предприятий, аффилированной

с КГБ (см.: с. 114). На жизнь, по словам дочери, он зарабатывал частными уроками английского языка. Бывшие коллеги его сторонились. Кроме того, у Миркинда были серьезные проблемы со здоровьем. Кремер вспоминает, что его друг *«испытывал невыносимые боли. У нас была общая знакомая, и он написал ей открытку буквально в день гибели. Он писал, что решил уйти из жизни, потому что не может терпеть эти боли»* (с. 137). Все эти обстоятельства привели к тому, что 19 февраля 1983 Анатолий Морицевич бросился под поезд на Кишиневском железнодорожном вокзале.

Могли ли коллеги Миркинда защитить его, оставить, вопреки воле КГБ, в партии и на факультете, дать, как он сам просил, «шанс исправиться»? Я не знаю ответа на этот вопрос. Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют говорить только о том, что никто не попытался встать на его защиту.

Мы, авторы этой публикации документов и воспоминаний, считаем, что в какой-то степени удалось восстановить справедливость, сделать жизнь доктора исторических наук Анатолия Морицевича Миркинда, блестящего лектора, серьезного ученого, выдающегося педагога фактом культурной памяти, т.е. памяти овеществленной в опубликованных текстах и способной сопротивляться безжалостному бегу времени.

Архивные документы¹

Документ I

ПРОТОКОЛ № 10
ЗАСЕДАНИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ОТ 24 МАЯ 1977 Г.²

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. О недостойном поведении доцента кафедры новой и новейшей истории Володарского Михаила Израилевича.

Докладывал секретарь парткома КГУ доцент *С. Д. Рошка*: Нынешний год является знаменательным в истории советского народа — это год 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Весь наш народ трудится над выполнением X-й пятилетки. С новой силой развернулось по всей стране социалистическое соревнование. Все советские люди горячо поддерживают деятельность нашей партии и правительства, проводимую как в области внутренней, так и внешней политики.

Но в капиталистических странах есть люди, которых не радуют успехи нашей страны в области экономики и борьбы за сохранение мира во всем мире. Некоторые буржуазные деятели клеветуют на СССР, выдвигают новые доктрины, имеющие цель опорочить наш социалистический строй, нашу демократию. Они пытаются изобразить

в неправильном свете процесс развития человеческого общества. Эта идеологическая атака на социализм лишний раз подтверждает тот факт, что кризис охватил именно капиталистическую систему.

Нет-нет да и в нашей стране появляется какой-нибудь гражданин нашей страны, который в один тон с нашими врагами толкует в неправильном свете политику нашей партии и правительства. К великому нашему сожалению в университете есть такой человек — доцент Володарский М. И. Последний неоднократно обсуждался нами по разным вопросам, связанным с его неправильным поведением. Мы тогда еще думали, что Володарский М. И. впишется в наш коллектив, поймет свои ошибки и будет честно работать. С 1960 г. таких случаев было несколько. В одно время ему пришлось даже покинуть стены нашего университета. Но, М. И. Володарский не сделал для себя никаких выводов, работал пассивно, все проходило мимо него. Был случай, когда он представил на кафедру методическое пособие, которое оказалось плагиатом. Мало того М. И. Володарский пользовался своим положением преподавателя и принуждал студенток заочного отделения к сожителству. Он стал на путь клеветнических анонимок на деятелей нашей партии и правительства. В своих анонимных письмах, отправляемых в центральные органы печати из разных городов (Краснодара, Одессы и др.), он писал о том, что не разделяет интер-

¹ Явные опечатки в тексте документов исправлены без оговорок.

² (АГУМ 2: С. 53–90).

национальную миссию СССР и других социалистических стран по отношению к Чехословакии, что это была настоящая агрессия. Он утверждал, что США действуют более демократично, так как, например, во время выборов в Италии, они лишь предупредили последнюю, что в случае допущения к власти коммунистов Италии будет отказано в экономической помощи.

Коллегам по работе М.И. Володарский рассказывал, как бы он повел себя, если бы в 1968 г. он оказался в Чехословакии. При этом он выражал сочувствие реакционным контрреволюционным силам.

Но наши органы безопасности охраняют зорко нашу страну, наш народ и находят подобного рода людей. Как было и с М.И. Володарским.

Такова краткая справка о деятельности М.И. Володарского, который претендовал на роль преподавателя, воспитателя и лектора, но поведение которого с этой ролью несовместимо.

Мы пригласили членов ученого совета исторического факультета, членов других общественных кафедр, наших активистов для того, чтобы они послушали М.И. Володарского, как он докатился до такой жизни.

Володарский М.И.: Товарищи, что я могу сказать обо всем том, что доложил вам Сергей Дмитриевич Рошка. Лучше бы мне умереть, чем стоять здесь сейчас перед вами. Я знаю, как вам всем неприятно это слушать. Да, я виноват, я себя

знаю, я знаю свой язык, я, будучи неосторожен в выражениях, делился по разным вопросам с людьми, которые затем искажали мои слова. Но моя работа говорит о другом. Я иногда бываю в таком состоянии, что могу совершить бесконтрольные поступки, о которых я потом сожалею. Иногда в такие минуты я позволял себе писать необдуманно подобного рода письма, но затем рвал их, и лишь некоторые я отправил в газеты. Я потом жалел об этом и сейчас я действительно даже не могу вспомнить, что писал. Я потом приходил к выводу, что это нелепость, чушь и давал себе слово больше ничего подобного не делать.

В последнее время у меня очень нервное состояние, но я никогда ни с кем не был связан. Ни с какими антисоветскими деятелями. В действительности я не настроен антисоветски. Я повторяю, что у меня серьезная беда и лучше бы мне умереть, чем стоять здесь. Я нанес огромный ущерб как КГУ, так и своей семье. Если бы я поступал обдуманно, я бы ничего подобного не сделал. Я очень глубоко прочувствовал, что я совершил, и надо было мне идти в КГБ самому и все рассказать.

У меня в прошлом действительно были проблемы, но я последний раз прошу простить меня, я раскаиваюсь в своих поступках и больше ничего подобного не будет. Я прошу вас пожалеть не меня, а мою семью, мою жену, двоих детей и двух старушек, о которых я должен заботиться. Прошу коллектив последний раз простить меня за то, что я совершил. Я не мыслю себе

жизнь вне своей страны, без той работы, которую я делал, хотя я понимаю, что не заслуживаю снисхождения.

ВЫСТУПИЛИ:

Доцент *Грекул А. В.*: Когда вас последний раз избирали доцентом, вы точно также выступали и раскаивались. Мы вам тогда поверили и проголосовали за вас. Однако, несмотря на предупреждение, свое слово вы не выполнили. Кроме того, мне хочется вас спросить, чем было вызвано [то], что вы вскрывали на факультете чужие письма?

Володарский М. И.: Тогда стоял вопрос о моем неправильном отношении с людьми на факультете. Я в этом плане изменился и многое учел. Что же касается писем, то я об этом ничего не знаю.

Рошка С. Д.: Тогда действительно возник вопрос о вашей непригодности в качестве преподавателя, в связи с чем мы ваше переизбрание на занимаемую должность отложили на один год. И лишь через год, надеясь на то, что вы осознали свои ошибки, мы вас переизбрали.

Доцент *Пискарев М. Ф.*: Есть ли у вас родственники за границей и поддерживаете ли вы с ними письменную связь?

Володарский М. И.: Еще в 1923 г. уехал во Францию брат моей матери. Он уже умер, но там живут его дети, мои племянники, с которыми я поддерживаю родственную переписку. Покойный брат матери приезжал сюда в 1966 г. В 1933 г.

в Палестину уехала сестра матери, в 1973 г. — две ее сестры, а в 1974 г. последняя сестра матери. Я пытался убедить их детей не ехать туда, но безрезультатно. Для меня отъезд сестер матери был вопросом не только политическим, так как это были люди, которые меня вырастили, так как моя мать была очень больна.

Доцент *Мадан И. К.*: Вы утверждаете, что ваши поступки являются результатом болезненного состояния. Обращались ли вы к врачам?

Володарский М. И.: С 1973 г. я к врачам обращался несколько раз, у меня признали гипертонию. У меня бывают такие моменты, когда я не знаю, что я делаю, я нахожусь в каком-то нервном состоянии, а потом о своих поступках жалею.

Доцент *Романова З. Г.*: Однако почему же в тех письмах такая антисоветчина? Может ли оправданием этого служить нездоровое состояние?

Володарский М. И.: В упомянутых письмах я говорил лишь о политике и вовсе не имел в виду антисоветчину. В одном из своих писем я писал о нашей избирательно системе и об избирательной системе на западе, которая, как мне казалось, является более демократической.

Фролова Н. С., ассистент кафедры истории КПСС: Почему же вы писали анонимки из других городов?

Володарский М. И.: Это самое мерзкое, что я мог сделать. Я должен был писать письма открыто, но я этого боялся.

Доцент **Нечаев С.Е.:** Никакие ваши слова о болезни вас оправдать не могут. Если вам были не ясны некоторые моменты политики нашего правительства, вы имели возможность обратиться за разъяснением к вашим товарищам. Почему вы этого не сделали?

Володарский М.И.: У меня есть действительно в университете много моих хороших учителей, я имею в виду хороших товарищей по учебе в университете, но я к ним по этим вопросам не обращался, в чем я допустил ошибку, так как они бы мне всегда оказали помощь и помогли разобраться во всех вопросах.

Доцент **Бырлиба К.М.:** Вы нам все здесь представляете, что в силу болезненного состояния ваши действия были импульсивные, неосознанные, но на самом деле вы писали обдуманно. Вы говорили, что не помните, что вы писали в ваших анонимках, и здесь же рассказываете о содержании одного из них. Вы утверждаете, что вы были неосторожны, когда вы делились вашим мнением с людьми, которые якобы впоследствии исказили ваши слова, значит вы думаете и хорошо их помните.

Володарский М.И.: Я очень вспыльчивый человек, но проходит определенное время и я начинаю думать трезво. В бреду я никогда не бывал и за свои поступки готов ответить. Я не хочу искать смягчающие вину обстоятельства, а объясняю причину своих поступков. Я не собирался этим ничего решить.

Рошка С.Д.: Расскажите, пожалуйста, кто ваши родители?

Володарский М.И.: Отец мой работал на разных работах. Был и грузчиком, затем агентом фирмы, покупавшей зерно. В 1941 г. пошел в армию, после войны работал проводником.

Нечаев С.Е.: Считаете ли вы, что ваши действия совместимы с работой на идеологическом фронте?

Володарский М.И.: Несовместимы. Но я [во] всей своей пропагандистской работе нигде не выразил своих мыслей. Если бы я был настроен антисоветски, то мое настроение бы обязательно где-то в ходе этой работы прорвалось. Но ничего подобного никогда не имело место.

Зав. кафедрой политэкономии доцент **Сидоров В.А.:** В 1956 г. у вас проявлялись эти изъяны. Но тогда вы были еще молодым и была надежда, что все это пройдет. Но как вы это можете объяснить сейчас, когда происходит то же самое, но уже в этом возрасте, после стольких лет?

Володарский М.И.: Я очень сложный человек. То, что для другого ясно, для меня ясно не всегда. Но в университете я работал не хуже других. Что касается моего направления на работу, то я там не мог работать.

Рошка С.Д.: Не является ли причиной всего ваше мнение о себе, что вы не хуже других, а лучше?

Володарский М.И.: Я никогда не считал себя лучше других, но я не могу согласиться, что я хуже других.

Фролова Н.С.: Вы утверждаете, что уже несколько месяцев думаете о ва-

шем поведении, о случившемся. Почему же вы не пришли в партком и не рассказали нам о своем поступке?

Володарский М. И.: Мне страшно было думать о том, что мне надо пойти туда и рассказать обо всем. Я боялся этого.

Зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков профессор **Энгельгардт Р. Ю.:** С чувством глубокого возмущения наш коллектив узнал о недостойном поведении М. И. Володарского. В 1963 г. возник вопрос об его освобождении от занимаемой должности ассистента кафедры всеобщей истории, которой я тогда заведовал. Я тогда считал, что не нужно Михаила Израилевича освобождать от занимаемой должности, так как политических претензий к нему не было, а речь шла о морально-этических проступках. Но ректорат решил иначе. М. И. Володарский затем 5 лет работал в Смоленске. В 1968 г. он возвратился на факультет, но, к сожалению, он вновь не вел себя хорошо — неправильные высказывания, ребяческие поступки, плохое отношение к коллегам. К сожалению, корни этого поведения оказались более глубокими и М. И. Володарский объективно занимался антисоветской деятельностью. Совершенно недопустимо, чтобы вы зашли завтра в аудиторию и говорили о национально-освободительной борьбе или о Великой Октябрьской социалистической революции после того, что вы совершили. Я считаю, что своим поведением вы поставили себя вне стен университета, это ни у кого не вызывает сомнения.

Нечаев С. Е.: Товарищи! Я в этом зале один из старейших по возрасту и по членству в партии. И я понимаю так, что если люди заявляют, что были неосторожны в выражениях, то надо понимать, что они жалеют не о совершившемся, а о том, что они сделали промахи. Володарский М. И. просит снисхождения к семье, жене, детям и т. д. Но почему он не пришел честно к нам и не сказал, чтобы ему помогли разобраться во всем? Почему он сам не подумал о своей семье? Можно ли читать курс с позиций марксизма-ленинизма, если он сам в нем не убежден, если он ставит под сомнение политику нашего государства и политику нашей Коммунистической партии? Если я в чем-то ошибаюсь, я прошу эти вопросы мне разъяснить. А такой человека, как Володарский, не может быть преподавателем ВУЗа. Я считаю, что ему не место в нашем коллективе.

Доцент **Сторожук В. П.:** М. И. Володарского я знаю более 22 лет. Зная его характер, мы всегда старались ему помочь, направить его на правильный путь. Он получил звание доцента. Неоднократно повторяющиеся срывы Володарского приводили к тому, что он несколько раз становился предметом обсуждения. В 1974 г. проявились новые попытки продолжения той же линии поведения. Зав. кафедрой т. Шилинцев Н. М. поставил вопрос на решение партийной группы. Было признано странным его поведение, кроме того, он предложил принять на кафедру свои кадры извне. Володарский М. И. всеми силами отбивался от кафедральных поручений, разваливал работу СНО, ничего не де-

лал, чтобы навести порядок в своей группе, где не все было благополучно. Во время выборов в 1973 г. он заявил представителю райкома, что не пойдет приглашать избирателей, пусть это сделает секретарь ЦК КПМ, ведь это нужно ему. Тогда пришлось мне как зав. агитпунктом провести эту работу. Володарский М.И. показывал всем книгу Владимира, обращая внимание только на те моменты, где приведены данные, как Мао Цзе-дун поносит наше правительство. Партбюро предупреждало его, что [с] таким поведением он скатится на путь подонка и не рекомендовало его на место доцента кафедры. В настоящее время мы имеем дело уже с третьим рецидивом. Кафедра сделала многое, чтобы повлиять на М.И. Володарского, но он ничего не учел. Перед нами стоит задача ходатайствовать перед соответствующими инстанциями, чтобы Володарский М.И. был лишен степени кандидата исторических наук и звания доцента.

Зав. кафедрой истории МССР, профессор *Мунтян М.П.*: Мы обсуждаем сейчас позорное поведение доцента Володарского, нашего воспитанника. В этом он в первую очередь виноват сам, но часть вины ложится на всех, кто давно работает на факультете. Вы плюнули в глаза всего коллектива, который столько раз пытался вам помочь, а теперь вы просите прощения. Я никогда не питал особых симпатий к Володарскому. У него интриганский характер. Стоило лишь, чтобы кто-то зашел на кафедру, как он все должен был знать. Первый раз когда вас уволили из университета, нас вызывали в ректорат. Вам пришлось

уехать в Смоленск, но и там вы вели себя плохо. На это обратил мое внимание т. Редков, когда меня спрашивал во время встречи на симпозиуме, как вы вели себя у нас? Я тогда не хотел говорить о вас плохое, было как-то неудобно, ведь это ложилось бы на наш коллектив. Когда вы вернулись, вы дали нам слово, что будете вести себя по-другому. А теперь опять то же самое. Нет, это настоящая антисоветчина и ничто другое, это ваше лицо. Володарскому М.И. не место на факультете. Это позор для факультета. Этот случай заставляет нас подумать о нашей смене и еще больше сил отдать ее воспитанию.

Секретарь партбюро исторического факультета, доцент *Козма В.Н.*: Уважаемые товарищи! Я лишний раз убеждаюсь в том, что когда речь идет о коммунистическом мировоззрении, о значении воспитательной работы с нашими студентами, то не может быть никаких компромиссов. Когда я рассказываю студентам, что на западе идеологи империализма искажают содержание нашей социалистической системы, клеветают на нашу демократию, то в их глазах я читаю недоумение и возмущение. Володарский М.И. в течение 20 лет ведет себя не так, как нужно, он не имеет морального права воспитывать наших студентов. Ему не место в университете.

Декан исторического факультета, доцент *Ренуда А.В.*: Я всецело согласен с оценкой, данной проступкам М.И. Володарского. То, что мы его сегодня обсуждаем, объясняется нашим гуманизмом. Мы уже несколько раз ему верили, но он нас подвел,

и теперь на факультете нет ни одного человека, который бы ему верил. Каждый наш сотрудник — это боец идеологического фронта, каждый из нас находится на идеологической работе и осуществляет политику Коммунистической партии Советского Союза, нашей советской власти. М.И. Володарский же клеветает на нашу страну, на политику нашего государства, нашей партии. Его заявления, что он проявлял неосторожность, что он попался, еще больше усугубляют его отрицательную характеристику. Володарский М.И. занял враждебную, антисоветскую позицию. На фронте мы сражались с врагами открыто, а он скрытый враг, значит наиболее опасный. Исторический факультет не может согласиться с тем, чтобы такой человек находился в нашем коллективе. О жене и детях ему надо было раньше подумать самому. Ему такая возможность давалась неоднократно.

Зав. кафедрой истории СССР, профессор *Лиसेцкий А.М.*: Я заведу кафедрой отечественной истории и знаю отлично, какой путь прошла наша страна и до каких высот она поднялась. Были голод и засуха, трагедия войны. Из всего этого вышла наша страна еще более сильной и могучей. Она пользуется непререкаемым авторитетом среди мировой прогрессивной общест-венности. И радости, и боль — это все наше, это наша история, и мы не можем себя отделить от судьбы нашей страны. Меня буквально ошарашило то, что мы сегодня узнали. Я не могу понять, как можно так относиться к своей родине, к своей стране. Я не знал о предыдущей

«деятельности», так как совместно работаем недолгое время, но считал М.И. Володарского хорошим специалистом. Я недавно по поручению ученого совета посетил его лекцию и дал ей высокую оценку. Это какая-то раздвоенная личность. Мы не можем допустить, чтобы люди, не убежденные в правоте нашей идеологии, нашей политики, нашей партии, работали со студентами. Володарский М.И. не может работать на нашем факультете. Но мы гуманисты, у него есть большая семья, о которой он не думал, как и о многом другом. Может быть, сегодня не принимать предложение т. Сторожука ходатайствовать перед ВАКом о лишении М.И. Володарского ученой степени и звания? Ведь государство затратило на него огромные средства, обучив его многому. Я думаю, что он, как человек, знающий восточные языки, мог бы принести пользу науке, можно бы еще попробовать использовать его знания в науке в этой области. Но в студенческую аудиторию его допустить нельзя.

Ректор университета, член-кор. АН МССР *Мельник Б.Е.*: Профессор Ли-сецкий, вы очень плохо понимаете задачи ученого. Наука — это тот же идеологический фронт, где нет места людям с антисоветским мировоззрением. Об этом мы с вами еще поговорим. Я крайне удивлен, что вы этого до сих пор не понимаете.

Доцент *Клобуцкий В.С.*: Политическая оценка поведения доцента Володарского правильная. Но здесь выступавшие не обратили внимание на то, что он пытался свести всю свою деятельность к каким-то

психологическим чертам. Но его поведение свидетельствует о другом. Он клеветает на нашу страну, на политику партии. Он пытается уйти от оценки его деятельности как антисоветской, антигосударственной. Володарский М.И. не в состоянии заниматься педагогической работой, ему не место в нашем коллективе, он не способен дальше вести эту работу вообще.

Володарский М.И.: Я выслушал все и хочу сказать, что я не считаю себя врагом советской власти и нашей страны. Мои поступки дают право так считать, но они – результат моей незрелости в некоторых вопросах и моего периодически болезненного нервного состояния.

Рошка С.Д.: Все выступавшие ставили вопрос об антисоветском поведении М.И. Володарского и его несоответствии званию преподавателя по профессиональным и морально-деловым качествам. Есть предложение решить этот вопрос путем тайного голосования. Принято единогласно. Предлагаю избрать состав счетной комиссии из трех человек, персонально: П.А. Бойко, З.А. Федько, И. Т. Никулицэ. Принято единогласно.

ПРОТОКОЛ № 1

СЛУШАЛИ: Постановление счетной комиссии об избрании председателем П.А. Бойко, членами И.Т. Никулицэ и З.А. Федько. Принято единогласно.

СЛУШАЛИ: Протокол № 2 счетной комиссии об итогах тайного голосования по вопросу о несоответствии

занимаемой должности доцента кафедры новой и новейшей истории Володарского М.И. Членов ученого совета – 25, присутствовало на заседании – 18, проголосовало за несоответствие занимаемой должности Володарским М.И. 18 членов ученого совета. Постановили: Утвердить протокол № 2 счетной комиссии о результатах тайного голосования.

СЛУШАЛИ: Предложение председателя ученого совета исторического факультета Репиды А.В. а) Просить ректора КГУ утвердить решение ученого совета от 24 мая 1977 г. о признании Володарского М.И. несоответствующим занимаемой должности доцента кафедры новой и новейшей истории по профессиональным и морально-деловым качествам.

б) Просит[ь] ученый совет университета возбудить ходатайство о лишении ученой степени кандидата исторических наук и звания доцента Володарского М.И. за профессиональную непригодность, аморальные и аполитические поступки, несовместимые со званием ученого (проект прилагается).

ПОСТАНОВИЛИ: а) Просить ректора КГУ им. В. И. Ленина утвердить решение ученого совета исторического факультета о признании Володарского М.И. несоответствующим занимаемой должности доцента кафедры новой и новейшей истории по профессиональным и морально-деловым качествам и освободить от занимаемой должности.

б) В соответствии с §104 Положения ВАК СССР «О порядке присуждения ученых степеней и присвоения уче-

ных званий» просить ученый совет университета возбудить ходатайство о лишении ученой степени кандидата исторических наук и звания доцента Володарского М.И. за профессиональную непригодность, аморальные и аполитические поступки, несовместимые со званием ученого.

Председатель ученого совета исторического факультета доктор ист. наук А. В. Репида

Секретарь ученого совета исторического факультета, доцент Е. М. Подградская

ЯВОЧНЫЙ ЛИСТ
членов ученого совета исторического факультета Кишиневского ордена Трудового Красного Знамени госуниверситета им. В. И. Ленина на заседании ученого совета от 24 мая 1977 г.

№ п/п	Ф.И.О.	Роспись
1	Сытник М. К. Репида	
2	Бойко П. А.	
3	Подградская Е. М.	
4	Лисецкий А. М.	
5	Брысякин С. К.	
6	Вербицкий Э. Д.	
7	Грекул А. В.	
8	Драхенберг К. М.	
9	Королев Н. В.	
10	Кожокару Н. Т.	
11	Крупейников Д. А.	
12	Мунтян М. П.	
13	Миркинд А. М.	
14	Никулицэ И. Т.	
15	Оганян Л. Н.	
16	Панфилов С. А.	
17	Потлог В. И.	
18	Руссу И. Н.	

19	Сторожук В. П.	
20	Тотров В. К.	
21	Федько З. А.	
22	Шилинцев Н. М.	
23	Энгельгардт Р. Ю.	
24	Пасенюк А.	
25	Козма В. Н.	
26	Караджа Ф. К.	
27	Грозав Н. Ф.	
28	Сидоров В. А.	

ВЫПИСКА

из протокола заседания ученого совета исторического факультета от 24 мая 1977 г.

СЛУШАЛИ: О несоответствии занимаемой должности доцента кафедры новой и новейшей истории Володарского Михаила Израилевича по профессиональным и морально-деловым качествам.

ПОСТАНОВИЛИ: Вопрос о несоответствии занимаемой должности доцента кафедры новой и новейшей истории Володарского М.И. решить путем тайного голосования членов ученого совета исторического факультета.

СЛУШАЛИ: итоги тайного голосования по вопросу о несоответствии занимаемой должности доцента кафедры новой и новейшей истории Володарского М.И. Членов ученого совета – 25, присутствовало на заседании – 18, приняло участие в голосовании – 18, проголосовало за несоответствие занимаемой должности Володарским М.И. – 18 членов ученого совета.

ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить протокол № 2 счетной комиссии о резуль-

татах тайного голосования. а) Просить ректора КГУ им. В.И. Ленина утвердить решение совета исторического факультета о признании Володарского М.И. несоответствующим занимаемой должности доцента кафедры новой и новейшей истории по профессиональным и морально-деловым качествам и освободить его от занимаемой должности.

б) В соответствии с §104 Положения ВАК СССР о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий просить ученый совет университета возбудить ходатайство о лишении ученой степени кандидата исторических наук и звания доцента Володарского М.И. за профессиональную непригодность, аморальные и аполитические поступки, несовместимые со званием ученого.

Председатель ученого совета исторического факультета, доктор исторических наук А. В. Репида

Секретарь ученого совета исторического факультета, доцент Е. М. Подградская

ПРОТОКОЛ № 1
заседания счетной комиссии,
избранной ученым советом
исторического факультета
Кишиневского государственного
университета по определению
результатов тайного голосования
о соответствии занимаемой
должности

«24» мая 1977 г.

На заседании счетной комиссии присутствовали:

1. доц. Бойко П. А.
2. доц. Федыко З. А.
3. доц. Никулицэ И. Т.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

Выборы председателя и секретаря счетной комиссии.

Счетная комиссия ПОСТАНОВИЛА:

Председателем счетной комиссии избрать тов. Бойко П. А.

Секретарем счетной комиссии избрать тов. Никулицэ И. Т.

Подписи членов счетной комиссии

ПРОТОКОЛ № 2
заседания счетной комиссии,
избранной ученым советом
исторического факультета
Кишиневского государственного
университета для определению
результатов тайного голосования

«24» мая 1977 г.

На заседании счетной комиссии присутствовали:

1. доц. Бойко П. А.
2. доц. Федыко З. А.
3. доц. Никулицэ И. Т.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

Определение результатов тайного голосования по вопросу о соответствии доцента кафедры новой и новейшей истории Кишиневского государственного университета Во-

лодарского Михаила Израилевича занимаемой должности.

Приказом ректора Кишиневского государственного университета № 106 от 4 ноября 1976 г. (с последующими изменениями) состав ученого совета исторического факультета утвержден в количестве 25 человек.

Присутствовало на заседании членов совета 18

Роздано бюллетеней членам совета 18

Осталось неиспользованных бюллетеней _____

Оказалось в урне бюллетеней 18

Фамилия, имя, отчество	Занимаемая должность	Результаты тайного голосования	
		За несоответств.	Против несоответ.
Володарский Михаил Израилевич		18	нет

Председатель счетной комиссии

подпись

Секретарь счетной комиссии

подпись

Член счетной комиссии *подпись*

**РЕШЕНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
КГУ ОТ 24 МАЯ 1977 Г.**

Совет исторического факультета постановляет:

1. Просить ректора университета утвердить решение Совета исторического факультета о признании Во-

лодарского Михаила Израилевича не соответствующим занимаемой должности доцента кафедры новой и новейшей истории по профессиональным и морально-деловым качествам и освободить его от занимаемой должности.

2. В соответствии с параграфом 104 Положения ВАК СССР « О порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий просить ученый совет университета возбудить ходатайство перед ВАК СССР о лишении ученой степени кандидата исторических наук и звания доцента Володарского Михаила Израилевича* за профессиональную непригодность, аморальные и аполитические поступки, несовместимые со званием советского ученого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

А. В. Репида

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Е. М. Подградская

Документ II

ПРОТОКОЛ № 11
ЗАСЕДАНИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА
КИШИНЕВСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
ОТ 29 ИЮНЯ 1977 Г. ³

Приказом МНО МССР № 355 от 4 сентября 1974 г. (с последующими изменениями) состав ученого совета утвержден в количестве 50 человек.

³ (АГУМ 3: С. 102-112).

На заседании присутствовали 40 членов совета.

Присутствовали: заведующие кафедрами, зав. отделом преподавания общественных наук МНО МССР г. Дудник А. Е.

Председательствующий – председатель ученого совета, ректор университета, профессор Мельник Б. Е.

Ученый секретарь совета – Змеу Л. Ф.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. «Об итогах выполнения государственного плана подготовки специалистов в 1977 г. и мерах по обеспечению выполнения постановления ЦК КПСС от 31.01.77 г. «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». (Доклад проректора по учебной работе доцента Панфилова С. А.).
2. Выборы по конкурсу.
3. Переизбрание преподавательского состава на новый срок.
4. Представление к ученым званиям доцента и профессора.
5. О возбуждении ходатайства о лишении доцента кафедры новой и новейшей истории КГУ Володарского М. И. ученой степени кандидата исторических наук и ученого звания доцента.
6. Утверждение плана работы ученого совета на 1977–1978 учебный год.
7. Разное.

<...>

СЛУШАЛИ: О возбуждении ходатайства перед ВАК СССР о лишении доцента кафедры новой и новейшей истории КГУ Володарского М. И. ученой степени кандидата исторических наук и ученого звания доцента. Володарский М. И. был приглашен на заседание ученого совета, однако не явился по неизвестной причине.

ВЫСТУПИЛИ:

Мельник Б. Е. – ректор университета, профессор: Володарский Михаил Израилевич на протяжении нескольких лет систематически изготовлял и распространял ряд политически вредных документов. Так, в августе 1976 г., будучи на отдыхе за пределами Молдавской ССР Володарский М. И. направил в редакцию газеты «Правда» злобный анонимный документ, содержащий клевету на советских государственных и политических деятелей, на деятельность партии и на советский общественный строй. Аналогичный анонимный документ был направлен им в 1974 г. в адрес газеты «Известия» из г. Одессы. Ранее, работая в Смоленском пединституте, Володарский М. И. сочинил и распространил стихотворение сионистского характера. Кроме того, он систематически, с враждебных позиций, комментировал политические события в нашей стране и за рубежом среди близкого окружения, клеветал на советскую действительность. Володарский М. И., используя свое служебное положение, неоднократно склонял отдельных студентов к сожительству.

В связи с совершением этих аполитических, аморальных поступков Володарский М.И. в соответствии с решением ученого совета исторического факультета КГУ от 24 мая 1977 г. признан не соответствующим занимаемой должности доцента кафедры новой и новейшей истории и уволен из университета, и теперь на ученый совет КГУ выносится решение вопроса о лишении Володарского ученой степени и ученого звания.

Ренуда А.В. – декан исторического факультета: Володарский М.И. знает, что сегодня на ученом совете будет рассматриваться вопрос о нем, однако не явился. Всем нам очень странно слышать о таком поведении бывшего доцента кафедры новой и новейшей истории, потому что по справедливости весь коллектив нашего университета привык смотреть на историков как на бойцов идеологического фронта, а в данном случае мы столкнулись с антисоветской деятельностью бывшего доцента Володарского М.И. Занимался ли Володарский М.И. весь коллектив исторического факультета? Я должен сказать, что на протяжении нескольких десятилетий Володарский М.И. был предметом обсуждения о его недостойном поведении. Однажды он не прошел по конкурсу и 5 лет не работал в университете. Затем, из пединститута гор. Смоленска поступали сигналы, что он и там показал себя не с лучшей стороны. После его возвращения в Кишинев на протяжении нескольких лет поступали к нам ходатайства с тем, чтобы принять его опять. Он клялся, что преобразовался, что он уже не «тот» Воло-

дарский М.И. Прошло еще некоторое время, а Володарский оказался «тем же», и опять он не был избран по конкурсу. Это было 2–3 года назад. Ректорат пошел на гуманность: год Володарский М.И. работал по приказу. За этот год он старался показать себя с лучшей стороны. Опять провели [его] по конкурсу. Оказалось, он и сейчас вел себя недостойно не только как доцент, не только как воспитатель младшего поколения, но и как гражданин Советского Союза. Я думаю, что для исторического факультета это чрезвычайное происшествие. Исторический факультет уже сделал или сделает соответствующие выводы о работе с кадрами факультета, и мы сделаем все, чтобы смыть этот позор, который нанес Володарский коллективу университета. Ученый совет исторического факультета единогласно вынес решение о ходатайстве перед ВАК СССР о лишении Володарского ученого звания доцента и ученой степени кандидата исторических наук. Считаю, что это справедливо и прошу ученый совет поддержать решение факультета.

Сидоров В.А. – зав. кафедрой политэкономии: Ученый совет исторического факультета очень правильно поступил, что принял решение – ходатайствовать о лишении ученого звания доцента и ученой степени кандидата исторических наук Володарского М.И. Работники университета, которые давно работают, помнят, очевидно, что в 1956 г. Володарский М.И. обсуждался за аморальное поведение, за клевету на преподавателей нашего университета. В 1963 г. Володарский так-

же обсуждался за клевету. Он подслушивал под окнами, под дверьми. Эта мерзкая натура проявилась у него уже во время работы в нашем коллективе. Сейчас во всей полноте выявилась его антисоветская деятельность. Это совершенно недопустимо и несовместимо с почетным званием научного работника, которое у нас в стране очень высоко ценится. Я полностью поддерживаю решение исторического факультета о ходатайстве перед ВАК СССР о лишении Володарского М. И. ученого звания доцента и ученой степени кандидата исторических наук.

Стахи А. М. – декан факультета математики и кибернетики: 15 января 1969 г. уже было известно, кто такой Володарский, и сегодня подтверждено, что его поведение не соответствует высокому званию преподавателя высшей школы. Однако вызывает удивление позиция и та настойчивость, которая была проявлена факультетом и кафедрой вернуть Володарского М. И. в стены Кишиневского госуниверситета. Я бы сказал, Афанасий Васильевич, что не гуманность проявил факультет, а непринципиальность, и надо сейчас обвинить факультет не в гуманности, а непринципиальности решения вопроса о кадрах. И прошу отметить в протоколе, что и кафедре, и факультету надо быть более внимательными в подборе кадров для университета.

СЛУШАЛИ: Выборы счетной комиссии.

ПОСТАНОВИЛИ: Избрать счетную комиссию в составе 5 человек.

Персонально: 1. Доц. Бардина М. Б.
2. Ст. н.с. Дедю И. И.
3. Доц. Добровольского К. А.
4. Коваленко П. А.
5. Чеботару И. С. Объявляется перерыв. (Члены Совета голосуют)

<...>

СЛУШАЛИ: Результаты тайного голосования. (Информация председателя счетной комиссии доц. Бардина М. Б.)

ПОСТАНОВИЛИ:

<...>

8. Протокол счетной комиссии №9 утвердить. На основании результатов тайного голосования (за – 39, против – 1, недействительных бюллетеней – нет) и в соответствии с п. 104 Положения о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий возбудить перед ВАК СССР ходатайство о лишении Володарского Михаила Израилевича ученой степени кандидата исторических наук (диплом МИТ №001556 выдан ВАК МВ и ССО СССР 1.07.63) и ученого звания доцента (аттестат МДЦ №067559 выдан ВАК МВ и ССО СССР 4.09.71) за профессиональную непригодность, совершение аморальных, антипатриотических поступков, несовместимых со званием советского ученого.

Зам. председателя ученого совета,
проректор университета,
профессор Сычев А. Я.

Ученый секретарь совета Змеу Л. Ф.

Документ III

ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ ПАРТБЮРО
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА.
ПРОТОКОЛ № 15 ОТ 31 ОКТЯБРЯ 1978 Г.⁴

Присутствуют все члены партбюро.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

<...>

5. Разбор персонального дела коммуниста Миркинда А. М.

<...>

СЛУШАЛИ:

5. Персональное дело коммуниста Миркинда А. М.

СЛУШАЛИ: информацию секретаря партийного бюро Козма В. Н.

(зачитывает объяснительную записку от коммуниста Миркинда А. М.)

ВОПРОСЫ:

Шилинцев Н. М.: Вы в курсе дела о характере этих документов?

Ответ: Да, но я не знакомился с ними.

Шилинцев Н. М.: Вы осознаете, что помогая ему вы совершили преступление?

Ответ: Помощь я ему не оказывал, но тогда я многого еще не понимал. Сейчас я осознаю, что это постыдный поступок, ведь я указал ему адрес дома в Москве.

⁴ (АОПО РМ 4: С. 76–81).

Мунтян М. П.: Когда появился вопрос о переводе этих документов через границу, до отъезда Володарского или после?

Ответ: Тогда, когда он получил разрешение об отъезде. Я должен добавить, что Володарский написал, что это по моей инициативе хотел переправить документы через границу. Но это не моя инициатива. Перед отъездом он бросил фразу, что не успокоится, пока я не уеду в Израиль.

Шилинцев Н. М.: Кто давил на вас, чтобы вы совершили этот поступок?

Ответ: Никто, но он приписал мне личное. Если бы я хотел уехать, я там не пропадал бы. Я знаю языки, у меня там дочь, но я не хочу ехать, я здесь родился, у меня здесь вторая дочь.

Козма В. Н.: Почему вы до сих пор ничего не сказали нам об этом, о брошенной фразе Володарского? Почему после объяснительной записки в органы вы не поделились с нами, не сообщили о выезде вашей дочери?

Ответ: Я понимал, что эти материалы попадут в партийную организацию. Что касается дочери, я сделал все возможное как коммунист, я здесь ни при чем, ведь я ее не воспитывал, так как развелся с первой женой еще в 1951 г.

Ренда А. В.: В объяснительной записке есть фраза «что я осуждаю Володарского», но я не слышал ни одно публичное выступление коммуниста Миркинда.

Ответ: Я осудил его на заседании кафедры, но виноват в том, что продолжал с ним связь и после указал домашний адрес.

Ренда А. В.: Вы предлагали Володарскому вашу квартиру для интимных встреч, и после этого как вы можете поступать как воспитатель молодежи?

Ответ: Я предоставил ему свою квартиру всего один раз и думаю, что это не может отразиться на воспитании студентов.

Мунтян М. П.: Когда ваши отношения с Володарским стали такими близкими?

Ответ: Отношения односторонние, он привязался ко мне, а у меня не хватило воли характера отказать. Он мог без звонка заходить, он болтун бестактный. Ситуация усугублялась тем, что в последние годы я остался один. Другом он мне не был по причине его характера, [я] ему не мог доверять как другу.

Мошану А. К.: Как вы думаете, почему наше государство не разрешает вывоз документов за границу или ограничивает его?

Ответ: Я считаю, что перетолковать документы можно по-разному.

Ренда А. В.: В данном случае мы разбираем персональное дело, которое является большой неприятностью для коллектива исторического факультета. Мы всегда охвачены чувством патриотизма, и на деле вспоминаем слова Н. Островского. Поэтому факт, когда из Совет-

ского Союза отдельные граждане уезжают в Израиль, мы оцениваем это как предательство. Когда уехал Володарский, мы думали, что этим завершились неприятные дела, но, оказывается, что нет. Вот доктор исторических наук Миркинд А. М. вместо того, чтобы как коммунист воевать против таких случаев, он не присутствовал тогда на ученом совете, я никогда не слышал, что Миркинд искренне осуждает Володарского, но [мы], наоборот, столкнулись с конкретным фактом, когда он ему советует, опекает, ищет ему квартиру. А способствовать — это значит, что нет никакой бдительности. Это и политическое и моральное отклонение. Он мирился с этим, хотя знал, каким путем тот добивался своего положения в университете. Ваши ответы должны руководствоваться марксистско-ленинской идеологией. После совершения таких поступков встает вопрос: совместимо ли это с пребыванием Миркинда в рядах КПСС? Факты говорят, что он не оправдал звание члена КПСС, и мы должны сегодня рассмотреть этот вопрос.

Шилинцев Н. М.: Очень прискорбный факт, который совершился на нашей кафедре, и совершил его коммунист с 30-летним стажем, что свидетельствует о том, что он мог бы оценивать свои поступки. Я бы не сказал, что при разборе поступка Володарского кафедра имела поддержку у Миркинда А. М. Не осуждал он его ни на кафедре, ни на партийной группе, не присутствовал он и на ученом совете. Миркинд прекрасно понимал, что вывозить такие документы нельзя, ведь он прекрасно был осведомлен

об этом. И больно сейчас, когда он оправдывается, что не осознал тогда свой поступок. Я согласен с мнением Репиды А. В., что речь должна идти о дальнейшем пребывании Миркинда в рядах КПСС, ведь ему были сделаны уже серьезные замечания.

Козма В. Н.: Это пятно на наш исторический факультет. И [я] считаю, что этот поступок Миркинда А. М. не достоин высокого звания коммуниста. Он проявил беспринципность, слабохарактерность, нарушил Устав КПСС.

Миркинд А. М.: Никакого отношения к сионистской идеологии я не имел и не имею. Я осудил Володарского на заседании кафедры. Я полностью осознаю свою вину, но прошу брать во внимание, что я проработал 30 лет.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. За грубое нарушение Устава КПСС, выразившееся в потере политической бдительности, пособничестве вывезти за границу важные архивные документы, за аморальное поведение и неискренность, что несовместно с пребыванием в рядах Ленинской партии, Миркинда А. М. из рядов КПСС исключить.

2. Считать нецелесообразным дальнейшую работу Миркинда А. М. на историческом факультете, готовящем кадры идеологического фронта.

3. Указать зав. кафедрой новой и новейшей истории члену КПСС Ши-

линцеву Н. М. на недостаточный уровень идейно-воспитательной работы на кафедре.

Секретарь партбюро В. Н. Козма

Документ IV
ПРОТОКОЛЫ ПАРТИЙНЫХ СОБРАНИЙ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА.
ПРОТОКОЛ №10 ПАРТИЙНОГО СОБРАНИЯ
ОТ 31 ОКТЯБРЯ 1978 Г.⁵

На учете — 75 коммунистов
зарегистрировано — 67 коммунистов
по уважительной причине отсут. — 7
по неизвестной причине — Куцый Г.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. Прием в члены КПСС.
2. О состоянии и мерах по улучшению эстетического воспитания студентов, (Э. Д. Вербицкий)
3. Персональные дела А. М. Миркинда и Н. Паскал.

Рабочий президиум:
Козма В. Н. Репида А. В. Бойко П. А.

<...>

СЛУШАЛИ: 3 вопрос. Персональное дело А. М. Миркинда.

Козма В. Н.: В партийное бюро поступила объяснительная записка. Зачитываю — «В феврале 1978 г. я совершил тяжелый проступок (записка прилагается от 30.X.1978)». Тов. коммунисты, есть еще одна объяснительная записка от 20.VI. 1978,

⁵ (АОПО РМ 2: С. 107–115).

которая аналогична, но есть в ней и расхождения. Есть и другие факты, проливающие свет на проступок А.М. Миркинда. Сегодня состоялось заседание партийного бюро. Оно решило Миркинда А.М. исключить [из партии] и поставить вопрос о целесообразности в дальнейшем преподавать на ф-те. Также зав. кафедрой Н.М. Шилинцеву партийное бюро указало на недостаточный уровень воспитательной работы на кафедре.

Шилинцев Н.М.: Документы эти направлены за границу или нет?

Козма В.Н.: Нет, соответствующие компетентные органы предупредили.

Кощуг А.Б.: Партбюро единогласно проголосовало?

Козма В.Н.: Единогласно.

Миркинд А.М.: Наступил тяжелый час в моей жизни. Я не собираюсь пособничать Володарскому, как он написал. Я указал дом, где он мог хранить выписки без согласия на то хозяев. С Володарским никаких планов не обсуждал. Я полностью признаю совершенный проступок. Бесконечно виноват. Проявил, безусловно, беспринципность и должен быть наказан. Только прошу учесть 30 лет работы в университете.

Шилинцев Н.М.: Были ранее партийные взыскания?

Миркинд А.М.: Нет.

Грекул А.В.: Вы помогали Володарскому после того, как его все осудили здесь в университете?

Миркинд А.М.: Да, в этом проявилась моя беспринципность. Я думал, что Володарский там занимался историей Ирана, а не nepотpeбными делами.

Козма В.Н.: А с какой позиции мог бы он осветить историю внешней политики?

Миркинд А.М.: Советское [государство] не несет ответственности за политику царского правительства.

Кощуг А.Б.: Какими чувствами вы руководствовались, когда уступили Володарскому?

Миркинд А.М.: Жалостью. Думал, что лучше пусть займется своими выписками, чем будет писать анонимки.

Козма В.Н.: Володарский — враг, по ту сторону баррикад и Вы ему помогали!

Миркинд А.М.: Да, моя вина, что допустил с ним контакты. Он враг. В этом моя вина.

Тотров В.К.: Когда написана объяснительная записка Володарского?

Козма В.Н.: Она написана 2.III.1978 во время следования в Израиль.

Грекул А.В.: Почему совершили вину раньше, а только в октябре решили объяснить в партийное бюро?

Миркинд А.М.: Было время. Но из таможенных соображений, думал, что разрешат ему выписки вывезти.

Грекул А.В.: Чем руководствовался Володарский?

Миркинд А. М.: Володарский перед отъездом сказал, что он не успокоится, пока я не приеду к нему в Израиль. Я ответил, успокойтесь, я не хочу. Я родился здесь и хочу умереть здесь. У меня здесь родители.

Выступили:

Мошану А. К.: После того, как Володарский решил предать Родину, А. М. Миркинд поддерживал с ним связь и пособничал тому, чтобы он смог вывести частицу ценнейшего нашего достояния. Не аргумент, что это документы царского правительства. Любой документ, который попадает в руки наших врагов, они стараются направить против нас. Своим проступком Вы поставили себя вне партии. Я голосовал за решение партбюро и сейчас поддерживаю его.

Шилинцев Н. М.: Меня пригласили на партбюро, чтобы ознакомить с объяснительной запиской Миркинда. Факт прискорбный. Я очень переживаю. А. М. Миркинд коммунист с 30-летним стажем, он дает отчет своим поступкам. Наше партийное бюро поступило справедливо. В наше время буржуазная пропаганда делает все, чтобы оклеветать наше государство. Не секрет, что допуск к архивам ограничен. Лично мне около месяца не разрешали подойти к этим документам. Конечно, вывоз архивов – серьезное преступление перед государством, перед партией. Мы обсуждали фельетон о Володарском на кафедре. Мы высказали порицание Миркинду, что он в свое время не одергивал Володарского. Он осудил Володарского, но после этого поддерживал [с ним]

контакт. Решение партбюро строго, но справедливо.

Ренда А. В.: А. М. Миркинд в объяснительной записке пишет, что находился с Володарским в приятельских отношениях. Он помогал ему, консультировал его. Он знал об аморальном поведении Володарского. Как он мог проводить научную и воспитательную работу среди студентов? На ученом совете он не осудил Володарского, никто этого не слышал. Дочь А. М. Миркинда, Виктория, уже выехала в Израиль. Коммунист бросается в бой, стоит за Родину, за правду. В поведении А. М. Миркинда мы не видим воинствующего марксизма.

ПОСТАНОВИЛИ:

I. Решение партийного бюро утвердить.

Верно: секретарь партбюро.
Подпись.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
партийного собрания
от 31 октября 1978 г.

1. За грубое нарушение Устава КПСС, выразившееся в потере политической бдительности, пособничестве вывести за границу важные архивные документы, за аморальное поведение и неискренности, что несовместимо с пребыванием в рядах ленинской партии, Миркинда А. М. из рядов КПСС исключить.

2. Считать нецелесообразным дальнейшую работу Миркинда А. М. на историческом ф-те, готовящий кадры идеологического фронта.

3. Указать зав. кафедрой члену КПСС Шилинцеву на недостаточный уровень идейно-воспитательной работы на кафедре.

[Приписка от руки] Верно: секретарь партбюро *Подпись*

Документ V
ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ ПАРТКОМА
КИШИНЕВСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУНИВЕРСИТЕТА
ИМ. В. И. ЛЕНИНА.
ПРОТОКОЛ №11 ОТ 16 НОЯБРЯ 1978 Г.⁶

ПРИСУТСТВОВАЛИ: члены парткома — тт. Цырдя Ф.Н., Ионел Д.В., Мельник Б.Е., Попружная П.И., Сторожук В.П., Потлог В.И., Кравченко Н.С., Бабанова Т.И., Карауш М.И., Исак В.Г., Бойко П.А., Урыту К.И., Лупу И.И., Кошут А.Б.

Приглашены: деканы факультетов, секретари партийных бюро, проректора, зам. деканов по ОПП.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

[...]

7. Персональное дело члена КПСС Миркинда А. М.

[докл.] тов. Козма В. Н.

[...]

СЛУШАЛИ: Персональное дело члена КПСС Миркинда Анатолия Морицевича.

инф. т. Козма В.Н. — секретарь партбюро истфака. тов. Миркинд присутствует.

СУТЬ ДЕЛА: В феврале 1978 г. т. Миркинд А.М. совершил тяжкий проступок. По договоренности с бывшим доцентом университета Володарским М.И. предпринял попытку оказать ему содействие в вывозе за рубеж выписок из архива внешней политики России (АВПР), касающихся взаимоотношений царской России с Ираном в середине 19 в. Т. Миркинд совершил и аморальный проступок, он неоднократно предоставлял квартиру т. Володарскому для интимных встреч. Партийное собрание исторического факультета, рассмотрев персональное дело члена КПСС Миркинда А.М., решило исключить единогласно его из рядов КПСС.

Миркинд А.М.: Я совершил серьезный, тяжелый проступок. Я признаю свою вину, но считаю, что этот проступок не может перечеркнуть все 30 лет моей работы в высшей школе. Я человек слабохарактерный. Ключи от своей квартиры я давал Володарскому по его просьбе всего пару раз. Если будет мне предоставлена возможность, я исправлю свою ошибку.

Цырдя Ф.Н.: Ваша дочь где находится?

Миркинд А.М.: Она уехала в Израиль летом 1973 г. Еще в 1951 г. я разошелся со своей первой женой и дочь я не воспитывал. Она уехала туда под давлением мужа. Я лично возражал против ее отъезда в Израиль.

Потлог В. И.: Переписку с ней ведете?

Миркинд А. М.: Нет.

Исак В. Г.: Как вы сочетаете воспитательную работу на факультете с тем, что вы давали свою квартиру для интимных встреч со студентками-заочницами Володарскому?

Миркинд А. М.: Я давал ключ всего пару раз.

Сторожук В. П.: Мы работаем с Миркиндом на одной кафедре много лет. И всегда была видна тесная дружба Миркинда А. М. с Володарским. Если подвергался критике Володарский, то всегда защитником был Миркинд, и при том на протяжении многих лет. Когда встал вопрос с Володарским, и в газете был написан фельетон, то единогласно все члены кафедры осудили деятельность Володарского. Но было слышно и другое, что кое-кто пытается и обелить деятельность Володарского.

Бойко П. А.: Мы — историки, и сегодня в какой-то мере стыдно даже голову поднять. Я не буду говорить о многом. Речь здесь идет о пособничестве и, несмотря на публикацию тайных документов царской России, эти документы нужны с какой-то тенденциозной целью. Доктор исторических наук, как бы мне он ни доказывал, что ошибся, я не верю, это уже другие убеждения, утрата коммунистических убеждений. За утрату коммунистических убеждений и неискренность исключить т. Миркинда А. М. из рядов КПСС.

Ренда А. В.: Мы всегда говорим, что просто историки нам не нужны,

а нужны историки-марксисты, ленинцы. В группе, которой руководил т. Миркинд, его студенты слушали мало, ведь студенты имеют хорошую интуицию. Они скоро поняли, что вы фальшивите перед ними, и партийное собрание правильно решило — вы потеряли право быть воспитателем студентов, воспитывать бойцов идеологического фронта.

Никиенко К. И.: Мне кажется, что нужно иметь в виду, что Володарский — ярый антисоветчик. Говорят: скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Володарский хотел компрометировать политику нашего правительства и царской России за границей. Миркинд в этих действиях был пособником бы, поэтому он не может быть преподавателем.

Мельник Б. Е.: Мы должны были сделать серьезные выводы по делу Володарского. И вот сегодня опять тяжелый случай. Т. Миркинд ведь читал лекции, он читал лекции и иностранным студентам, ведь мы ему доверяли полностью. Мы создали ему все условия, чтобы он защитил докторскую, уже собирались представить его к званию профессора. Партия не пострадает, если потеряет такого коммуниста, а мы ведь работали рядом с вами. Я не знаю как вам, но всем здесь очень тяжело. Совсем недавно вы выезжали пропагандировать новую Конституцию. Как вы ее пропагандировали? Товарищи историки, вы плохо вникали в душу этих людей. Сегодня надо дать оценку работе деканата и партбюро.

Цырдя Ф. Н.: Тов. Миркинд, вы говорите, что мы обвиняем вас в неис-

кренности, вы говорите, что не обсуждали с Володарским варианты вывоза выписок за границу. В одной из объяснительных записок вы подтверждаете это. Так ли это? Факты говорят о другом. Варианты вы обсуждали. Вот, вы пишете в июне с.г. в одной из объяснительных записок, о чем сегодня уже забыли: «Обсуждались, — пишете вы, — три варианта: через голландское посольство, через французское, и наконец, просить советские органы». Где же искренность? Или другой факт — дочь в Израиле с 1973 г. — и вы ни слова об этом. Это опять «искренность»? Правильно приняло решение партсоборание — исключить вас из рядов КПСС. В то же время сегодня мы строго должны предупредить партбюро факультета (секретарь Козма В. Н.), деканат (Репида А. Ф.) [обратить внимание] на ослабление идейно-воспитательной работы в коллективе преподавателей.

ПОСТАНОВИЛИ:

I. За утрату коммунистических убеждений, потерю политической бдительности, пособничество в вывозе за границу важных архивных документов, за аморальное поведение и неискренность исключить Миркинда Анатолия Морицевича из членов КПСС.

II. Считать нецелесообразным дальнейшую работу Миркинда А. М. в университете. (Голосовали единогласно).

<...>

Секретарь парткома
госуниверситета Ф. Цырдя

Документ VI

ПИСЬМО РУКОВОДСТВА ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА НА ИМЯ РЕКТОРА КГУ 17 ДЕКАБРЯ 1978 Г.⁷

Ректору Кишиневского госуниверситета имени В.И. Ленина, члену корреспонденту АН МССР, профессору Б. Е. Мельнику

От руки: Фролову И. Е. В дело Миркинд А. М. *подпись*

Деканат, партбюро, профбюро исторического факультета просят освободить с занимаемой должности и.о. профессора кафедры новой и новейшей истории, доктора исторических наук Миркинда Анатолия Морицевича, который своим поведением, совершенными проступками лишил себя морального права обучать и воспитывать студентов.

Как подтвердилось в ходе обсуждения на партбюро и партийном собрании факультета, Миркинд А. М. активно содействовал в стремлении отправить за границу через недозволенные каналы важные архивные документы из Архива внешней политики России, извлеченные в свое время М.И. Володарским до его выезда в Израиль. Действия Миркинда А. М. можно оценить не иначе, как попытку помощи Володарскому М. И. в использовании документов в целях клеветы на внешнюю политику нашей Родины.

Миркинд А. М. предоставлял свою квартиру Володарскому М. И. для интимных встреч с женщинами

⁷ (АГУМ 1: С. 80).

легкого поведения, что характеризует и первого и второго как морально разложившихся.

Миркинд А. М. держал в секрете от коллектива факультета, что его дочь от первой жены предала Родину и выехала в Израиль.

Миркинд А. М. безответственно относился к исполнению своих служебных обязанностей, допускал случаи срыва лекций, провалил работу ответственного за НИРС и УИРС на факультете, формально относился как куратор к проведению политико-воспитательной работы в академической группе. На постоянную критику его недостатков Миркинд А. М. не реагировал.

За время работы на факультете, как в учебное, так и во внеучебное время Миркинд А. М. держал себя изолировано от общих интересов коллектива факультета.

Профессорско-преподавательский состав, студенты возмущены позорным поведением Миркинда А. М. и считают его недостойным впрямь оставаться в коллективе исторического факультета.

Декан исторического факультета
профессор А. В. Репида

Секретарь партбюро
доцент В. Н. Козма

Председатель профбюро
Е. И. Морару

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН К РАЗДЕЛУ «АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ»⁸

Бабанова Тамара Илинична (1928–?) — кандидат экономических наук, доцент кафедры политэкономии, зам. секретаря партбюро химического факультета, председатель университетского совета по общественно-политической практике студентов (ОПП).

Бардин (Штейн) Марк Борисович (1919–?) — доцент кафедры аналитической химии, декан химического факультета (1964–1978).

Бойко Петр Артемович (род. 1932) — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Молдовы.

Брысякин Сергей Кузьмич (1923–?) — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР.

Бырлиба Константин Михайлович (1917–?) — кандидат психологических наук, доцент кафедры философии КГУ.

Вербицкий Эмиль Давидович (1921–?) — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР.

Володарский Михаил Израилевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Кишиневского государственного университета им. В. И. Ленина (КГУ); уволен из КГУ в 1977 г. В 1978-м эмигрировал в Израиль.

⁸ Указаны звания и должности, занимаемые в 1977–1978 гг.

Грекул Андрей Васильевич (1919–1983) — доктор исторических наук, профессор кафедры истории КПСС.

Грозав Н. Ф. — сотрудник КГУ.

Дедю Иван Ильич (род. 1934) — доктор биологических наук, доцент кафедры зоологии биолого-почвенного факультета. Впоследствии — профессор, министр экологии Молдовы, депутат парламента.

Добровольский Константин А. — кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета.

Драхенберг Константин Михайлович (род. 1927) — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории.

Дудник А. Е. — зав. отделом преподавания общественных наук МНО МССР.

Жосан Татьяна Иосифовна (род. 1947) — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР.

Змеу Л. Ф. — ученый секретарь ученого совета КГУ.

Ионел Дмитрий Васильевич (1938–?) — зам. секретаря парткома КГУ, преподаватель кафедры научного коммунизма.

Исак Виктор Георгиевич (1943–1995) — кандидат химических наук, доцент. Впоследствии доктор наук, профессор, декан химфака КГУ.

Караджа Филипп Карпович (1932–2008) — старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории. Впоследствии — кандидат исторических наук, доцент.

Карауш М. И. — сотрудник КГУ.

Клобуцкий Валентин Станиславович (1934–?) — кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории журналистики КГУ.

Коваленко Петр Андреевич (1939–?) — старший преподаватель кафедры электроники КГУ.

Кожокарь Николай Трофимович (1935–?) — кандидат философских наук, доцент кафедры философии КГУ.

Козма Валерий Николаевич (1938–2012) — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР, автор «Истории Госуниверситета Молдовы (КГУ): 1946–1996 гг.», секретарь партбюро истфака.

Королев Николай Васильевич (1914–?) — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории.

Кошут А. Б. — студент исторического факультета, член КПСС.

Кравченко Николай Сергеевич (1933–?) — начальник военной кафедры КГУ, полковник.

Крупейников Дмитрий Андреевич (1923–?) — старший преподаватель, начальник тактического цикла военной кафедры КГУ, полковник.

Лисецкий Анатолий Михайлович (1930–1993) — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории СССР КГУ.

Лупу Илья Иванович (род. 1938) — кандидат педагогических наук, доцент кафедры высшей математики, председатель месткома КГУ.

Мадан Иван Константинович (1935–?) — доцент, заведующий кафедрой библиографии филологического факультета КГУ.

Мельник Борис Ефимович (1928–2012) — доктор биологических наук, профессор, академик АН МССР, ректор КГУ (1974–1992).

Миркинд Анатолий Морицевич (1921–1983) — доктор исторических наук, и.о. профессора кафедры новой и новейшей истории.

Морару Елена Ивановна — кандидат исторических наук, доцент. Впоследствии — проректор Молдавского государственного университета.

Мошану Александр Константинович (1932–2017) — 1978 г. кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории. Впоследствии — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории. В период 1990–1993 гг. — спикер Парламента независимой Молдовы, один из лидеров *унионистско-го* движения в Республике Молдова.

Мунтян Михаил Павлович (1922–1983) — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Молдавии.

Нечаев Семен Ефремович (1904–?) — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории КПСС.

Никиенко Константин Иванович (1925–?) — кандидат исторических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, секретарь партбюро юридического факультета КГУ.

Никулицэ Иван Тимофеевич (род. 1939) — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков. Впоследствии — д.и.н., профессор, зав. кафедрой археологии и истории древнего мира, декан исторического факультета.

Оганян Людмила Николаевна (1913–?) — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Молдавии.

Панфилов Степан Александрович (1933–?) — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР, проректор КГУ по учебной работе.

Паскал Н. — студентка исторического факультета, член КПСС.

Пискарев Михаил Федорович (1914–?) — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории КПСС.

Подградская Елена Мартыновна (1928–?) — доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков.

Попружная (Губская) Полина Ивановна (1918–?) — кандидат педа-

гогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии КГУ (зав. кафедрой в период 1967–1977).

Потлог Владимир Иванович (род. 1927) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков.

Репида Афанасий Васильевич (1920–1991) – доктор исторических наук, профессор, декан истфака КГУ (1960–1970, 1977–1983 гг.).

Романова Зинаида Георгиевна – доцент, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории КПСС.

Рошка Сергей Дмитриевич (род. 1937) – доцент кафедры философии КГУ. Впоследствии – доктор философских наук, профессор.

Руссу И.Н. – сотрудник кафедры истории СССР.

Сидоров Василий Андреевич (1914–?) – кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой политэкономии КГУ.

Стахи Александр М. (1935–?) – кандидат физико-математических наук, доцент, декан факультета математики и кибернетики.

Сторожук Владимир Прокофьевич (1912–?) – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории КГУ.

Сычев Алексей Яковлевич (1923–?) – доктор химических наук, профессор, зав. кафедрой физической химии, проректор КГУ по научной

работе, зам. председателя ученого совета КГУ

Тотров Виссарион Константинович (1915–?) – кандидат исторических наук, доцент кафедры древнего мира и средних веков КГУ.

Урыту К.И. – сотрудник КГУ.

Федько Зинаида Алексеевна (1923–2012) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории СССР.

Фролов И.Е. – начальник отдела кадров КГУ, генерал-майор.

Фролова Нина Сергеевна (1924–?) – преподаватель кафедры истории КПСС.

Цырдя Федор Николаевич (1937–?) – кандидат философских наук, доцент, декан факультета по обучению иностранных студентов КГУ (до 1977), секретарь парткома КГУ.

Чеботару Иван Семенович (1930–?) – кандидат физико-математических наук, преподаватель кафедры прикладной математики, первый директор вычислительного центра КГУ.

Шилинцев Николай Михайлович (1914–?) – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой новой и новейшей истории.

Энгельгардт Рудольф Юльевич (1917–?) – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков истфака КГУ.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

АГУМ 1 – Личное дело Миркинда Анатолия Морищевича. АГУМ. Ф. 1. Оп. 8. Ед. хр. 814.

АГУМ 2 – Протокол № 10 заседания ученого совета исторического факультета от 24 мая 1977 г. АГУМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1695.

АГУМ 3 – Протокол № 11 заседания ученого совета Кишиневского ордена Трудового Красного Знамени госуниверситета им. В. И. Ленина от 29 июня 1977 г. АГУМ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 1777.

АМГУ – Личное дело Миркинда Анатолия Морищевича. АМГУ. Ф. 9. Оп. 5Л. Ед. хр. 330.

АОПО РМ 1 – Протоколы партийных собраний исторического факультета. Протокол № 6 закрытого партийного собрания исторического факультета от 19 сентября 1977 г. АОПО РМ. Ф. 276. Оп. 127. Ед. хр. 339.

АОПО РМ 2 – Протоколы партийных собраний исторического факультета. Протокол № 10 партийного собрания от 31 октября 1978 г. АОПО РМ. Ф. 276. Оп. 127. Ед. хр. 373.

АОПО РМ 3 – Протоколы заседаний парткома Кишиневского ордена Трудового Красного Знамени госуниверситета им. В. И. Ленина. Протокол № 11

от 16 ноября 1978 г. АОПО РМ. Ф. 276. Оп. 127. Ед. хр. 353.

АОПО РМ 4 – Протоколы заседаний партбюро исторического факультета. Протокол № 15 от 31 октября 1978 г. АОПО РМ. Ф. 276. Оп. 127. Ед. хр. 374.

ГА РФ – Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Транспортное управление. ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 39. Д. 15.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кремер б.д. – Кремер И. С. Мы строим московскую линию Мажино. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Б.д. URL: www.msu.ru/projects/k-70-letiyu-velikoy-pobedy/kremer-i-s-my-stroim-moskovskuyu-liniyu-mazhino-php.

Лотман 1995 – Лотман Ю. М. Не-мемуары. Лотмановский сборник. Вып. 1 / ред. К. Г. Лейбов [и др.]. М.: ИЦ-Гарант, 1995. С. 5–53.

Список тем 1958 – Список тем диссертаций, защищенных на соискание ученой степени кандидата исторических наук в 1955–1957 годах // Вопросы истории. 1958, апрель. № 4.

Cozma 1996 – Cozma V. Istoria Universitatii de stat din Moldova (1946–1996). Chisinau, 1996.

Tulbure Alexey S. – Director of the Institute of Oral history of Moldova (Chisinau)

REFERENCES

Cozma V. Istoria Universitatii de stat din Moldova (1946–1996). Chisinau, 1996.

Kremer I.S. My stroim moskovskuiu liniyu Mazhino. Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M.V. Lomonosova. B.d. URL: www.msu.ru/projects/k-70-letiyu-velikoy-pobedy/kremer-i-s-my-stroim-moskovskuyu-liniyu-mazhino-php.

Lotman Iu.M. Ne-memuary. Lotmanovskii sbornik. Вып. 1, red. K.G. Leibov [i dr.]. Moscow: ITs-Garant, 1995, pp. 5–53.

Список тем dissertatsii, zashchishchennykh na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk v 1955–1957 godakh. *Voprosy istorii*, 1958, aprel', no. 4.

Список тем dissertatsii, zashchishchennykh na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk v 1955–1957 godakh. *Voprosy istorii*, 1958, aprel', no. 4.

«Я много думаю о папе —
чем старше становлюсь,
тем больше думаю».

Интервью с В. А. Либин (Миркинд)

В беседе принимал участие муж Виктории Анатольевны Александр Либин.
Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э. Виктория Анатольевна, расскажите немного о себе.

В.Л. Родилась я в 1945 г. в Москве.

С.Э. Викторией вас назвали в честь Победы?

В.Л. Да. В 1946 г. папа уехал работать в Берлин, и мы поехали вместе с ним. Папа проработал там года полтора. Потом он вернулся в Москву, и вскоре после этого его отправили в Кишинев по распределению. Несмотря на то, что он был круглым отличником и очень хотел остаться в аспирантуре в Москве, его не оставили, сказав, что такие способные люди могут учиться и в заочной аспирантуре.

И вот мы приехали в Кишинев. Сначала, как сейчас помню, мы жили в громадной студенческой аудитории в Кишиневском университете. Мне было года четыре или пять. Потом мама с папой разошлись, мы с мамой уехали жить в Томск, а папа так и остался в Кишиневе.

Мы с мамой и отчимом в 1954 или 1955 г. вернулись в Москву. Родители папы — бабушка с дедушкой — жили в Москве. Я к ним очень часто приходила, мы вместе звонили папе в Кишинев. Он рвался уехать из Кишинева, но у него это не получалось. Помню, он пытался устроиться в Тартуский университет, но это тоже не получилось...

В Москве я окончила Нефтяной институт (ныне РГУ Нефти и газа им. И.М. Губкина). 31 декабря 1973 г. переехала в Израиль. Выучила иврит, все время работала и пять или шесть лет назад вышла на пенсию. Работала я в таком заведении, которое называется Открытый университет Израиля, там учится 40 тысяч студентов. Я заведовала там химической лабораторией. У меня было двое детей. Одна дочка умерла от рака. Вторая, младшая, адвокат. У нее есть одна дочка. У Анатолия Морицевича два правнука и две правнучки. Когда мы уже жили в Израиле, папа иногда передавал через кого-то письма (напрямую он никогда их не отправлял). Там он писал, что мечтает приехать в Израиль и читать моей старшей дочке, которую

Анатолий Морицевич Миркинд и Мальвина Юрьевна Миркинд (Плоткина). 1946 год

звали Юдит (светлая память ей), «Евгения Онегина». Ну вот так. Ни его нет, ни дочери нет. Некому читать «Евгения Онегина».

С.Э. То есть вы научный работник, работали в университете?

В.Л. Вообще я инженер по образованию. Я написала диссертацию по дистанционному обучению, но я не назвала бы себя большим научным работником, особенно когда мы говорим о папе, который действительно был научным работником, ученым. Но я 33 года отработала в университете в почете и уважении. У меня была очень хорошая работа с приличной зарплатой. В этом смысле я всем довольна.

С.Э. Значит, диссертация у вас была по педагогике?

В.Л. Да, совершенно верно.

С.Э. Расскажите немного о вашей матери. Мы почти ничего о ней не знаем, даже не знаем, как ее зовут, есть только инициалы.

В.Л. Она, к сожалению, уже умерла — три года назад. Звали ее Мальвина Юрьевна, в девичестве — Плоткина, а по папе мы с ней обе Миркинд. Она работала в Институте усовершенствования учителей в Кишиневе. Она рассказывала, что какое-то время ездила по разным районам Молдавии... И некоторое время она работала учителем истории в 37-й школе. Они с папой познакомились в Свердловске, когда маму вывезли из блокадного Ленинграда. Папу с Московским университетом, в котором он учился, тоже туда эвакуировали. Так они и познакомились. Папа был на год старше мамы. Потом они вернулись в Москву, мама осталась там, она уже была беременна, а папа ушел, надев военную форму, — уже война кончилась, но все-таки его мобилизовали. А в 1946 г. они поехали в Берлин. Папа работал там в Контрольном совете по Германии.

С.Э. Это была советская военная администрация? По-моему, она так называлась.

В.Л. Да. Она занималась еще в какой-то мере и вопросами, связанными с разделом Европы. Папу послали туда, потому что он очень хорошо знал языки. Он там был переводчиком. Я в Германии заговорила на немецком, мой первый язык был немецкий. Однажды, когда мы вернулись в Москву, мы

с мамой гуляли где-то на бульваре, и к ней подошел какой-то офицер: «Вам не стыдно, что ваша дочь говорит по-немецки?» После этого папу куда-то вызвали и велели, чтобы я в течение двух-трех месяцев забыла немецкий и заговорила по-русски.

С.Э. В каком это было году?

В.Л. В 1947 или 1948.

С.Э. Уже начиналась «борьба с космополитизмом»...

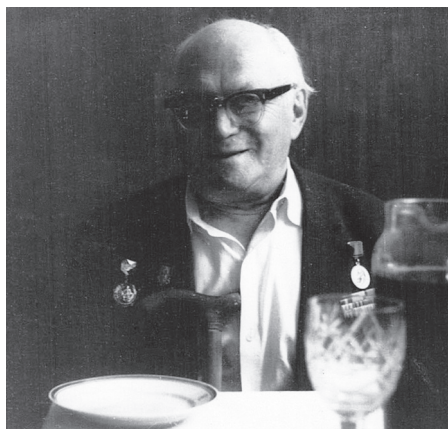
В.Л. Да-да-да!

С.Э. А потом ваша мать где работала?

В.Л. Она работала учителем в нескольких железнодорожных школах, потом она стала завучем в школе, а когда я уезжала в Израиль, она была директором очень крупной московской школы № 464 на Автозаводской. Но когда узнали, что я уехала, ее с треском оттуда попросили. Вскоре она приехала ко мне.

С.Э. Вы рассказали, что с дедушкой и бабушкой — родителями Анатолия Морицевича — вы тоже тесно общались. Расскажите о них.

В.Л. Бабушка родом из Калуги, а дедушка из Польши. Бабушка, Фаина Аркадьевна Басина, была зубным врачом. Она прошла всю войну в стоматологическом вагоне военного госпиталя с первого до последнего дня. Это был необыкновенно скромный и тихий человек. А дедушка, Мориц Борисович, был человек верткий и ловкий, в отличие от всего остального семейства. У него

Отец Анатолия Морицевича Миркинда — Мориц Борисович Миркинд. 1960-е годы

Мать Анатолия Морицевича Миркинда — Фаина Аркадьевна Миркинд (Басина)

не было образования, он был заведующим складом или кем-то в этом роде. Папа был его любимым сыном. До этого у отца было трое братьев, которые по тем или иным причи-

Анатолий Морицевич Миркинд
с дочерью Викторией, 1946 год

нам погибли, поэтому, когда родился отец, над ним тряслись невероятно.

С.Э. Я слышал, что ваша бабушка училась у Циолковского в Калуге. Она что-то рассказывала о нем?

В.Л. Я никогда об этом не слышала. Возможно, папа об этом рассказывал, но я ничего об этом не знаю.

С.Э. Об этом упомянул в разговоре Павел Юрьевич Уваров.

В.Л. Возможно, папа ему об этом говорил, но мне никогда не рассказывал.

С.Э. Что вы помните об отце, о встречах с ним?

В.Л. Он был идеальный отец. Всегда искал встречи со мной, даже специ-

ально пораньше устраивал для студентов зимние сессии, чтобы быть со мной во время моих школьных каникул, ходить со мной в театр. Он очень беспокоился о моем развитии, оплачивал учительницу английского языка, присылал в 50-е гг. сто рублей в месяц, чтобы я покупала пластинки классической музыки... В общем, делал все, что только мог, чтобы вырастить из меня человека.

Летом он всегда на месяц снимал комнату там, где я отдыхала с мамой, чтобы побыть со мной рядом, поговорить со мной, почитать мне. Как-то раз я спросила его, что такое эмпириокритицизм. Он ответил: «Когда научишься выговаривать, тогда я тебе объясню». Однажды я спросила его, что такое капитализм. Мы гуляли в Адлере, и впереди нас шли две симпатичные девочки. У одной из них в руке он увидел книгу «Двенадцать стульев. Золотой теленок» и сказал мне: «Вот капитализм — это “Двенадцать стульев” и “Золотой теленок”». Эту шутку я очень хорошо запомнила.

Когда я стала взрослой и вышла замуж, то мы с папой стали общаться еще более тесно. Его отец — мой дедушка — купил мне кооперативную квартиру в Москве. Мы с мужем жили отдельно от мамы, и отец приезжал к нам. Ему тогда дали академический отпуск, чтобы написать книгу — соответственно, он очень много времени проводил в Москве, сидел в библиотеке и писал книгу.

Мы были очень близки, могли говорить о чем угодно. Папа обсуждал со мной самые разные вопросы. Как-то раз мы поехали с ним отды-

хать в Эстонию. Мы сидели на деревянной лавочке, и он возмущался западными либералами. Он со злобностью тыкал ножом в лавку, чтобы выразить ненависть ко всем либералам, которые считали, что с советской властью можно иметь дело.

Он общался с Ирой Уваровой и другими людьми, близкими к диссидентам. Однажды он привез мне какие-то книжки, чтобы я их спрятала — какие-то записи по поводу Тынянова... Я спрятала и очень боялась. Мама ругала меня из-за этих книг, но все-таки разрешила хранить их.

Я вышла замуж. Евреи начали уезжать в Израиль. Мой муж, поскольку он был литовский еврей, естественно, присоединился к этим отъезжающим евреям. И вот в 1973 г., за несколько дней до Нового года, я приехала на сутки в Кишинев — попрощаться с папой. Он очень переживал. Ему было очень трудно перенести мой отъезд. И вот тогда он мне сказал: «Я не знаю, как я кончу свою жизнь. Я ничего не могу тебе обещать». Тогда же он говорил: «Ты едешь на Ближний Восток. Там живет самый мудрый политик». Я спрашиваю: «Кто же?» — «Анвар Садат». Папа «поставил» на него, что тот наведет порядок. Мы попрощались. Прощание было чрезвычайно тяжелым.

У папы была еще одна дочка — Ольга, от второй жены, которую звали Валентина Ивановна Иванова. Она была врачом психиатрической больницы в Кишиневе. Незадолго до 1983 г. они разошлись: она его бросила и уехала в Ригу. Но еще

Дочери Анатолия Морицевича Миркинда — Ольга и Виктория (справа). Середина 1960-х годов

до этого папа прислал мне письмо, где просил, чтобы я прислала деньги этой их общей дочери (которая была моей сводной сестрой) — якобы она занималась дизайном и ей нужна была швейная машинка. Я сумела переправить ей деньги, но с тех пор всякие следы ее пропали. В Кишиневе были такие журналисты, Соломон Молдован и его жена Мила. Они были ближайшими папиными друзьями. Каждый день, который папа прожил после 1982 г., он прожил, думаю, благодаря этой семье. Так вот, они рассказали мне, что эта девочка, моя сводная сестра, исчезла примерно в 1981 г., папа искал ее и не мог найти.

Анатолий Морицевич Миркин принимает экзамен. Конец 1960-х годов

Я много думаю о папе — чем старше становлюсь, тем больше думаю. Он был удивительный человек: удивительно скромный, тишайший, деликатный. Никому себя никогда не навязывал. Мой первый муж был вильнюсский еврей, музыкант, очень хороший скрипач. Когда мы еще не поженились, я познакомила его с папой и в какой-то момент сказала: «Вы идите погуляйте, а я сделаю тут свои дела». Когда мы снова встретились, папа сказал: «Наверное, он очень хороший скрипач». Из этого я поняла, что интеллектуально он не произвел на него сильного впечатления. Но он действительно был хороший скрипач.

Папа со всеми всегда разговаривал на «вы». Со своим зятем, со своими довольно близкими друзьями... Со своим близким другом истори-

ком Самсоном Абрамовичем Мадиевским он был на «вы», это я очень хорошо помню.

Как-то я должна была сдавать экзамен по научному коммунизму и попросила, чтобы папа как-то подготовил меня. Мы сели в скверике на Гоголевском бульваре, и он объяснил то, что я просила, а потом сказал: «Все, я больше не могу, я должен идти в Институт марксизма-ленинизма, у меня там встреча, остальное ты прочтешь сама». Я пришла на экзамен. То, что рассказал папа, я пересказала замечательно, а то, что я прочла сама... Преподаватель спросил: «Как же так, такой резкий контраст между первым и вторым вопросом?» — но все-таки поставил «четверку».

Папа очень-очень мной интересовался: как я себя чувствую, как дела в школе, что я читаю, что я смотрела в театре. Я всегда чувствовала его любовь, всегда. Не говорю уже о том, что он посылал очень много денег на мое содержание и воспитание, ни копейки не жалел. А когда я уже повзрослела, мы стали еще больше общаться, ходить в гости. Он познакомил меня с театральным художником Ирой Уваровой, еще с одной своей приятельницей — театральным режиссером Юной Вертман. Водил меня по всяким своим знакомым.

Хочу сказать еще о скандале с Володарским. Это невозможно себе представить, но в один прекрасный день, когда я была уже в Израиле, мне позвонил незнакомый человек, сказал, что его фамилия Володарский и у него есть привет от моего

папы. Я говорю: хорошо, приходите. И в день между его звонком и визитом пришло письмо от папы, чтобы я никогда в жизни не смела пускать его на порог, что это подлец, который его, папу, погубил.

С. Э. В каком это было году?

В. Л. Где-то в 1982-м... Конечно, он ничего не рассказал о том, как заложил папу... Сейчас мой муж мне поможет, потому что он присутствовал при этой беседе.

А. Л. Из его рассказов я понял, что то ли Анатолий Морицевич, то ли он сам каким-то путем добыл архивные документы (скорее всего, ксерокопии) по его, Володарского, специальности — советско-иранским отношениям в 1920-е гг. Абсолютно не секретные. Но документы были архивными, и разрешения на их вывоз не было. Володарский спросил Анатолия Морицевича, может ли тот помочь ему переправить документы на Запад. И тут Анатолий Морицевич выступил невероятным героем, он сказал «да». Он позвонил своей приятельнице в Москву по прямому телефону, она была советской сотрудницей французского посольства. Что было дальше, не очень понятно. Так или иначе, Анатолий Морицевич взял на себя эту функцию и даже открыто ее выполнил. Когда Володарский стал уезжать, его «приперли»: «Если хочешь уехать, скажи, откуда у тебя эти бумаги». В общем, он заложил Анатолия Морицевича, чего он не скрывал и мучился от этого...

В. Л. Не скажу, что он не скрывал.

Шарж на Анатолия Морицевича Миркинда, сделанный студентами. Конец 1960-х годов

А. Л. Он не скрывал.

В. Л. Я не согласна.

А. Л. Потом, когда Анатолий Морицевич попал в беду, Володарский говорил: «Это я виноват». Сам по себе он был человеком не очень интересным для меня... он мучился мыслями обо всем этом. Вот то, что я могу сказать.

С. Э. Эта сотрудница, которую вы упомянули, должна была передать документы через дипломатическую почту французского посольства?

А. Л. Секрет заключался в следующем. Вообще говоря, Анатолий Морицевич был очень осторожным человеком. Со своей дочерью в Израиле, т. е. с Викторией, он пере-

писывался при помощи этой дамы. Эта дама с диппочтой французского посольства отправляла его письма, и кто-то там во Франции опускал их в почтовый ящик. Такие письма, как вы понимаете, никакого криминала не составляли.

В.Л. Да не было никогда никакого криминала!

А.Л. Разумеется, не было. Но он боялся отправлять письма напрямую. Почему-то он считал, что университетское начальство не знает, что у него дочь в Израиле. Хотя так или иначе он подписывал свое согласие на выезд дочери, и органы об этом знали. Кому эти органы рассказывали об этом в Кишиневе — это вопрос. Может, и никому. Не знаю. Но с Володарским он вдруг осмелел. Если с дочерью он даже переписывался через эту знакомую из посольства, то тут он позвонил по телефону сотруднице посольства, который, скорее всего, прослушивался. Возможно, он отвез эти бумаги в Москву. По крайней мере, Володарский их в итоге опубликовал. Никого это особенно не волновало, пока Володарский не собрался уезжать. Когда же он стал уезжать, эту историю, видимо, передали в Кишиневский университет...

С.Э. Получается, что дама из посольства переслала документы за границу?

А.Л. Да, да.

С.Э. Значит, в КГБ прослушивали телефоны, раз там узнали об этом звонке. Почему они остановили Володарского только при выезде?

А.Л. Все очень просто. В этих документах самих по себе ничего нет. Ирано-советские отношения в 1920-е гг. — что уж там могло быть, какой интерес они могли представлять для советской власти или для КГБ?! Сам факт переправки встал на повестку дня тогда, когда Володарский стал уезжать в Израиль. Вот тут его пришилили, и он дал показания. А как известно, самое главное — это показания. Сами документы он потом ввел в оборот, опубликовал статью, я ее читал. Ей-богу, ничего, представляющего широкий интерес, там не было. Я, конечно, не специалист по советско-иранским отношениям, но мне так показалось.

С.Э. Так или иначе, когда Володарский приехал к вам в гости, он признался, что выдал Миркинда?

А.Л. В итоге он это сказал.

В.Л. Вы знаете, это все было так очень *nonchalant* (небрежно, беспечно — фр.), как говорят...

А.Л. Не с ходу он это сказал.

В.Л. Он сказал это не с ходу. И не «выдал», а «так получилось».

А.Л. Все эти разговоры с ним продолжались три года. Но когда выяснилось, что у Анатолия Морицевича жуткие неприятности, то он мне сказал: «Я, конечно, виноват. Это из-за меня».

В.Л. Я только знаю, что папа прислал мне письмо, чтобы я никогда в жизни на порог его не пускала и дел с ним никаких не имела. Такое письмо я получила от папы.

С.Э. Понятно. Может быть, есть еще что-то, что вы хотели бы рассказать?

В.Л. Могу сказать, что перед смертью папа прислал мне письмо — оно у меня есть — о том, что у человека очень мало степеней свободы. Но одна степень свободы — жить или не жить — у него есть, и он этой свободой пользуется. Так он как бы предупредил меня, что он уходит из жизни, собирается уйти из жизни.

С.Э. Это было не спонтанное решение...

В.Л. Нет. Я уже говорила, что, когда я уезжала в 1973 г., он мне тоже говорил: «Ты меня бросаешь, без тебя мне будет очень плохо, Бог знает, как я кончу».

С.Э. Когда его уволили с работы, вы не обсуждали тему его отъезда в Израиль?

В.Л. Конечно, обсуждали! Мой муж Саша по международному телефону умолял его, чтобы он подавал документы. Папа посылал обычной почтой свои бумаги, микрофильмы, книги для работы, свои статьи, чтобы все это тут использовать. Но он подал слишком поздно, когда квоты на выезд резко сократили. Он категорически собирался ехать. Первый раз ему отказали, потому что он в 1940-е гг. работал в Контрольном совете по Германии. Это была первая причина. Что было дальше, я не очень знаю. Но, конечно, он хотел переехать.

С.Э. Ему не разрешили выехать?

В.Л. Не разрешили.

А.Л. Я хочу здесь кое-что пояснить. Выезд в Израиль стал возможен в 1971 г. Это не объявлялось в газетах или по телевидению. Это был факт, который люди узнавали друг от друга. Но когда Вика приехала в Израиль и мы с ней познакомились, я написал Анатолию Морицевичу — это было в 1976 г. Я написал: если вы уверены, что с вами ничего не случится и вы продержитесь на вашей работе до пенсии, то поступайте, как хотите. Но если у вас есть сомнения в этом (я же не знал, как он там живет в Кишиневе), то вам лучше выехать — чем раньше, тем лучше. Чем раньше вы выедете, тем больше у вас шансов встроиться в местную университетскую систему. Пока еще возраст терпимый. Чем позже, тем хуже. Таковы были мои соображения. Но тонкость состояла в том, что в 1978 г. интенсивность подачи документов евреями для выезда в Израиль резко возросла. Во всех городах (возможно, даже включая Москву) началась реакция. Сначала она заключалась в том, что не было анкет, которые нужно было заполнять для подачи заявления в ОВИР. Начались очереди. Места в очереди стали продаваться... Мне стало ясно, что в конце концов эта история с выездами вообще остановится. Всюду, а особенно в Одессе и Кишиневе, в ОВИРах творилось что-то невозможное, по крайней мере по сведениям, которые до меня доходили. Я в 1978 г. говорил с ним по телефону. У него уже начались неприятности. Я сказал: «Подавай-те заявление срочно, потому что потом вы не сумеете даже его подать, а не то что уехать». Он сказал: «Ну

да...» Но в общем, разумеется, ему уезжать очень не хотелось, и он придумал, что он должен поехать в Москву и попрощаться с близкими друзьями. Так он оттянул это занятие на год. Подал он анкету в 1979 г., а в 1980 или 1981 резко прикрыли эмиграцию. Поток сократился. Поэтому я даже не могу сказать, отказали ему из-за Володарского или из-за Контрольного совета, или просто саму квоту на выезд из Кишинева сократили, условно говоря, с семисот человек до пятидесяти.

Было понятие «отказ». Люди, которые были в отказе, в основном не могли работать и оказывались, так сказать, между небом и землей. Анатолий Морицевич не мог работать. Не знаю, на что он жил. Вторая его жена тоже к этому времени исчезла, не знаю, каким образом. Он оказался одиноким человеком с болезнью мочевого пузыря, что было очень мучительно.

С.Э. После увольнения из Кишиневского университета он уже нигде не работал?

В.Л. Он говорил мне, что давал частные уроки английского языка маленьким детям.

С.Э. Ну да, неофициально. А официально он никуда не мог устроиться...

В.Л. Абсолютно. Он писал всюду, никто его не брал.

А.Л. К 1983 г. атмосфера стала мрачной и безнадежной. Оставалось надеяться, что когда-нибудь что-нибудь изменится, но он был

совершенно один... Может быть, если бы он жил в Москве, где у него было много друзей, все сложилось бы иначе. Я не знаю, что было у него в Кишиневе, но в кишиневской атмосфере он просто задохнулся и произошло то, что произошло.

С.Э. У меня есть еще такой вопрос: я слышал в ряде воспоминаний, что Миркинд, когда служил в Германии, участвовал в Потсдамской конференции и чуть ли не присутствовал на Нюрнбергском процессе. Есть ли у вас какие-то сведения об этом?

В.Л. В Потсдамской конференции он действительно участвовал. Я не знаю, что конкретно там происходило, но мама мне рассказывала, как они с папой ездили в Потсдам.

С.Э. Именно во время Потсдамской конференции?

В.Л. Да. Я так понимаю, что да. Что касается Нюрнберга — никогда об этом не слышала ни слова. Интересно еще то, что у его отца — у моего дедушки — было три сестры. Две из них уехали в Англию, одна — в Палестину. А дедушка уехал в Россию.

С.Э. В каком году это было?

В.Л. В начале 1920-х. А в 1946 г. в Берлине к папе подошел какой-то человек из английской делегации и сказал: «Мы, наверное, кузены». Видимо, у отца была табличка, на которой было написано, что он Анатолий Миркинд. Папа говорил, что он ужасно испугался, сказал «что вы, что вы» и убежал.

С.Э. Родственники за границей — это было опасно?

А.Л. Его бы немедленно отправили назад в СССР.

С.Э. Виктория Анатольевна, еще такой вопрос, был ли ваш отец на фронте?

В.Л. В 1944 г., когда родители поженились, его мобилизовали. Называлось ли это «фронт» — я не знаю. Я подозреваю, что в это время он учился в Институте военных переводчиков. Он полностью назывался ВИИЯ — Военный институт иностранных языков Красной армии.

С.Э. Это было в Москве?

В.Л. Да.

А.Л. Это было самое лучшее учреждение в Советском Союзе по обучению иностранным языкам.

В.Л. Мой папа этот институт окончил. Никаких его военных воспоминаний я не припоминаю. Знаю, что он ненавидел военную форму: мама рассказывала, что если он даже на пятнадцать минут приходил домой, он снимал китель, потому что он все это ненавидел. Когда они с мамой поженились и он перевез маму в Москву, то после этого он уехал «по месту службы» — и так получается, что он учился в этом институте. Про этот институт он мне рассказывал сам, но когда именно он в нем учился, я не могу точно сказать.

С.Э. Ваш отец учился в Московском университете с 1939 по 1944 г. Почему его не взяли в армию

Анатолий Морицевич Миркинд на демонстрации. 1960-е годы

во время учебы? Ведь, как я понимаю, отсрочки тогда не было.

В.Л. Потому что после университета он стал учиться в этом Военном институте.

С.Э. Я имею в виду более раннее время, например, в 1941 г. Он ничего про это не рассказывал? Может быть, он по здоровью не мог быть призван, из-за сильной близорукости, например?

В.Л. Может быть. Он всегда был очень нездоровым человеком. У него был туберкулез легких, у него был жуткий гастрит. Хотя он никогда на это не жаловался. Но вот откуда я об этом знаю: я всегда состояла на учете в противотуберкулезном диспансере, поскольку мой папа когда-то болел туберкулезом.

С. Э. В Кишинев Миркинда перевели в 1948 г.?

В. Л. Не могу твердо сказать, но думаю, что да.

С. Э. Он не рассказывал, связано ли это было, например, с борьбой против космополитизма? Все-таки из Москвы в Кишинев — не самый лучший вариант...

В. Л. Не знаю, связано ли это с борьбой против космополитизма, но это связано с обычным банальным антисемитизмом. Во всяком случае, он всегда так говорил.

Libin (Markind) Victoria A. — daughter of A. M. Mirkind (Israel)

С. Э. Так или иначе, он хотел продолжить учиться, но ему не дали поступить в дневную аспирантуру?

В. Л. Не дали. И сказали (мама в свое время очень любила это рассказывать, потому что меня тоже потом не взяли в аспирантуру): «Вы такой способный студент, что и в заочной аспирантуре напишите диссертацию».

С. Э. Спасибо огромное за интервью.

#ТОЛЯМИРКИНД

О том, что его зовут Анатолий Морицевич, я с некоторым удивлением узнал лет через семь после начала нашего знакомства.

В 60-х гг. прошлого века моя мама часто бывала в Молдавии. Сперва — как художник в этнографических экспедициях, затем — как сценограф кишиневского театра «Лучафэрул». Когда меня не с кем было оставить дома, брала меня с собой. Летом 1965 г. в экспедиции Валентина Зеленчука мы познакомились с искусствоведом и этнографом Матусом Лифшицем, а уже в Кишиневе он познакомил нас со своим близким другом — Анатолием Миркиндом. Они так и отложились в детской памяти как «Матуслифшиц» и «Толямиркинд». У них было много общего. Оба — столичные студенты, ушедшие на фронт, оба служили переводчиками, один был свидетелем Встречи на Эльбе и Нюрнбергского процесса, другой переводил на Потсдамской конференции и на том же Нюрнбергском процессе (так, во всяком случае, я запомнил). Окончив обучение,

оба распределились в Кишинев, хотя свои кандидатские диссертации защищали в Москве. Семьи у них тоже были схожими: у «Матуслифшица» жена — психолог Лидия Жабицкая и дочка Света (сильно старше меня), а у «Толямиркинда» жена — психиатр Валентина Иванова и дочка Ляля (сильно младше меня). Роднила их и некая экстравагантность. Матус Яковлевич — рыжеватый, веснушчатый, в очках, очень похожий на немца — невозмутимо разгуливал по пыльным дорогам молдавских сел в шортах, ковбойке, вельветовой кепочке и с мощным фотоаппаратом на шее. Бдительные колхозники часто принимали его за шпиона, вызывая то пограничников, то милиционеров. Анатолий Морицевич удивлял своим астеническим телосложением, удивительной подвижностью, неизменной улыбкой, стремлением безукоризненно одеваться и какой-то вычурной вежливостью. Он даже мне говорил «вы», несмотря на мой десятилетний возраст. Еще меня поражало, что он не ел ни помидоров, ни «синеньких», ни гогошар (это в Молдавии!) и даже к моей любимой кишиневской сладкой колбасе был равнодушен. И только потом я понял, что у него была тяжелая язва, еще с фронтовых времен.

В Кишиневе мы иногда останавливались в гостиницах, но чаще —

© П. Ю. Уваров, 2019

Уваров Павел Юрьевич — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий отделом Западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой социальной истории Факультета истории Высшей школы экономики, профессор РГГУ (Москва); ouprav@mail.ru

у новых кишиневских знакомых, например, в доме Семы и Милы Молдован — в старом особнячке неподалеку от театра. Но у Миркиндов всегда находились весомые аргументы, чтобы мы выбирали именно их гостеприимное жилье — их трехкомнатная квартира на улице Ленина обладала редким для Кишинева того времени удобством — нагретельной колонкой, сулящей горячую воду в любое время года.

В этой квартире было много книг, но, понятно, что мне запомнились в основном книги детские. Например, «Сказки» Кристиана Пино, непохожие на все, что я читал раньше, — тонкие, романтические, но при этом очень интересные. Другая книга со странным названием «Трудус, трудум, труд» была написана автором по фамилии Луда и отличалась некоей брутальностью. Это были легенды и о французских ремесленниках, чем-то напоявшие мне сказы Бажова, но умело вставленные в превосходно прописанный реальный исторический контекст. Как знать, может быть, эти книги повлияли затем на мой выбор страны изучения? И только много лет спустя я узнал, что Кристиан Пино не только сказочник, но еще и известный политик, участник Сопротивления, влиятельный министр в социалистических правительствах Четвертой республики, подписавший от имени Франции Римский договор, сторонник сближения с СССР. Луда, как выяснилось — псевдоним Людмилы Маковской-Шницер, французской писательницы российского происхождения, переводчицы Хлебникова и Бажова (угадал!), страстной

пропагандистки советского кино, сочувствующей французским коммунистам. Интересно, все ли книги для маленькой Ляли отбирались сообразно политической позиции их авторов?

Как я сейчас понимаю, это был достаточно узкий мир русско-еврейской гуманитарной интеллигенции Кишинева. Я по малолетству не мог осознать всех нюансов, простодушно полагая, что Сема Молдован (на самом деле — Соломон) со своей милой женой Милой и есть натуральные молдоване, а как же иначе? Совсем иной круг нашего общения составляла молодежь «Лучаферула» или прогрессивные художники с Рышкановки. Когда мы уезжали в Москву, на наших проводах эти миры пересекались, причем очень дружелюбно. На столе возникали «Негру де Пуркаръ» и «Алб де Масэ», все обменивались новостями, в том числе и тревожными (оттепель закончилась, в Москве шли процессы, раскручивалась кампания «подписантов»), но чаще шутили, искренне радуясь общению друг с другом и удивляясь, что, живя в одном городе так редко встречаются, договариваясь непременно видаться чаще, а не только тогда, когда приезжают московские гости. Но поскольку эти слова повторялись из года в год, то даже мне становилось ясно, что без нас они не очень-то и встречались.

Как-то раз мама попросила Анатолия Морицевича помочь восстановиться на заочном отделении филфака университета молодому завлиту «Лучаферула». Ходатайство оказалось успешным. А когда ма-

ма благодарила «Толюмиркинда», он махал руками: «Что вы, что вы, хлопотать в нашем университете за молдаванина — это, оказывается, так просто и так приятно! А уж как удивились в деканате!» Очевидно, что за немолдаванина хлопотать ему было куда сложнее.

Разобщенные миры, конечно, пересекались. «Лучаферул» в какой-то мере играл роль московского «Современника», в него ходила вся интеллигенция, благо спектакли шли с русской трансляцией. На одну из премьер (кажется, «Коварство и любовь» Шиллера) пришли Миркинды, их усадили рядом с мамой. К ней подбежал директор театра, находившийся в постоянных контактах с режиссером, а заодно и с художником, и поспешил испортить праздничное настроение. «Вот вы тут пьески сомнительные ставите, а в первом ряду знаете кто сидит? Генерал Савченко с супругой, наша госбезопасность. Я за последствия не ручаюсь».

Дальше произошло невероятное, мама ринулась в первый ряд с криками «Иван Тихонович! Александра Семеновна! Как мы давно не виделись!» Оказалось, что эта пара в конце войны жила в Молотове и очень была дружна с маминым отцом. На сцену братания с ужасом взирал не только директор, но и Анатолий Морицевич — для него рушилась привычная система ценностей. После спектакля он сказал: «Так значит все-таки правильно говорят, что на руках Савченко нет крови. А я-то не верил. Но ведь иначе вы бы не стали так с ним обниматься?»

Подтвердить или опровергнуть это утверждение было сложно, тем более что Савченко вскоре перевели на работу в Венгрию.

Анатолий Морицевич всегда был политизированным человеком, но разворачивающиеся события донельзя обострили это чувство. В начале сентября 1968 г. к нам в Москву прилетела Валентина, вся в слезах и настолько взволнованная, что долгое время ничего не могла выговорить. Несмотря на профессию врача-психиатра, она была чрезвычайно ранимым человеком. Наконец она рассказала, что несколько дней назад купила удивительно красивое и при этом дешевое синее вьетнамское платье, редкая удача! Но когда она имела неосторожность сказать об этом мужу, реакция была ужасной. «В те дни, когда наши танки раздавили в Праге мечту о социализме с человеческим лицом, когда нашу страну во всем мире вновь называют Жандармом Европы, когда лучшие люди, вышедшие протестовать на Красную площадь, брошены в тюрьму — ты, моя жена, покупаешь себе роскошные наряды? Как я смогу теперь с тобой разговаривать?» — и она снова тряслась в рыданиях, потому что вечно улыбающийся «Толямиркинд», действительно, объявил ей бойкот.

Уж не знаю, какие мама подобрала для него аргументы, но авторитетное вмешательство из Москвы тогда спасло этот брак, затрещавший по швам. Через несколько лет он все-таки распался. А жаль.

Вскоре мы перестали наезжать в Молдавию.

Но Анатолий Морицевич, наведываясь в Москву на конференции и на стажировки, обычно заходил к нам. Он очень расстроился, узнав, что нашу Новопесчаную улицу переименовали в улицу Вальтера Ульбрихта. «Нет, ну хотя бы дали имя Отто Гротевоя, все-таки приличный человек был!»

Время менялось, и ему в этом времени было все менее уютно. Для него мир делился на «интернационалистов и националистов», и он совсем не ожидал того, что мир будет делиться иначе, например, на евреев и неевреев. Насколько я помню, к государству Израиль он никогда особых симпатий не испытывал (во всяком случае, к его политике в Леванте), но все больше знакомых говорили об отъезде. Он, как шестидесятник, также делил людей на тех, кто выступает за настоящий социализм, и на тех догматиков-сталинистов, кто этому препятствует. И вдруг он у нас слышит от кого-то из гостей: «Сталин, Сталин, а корень-то зла в Ленине — вот кому давно место на свалке истории, вот и Солженицын пишет...» Анатолий Морицевич растерянно и как-то виновато улыбнулся: «Нет, знаете, я все-таки до этого так и не дорос. Да, пожалуй, и не смогу дорасти». А что с ним стало, когда кто-то после 11 сентября 1973 г. изрек: «Альенде, конечно, жалко, но теперь мир, наконец, поймет, что социализм, какой бы он ни был, это тупик, что порочна сама идея!»

В том же году я поступил на исторический факультет МГПИ им. Ленина. Вскоре я отыскал когда-то подаренную нам книжку: Миркин

А. М. Под знаменем коммуны. Германские социал-демократы против реакции и милитаризма. 1871–1875 гг. И хотя я уже понял, что мои интересы лежат вдали от проблем новой истории и рабочего движения, начал ее листать с интересом, о чем и сказал при случае автору. Анатолий Морицевич всплеснул руками: «Ну, что вы, Павел, это же скучно, это же заурядная марксистина». Но по лицу было видно, что ему очень приятно.

Конечно, цитат классиков там было в избытке, но как же иначе, коль скоро и Маркс, и Энгельс были и заинтересованными свидетелями, и активными участниками описываемых событий. Меня же интересовало, как вообще пишутся «обычные» научные книги по истории (а не такие, как «В поисках вымышленного царства» Гумилева). И еще — как в нашей стране работают историки, лишенные возможности поехать в изучаемую страну и заниматься в архивах? Выяснилось, что работают хорошо — книга демонстрировала виртуозное владение немецкой и французской историографией, попадались в сносках английские авторы, но — редко (ох, как бы ему досталось за это сегодня!). Даже я тогда смог оценить количество ссылок на парламентские и партийные документы, политические памфлеты и трактаты, множество газет. Много хранилось в ИНИОН (ФБОН, как тогда говорили), автор там много работал, и после познакомил меня с несколькими инионовскими старожилами. Залежи полезных для автора «ископаемых» можно было найти и фондах библиотеки Института

марксизма-ленинизма, что на улице Вильгельма Пика. Когда там работал Анатолий Морицевич, это был еще Третий сельскохозяйственный проезд, а улицей Вильгельма Пика он стал лишь в 1975 г. Надеюсь, это переименование не шокировало его — к деятелям Интернационала он относился с симпатией, впрочем, сокрушался, что Димитров столь сервильно согласился с приказом Сталина распустить Коминтерн.

Из книги я тогда узнал много для себя нового — и то, что были не только Карл Либкнехт / Роза Люксембург, но еще и Вильгельм Либкнехт и Август Бебель (я прежде это имя слышал лишь в связи с красноармейцем Суховым, бойцом за счастье трудового народа всей земли Закаспийского интернационального пролетарского полка имени товарища Августа Бебеля), и то, что был «Культуркампф» и борьба с «ультрамонетанами», которые вопреки зловещему наименованию были порой вполне нормальными людьми, и то, как можно было осмелиться выступить с антивоенными лозунгами не только против властей, но и против настроений своего же народа. Пожалуй, одному нельзя было поучиться у Анатолия Морицевича — беспристрастности. Он любил социал-демократов, не любил прусских милитаристов, Бисмарка и кайзера, и не мог, да и не хотел скрывать этого.

Сейчас, когда я старше не только Миркинда, опубликовавшего свою монографию, но и Миркинда, сделавшего свой роковой шаг в 1983 г., я вижу недостатки, на которые я указал, если бы писал отзыв

на книгу. Не объяснена верхняя хронологическая граница — 1875 г. Это год слияния двух рабочих партий, но рядовой читатель может об этом и не знать. Нет очерка историографии и обзора источников — на эту тему у автора вышло много отдельных публикаций, вплоть до спецкурса по источниковедению. И, конечно, я указал бы на переоценку степени репрессивности политической системы Второго рейха. Да, Лейпцигский процесс 1872 г. над В. Либкнехтом трудно назвать справедливым, социалисту дали два года тюрьмы по обвинению в государственной измене за антивоенную агитацию и за поддержку Парижской коммуны. Но легко представить, какой приговор по этому обвинению вынесли бы суды других империй, как более поздних, так и расположенных на иных географических долготах.

Книга явно была частью диссертации. Но, к стыду своему, я почти ничего не знаю об академической карьере Анатолия Морицевича, а сам он о ней никогда не распространялся. Знаю (из эпиграфа к книге), что его учителем был А.С. Ерусалимский, но не знаю ни то, как называлась его кандидатская диссертация, ни то, защитил ли он докторскую. Совершенно случайно наткнулся на известие об его выступлении на симпозиуме по проблеме якобинской диктатуры, организованном в 1970 г. сектором истории Франции Института всеобщей истории. Судя по стенограмме, он выступал как заинтересованный преподаватель новой истории, внимательно следящий за книжными новинками, пытавшийся ответить на каверзные вопросы пытливых

студентов («Помешала ли казнь Дантона делу Революции?»). Он, видимо, и ждал услышать на них ответы, но вряд ли услышал. Симпозиум созывался с иной целью — дать отпор В.Г. Ревуненкову, а Анатолий Морицевич оказался на этом празднике жизни явно лишним. (См. Чудинов А.В. Спор столиц // Чудинов А.В. История Французской революции. Пути Познания. М.: Росспэн, 2017. С. 101–116.)

Научные (увы, односторонние) контакты с Анатолием Морицевичем продолжались — я настолько осмелел, что показал ему мою курсовую работу за второй курс. Профессор Миркинд, полистав, сказал: «Я, конечно, ничего в этом не понимаю, но, думаю, немного доработать и — готовый диплом. А там — и кандидатская, ну, а глядишь, и докторская. А что? По нашим-то временам!»

На сей раз улыбка была несколько ехидной, но я понял, что она относится не ко мне, а скорее характеризует переживаемое нами время.

Впрочем, помощь, которую мне оказал Анатолий Морицевич, трудно переоценить — через некоторое время, когда мои курсовые стали потолще, он представил меня замечательному медиевисту — Юрию Львовичу Бессмертному. Не знаю, где уж они познакомились, может быть, в Эстонии? Знаю, что оба любили отдыхать на модном курорте Элве, но, наверное, они подружились еще раньше. Ценность этой встречи для меня трудно переоценить.

А вот с Анатолием Морицевичем с тех пор мы мало встречались.

В те редкие моменты, когда он появлялся в Москве и заходил к нам, его улыбка становилась все более грустной, а сам он каждый раз выглядел все более худым, хотя это, кажется, физически было невозможным. Последняя встреча была в начале 80-х немного сумбурной. Он ненадолго зашел к нам, с очень встревоженным видом. Оказалось, в метро оторвалась пуговица от его серого в рубчик пальто. Пуговицу он сохранил, сжимая в ладони. Моя жена быстро пришила ее, подобрав крепкую черную нитку. Но наш гость улыбался так, что было ясно, как не нравится ему цвет нитки. Подобрали белую — но он опять был недоволен. Разузнав, где находится ближайшая галантерея, он побежал туда сам, несмотря на наши протесты. Вернулся, купив катушку серых ниток и, кажется, на сей раз взялся за иглу сам. Потом долго вертелся перед зеркалом в пальто и фетровой шляпе и, несколько успокоившись, ушел.

Я счел это признаком нарастающей странности и, возможно, симптомами душевной болезни — придавать столько значения таким мелочам! Но сейчас понимаю, что это иное. Оставшись без работы, с волчьим билетом, утратив и душевный, и материальный комфорт, Анатолий Морицевич отчаянно боялся деградировать, опуститься, особенно при его манере изящно одеваться.

Я не знал всех обстоятельств его гибели, но вот прочитал воспоминания кишиневцев, многое прояснилось. Думаю, к травле и безысходности надо добавить растущее ощущение одиночества — семья,

некогда занимавшая столь уютную квартиру на ул. Ленина, давно распалась, дочь от первого брака уехала в Израиль (впрочем, подробностей не знаю), знакомых и, главное, единомышленников становилось все меньше: пролетарский интернационализм, революционная романтика довоенного фасона, вера в социализм с человеческим лицом — все это уже мало кого воодушевляло.

В 1993 г., когда первый и последний раз в жизни я был в Нью-Йорке, я оказался в Северном Бронксе в гостях у Семы и Милы Молдован, когда-то обитавших близ театра «Лучаферул». На столе возникла за-

мечательная настоящая баклажанная икра, выполненная в лучших бессарабских традициях. На полочке я увидел фотографию Анатолия Морищевича, неожиданно серьезного. Рядом горела плоская свечка.

«Как хорошо, Павел, что вы приехали именно сейчас. Сегодня ведь день Толи. Где бы мы ни были, мы всегда его вспоминаем...»

Остается поблагодарить «Историческую экспертизу». Ведь написав этот текст, я только сейчас осознал, сколь многим я обязан Анатолию Морищевичу Миркинду.

Uvarov Pavel Yu. — doctor of historical sciences, corresponding member of RAS, Head of the department of Western European middle ages and Early Modern times of the Institute of General History, RAS, Head of the Department of Social History, faculty of History, HSE, professor RSUH (Moscow)

Н. В. Бабилунга

«ПО ГАМБУРГСКОМУ СЧЕТУ»

Об Анатолии Морицевиче Миркин-де у меня сохранились самые теплые воспоминания. И очень грустные.

Впервые я услышал о нем в совсем еще младенческом возрасте, лет в шесть или семь. Наша семья дружила с семьей Александра Сергеевича Федько, с которым мой папа учился в Москве после войны в Центральной комсомольской школе, а потом они вместе работали в газете «Молдова социалистэ» в Кишиневе. Всей семьей они часто приходили к нам в дом на улице Котовского, а мы чуть ли не каждую неделю бывали у них дома на улице Сталинградской, угол С. Лазо. Семья Миркиндов жила в этом же доме через стенку, и мы, дети, играли во дворе большой компанией, в том числе с внуком или сыном Анатолия Морицевича. Правда, дети обижались на этого мальчика, ибо он всех нас называл «пичужками».

Но взрослые строго-настрого предупредили не обижать мальчика. Вот тогда я услышал впервые фамилию Миркинд. Взрослые отзывались

о нем очень уважительно, даже, кажется, с каким-то пиететом, особенно тетя Зина (Зинаида Алексеевна Федько), которая тогда работала с Анатолием Морицевичем, если не ошибаюсь, в Центральной партийной школе, а потом и в Кишиневском госуниверситете. Все это меня, конечно, в те времена никак не интересовало, а вот уважительное к Миркинду отношение запомнилось.

Более близкое знакомство у нас состоялось, когда я учился на историческом факультете Кишиневского государственного университета. Откровенно говоря, я не был особенно прилежным студентом. Бывало, с друзьями убегали с каких-то скучных лекций, сидели в кафе «Елочка» при входе на Комсомольское озеро, где тогда пиво продавали не просто в бокалах, а в трехлитровых банках, причем если не было денег, можно было оставить в залог студенческий билет или зачетную книжку до стипендии. Гуляли от души. Но лекций Миркинда не пропускали, помнится, никогда. Ибо его лекции были удивительными, просто совершенными по гамбургскому счету!

Всеобщую историю (античность и Восток) на первом курсе нам читала академичная и сухая доцент Надежда Борисовна Бреговская. На втором курсе (Средневековую

© Н. В. Бабилунга, 2019

Бабилунга Николай Вадимович — кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Отечественной истории Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Тирасполь); babi05@rambler.ru

Европу) читал самоуверенный и эрудированный профессор Рудольф Юльевич Энгельгардт. А на третьем курсе после таких ярких личностей приходит новый для нас лектор – Анатолий Морицевич Миркинд, тщедушный, интеллигентный, вежливый, даже, кажется, робкий – просто божий одуванчик.

Он никогда не тратил время на переклички (тогда, видимо, это и не особенно требовали от преподавателей). Садился на стул перед аудиторией и начинал рассказывать. Никогда перед ним не было ни конспектов, ни планов, ни бумажек, ни цитат. Он все говорил по памяти (как, впрочем, и Энгельгардт). Видимо, память у Миркинда была просто уникальной.

Вся его лекция текла настолько логично, настолько аргументированно, обоснованно, складно, что создавалось впечатление, что он читает какую-то интереснейшую книгу. При чем читает умело, как артист сценарий – с выражением, с определенными интонациями в голосе, с какой-то физиогномикой, с понятными эмоциями. Он акцентировал печаль, или иронию, или восхищение, или озадаченность, или любое другое человеческое чувство. Создавалось впечатление, что он не просто излагает материал, а как бы живет в том времени, переживая палитру разных эмоций и чувств вместе со своими историческими персонажами, которым давал короткие, но емкие запоминающиеся характеристики. Он легко и просто переходил на какие-то исторические параллели, так же легко возвращался к нам, студентам. Или в другие эпохи.

Вот до сих пор помню, как, рассказывая о штурме Бастилии и походе на Версаль в годы Великой французской революции, он упомянул имя Теруань де Мерикур, боровшуюся за права женщин, и тут же, походя, сделал небольшое отступление. Миркинд сказал, что и в России второй половины XIX в. это имя помнили. О народническом «хождении в народ» кто-то даже сочинил такие стишки:

Теруань де Мерикуры
Школы новые открыли,
Для того чтоб наши дуры
В нигилистки выходили.

Как вы понимаете, заключил Миркинд, чтобы срифмовать «Мерикуры» и «дуры», много ума не надо. Важно другое – это имя не было забыто, ибо оно олицетворяло какие-то идеи, какое-то мировоззрение, жизненную позицию, определенное действие.

Это одно из немногих, к сожалению, моих ярких воспоминаний о лекциях Миркинда. Увы, конспектов я не вел. Да и никто не вел, насколько я помню. Лекции были так захватывающе интересны, что на записывание не хотелось отвлекаться. Мы и о времени забывали, а трезвон звонка воспринимали с неудовольствием – так быстро пролетела пара, что захватывающий сериал прервали на самом интересном месте.

Не знаю никого из тех студентов, с кем я учился, кто бы ни относился к Миркинду с почтением и глубочайшим уважением. При этом уважение основывалось не на стра-

хе получить плохую отметку: он не был чрезмерно строг, как Бреговская, а тем более не зверствовал на экзаменах, как Энгельгардт. Его уважали за интеллект, за знания, за эрудицию, за великолепные лекции и завидное умение читать их, без труда удерживая все внимание аудитории.

Кто-то, помнится, из студентов тогда говорил (не знаю, слухи это или нет), что профессор Миркинд принимал экзамены у второго секретаря ЦК КПМ К.У. Черненко (одного из крупных партийных царедворцев при Брежнев, будущего генерального секретаря), когда он в Кишиневе учился заочно в пединституте. Мы еще посмеивались и шутили, обсуждая, приезжал ли Черненко к Миркинду на черном ЗИМе, или профессор на трамвае ездил к студенту... Но это несколько не затрагивало нашего к нему уважения, я бы даже сказал — гордости учиться у него.

Еще один эпизод запомнился. Новейшую историю нам читала доцент Валентина Ивановна Бырня, чудная и порядочная женщина и педагог. Я тогда учился на четвертом курсе и случайно прочел книгу Карла Каутского «Россия и революция», в которой автор пытался как-то оправдать русофобские высказывания Фридриха Энгельса и его угрозы славянам: «В будущей революционной войне погибнут не только реакционные классы, но и целые реакционные народы». Я увлекся этой темой, стал изучать литературу, читать классиков и хотел как-то объяснить такое их странное отношение к славянам, весьма далекое от про-

летарского интернационализма, к которому мы все привыкли. В конце концов, написал курсовую работу «Фридрих Энгельс и славянский съезд». На кафедре эту курсовую увидел Анатолий Морицевич. Он ее с интересом прочел и, как мне потом по секрету сказала Бырня, тихо шепнул ей: «Очень интересная работа. Только пусть автор ее спрячет и никому никогда не показывает!» Мне было даже немного лестно.

Я закончил Кишиневский госуниверситет в 1974 г., потом уехал в Ленинград на стажировку. И где-то в это время — конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. с Миркиндом случилась скверная история. Точнее, вовсе даже не с ним. Но пострадал он. Насколько мне известно, преподаватель истории стран Азии и Африки доцент Михаил Израилевич Володарский выезжал в Израиль. На границе у него обнаружили какие-то бумаги, выписки из каких-то архивных документов времен Коминтерна. В объяснительной записке по этому поводу Володарский написал, что получил эти выписки от профессора Миркинда. Затем Володарский благополучно уехал на землю обетованную, а против Миркинда поднялась волна репрессалий.

Гэбисты написали телегу в КГУ, и профессора уволили. Но не просто уволили. Прошла серия показательных партийных собраний с выдвиганием обвинений в антисоветизме, в нездоровых настроениях, в обывательских разговорах и в чем-то прочем в этом духе, как обычно (я и сам прошел через несколько лет через все это). Я рабо-

тал в Академии наук Молдавской ССР, с университетом был связан мало и знал о происходящем только от коллег.

А шла самая настоящая травля. Видимо, гэбисты не брали на себя труд посадки или даже увольнения с работы уважаемого всеми человека. Да и уволить профессора, который работал на конкурсной основе, у них не было формальных возможностей. Они вообще были как бы и ни при чем — просто сигнализировали о плохом и непатриотичном поведении профессора, который снабдил «уехавшего в государство Израиль» доцента какими-то антисоветскими материалами (что это за материалы, никто в курсе не был по сути). Они как бы умывали руки — увольняют пусть те, кто это может сделать по закону. Для органов важно было возмущение коллег и «научной общественности».

Как часто и происходит в таких случаях, партийные собрания становились своего рода лакмусовой бумажкой, тестом на порядочность. На заседании кафедры новой и новейшей истории, которая и обратилась с ходатайством об увольнении Миркинда, выступить должны были все. Самым непримиримым защитником чистоты ленинского учения и советского образа жизни оказался Александр Константинович Мошану, специалист по социалистическому движению в Румынии, личность достаточно неприметная и неинтересная. Но его речи отличала какая-то возбужденная и несвойственная ему активность, лютая непримиримость к своему коллеге. В отличие от многих других сотруд-

ников, которые уныло зачитывали общие осуждающие фразы, необходимые в обязательном порядке, он публично показывал свою нестигаемую твердость и бескомпромиссность в борьбе за великое дело торжества коммунизма.

Как и следовало ожидать, заведующим кафедрой стал Мошану. А спустя несколько лет, во времена развала Советского Союза он уже возглавил парламент Молдовы, стал убежденным антикоммунистом, повел непримиримую борьбу против всех, кто не принимал идеи и практику зарождающегося неонацизма и прорумынского шовинизма. Вместе с Мирчей Снегуром, Мирчей Друком, Ионом Косташем и прочими руководителями Молдовы он довел республику до гражданской войны, массового кровопролития и неминуемого раскола. Но это было потом. А тогда профессор Мошану обвинял профессора Миркинда в страшных грехах против ленинского учения, родной коммунистической партии и нашей социалистической Родины.

Через несколько лет, уже после кончины Анатолия Морицевича, один из видных московских историков сказал мне, что «кровь Миркинда осталась на руках у Мошану», добавив очень нелестный эпитет к этой фамилии. Московские коллеги были прекрасно осведомлены о том, что происходит в Кишиневе. Но защитить Миркинда никто не мог. Или не хотел.

Впрочем, это было невозможно сделать в той ситуации, может быть, почти невозможно. Только

профессор Анатолий Михайлович Лисецкий, заведующий кафедрой истории СССР, человек глубокой порядочности и непоказного мужества, на общем партийном собрании в университете предложил не увольнять Миркинда с той формулировкой, с которой они намеривались это сделать. «Поймите, товарищи — сказал он, — мы же выписываем нашему коллеге волчий билет. Он нигде работу не найдет!» Но переубедить переполненный праведным гневом зал было невозможно. Лисецкого зацыкали, зафукали, и он понял, что все уже решено, концовка спектакля написана и никаких правок сценария начальство не допустит.

Действительно, Миркинда уволили с формулировкой, означающей фактически запрет на профессию. Правда, уволили относительно тихо: никаких пропесочиваний в прессе, «чтоб другим неповадно было», больше не устраивалось. Не было и никаких поползновений расширить ряды «возмущенной научной общественности» за счет других вузов или институтов. Дело закрыли после увольнения неожиданно и наглухо. Миркинд как бы отошел в небытие. Его вроде и не было, хотя он жил где-то рядом.

О его тяжелом бытии мне иногда говорила коллега Лидия Валентиновна Власова, специалист по внешнеполитическому положению Молдавии в Средневековье, супруга доктора исторических наук Самсона Абрамовича Мадиевского, с которым мы работали вместе. Они хорошо знали Миркинда. Власова говорила, что он отправляет по почте

свои анкетные данные и предложения своих услуг в качестве преподавателя (как сейчас говорят, резюме) во многие вузы СССР, даже в Сибирь, Дальний Восток и за Полярный круг. Очень многие вузы с радостью соглашались — компетентные специалисты, профессора на дороге не валяются. Но как только узнают причину его увольнения — или отвечают вежливым отказом, или полностью обрывают переписку. Впоследствии и я с абсолютной точностью прошел через это.

Не помню уж, по какому делу как-то я должен был зайти к Миркинду домой. Жили мы в одном районе на Ботанике — я на улице Роз, он где-то на улице Христо Ботева. Зашли с женой Розой в его скромную квартиру, и я невольно был поражен скудостью обстановки и бедностью спартанского быта профессора. Мы говорили как ни в чем не бывало; моя жена шутила и проявляла к Миркинду какой-то неподдельный интерес и симпатию. А я чувствовал, что он немного оживает, что ему нравится простое общение, от которого он уже, возможно, и отвык. Он расспрашивал меня о моей работе, и я с радостью рассказывал, чем занимаюсь и чем намерен заниматься, о жизни Института истории АН МССР. Хотелось сказать что-то ободряющее и поддержать человека.

Но спросить Миркинда о его проблемах мне было как-то неловко. Не хотелось начинать разговор, который был, возможно, ему неприятен и тягостен. Мешал, конечно, не страх, а излишняя деликатность. Я лишь задал нейтральный вопрос: «А вы как поживаете?» Он грустно

улыбнулся и ответил: «Да вот, отправил письма почти в сотню вузов. Теперь жду ответа!»

Я мог только сочувственно покивать головой. Больше сказать было нечего; не решился и спросить, правда ли, что он написал письмо Черненко, — кто-то мне об этом говорил, а результаты были неизвестны. Мы расстались как-то с сожалением и на прощание обещали заходить еще. Это была наша последняя встреча — через какое-то время

я узнал, что Миркинд бросился под поезд на кишиневском вокзале.

Потом началась перестройка, покатились всяческие разности. Об Анатолии Морицевиче Миркинде вскоре все забыли.

А у меня до сих пор кошки на душе скребут. Наверное, есть и доля моей вины в его трагическом уходе. Ведь прояви я тогда чуть-чуть больше человечности, чуть больше понимания и чуткости...

Babilunga Nikolai V. — candidate of historical sciences, professor, Head of the Department of national history, T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University (Tiraspol)

В. А. Солонарь

СВЕТЛАЯ И ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ. ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОФЕССОРЕ МИРКИНДЕ

Об Анатолии Морицевиче Миркин-де у меня остались самые светлые и одновременно самые трагические, болезненные воспоминания. Когда я поступил на исторический факультет Кишиневского университета, а было это в 1976 г., общее мнение среди студентов русских групп (а я учился в русской группе) состояло в том, что на факультете было несколько выдающихся преподавателей, которых «стоило послушать». Таковыми были Нина Борисовна Бреговская, которая преподавала историю Древнего мира на первом году обучения, Рудольф Юльевич Энгельгардт, который читал курс по истории феодализма от эпохи крестовых походов и до начала Нового времени, а именно Вестфальского мира 1648 г., на втором году обучения, и Анатолий Морицевич Миркинд, который читал новую историю начиная с английской революции XVII в. и заканчивая Первой мировой войной – на третьем. Еще говорили как об интересном преподавателе о Николае Ивановиче

(если правильно помню отчество) Королеве, который преподавал вторую часть новейшей истории (со Второй мировой войны). Особняком стоял Михаил Израилевич Володарский, который читал новую историю стран Востока. Говорю «особняком», потому что студенты его уважали, но не любили. Кажется, его репутация была не весьма хорошей и среди преподавателей, но точно сказать не могу. Заметьте, что все эти люди были специалистами по зарубежной истории, и я не помню в этом ряду ни одного имени преподавателей того, что в то время называли «историей СССР», т.е. истории Российского государства, которую начинали, вопреки здравому смыслу, с незапамятных времен. Ну да это уже другой вопрос.

Мне кажется, в то время роль преподавателя в формировании личности студентов и их образовании была несравненно важнее, чем сейчас. У нас был лишь весьма ограниченный доступ к качественной литературе: она издавалась малыми тиражами, в библиотеках далеко не всегда было то, что хотелось прочитать, программы курсов контро-

© В. А. Солонарь, 2019

Солонарь Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, профессор Университета Центральной Флориды (Орландо, США); Vladimir.solonari@ucf.edu

лировались партией и «спускались сверху». Посещение лекций было обязательным, но зачастую они мало отличались от пропаганды коммунистической идеологии. История зарубежных стран, по самой своей сути, давала волю воображению и как бы «выходила за рамки» привычного идеологического дискурса. Во всяком случае, мы на это надеялись.

Я говорю «мы», но на самом деле, конечно, я не могу быть уверенным в том, что я не выдаю свои ощущения за типические, а для этого, строго говоря, у меня нет оснований. Так что вернусь к единственному числу первого лица. Так случилось, что за первые три года моего обучения, которое продолжалось пять лет, наш факультет лишился своих двух звезд — вначале Володарского, а потом Миркинда. Их судьбы были связаны, хотя в точности мне не известно, каким образом. Володарского я не знал, он нам не читал, т.к. его, как тогда говорили, «поперли», когда я был не то на первом, не то на втором курсе, а он читал на третьем. Насколько я знаю, Володарского вычислил КГБ как автора анонимных писем с критикой советской интервенции в Чехословакии и прочих бесчинств тогдашней власти, которые он рассылал из разных концов Союза. Вскоре после своего изгнания с работы Володарский подал документы на выезд в Израиль и, пройдя всю неизбежную волокиту, примерно через год уехал туда.

Помню комментарии по поводу изгнания Володарского из университета. Они сводились к тому, что,

мол, как глупо он поступил, посылая те самые письма. Не помню особого сочувствия или возмущения. Мне кажется, люди чувствовали себя незащищенными и бессильными, им и в голову не приходило, что они могут что-либо изменить. Их главной проблемой было выживание в условиях, которые они не могли изменить. Ругая Володарского, они как бы успокаивали себя, что они-то уж поумнее и так себя не подставят. И в этом смысле, т.е. в том, что они осторожнее Володарского, они были правы.

Когда я был на третьем курсе, я начал слушать лекции Миркинда. Это было, конечно, очень яркое явление. Он читал вдохновенно, с внутренней убежденностью и красноречием, которые выделяли его среди прочих коллег. Как мне сейчас кажется, Миркинд был марксистом и в целом человеком левых убеждений. Он также был широко образован. Он читал на трех европейских языках — немецком, французском и английском. Любил немецкую поэзию и мог цитировать Гейне по памяти. Он как бы пришел из среды русско-еврейской интеллигенции 20–30-х гг., революционных романтиков-интернационалистов. Он страстно ненавидел милитаризм, в частности прусский, который он увязывал с юнкерством и Гогенцоллернами. От них он проводил прямую линию к немецкому фашизму, т.е. национал-социализму. Его героями были якобинцы — в этом плане он был согласен с Лениным. Во многих отношениях его взгляды вполне соответствовали официальной советской идеологии, но его искренний интернациона-

лизм и широкая эрудиция выводили его из ряда наших преподавателей. В нем угадывалась аутентичность, которой не было у большинства из его коллег. Неподражаема была его манера чтения лекций: он не стоял, а сидел перед аудиторией, часто смотрел в потолок, не пользуясь конспектами, и рассказывал, как бы импровизируя. Он размышлял, давал оценки, выражал сомнения. В его изложении история была драмой, смысл которой состоял в стремлении к более совершенному и гуманному общественному устройству. Героями были низшие классы и радикальные реформаторы и революционеры, злодеями были «реакционеры».

К сожалению, мне не удалось дослушать его курс, который был рассчитан на целый год. В ноябре 1979 г., в конце первого семестра, он вдруг стал приходить с опозданиями, мог вдруг замолчать посреди лекции, а потом и вовсе перестал появляться. Нам сказали что-то вроде того, что он больше у нас не работает. Прямо на ходу его заменили другим преподавателем. Не буду говорить о нем — это к делу не относится. Мы его сравнивали с Миркиндром и были к нему настроены скорее враждебно. Но это уже другая тема. Не помню, откуда до нас дошла информация, что Миркинда «сдал» Володарский, у которого при пересечении границы нашли копии каких-то архивных документов, которые он по советским законам перевозить не мог. На вопрос, откуда они у него, он сказал, что получил их от Миркинда. Анатолия Морищевича, естественно, пригласили «на разговор», и он сознался в своей

«вине», хотя, похоже, мог бы и отрицать ее. После этого университетское начальство ему сообщило, что после всего случившегося он сам должен понимать, что не может далее оставаться на преподавательской работе. Во избежание увольнения «по статье» (уж не знаю, какой), он подал заявление «по собственному желанию».

Расправа с Миркиндром была настоящей трагедией для факультета. У меня она вызвала глубокую травму. На время я потерял интерес к учебе и даже стал слишком много времени проводить в пивных. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не появление на факультете Александра Константиновича Мошану, которому я обязан возвращением веры в нашу профессию. Миркинда я на время потерял из поля зрения. Он, по-видимому, держался подальше от своих коллег, не желая их компрометировать. Мои отношения с ним до его увольнения сводились к моему обожанию его, но без ответного интереса к моей персоне. Как-то у меня состоялся разговор с ним по поводу прочитанной мною истории Славной революции Томаса Бабингтона Маколея (я, кажется, писал доклад для его семинара, но так и не представил его). Что-то его в моих словах раздражало, и он остался недоволен этим разговором, к которому я долго готовился. Так что у меня не было никаких прав на отношения с ним кроме формальных, хотя я иногда фантазировал о том, как мы с ним встречаемся на улице и становимся друзьями. Но был и страх: а что если встреча с ним приведет к тому, что и со мной проведут разговоры,

за которыми последуют оргвыводы? Когда сейчас мне говорят, что брежневское время было чуть ли не золотым веком, в котором советские люди жили спокойной безмятежной жизнью, я отвечаю, что я его помню как эпоху официальной глупости и жестокости, а также человеческой подлости.

Не знаю, чем занимался Миркинд в течение нескольких лет после его ухода/увольнения из университета. По слухам, он работал библиотекарем, поскольку на преподавательскую работу его нигде не брали (не уверен, пытался ли он на нее устроиться. Скорее всего, он понимал, что и пытаться не стоит). Как бы выражая свое восхищение и признательность, я прочитал его книгу «Под знаменем Коммуны. Немецкая социал-демократия против милитаризма и войны, 1870–1875 годы» (Кишинев, 1971). Книга была очень хороша. Ее антимилиитаристский и интернационалистский пафос зажигал. Книгу эту из библиотек не убрали, но и к чтению, естественно, не рекомендовали. Быть может, мое прочтение ее было своего рода проявлением моего морального протеста за расправу с любимым преподавателем.

Следующий раз я встретился с Миркиндом в январе 1983 г. в 3-й Городской больнице на Рышкановке. Я попал в нее вследствие болезни, которой заболел на первом году обучения в аспирантуре Московского университета по кафедре новой и новейшей истории (в эту аспирантуру меня направил — а без такого направления попасть в нее в ту пору было практически невозможно — Александр Константинович

Мошану). Я заболел этой болезнью вскоре после сдачи кандидатских минимумов и на время утратил работоспособность. В больнице я находился целый месяц, пока состояние не улучшилось. И вот однажды я встретился в ее коридоре с Миркиндом, который лежал в другом отделении. Он очень обрадовался этой встрече, пригласил зайти в его палату, что я и сделал. Видимо, он был очень одинок и был рад, что я не чурался встречи с ним. Для меня же это было огромное радостное событие. Мы быстро сошлись. Он жаловался, что чувствует свою ненужность после того, как лишился работы. Он перечитывал тогда «Войну и мир» Толстого, говорил, как это чтение его радует, но тут же добавлял: «Да что же я могу теперь с этим делать?», имея в виду, что некому свои новые, свежие впечатления передать. Он выписался раньше меня и перед выходом пригласил зайти к нему в гости домой. Я был невероятно польщен.

Сразу после своего выхода из больницы я пришел к нему. Он угощал меня чаем, рассказывал о последних новостях, прослушанных по Би-Би-Си, и, помню, возмущался жесткой позицией, занятой правительством Маргарет Тэтчер в Великобритании в отношении базирующихся рабочих муниципальных служб: «Как можно оставить людей без воды?» Он также был взбешен резней палестинских беженцев в ливанских лагерях Шабра и Шатила и взваливал вину за происшедшее на израильтян, которые позволили маронитской милиции пройти через свои ограждения с целью прочесать лагерь в поисках боевиков

ОПП; действия маронитов закончились резней сотен мирных палестинцев. Он тогда сказал в сердцах, что Ариэль Шарон, в то время израильский министр обороны, допустивший такие зверства, достоин повешения. Так еще раз проявились интернационализм и любовь к справедливости Миркинда.

Он тогда показал мне свою библиотеку, среди которой были такие раритеты, как протоколы X партсъезда. Хотя и изданные при советской власти, в брежневскую эпоху они составляли чуть ли не крамолу. Вот, сказал он, берите, что хотите, мне некому оставить эту библиотеку. Чем больше возьмете, тем лучше. Почувствовав неладное, я запротестовал, но он был весьма откровенен: «Я прожил уже шестьдесят лет. Это не так уж и мало». Он, конечно, не признавался в намерении покончить жизнь самоубийством, а я совершенно не знал, как мне следовало себя вести. Я жалко протестовал, но он прекратил разговор и дал понять, что мне пора уходить. Я сказал ему, что мне необходимо вернуться в Москву для оформления временного отчисления из аспирантуры по болезни с правом возвращения, и мы договорились, что после моего возвращения я ему позвоню.

Я пробыл в Москве примерно месяц или чуть больше. Когда я вернулся,

мне моя тогдашняя жена, с которой прежде мы учились вместе на историческом факультете и которая также знала Миркинда, сообщила, что он покончил жизнь самоубийством, легши под поезд. Мы стояли на улице, и я до сих пор помню и место, и обстоятельства, при которых она это сказала. Шок был огромный. Чувство вины охватило меня: как я мог не признаться себе при нашей последней встрече, что он решится на это, почему не помешал ему, как мог допустить такую трагедию? Теперь я знаю, что такие переживания неизбежны у тех, кто был близок к самоубийцам, но тогда я этого не знал. Я сильно винил себя в происшедшем.

Наверное, можно сказать, что Миркинда «убила система и человеческая черствость». Это наверняка в значительной мере справедливо, однако должен признаться, что люди, знавшие Миркинда ближе, чем я, позже говорили мне, что человеком он был непростым и склонным к депрессиям. Похоже, его трагическая история не укладывается в односложные формулы. Я всегда хотел разыскать его могилу на нашем городском кладбище и положить на нее цветы, но так этого и не сделал. Наверное, тяжелые воспоминания мешают мне этим заняться. А чувство вины так никуда и не ушло.

Solonari Vladimir A. – PhD, professor of the University of Central Florida (Orlando, USA)

Воспоминания о профессоре Миркинде. Интервью с В. Н. Поливцевым

Беседовал М. Е. Ткачук

Мы встретились с Владимиром Николаевичем Поливцевым, чтобы освежить в памяти все, что касается судьбы и последних лет жизни преподавателя исторического факультета Кишиневского государственного университета Анатолия Морицевича Миркинды.

М. Т. Владимир Николаевич, каким вы помните Анатолия Морицевича? Какие самые яркие впечатления?

В. П. Если позволите, я сначала дам общую характеристику, а потом вы, если сочтете нужным, зададите уточняющие вопросы. Студентам нашей третьей русской студенческой группы истфака Кишиневского государственного университета, которые проходили обучение с 1975 по 1980 г. (куратор — Елена Мартыновна Подградская), считаю, очень повезло с вузовскими преподавателями исторических дисциплин. Самыми выдающимися преподавателями тогдашнего истфака были Рудольф Юльевич Энгельгардт, Анатолий Михайлович Лисецкий, Эмиль Давидович Вербицкий, Сергей Кузьмич Брысякин, Зинаида Алексеевна Федыко — можно припомнить еще. Среди них осо-

бое место занимал Анатолий Морицевич Миркинд. Он преподавал нам базовый курс новой истории стран Европы и Америки на третьем курсе, т. е. в 1977–1978 учебном году. Сначала из-за отсутствия в Кишиневе Миркинды (он находился в командировке или на стажировке) этот курс читал другой очень опытный, эрудированный преподаватель, Драхенберг. Но когда Анатолий Морицевич Миркинд вернулся к исполнению своих обязанностей, мы смогли увидеть, что у него более высокий уровень преподавания. В его лекциях была научность, рассудительность, последовательность в изложении, доказательность. При этом у него сочетались очень глубокое знание предмета и увлекательность повествования. Помню, как он появился в первый раз: он вошел, представился. Мы познакомились с ним, он сел за преподавательский стол. На стол он положил небольшой портфель, в котором, очевидно, были конспекты лекций — так же было и в последующем. Но я не помню, чтобы он когда-то в них заглядывал. Он приходил, садился и начинал читать лекцию. Иногда он повышал тональность, если что-то было важно. Но читал он очень рассудительно, увлекательно, и текст записывался легко. Было очень интересно его слушать.

Через некоторое время мы узнали, что Анатолий Морицевич, оказыва-ется, был переводчиком на Нюрн-бергском процессе над нацист-скими преступниками. То есть он в совершенстве владел немецким и французским языками, а возможно, и еще какими-то. Еще мы узна-ли, что для студентов иныяз, т. е. фа-культета иностранных языков, он читал историю Франции на фран-цузском языке и историю герман-ских земель на немецком языке. Характерной особенностью лекций Анатолия Морицевича Миркинда было то, что о каждой стране он рассказывал и общее, и особенное. Ненавязчиво, но очень интересно он раскрывал национальный коло-рит — без какого-то выпячивания или абсолютизации. Например, мы узнавали, что с конца XVIII в. самым революционным народом в европейской истории являлись французы. Он приводил нам извест-ную цитату Энгельса, что французы поднимаются на революционное восстание так же легко, как заглядыва-ют в кабачок на соседней улице. Мы узнавали, что марксизм уверен-но и успешно завоевывал свои пози-ции в Германии и Австро-Венгрии, романоязычных Франции, Италии и отчасти Испании, но обнаружил некоторое буксование в англо-сак-сонских Великобритании и США. Миркинд разъяснил нам причины такой своеобразной ситуации. Он показал, что решение аграрного во-проса в демократическом ключе (во время Великой французской бур-жуазной революции) впоследствии обернулось рождением во Фран-ции большого слоя мелкой буржуа-зии, мелких крестьянских хозяйств. А это имело своим последствием

то, что с 1840-х гг. начался демогра-фический кризис, который длился почти сто лет. Ведущие политики Франции, правительства, сменяв-шие друг друга, призывали: «Фран-цузенки, рожайте сыновей для ар-мии! Встает прусская, германская угроза! У них население растет бы-стро, а у нас стоит на месте». Но ни-чего не получалось. Миркинд объяс-нил нам социально-экономические и психологические причины этой ситуации. Впоследствии, когда судь-ба неожиданно для меня сложилась так, что я должен был уйти из Ака-демии наук в Высшую антропологи-ческую школу и мне сходу пришлось взяться за чтение курса новой и но-вейшей истории, те знания, кото-рые вложил в меня и моих коллег по истфаку Анатолий Морицевич, мне очень и оченьгодились. Они помогают мне и сейчас, когда я в Тараклийском университете чи-таю новую и новейшую историю. Я сохранил конспекты лекций Мир-кинда и время от времени в них за-глядываю.

По характеру Анатолий Морицевич был человеком очень сдержанным, скромным. Но ничто человеческое ему не было чуждо. Так, чтобы зайти на кафедру новой и новейшей ис-тории (ей тогда руководил Шилин-цев), нужно было пройти через ауди-торию, в которой у нас проходили занятия. И вот как-то раз во время лекции через нашу аудиторию про-шла преподавательница истории славян Валентина Ивановна Бырня со светловолосой красивой девуш-кой. Они зашли на кафедру, вышли и ушли в коридор. Анатолий Мори-цевич сделал небольшую паузу и ска-зал: «Вы знаете, эта красавица — дочь

Валентины Ивановны». Мы еще раз посмотрели вслед ушедшим в коридор. Другой маленький эпизод: на четвертом курсе нас в очередной раз отправили собирать виноград. Как часто тогда бывало, из-за очень обильных урожаев мы еще не все успели собрать, а уже появились первые заморозки. Как-то ранним утром Анатолий Морицевич вышел (он ночевал в соседней комнате в нашем бараке) и остановился на входе, удивленно глядя на ведро: «Смотрите, а вода в нем замерзла».

М. Т. Это были традиционные выезды в колхоз, вместе с преподавателями?

В. П. Да, самые обычные выезды. Просто интересно, что он, такой городской, книжный человек столкнулся с обстоятельством бытового обихода, с чем обычно не сталкивался.

Уже после того, как я закончил истфак Кишиневского госуниверситета, до меня дошла информация, что Анатолия Морицевича постигли большие неприятности. Не берусь отвечать за точность информации, там мог быть «испорченный телефон». Но, судя по всему, его по-человечески подвел его бывший коллега по кафедре новой и новейшей истории, Володарский. Мы застали его, на первом курсе он читал нам историю стран Азии и Африки. Это был яркий и амбициозный преподаватель-лектор...

М. Т. Простите, но разве историю стран Азии и Африки преподавали на первом курсе? Вроде бы сначала был Древний Восток?

В. П. По-моему, преподавали. Но может быть, я ошибаюсь. Факт в том, что мы застали Володарского и он читал до Миркинда. Может быть, он читал на втором курсе. Так вот, когда он нам читал, мы с интересом его слушали, но когда пришло время сдавать экзамен, оказалось, что принимать его будет Караджа, преподаватель этого предмета в молдавских группах. Володарский как-то загадочно сказал: «Вот как бывает: вознесешься очень высоко, а оттуда, с большой высоты, больно падать». Еще позднее мы узнали, что Володарский за несколько лет до этого написал несколько писем с протестом против ввода советских войск в Чехословакию и против еще чего-то — писем на адрес ЦК КПСС и советского правительства. Эти письма он подписал другой фамилией и опустил их в почтовый ящик далеко от Молдавии — в Ростове-на-Дону и в каком-то другом городе. У сотрудников госбезопасности ушло немало времени на то, чтобы отыскать настоящего автора. Но после того, как он был найден, ему было предложено оставить место преподавателя Кишиневского государственного университета. Он ушел, через какое-то время эмигрировал за границу, но еще до этого он попросил Анатолия Морицевича — перевести какие-то его бумаги, где-то их хранить, содержать — я точно не знаю. На этом Анатолий Морицевич и погорел. Ему пришлось тоже оставить место преподавателя истфака КГУ и мыкаться по каким-то непрестижным местам работы. Вот такие ассоциации у меня с ним связаны.

М. Т. Скажите, когда до вас дошла информация о гибели Анатолия Морицевича?

В. П. Я уже был в стенах Академии, был аспирантом, а может быть, даже младшим научным сотрудником. Там просто спустя некоторое время была еще одна диссидентская история, но она имела другую подкладку...

М. Т. Вы имеете в виду дело Андриевского, Хействера, Князькина и Бабилунги?

В. П. Да. Просто кое-кто хотел избавиться от талантливых конкурентов...

М. Т. Я эту историю очень хорошо помню, в ней участвовали какие-то личности типа Павла Федоровича Параски... Когда я был студентом, эта история докатилась до меня — в том смысле, что я отказался, будучи студентом, подписывать одно подметное письмо против Андриевского. Его собирались уволить с исторического факультета. Других же увольняли из Академии наук. Но мы отвлеклись. Возвращаясь к Анатолию Морицевичу, скажите, пожалуйста, когда дошла до вас информация о его смерти, то какие были интерпретации того, что стало с человеком и почему? Казалось ли это закономерным итогом? Люди возмущались, перешептывались? Как все это оценивалось?

В. П. Я могу точно вспомнить, что на эту тему беседовал с тоже уже покойным Володей Ивановым. Я после окончания истфака ушел

в аспирантуру Академии наук, а Володя Иванов за высокие показатели в учебе был оставлен преподавателем на самом истфаке. Мы находились в дружеских отношениях, время от времени я заходил к нему в гости, иногда — реже — заходил он ко мне. Мы обменивались мнением о происходящем, о том, как идут дела. Как правило, он мне что-то рассказывал. Основное, что было (в связи с гибелью Миркинда) — большое сочувствие. Мы испытывали к нему огромное уважение. Да, мы очень уважали, любили, но и где-то боялись Рудольфа Юльевича Энгельгардта, Анатолия Михайловича Лисецкого, Сергея Кузьмича Брысякина — они были очень хорошие преподаватели, но одновременно и очень требовательные. Отличники побаивались, что у них может не быть «пятерки», а ленивые студенты думали, как бы проскочить на «тройку». К Анатолию Морицевичу было немного другое чувство. Прежде всего, человеческое уважение. Мы знали, что он не будет топить на экзамене, что только очень тупой и ленивый студент не сдаст у него экзамен. Знали, что и высокую оценку зря он тоже не поставит. Он был и профессионал-эрудит, и очень приятный в общении человек. Не могу сказать «добрый», но — отзывчивый человек. В нашей группе Анатолия Морицевича любовно-уважительно называли «Миркиндудей».

М. Т. Некоторые говорят, что он был несколько странноват. Условно говоря, он заходил в овощной магазин, покупал морковку — и потом хвостик морковки мог торчать у него из кармана во время

лекции. Образ такого неприбранного интеллигента с развязанными шнурками...

В. П. Вы знаете, он мог быть поглощен обдумыванием, обмысливанием какой-либо проблемы и проявлять творческую рассеянность. Мне рассказывали такой эпизод: сотрудники Института истории партии имели дополнительные пайки, какие-то продукты и т.д. И вот когда в очередной раз уважаемый мной, но неосмотрительно поведший себя Афанасий Васильевич Репида сходил с высокой лестницы с сеткой, из которой торчали лапки курочки, а навстречу ему поднимался Иван Иванович Бодюл, то очень быстро произошла ротация: Репида ушел возглавлять истфак, а замдекана Михаил Кондратьевич Сытник занял его место в Институте истории партии. Проявил оплошность. Так бывает.

М. Т. Я помню яркие, невероятно персонализированные, исполненные актерского мастерства лекции Энгельгардта. С другой стороны, у Лисецкого в лекциях, помимо мастерства и очень фундаментальной подготовки, были элементы очевидной фронды, входившей в противоречие с мировоззренческим штилем, который доминировал в то время. В 1983 г. Лисецкий мог сказать на лекции первокурсникам, что у нас загнивающий социализм, а не развитой. Мы сидели с открытыми ртами. Некоторые потом навек в него влюблялись, потому что это был такой хороший глоток свежего воздуха, хотя и приправленный левой, марксистской социал-демо-

кратической парадигмой. Каким в этом смысле был Миркинд? Он был фрондером, или фронда вытекала просто из его невероятной эрудиции и самой природы этого человека?

В. П. Я думаю, отличие было вот в чем: очень глубокая эрудированность Миркинда выводила его из догматизма. Он говорил то, что в базовых советских учебниках не было прописано. Фрондерства в нем я не замечал. Просто он был самостоятельно мыслящим человеком. Да, он знал «параметры» марксистской трактовки, был в ее рамках, но при этом выдвигал собственные самостоятельные мысли.

Что касается Анатолия Михайловича Лисецкого, то у меня есть несколько воспоминаний. Когда он объяснял нам природу сталинизма (в советское время это, конечно, было не так, как потом), то перед этим произнес такую фразу: «Так, всем положить ручки на стол». То есть то, что он будет говорить — можно запоминать, можно использовать во время ответа на экзамене, но не записывать. Записывал один я, потому что я всегда все записывал. Все в группе брали мои конспекты, они были самыми лучшими. Но ко мне Лисецкий относился с безусловным доверием, потому что мне приходилось бывать на кафедре истории СССР, руководителем моих курсовых работ и диплома был Эмиль Давидович Вербицкий. А с его семьей наша семья дружила. Поэтому доверие Вербицкого ко мне было очень высоким. Я много раз был у него дома, он передавал приветы моим родителям. И они с Лисецким

часто обменивались мнениями, но я не всегда понимал, о ком именно, но это было в связи с какими-то... не скажу «репрессиями», но неприятностями по идеологической линии. Так вот, они оба, Вербицкий и Лисецкий, солидаризировались между собой в том смысле, что «этого делать нельзя», т.е. выражали свое резкое несогласие. Я понимал, что идет обсуждение какой-то идеологической темы. Они не называли имен, но говорили об этом при мне, совершенно не стесняясь. Тут были немножко особые отношения.

М. Т. Скажите, пожалуйста, как Миркинд вел семинар? Не лекцию, а именно семинар — как человек «проверяющий» знания?

В. П. Я всегда все старался записывать слово в слово, старался найти что-то дополнительное, поэтому никогда не испытывал волнения, что я что-то не отвечу и, наоборот, стремился ответить. Возможно, он был удовлетворен тем, что я в совершенстве знаю тексты его лекций, но открыто он этого не проявлял, не говорил. Наверное, любого преподавателя радует, когда воспроизводят его мысли, те факты, которые он привел, но...

М. Т. Но вот смотрите, у нас был такой преподаватель философии, Валентин Дмитриевич Цуркан. Так вот, будучи студентами, мы на его семинары бежали с радостью, потому что это был своего рода дискуссионный клуб, там всегда были интересные споры, которые вроде бы часто уходили от формальной повестки дня семинаров, но касались самых акту-

альных вещей. Каким был семинар у Миркинда? Как он проходил? «А сейчас нам ответит Поливцев Владимир. Вы подготовились? Вы сделали конспект, записали текст “Франкфуртской программы”?» Или как-то иначе?

В. П. Давался план семинара, вопросы. Спрашивались или желающие, или по списку. Я обычно всегда поднимал руку, мне хотелось ответить.

М. Т. А те, кто не хотел? Что с ними происходило?

В. П. Ну.. Миркинд был все-таки... «Добрый» не скажу, но...

М. Т. Либералом в советском смысле этого слова?

В. П. Да! Он не наказывал...

М. Т. Был не мстительным, не злопамятным...

В. П. Да! Совершенно верно!

М. Т. Не было фраз типа знаменитого «встретимся на экзамене»?

В. П. Нет!

М. Т. А каким был научным руководителем Миркинд? Как он руководил курсовыми, дипломными?

В. П. Тут мне трудно сказать, потому что я специализировался по отечественной истории. Конечно, кто-то из нашей группы мог у него писать курсовые. Но я не могу об этом ничего сказать. Первая курсовая у меня была по теме... Я выбрал тему, которую мне дала жена Шемякова.

Я тогда понятия не имел, чья она жена и прочее... Просто мне понравилась тема — нашествие Тохтамыша. Потом, со второго курса и до диплома я имел дело с Эмилем Давидовичем Вербицким. У Миркинда я никаких работ не писал.

М. Т. Но все-таки на истфаке была специфическая ситуация. Некоторые преподаватели были просто лекторами, при этом они зазубривали собственные конспекты, из которых вываливались желтые листики. И сколько бы лет они ни преподавали — если листик оторвался, то лекция сорвана. А были замечательные лекторы, но именно лекторы. Наконец, были те, кто являлся, несомненно, исследователем, у кого выходили книги, монографии — толстые книги, толстые монографии. К какой категории относился Миркинд?

В. П. Если можно назвать его так, он был лектор-исследователь. Он размышлял над содержанием курса. Осмысливание, переосмысливание органически входило у него в учебный процесс.

М. Т. Рассказчик-исследователь...

В. П. Да. Его лекции не были чем-то раз и навсегда данным и повторяющимся.

М. Т. То есть лекции на одну и ту же тему из года в год могли быть совершенно по-разному прочитаны?

В. П. И переосмыслены! Понимаете, его стиль был такой — он повествует и размышляет.

М. Т. В каком году вы окончили университет?

В. П. В 1980-м.

М. Т. И в это время «дело Миркинда» уже отгремело?

В. П. Вот этого, Марк Евгеньевич, я точно не помню.

М. Т. Но студенты не вовлекались в это?

В. П. Те, кто был членом партии, наверное, обсуждали это на каких-то партсобраниях. У нас же на повестку дня это не выносилось и, соответственно, не обсуждалось. Может быть, кто-то что-то знал, но Елена Мартыновна, куратор, не вносила этот вопрос, соответственно, мы его не обсуждали. Может быть, новость о деле Миркинда дошла до меня до окончания университета, я могу ошибаться здесь. Я думал, что узнал об этом после окончания университета, но, возможно, это было на последних курсах. Как уже говорил, я могу здесь быть не точен.

М. Т. С точки зрения студентов была видна какая-то конкуренция среди преподавателей, условно, «кто круче» — Миркинд, Энгельгардт, Лисецкий? Или они не конкурировали друг с другом? Или конкуренция шла по другим основаниям?

В. П. Они были, безусловно, выдающимися преподавателями с глубокими знаниями, но какого-то особого духа соперничества — обогнать, перейти в лидеры популярности — я не видел. Каждый был замечателен по-своему.

М. Т. Но у каждого получилась своя драматическая история: Энгельгардт перестал быть заведующим кафедрой в определенный момент; было известное дело против Лисецкого, попытка обвинения его в том, что он присвоил себе боевую награду; наконец, было трагическое дело Миркинда... Три звезды, и каждая из них подверглась определенного рода гонениям и репрессиям.

В. П. Я так вам скажу: в случае с Миркиндом это была, на мой взгляд, судьбоносная случайность. Если бы Володарский не вовлек его в свои дела, я думаю, он продолжал бы читать до пенсии или до того, как начались этнические чистки во второй половине 1980-х гг. Сам бы он себя не подставил. Он был достаточно осмотрительным, хотя и творческим, и его заносило за пределы догмы. Что касается Анатолия Михайловича... Когда пошли накаты на Лисецкого — в отношении присвоения им медали — то это было, по-моему, в связи с политической позицией Лисецкого по поводу событий второй половины 1980-х гг.

М. Т. Нет, это было значительно раньше. Мы поступили в университет в 1983 г., и эта история уже закончилась. Анатолия Михайловича обвинили в том, что награда — кажется, медаль «За отвагу» — была им присвоена, поскольку он не мог-де по возрастным обстоятельствам являться участником Великой Отечественной войны. В 1945 г. ему было всего четырнадцать лет. Потом выяснилось, что да, ему было всего 14 лет, но он

был юнгой на Тихоокеанском флоте, принимал участие в боевых действиях во время войны с Японией и именно в это время был награжден боевой наградой.

В. П. Это мне рассказывали. Кто — сейчас трудно вспомнить. Но у нас была и другая история, когда я уже окончил истфак. Возник скандал по поводу того, что нашелся человек, который заявил в компетентные органы (или еще куда-то), что видел преподавателя Сторожука в румынской офицерской форме во время румынской оккупации Кишинева. Потом стали разбираться. Но эта история кончилась тихим переводом Сторожука на преподавательскую работу из Кишинева в Черновцы. Можно сделать вывод, что компетентные органы знали, что делал Сторожук в румынской форме в оккупированном Кишиневе. Такую интерпретацию я слышал. Иначе был бы скандал, увольнение — но ничего такого не случилось, его просто ротировали.

М. Т. То есть он был таким «Штирлицем»?

В. П. Не знаю. Это лишь версия. Но скандала, как в случае с Лисецким, не было. По поводу Лисецкого было доказано, что он принимал участие в войне с японцами на закате Второй мировой войны. Про Энгельгардта не могу вспомнить.

М. Т. Ну, он, как я понимаю, в связи с отъездом его дочери в эмиграцию во Францию перестал быть заведующим кафедрой.

В. П. Может быть.

М. Т. У меня вопрос — наверное, последний. Откуда вы знаете, что Миркинд участвовал в качестве переводчика во время работы Нюрнбергского процесса?

В. П. Ну, мы в группе все это знали. Кто нам рассказал? Не знаю. Знаете, при Шилинцеве на кафедре вообще царили демократические нравы. Была свобода обсуждения. На Миркинда никто бы на кафедре не стукал. Об этой атмосфере, об этих

нравах мне говорили три человека, один из них — Володя Иванов. Потом, когда на кафедру попал Толя Петренко, он говорил то же самое: «Ты знаешь, о таких вещах там говорят — и не боятся!» И примерно то же мне говорил Володя Солонарь. Он учился на год после меня.

М. Т. Владимир, большое вам спасибо! Если у нас появятся вопросы, мы с удовольствием продолжим этот диалог!

Polivtsev Vladimir N. — doctor of history (Chisinau)

«Мы были с ним в переписке полевой почтой».

Интервью с И. С. Кремером

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Илья Семенович, я хочу задать вам несколько вопросов по поводу биографии Анатолия Морицевича Миркинда. Мой коллега Алексей Тулбуре подготовил по архивным материалам и воспоминаниям большую биографическую статью о нем. Ряд важных моментов в его биографии нуждаются в пояснении. Если вы не против, я буду спрашивать о них в хронологической последовательности.

И. К. Задавайте, пожалуйста, вопросы.

С. Э. Вы вместе учились на историческом факультете МГУ, когда Миркинда, вас и других студентов летом 1941-го направили на строительство противотанковых укреплений под Рославлем?

И. К. В 1939–1940 я учился на истфаке Ленинградского университета. В 1940 г. я перевелся на второй курс истфака МГУ. Предполагалось, что мой отец (он тогда жил с семьей в городе Клинцы Брянской об-

ласти, где я окончил школу) будет переведен в Москву, в какое-то учреждение на Неглинной улице. Я плохо переносил ленинградский климат и решил перевестись в Москву. К 1 сентября я приехал из Ленинграда и был поселен в общежитии МГУ на Стромынке, где в комнате нас жило пятнадцать человек.

Я был новичком, знаком на курсе был лишь с одним человеком — Эммануилом Гафтом; в Клинцах мы жили с ним на одной улице, часто встречались. Теперь наши кровати в общежитии стояли рядом. Постепенно я обрастал товарищами. На нашем курсе это были Сигурд Шмидт, Леля Чистякова, Леня Главнов и Анатолий Миркинд, на старших курсах — Александра Чернова (из Клинцов) и Михаил Гефтер. Времени на контакты с этими без изъятия интересными людьми у меня было не так много, т.к. на истфаке я встретил свою судьбу — красивую первокурсницу — Инессу Ходош, с которой не расставался (если не считать пребывания на фронте) 55 лет.

Между прочим, Эммануил (Моня) Гафт был для меня первым вестником близкой войны. В начале мая 1941 г. Моня отыскал меня у Инессы и предложил поехать в Парк культу-

© Историческая Экспертиза, 2019
Кремер Илья Семенович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Московского государственного лингвистического университета (Москва); kremer_ilya@mail.ru

ры взять лодку и покататься по Москве-реке.

Когда мы отъехали от берега, он сказал, что хочет сообщить нам что-то важное. У него в Москве есть родственник, занимающий высокий пост в военной иерархии. Сегодня утром по секрету сообщил ему, что после разгрома Югославии и Греции немцы перебрасывают войска к советской границе. А главное – генерал слушал речь Сталина 2 мая в Кремле (перед выпускниками военных академий). Офицерам было сказано, что у них нет времени на «раскачку» и освоение новой работы, ибо не исключено, что война уже на носу.

22 июня началась война. Вечером мы вместе с Инессой и А. Миркиндом, Э. Гафтом и Л. Главновым сидели в т.н. Коммунистической аудитории, где профессора и старшекурсники выступали с бодрыми, оптимистическими речами.

А 2 июля мальчики из МГУ и других московских вузов были посланы на строительство огромного противотанкового рва глубиной в 3 метра. А. Миркинд, я, а также Л. Керженевич, первокурсник и тоже мой земляк, жили в саду крестьянина (в селе Снопоть).

После 22 июля вечерами мы с тревогой за своих близких прислушивались к вою немецких самолетов, летевших бомбить Москву. В эти же дни советская власть (в лице работников сельсовета и руководства колхоза) покинула село, и я был назначен комендантом села. Часть студентов и среди них и я (примерно 40

человек, в том числе – А. Миркинд, С. Шмидт, А. Каждан) 11 августа были отправлены в Москву. Когда мы вышли из поезда на привокзальную площадь (утром 12 августа), громкоговорители передавали очередную сводку Совинформбюро: «После продолжительных боев наши войска оставили город Смоленск».

Анатолий жил на Смоленском бульваре. Там же рядом жила его близкая приятельница – позже известная поэтесса – Ирина Снегова. У меня сохранилось несколько ее поэтических книжечек. Она не только писала хорошие стихи, но вместе с другой поэтессой – Еленой Николаевской они переводили поэтов из национальных республик. Когда в 1975 г. она умерла от рака, Толя очень переживал и прилетел на ее похороны из Кишинева. Вот ее стихотворение об одноклассниках:

ШКОЛЬНЫЕ МОИ ТОВАРИЩИ

Вы зарыты, смяты, скошены,
Не найти вас, мир обшаривши.
Мальчики мои хорошие,
Школьные мои товарищи.
Вы в лугах в соцветья вяжетесь,
В синь лесами рветесь рослыми...
Вы мне маленькими кажетесь.
А тогда казались взрослыми.
Вас не давит время ношею,
Нас от утра к утру старящей,
Мальчики мои хорошие,
Школьные мои товарищи.
Снег лежал на лбах остуженных,
В пустоте разрывы ухали...
Сколько здесь их, ваших суженых,
Увядает вековухами!
И твердит, гордясь живучестью,
Хлыщ, не нюхавший Германии:
– Мало нас, одна соскучишься.

Ты цени мое внимание!..
— Чья любовь, в несчастье брошена,
Вас звала сквозь стыд свой
шпарящий,
Мальчики мои хорошие,
Школьные мои товарищи?..
Как принцесса в сказке маминой,
Дочь ее идет за песнями.
Не обидь! Стеною каменной
За нее они — ровесники.
Как за нас в том адском крошечке,
Во всецветном том пожарище,
Мальчики мои хорошие,
Школьные мои товарищи.

С.Э. Во время войны всех брали в армию, а Миркинда не взяли. Почему? У него были какие-то проблемы со здоровьем?

И.К. Я не знаю, с чем это связано. Очков он не носил, значит, не в этом была причина. Меня, например, долго не брали из-за проблем со зрением, браковали до 1943 г., а потом призвали.

С.Э. Его дочь Виктория предположила, что отца могли не брать в армию из-за туберкулеза. Потому что она в детстве долгое время была на учете как дочь туберкулезника. Может, это послужило причиной?

И.К. У него действительно что-то было с легкими. Я никогда не думал, что это туберкулез, но Толя от чего-то лечился. В легкие ему компрессионно вдували воздух, для того чтобы их приподнять. Проблема была серьезная... Его все-таки мобилизовали в 1944, он попал в Военный институт иностранных языков.

С.Э. Когда вы вновь встретились после войны?

И.К. Следующая наша встреча состоялась уже в Берлине в 1945. Я был в зенитно-артиллерийском корпусе — корпусе, прикрывавшем 1-й Белорусский фронт от налетов немецкой авиации. Этот корпус, в котором было 40 полков и дивизионов зенитной артиллерии и два прожекторных полка, двигался вместе с наступающими войсками. Это те два прожекторных полка, которые слепили врага в ходе битвы за Берлин. Я помню, был такой эпизод: из главного штаба ПВО из Москвы в конце апреля прилетел офицер по фамилии Килькалых. У него был приказ: на основе опроса немецких военнопленных — зенитчиков разобраться в системе противовоздушной обороны Берлина. Это было почему-то очень срочно. Он прибыл в штаб корпуса узнать, нет ли у нас переводчика. Я не был профессиональным переводчиком, но меня уже пару раз использовали в этом качестве. Уже где-то 30 апреля мы с этим офицером были на окраине Берлина — на Фридрихштрассе. К нам приводили немецких пленных, я переводил на допросах. В частности, мы допрашивали 3 или 4 мая заместителя командующего обороной Берлина по артиллерии полковника Ганса Веллермана. Потом Килькалых улетел в Москву со всеми записями и протоколами допросов, схемой командного пункта ПВО Берлина, которую мы сделали.

В начале мая я ночевал в центре Берлина в многоэтажном «бункере» (район ZOO), на крыше которого были установлены четыре спаренных зенитных орудия, и был разбужен стариком, лифтером этого сооружения.

Он сказал, что на улице возле бункера собралась толпа (человек 300), немцы просят дать им хлеб из солдатского буфета. Мы с ним спустились на второй этаж и действительно увидели там картонные коробки с буханками черного хлеба, обернутыми в пленку. Я предложил, чтобы мужчины из этой толпы вынесли коробки на улицу, вышел сам, построил толпу по три человека в ряд и в течение 10–15 минут раздал этот хлеб. Поскольку в очереди были и дети, я думаю, что и сегодня еще живы люди, которые в центре разрушенного, еще дымящегося Берлина получали хлеб из рук советского сержанта.

Летом мы с Толей увиделись в Берлине. Он прибыл, когда уже формировалась советская военная администрация, и работал с нашими представителями. Он был переводчиком с французского. Когда впоследствии я навещался в Берлин, я жил у него в Карлсхорсте, пригороде, где была подписана капитуляция Германии. Там он познакомил меня с одной очень милой девушкой – Таней Ступниковой. Они были не в близких (тогда это в нашей среде не было принято), но в очень хороших человеческих отношениях. Мы втроем несколько раз встречались там. А позднее ее направили на Нюрнбергский процесс – переводчицей. Потом она выпустила книжку о Нюрнбергском процессе: «Ничего, кроме правды». По-моему, лучшее, что было об этом процессе написано.

С.Э. Вы встретились с Миркиндом в Берлине случайно, или вы знали, что он приехал?

И.К. Конечно, знал. Мы были с ним в переписке по полевой почте. Письма, к сожалению, не сохранились.

С.Э. В одном из документов СВАГ (Советская военная администрация в Германии) от 27 мая 1945 г. указывается, что младший лейтенант Миркинд прибыл к постоянному месту службы с семьей в «составе: жена – Миркинд М. Ю. и дочь Виктория 1 г[ода].»

И.К. В моей памяти, он был без жены и без дочери. Возможно, он их оформил, но они не сразу приехали. В октябре 1945 г. я демобилизовался и вернулся в Москву. Следующий раз мы встретились с Толей в Москве в конце 1946, когда он закончил службу в СВАГ.

С.Э. То есть во время Потсдамской конференции вы еще были в Берлине?

И.К. Я был в своей части, стоявшей недалеко от Одера. Помню, как остановился поезд со Сталиным. Это только в кинофильме «Падение Берлина» он прилетает на самолете. В моей части рассказывали, что поезд остановился недалеко от нас и *вождь* вышел из вагона и прогуливался. Женщина с молоточком простукивала колеса, увидев Сталина, она вытянулась по стойке смирно, а он ей сказал: «Работайте, работайте!»

С.Э. Я хотел бы поговорить о вероятности участия Миркинда в работе Потсдамской конференции. В воспоминаниях, в том числе и дочери, об этом упоминается,

хотя в архивных документах, которые нам удалось обнаружить, об этом не говорится.

И. К. Я бы знал об этом. Во всяком случае, он ничего об этом не говорил. Не думаю, что он решил утаить от меня эту информацию. Он откровенно рассказывал о том, как идут заседания Союзного контрольного совета: выступают командующие — их заместители и помощники, высшие офицеры, и рассуждают, например, о немецкой культуре: «Ну какая у немцев культура?! — восклицает один из наших представителей. — Возьмите их музыку! Бетховен — это же просто барабаны!» Толя был в шоке, но честно все переводил.

С. Э. В личном деле Миркинда указано, что с февраля 1947 по март 1948 он сотрудничал с редакцией журнала «Новое время» с отделом иностранных изданий этого журнала. С марта по август 1948 он являлся политическим обозревателем голландской редакции (в другом месте он пишет — «внештатным комментатором») Всесоюзного радиокomiteта при Совете министров СССР.

И. К. Мне кажется, что он действительно был внештатным сотрудником.

С. Э. Он не рассказывал вам, почему не мог устроиться работать по специальности?

И. К. Я знаю его историю с аспирантурой. До Кишинева он пытался туда попасть. Ему там объясняли, что он настолько хорошо образован, что аспирантура для него — пустая

тратя времени. Его не приняли. Он стал искать себе работу. То ли его направили в министерство, то ли он сам туда ходил, но в министерстве он встретился с ректором Кишиневского университета, который формировал штат. И Толя уехал в Кишинев. Его дочь — Вика — была совсем маленькой, но уже говорила по-немецки. Я помню, у нее был маленький стеклянный цилиндрок, который она называла *штайн-глясс*. Она знала много немецких слов и была очень сообразительной девочкой.

С. Э. Миркинда не взяли на работу в Москве, потому что уже началась кампания по борьбе с космополитизмом?

И. К. Отношение к евреям стало меняться еще во время войны. Я не был офицером, но у меня были добрые отношения с рядом офицеров, которые рассказывали, что происходит в более высоких эшелонах. Один из моих приятелей — политработник — в конце 1944 рассказал, что из Москвы вернулся начальник политотдела корпуса — явный антисемит — полковник Стрельцов. Он выговаривал офицеру, который полюбил девочку-еврейку из спецотдела: «Что тебе наших не хватает?! Как тебе не стыдно! Твоя фамилия Зайцев, а ты бегаешь за какой-то Юнович!» Вернувшись из Москвы, он собрал политработников и говорил им, что на семинаре в Москве выступал Александр Сергеевич Щербаков и сказал: «Нужно подумать о вопросе, что немцы используют антисемитизм для привлечения населения на оккупированных территориях (не-

понятно, какие “оккупированные территории” могли быть в конце 1944). Нам не надо давать нацистам это оружие в руки, выдвигая евреев. У нас встречается очень много награжденных с еврейскими фамилиями. Смотрите, не допускайте этого!» Такая линия в отношении евреев в разгар войны была очевидным иезуитством.

С.Э. Это для того, чтобы немецкая пропаганда не использовала боевые заслуги евреев в своих целях?

И.К. Не случайно, что такую линию «огласил» близкий к Сталину Щербаков. Я читал в воспоминаниях, что бумаги, которые смотрел Щербаков, Сталин подписывал, не читая. Светлана Алилуева пишет в своих воспоминаниях, что в конце жизни ее отец стал антисемитом. Любопытно, что Щербаков, до того как занял свой пост в ЦК КПСС, был секретарем Союза писателей СССР. Мастер слова!

Когда Толя вернулся, мы встретились в Москве. Он с женой и дочерью, я с женой и дочерью. Это было до 1948 года, когда он уехал в Кишинев.

С.Э. Миркинда внезапно уволили в июле 1952 г. из Кишиневского государственного университета, но через два месяца приняли и на работу в Кишиневскую высшую партшколу и в партию. Вам известно, кто ему тогда помог?

И.К. Руководителем партшколы был Сергей Павлович Трапезников. Толе пришлось идти к нему на при-

ем, где решалось окончательно: «брат, не брат». Толя о подробностях не говорил, а только сказал: «Ты знаешь, никогда в жизни со мной так не говорили! У меня было ощущение, что я сижу перед очень опытным и проницательным следователем. Сверля глаза, он задавал какие-то невероятные, как он считал, трудные для меня вопросы и по гражданской истории, и по истории партии. Экзаменовал». И Трапезников взял Толю в партшколу.

Трапезников был человеком Брежнева, одним из тех, кого Леонид Ильич из Молдавии перетащил в Москву. Я слушал его на собрании Академии наук СССР. Он тогда хотел избраться в члены-корреспонденты Академии. И историки – как люди послушные – на отделении его избрали. Эти «солдаты партии» проголосовали за него. А в президиуме Академии его зарубили дважды. Тогда наверху решили, что надо ему пойти в Академию, познакомиться. И вот, было общее собрание Академии наук с докладом товарища Трапезникова. Это было после какого-то съезда партии. Жена моя была исполняющей обязанности директора ФБОН (Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, ныне это Институт научной информации по общественным наукам РАН). Мы с ней были на том выступлении Трапезникова. Когда он закончил свою академическую речь, то получил записку, в которой его спросили, что он думает о возможности реабилитировать Федора Федоровича Раскольникова. Он ответил: «Я думаю, что его не надо реабилитировать».

Он, не имея на это никаких причин, отказался из Софии вернуться в Москву и уехал вместо этого в Париж». Это называлось «не имея никаких причин»! Когда здесь уже многих послов посадили и частично перестреляли!

С.Э. А Анатолий Морицевич не рассказывал вам, почему вдруг его уволили из университета в 1952 году? Это было связано с космополитизмом?

И.К. Нет, он только сообщил, что перешел на работу в Высшую партшколу.

С.Э. На самом деле его уволили.

И.К. Возможно, руководство университета получило указание избавиться от кого-то из «космополитов». И нужно было просто найти «крайнего».

С.Э. Получается, что «башни» власти действовали не согласованно. Уволили из университета, но тут же взяли в партшколу!

И.К. Я думаю, что ему кто-то помог. Чтобы попасть к Трапезникову, нужно было найти дорогу.

С.Э. Вы рассказывали, что у него были проблемы с изданием монографии «Под знаменем Коммуны. Германская социал-демократия против реакции и милитаризма. 1871–75 гг.», и вы ему помогли.

И.К. В это время — это уже 70-е гг. — я перешел из Академии наук в Институт общественных наук при ЦК КПСС, там учились иностранцы.

Меня пригласил первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК Вадим Валентинович Загладин. Он спросил, могу ли я читать лекции по-немецки. Так я стал профессором этого заведения и был там заместителем заведующего кафедрой международных отношений. Я бывал в Международном отделе. Там я познакомился с интересным человеком — завсектором Латинской Америки этого отдела ЦК КПСС, Героем Советского Союза Михаилом Федоровичем Кудачкиным. Я ему рассказал о Толиной проблеме — в Кишиневе издательства не желали печатать его очень интересную монографию о германской социал-демократии. Кудачкин через меня посоветовал Анатолию Морицевичу написать письмо на имя заведующего международным отделом ЦК КПСС Бориса Николаевича Пономарева. Пономарев поручил именно Кудачкину помочь издать книгу Толи. Кудачкин звонил в Кишинев, договорился с издательством, и книга вышла в Кишиневе под давлением Москвы.

С.Э. А почему так? Была большая очередь на издание книги?

И.К. Нет. Просто тянули и не издавали. Не хотели. Сказался мягкий антисемитизм — фамилия *нехорошая*. Мне позвонил Кудачкин и сказал, что нажали на Кишинев и книга будет издана. Так и произошло.

С.Э. В личном деле Миркинда есть заявление на имя ректора от 1960 г., в котором он просит послать его в Германию для работы над диссертацией. Вы не помните, он получил разрешение?

И. К. Я не помню. У меня лежат его катушки с фотопленками немецких архивных документов. Там около двадцати катушек. Поэтому думаю, что он был в командировке в ГДР. Если кто-то занимается рабочим движением и социал-демократией Германии в 70-е гг. — это великолепный материал!

С. Э. Когда вы были у него в Кишиневе — это 1976 и 1977 гг.?

И. К. Точно не помню. Он тогда только что разошелся с женой — Валентиной Ивановой. Дочь от этого брака я не видел, но Толя о ней рассказывал. Он говорил, что она необычайно молчалива. Дочь вышла замуж при его жизни и уехала в Латвию. Толя навещал ее там. Он вообще имел привычку летом уезжать в Прибалтику, в Эстонию, в Тарту — там был Парк-отель. Толя снимал там номер на месяц-два и занимался, писал. Он там и написал «Под знаменем Коммуны». Так вот, он из Тарту поехал навестить дочь с ее мужем. Он рассказывал: «Сидят в разных углах и молчат — не разговаривают друг с другом». Его дочь была абсолютно неконтактная девочка.

А что касается его жены Валентины Ивановой — она была психиатром и помогала ему выходить из депрессий. Толя говорил, что ему с ней тяжело, она не интересуется политикой, историей, и кроме магазинов — больше ничего ее не интересует. Так Валя исчезла из его жизни. Она уехала в Ригу к дочери.

Однажды, когда я приезжал к нему в Кишинев — это было осенью, — он был куратор какого-то курса истфа-

ка, и ему нужно было присматривать за студентами на уборке винограда. Он повез меня на эти виноградники. Толя не был контактным человеком, он был застенчивым. А тут — пытался как-то флиртовать, заигрывать с этими девочками, обрывающими грозди. Но это делалось наивно, он, безусловно, не был бабником. С новыми людьми ему вообще было трудно сходиться.

С. Э. Когда вы приезжали в 1977-м в Кишинев, в это время уже возникло «дело Володарского». Миркинд рассказывал вам про Володарского?

И. К. Что-то рассказывал, но я не помню точно. Вроде Володарский нанес ему какой-то ущерб. Но деталей я не помню. Только помню, что он говорил о Володарском в негативном ключе.

С. Э. Когда Анатолия Морицевича уволили с работы, он сообщил вам об этом?

И. К. Да, он мне звонил. Он испытывал невыносимые боли. У нас была общая знакомая, и он написал ей открытку буквально в день гибели. Он писал, что решил уйти из жизни, потому что не может терпеть эти боли. Так что его гибель вызвана комплексом причин. И медицинская сторона, и то, что его не выпускали к дочери в Израиль. Но главное, конечно, увольнение с работы.

С. Э. Рассказывали, что он пытался устроиться на работу, подавал заявления во многие вузы Советского Союза. Об этом вы что-то знаете?

И. К. Я не в курсе, но, наверное, так и было.

С. Э. Спасибо огромное, вы помогли прояснить многие важные обстоятельства биографии Анатолия Морицевича Миркинда.

Kremer Ilya S. — doctor of historical sciences, professor, Department of theory and history of international relations, Moscow State linguistic University (Moscow)

TO DECIMATE AND TO FORGET MIRKIND.

The Documents and Memoirs Regarding Life and Death of a Historian. With Introduction and Commentary of Alexey Tulbure

Key words: collective memory, collective forgetting, communicative memory, cultural memory, Anatoly Mirkind, Kishinev University.

Abstract. The publication is an attempt to restore the memory about Anatoly Mirkind (1921-1983). One of the best lecturers of Kishinev University lost his job under pressure from KGB in 1978. For that reason he could not find a new job. He did not get a permission to emigrate in Israel. In that desperate situation Mirkind committed a suicide. The publication includes three types of sources: 1) Records of discussions during the meetings of a historical faculty and entire University Academic councils and Communist party committees; 2) interviews of Mirkind's daughter Victoria Libin and her husband Alexander Libin, Mirkind's Moscow University classmate Ilia Kremer and Mirkind's student Vladimir Polivtsev; 3) memoirs of a member-correspondent of RAS Pavel Ouvarov, who often met Mirkind when his mother worked in Moldova, and memoirs of Mirkind's students Nikolay Babilunga and Vladimir Solonari.

«МАМЕ СКАЗАЛИ: “БЕГИ, ПОКА НЕ ПОЗДНО!”»

Интервью с В. А. Беспаловой

Ключевые слова: семейная память, эпоха Сталина, репрессии конца 1930-х гг., индустриализация в СССР.

Аннотация. В. Беспалова, дочь Александра Брускина, одного из организаторов производства тракторов в СССР, вспоминает о своей жизни.
DOI 000

Владлена Беспалова (р. 1932) — дочь Александра Брускина, автор книги «Нарком Брускин. Память сердца». Александр Давидович Брускин (1897–1939) — инженер, один из создателей тракторной промышленности в СССР, директор

Харьковского тракторного завода (1931–1934), Челябинского тракторного завода (1934–1936) нарком машиностроения СССР (1937–1938). Арестован в июне 1938, расстрелян в марте 1939 г. В 1956 г. посмертно реабилитирован.

Беседовал К. Ю. Морев

К. М. Владлена Александровна, поздравляю вас с выходом в свет книги о вашем отце. Как я понимаю, это первая полноценная книга о Брускине. Объясните, почему «Память сердца»?¹

В. Б. Спасибо за поздравление. Я счастлива, что смогла написать и издать ее. Эта книга — мой долг, мое достижение, моя миссия. Эта

книга — вызов, который я должна была принять, потому что страна как будто забыла своих героев. «Память сердца»?.. Отца я видела в последний раз, когда мне было шесть лет... Но я его совершенно не помню — лица, взгляда, слов, обращенных ко мне. А ведь я была его желанной девочкой (он хотел, по словам мамы, чтобы родилась именно девочка)... Но оказывается, что есть память сердца. Эта память заставляла меня, еще задолго до того, как в нашей стране разрешили говорить о репрессированных как

© Историческая Экспертиза, 2019

Беспалова Владлена Александровна — дочь Александра Брускина, наркома машиностроения СССР (1937–1938) (Москва)

о замечательных личностях, искать информацию о жизни отца, встречаться с людьми, которые знали его близко, собирать материалы о нем. И, наконец, эта память — память сердца — подвигла меня к написанию книги об отце.

К.М. Как пережил ваш отец годы Первой мировой войны и революции? В 1917 г. Россия стала большевистской, а ваш отец, как вы пишете, был вначале меньшевиком. Как вы думаете, это было его убеждение и он позже перешел к большевикам по необходимости, или он сознательно потом стал большевиком?

В.Б. Мне мало известно об Александре Брускине того времени. Думаю, что талантливый юноша из еврейской семьи, закончивший с отличием лучшую гимназию Саратова и поступивший в престижный, второй после Петербургского, Харьковский технологический институт, не был в стороне от происходивших в стране событий. Революция сулила национальное равенство в стране, где всегда существовали ограничения, особенно для евреев. Революция давала равные шансы для всех, а для талантливых людей давала простор для реализации таланта. Мне кажется, что меньшевистские, т.е. социал-демократические убеждения моего отца больше подходили к его сущности — сущности человека, предпочитавшего разумный подход к проблемам командному. Дальнейший ход исторических событий не давал возможности для выбора — быть большевиком означало активно участвовать в преобразовании страны, в превра-

щении страны из отсталой сельской в индустриального гиганта. Выбор моего отца не был предательством меньшевизма, не был и выбором большевизма как идеологического убеждения. Это был выбор патриота своей страны в готовности служить ей в том качестве, которое в тот момент было возможно.

К.М. Брускин происходил из еврейской семьи — семьи потомков переселенцев из Германии на территорию России. Что это были за люди? Чем они занимались?

В.Б. К своему удивлению и радости, исследуя херсонские архивы, я узнала, что предки моего отца были умные и предприимчивые люди. Российский царь предоставил изгнанным из других стран евреям возможность поселиться на южных неосвоенных землях империи. Им пришлось осваивать тяжелый сельский труд на земле, которую до них никто не обрабатывал. Наши предки организовали торговый перевалочный пункт на тракте Великая Александровка — Берислав, который в их честь получил название село Брускинское. Оно существует до сих пор.

К.М. Брускин учился в Харькове, окончил местный технологический институт. И потом, как я помню, он очень быстро прошел путь от механика цеха до главного инженера строительства Харьковского тракторного завода — всего за четыре года...

В.Б. Я объясняю это его организационным талантом и великолепными техническими знаниями. Умный, смелый, знающий человек

не мог остаться незамеченным, особенно в эпоху прорыва из отсталости к новой индустриально развитой державе. На каждом из этапов его карьерного роста он оправдывал ожидания тех, кто на него рассчитывал, — даже в невероятных, можно сказать абсурдных, условиях, например, когда устанавливаются невиданно краткие для мировой практики сроки строительства тракторного завода или когда неожиданно изменяется тип производимого трактора, с гусеничного на колесный, что требует принципиальных изменений в технологии. Он справился и тогда, и позже, когда принял управление Челябинским тракторным заводом...

К. М. Вскоре после того, как Харьковский тракторный завод открылся, Брускина назначили его директором. Как получилось, что его потом очень быстро перевели из Харькова на Челябинский тракторный завод?

В. Б. Видимо, оказалось, что ценные управленческие кадры более важны, чем созданная и безупречно работающая технология. Брускин понадобился Серго Орджоникидзе именно на этом участке, потому что к этому моменту на Челябинском тракторном уже наметился срыв в производстве. Понадобился человек, который сможет вывести предприятие на намеченный уровень, наладить производство и превратить завод в передовой. Брускин это сделал.

К. М. Перед тем, как стать наркомом машиностроения, он некоторое время был замнаркома тяже-

лой промышленности, т. е. Орджоникидзе. Что известно про этот период их совместной работы?

В. Б. Не будет преувеличением сказать, что, говоря современным языком, Орджоникидзе и Брускин были уникальным тандемом. Не раз товарищ Серго спасал Брускина в тяжелых производственных ситуациях, используя силу собственного влияния, отправляя для снабжения завода необходимые комплектующие части спецвагонами и даже, когда это было нужно, самолетами. Серго вызывал Брускина, когда ему нужно было докладывать Сталину о положении дел в машиностроении. Брускин дал немало и для Серго, «обеспечивая» его примерами новаторских решений самых разных организационных, технологических и производственных проблем. Брускину не было необходимости ждать указаний сверху для того, чтобы искать и находить резервы для улучшения работы завода. Естественно, что такой на сто процентов посвященный своему делу человек, с государственным масштабом мышления, был нужен Серго Орджоникидзе «наверху». И особенно такой, в котором он был абсолютно уверен. Думаю, что в этом причина выбора Орджоникидзе.

К. М. Вы пишете в книге, что Сталин как-то раз во время войны вспомнил Брускина — мол, «был у нас талантливый инженер Брускин, найдите мне его». Откуда вы узнали об этом эпизоде с репликой Сталина?

В. Б. Я знаю об этом от Авраамия Завенягина, который рассказывал

этот случай моей маме. В 1937 г. Брускин и Завенягин были замами Орджоникидзе — Завенягин по металлургии, а Брускин по машиностроению. Еще до этого Завенягин возглавлял Гипромез (Государственный институт по проектированию металлургических заводов. — *Прим. ред.*), а уже в 1955–1956 гг., незадолго до своей смерти, был министром среднего машиностроения. Да, в 1941 или 1942 г., в начале войны на каком-то совещании Сталин сказал: «Был такой талантливый инженер Брускин. Найдите мне его! Он нам поможет делать танки на тракторных заводах».

К.М. Очевидно, что Сталин не мог не знать о том, что наркома репрессировали.

В.Б. Тогда людям казалось, что Сталин непричастен к безобразиям, которые творил НКВД, что главный советский небожитель не ведает, кто арестован, осужден и расстрелян. Близкие репрессированных, да даже и сами арестованные до последнего момента верили, что Коба разберется и вернет справедливость. Без сомнений считаю, что Сталин знал, что Брускин арестован и что он был впоследствии расстрелян. Но, возможно, потом и подзабыл, ведь кроме Брускина немало других достойных людей им было отправлено на эшафот. Он вспомнил о Брускине, когда в начале войны стране понадобилось много хороших танков. Однако тогда Брускина уже не было в живых, как и не было многих инженеров, выпестованных им на Челябинском заводе. Многие из них к этому времени тоже были расстреляны.

К.М. После ареста Брускина ваша мама сразу решила уехать, скрыться и спрятать вас от возможных репрессий? Это было спонтанное решение?

В.Б. Думаю, что она предполагала, что после ареста ее муж скоро не вернется. Допускала ли она, что он действительно осуществлял какую-то враждебную деятельность, — уверена категорически, что нет. Ей, скорее всего, было все понятно — в те времена слишком много известных людей исчезало в застенках НКВД. За восемнадцать лет с ареста до вручения справки о реабилитации маме ничего не было известно о судьбе мужа. Она верила и ждала. Решила ли она еще вначале скрыться? Нет, мытарствовать ее принудила власть, сообщив, что у них нет уже права занимать квартиру в Доме правительства. Мы съехали, и поэтому сначала была Каменка, Нижний, а позже Ленинград — маме надо было куда-то пристать, спрятаться с шестилетней дочкой и шестимесячным сыном. Маме просто сказали: «Беги, пока не поздно». Никаких родственников в Каменке не было, просто эти места почему-то оказались на слуху, возможно, мама у кого-то спросила, куда можно поехать.

К.М. Ваша мама увезла вас из Москвы в деревню, потом в другую, некоторое время вы прожили в Ленинграде, и затем снова в деревне. Ваша мама была знакома до этого с деревенским трудом? У нее была какая-то профессия, образование?

В.Б. Мама родилась в рабочей семье. Ее отец, Борис Афанасьев,

принимал активное участие в Гражданской войне на стороне красных. Был красным комендантом города Орла и там же был расстрелян ворвавшимися туда белыми. Она была городская. Сначала жила с родителями и семьей в Николаеве, потом — в Харькове, куда перевели отца. Она была очень талантлива — прекрасно рисовала, обучалась в балетной студии. Ей прочили будущее балерины. Предлагали сниматься на киностудии. Маме удалось поступить и в вуз, обучаться биологии... Она все оставила, когда стала женой инженера Брускина. Оставила, решив посвятить свою жизнь мужу, семье. А с деревенским трудом она совсем не была знакома, и то, что выпало на ее долю позже, в Кучеряевке, было для нее впервые в жизни, но надо было справляться, чтобы выжить — ей самой и детям. Детям ее и наркома Брускина.

К.М. Что происходило с вами и вашей семьей во время войны?

В.Б. Войну мы встретили в Западной Украине — туда посоветовали маме отвезти меня для лечения туберкулеза. На следующий день после дня моего рождения (мне тогда исполнилось девять лет) всего в нескольких десятках километров от нас грянула война. Паника, телеги, эвакуация, бомбежки по дороге. Потом Воронеж, Бутурлиновка и выбор мамы отправиться в неизвестную до сих пор Кучеряевку — в деревне выжить будет легче. Немцы до нас не дошли. Наши солдаты заходили, чтобы испечь у нас хлеб (нам досталось жить в старой пекарне). Маме пришлось работать кем попало — и была рада, что не умрем

с голода. Например, в Бутурлиновке ее поставили заворачивать головки кур. Но она понимала, что это не жизнь, не выход из положения. Перепало поработать и мне — научили пасти коров. Но жить в деревне совсем спокойно не пришлось. Было трудно с едой, еды не доставало.

К.М. Что значит «заворачивать головки кур»? Она их умерщвляла?

В.Б. Нет. На птицефабрике, где пришлось работать маме, надо было на конвейере успеть завернуть в бумагу головку убитой курицы, для упаковки и отправки на фронт. Эта беспросветная работа маму убивала: она упрашивала взять ее в колхоз (брали только без детей). Наконец, упростила. И на ее долю выпали тяжелейшие испытания. Сначала в колхозе на нее смотрели очень настороженно — «городская, что она умеет делать?» — но потом она подружилась со всеми в деревне. Там мы прожили два года. Мама там освоила русскую печь. Работая с ухватом, помню, напевала нам из оперы «Евгений Онегин»

(поет)
Девушки-красавицы,
душеньки-подруженьки,
Разгуляйтесь, милье...

К.М. Интересно! А как складывалась жизнь после Кучеряевки? Почему вы уехали оттуда?

В.Б. Война приближалась... А тут из Барнаула пришло сообщение: освободилась из лагеря 61-летняя бабушка Мария и остановилась в этом городе, у своей средней доче-

ри, маминой сестры Мани: родным легче переживать невзгоды вместе. Но невзгоды — победили. И мама пережила еще один круг.

К.М. После Барнаула вам разрешили вернуться в Ленинград. Вы тогда не скрывали, что вы семья репрессированного Брускина?

В.Б. Кончилась война, и мы вернулись в Ленинград. Там, пожалуй, были самые голодные годы. Правду скрывали. Хотя в НКВД о нас знали. Но уже это для нас не было опасно — тогда родных репрессированного в лагеря уже не отправляли.

К.М. Как ваша мама пережила правду о своем муже? До поры до времени она ведь верила, что он жив?

В.Б. Эта правда пришла сразу же после правды о Сталине. В 1956 г. мама уже знала о преступлениях государства против невинных и достойных людей, но она была не готова к самому худшему: конечно, надежда была жива. Но вдруг в феврале 1956 г. она получает из ЗАГСа справку о смерти ее мужа в 1940 г., и ее муки продолжают: она не верит и едет разбираться в Москву. К этому времени мама была уже человеком, перенесшим огромные трудности и лишения. Справка о реабилитации несла в себе нечто ценное для близких репрессированного — она отчасти восстанавливала их в правах, давала право и на мизерную пенсию (по потере кормильца!). После этого уже можно

было называть себя родственником репрессированного. Но люди все равно боялись... Кошмарный век! Справка, выданная государством близким человека, которого оно репрессировало, о том, что он не был виновен в том, за что его осудили и расстреляли: «убийца» сообщал родным, что убитый не был виновен. Об этом я тоже пишу в книге.

К.М. Я как раз хотел спросить, как вам пришла идея написать эту книгу?

В.Б. Мечту о книге об отце я носила давно. Но пока была жива мама, я не смела и подумать об этом. Тема отца была табу для других. Я надеялась, что она начнет писать сама. Потом эта миссия досталась мне. Но я взялась не сразу. Большой старт мне дал сын Александр, который предложил мне в 2011 г. отправиться в Николаев и Херсон — поработать в местных архивах. Тогда нам улыбнулось счастье — мы нашли ценную информацию о брускинских предках.

А чего мне это стоило — спросите у других восьмидесятилетних, которые не признают никаких компьютеров, смогут ли они написать книгу в ворде, работать в Интернете, вести беседы в Скайпе. Были дни и ночи работы, переписка с архивами... Но у меня получилось, значит, так было угодно Господу.

К.М. Спасибо большое за это интервью. Здоровья вам и удачи в вашем деле!

“THEY TOLD MY MOTHER: ‘RUN, IT IS NOT TOO LATE!’”

Interview with V. A. Bespalova

Bespalova Vladlena A. — daughter of Alexander Bruskin, people's Commissar of mechanical engineering of the USSR (1937–1938) (Moscow)

Key words: family memory, the era of Stalin, repressions of the late 1930s, industrialization in the USSR.

Abstract. V. Bespalova, the daughter of Alexander Bruskin, one of the organizers of the production of tractors in the USSR, recalls her life.

«АНАСТАС ИВАНОВИЧ МИКОЯН: КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ И ПОМНЮ».

Интервью с А. А. Микояном

Ключевые слова: семейная память, А. И. Микоян, Н. С. Хрущева, сталинская эпоха, оттепель, XX съезд КПСС, экономическая политика СССР, внешняя политика СССР, эпоха застоя.

Аннотация. Известный российский музыкант Стас Намин (А. А. Микоян) делится воспоминаниями о своем деде, выдающемся российском государственном деятеле А. И. Микояне.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-1-146-159

Анастас Алексеевич Микоян – родной внук одного из самых незаурядных деятелей советской эпохи. Он сын от первого брака известного военного летчика генерал-лейтенанта Алексея Микояна. Его мать – Нами Артемьевна – историк-музыковед, дочь репрессированного в 1937 г. руководителя Аджарской партийной организации Артемия Геуркова и племянница Григория Арутинова, в 1937–1953 гг. занимавшего должность Первого секретаря ЦК КП Армении. Ее перу принадлежит несколько книг, в том числе воспоминания о жизни в семье Микоянов.

Беседовал И. Н. Селиванов

И. С. Анастас Алексеевич, осенью 2018 г. исполнилось 40 лет с момента ухода из жизни вашего деда. Появился хороший повод вспомнить о нем как о крупном политическом деятеле и чело-

© Историческая Экспертиза, 2019
Микоян Анастас Алексеевич (Стас Намин) – внук А. И. Микояна, музыкант, режиссер, композитор, продюсер (Москва)

Сам Анастас Алексеевич еще в юности стал известным музыкантом, сегодня он кумир нескольких поколений поклонников рок-музыки не только в России, но и далеко за ее пределами. Его известный всему миру творческий псевдоним – Стас Намин.

Помимо музыкального творчества, Анастас Алексеевич много времени уделяет восстановлению исторической справедливости в отношении своего деда.

Ниже публикуется текст его интервью.

веке, на взгляд многих россиян, незаслуженно редко упоминаем как в средствах массовой информации, так и в работах историков. Разрешите задать вам несколько вопросов, и первый из них: как вы оцениваете в целом деятельность А. И. Микояна в так называемый «сталинский период»?

А.М. Это в принципе довольно сложный вопрос, даже безотносительно конкретных личностей. Объективно очень трудно представить себе, какая была жизнь в разные исторические периоды. А это обязательно надо понимать, оценивая деятельность того, кто был в руководстве страны. Когда мы пытаемся заглянуть туда из нашего времени, и даже если пользуемся архивными историческими документами, довольно сложно почувствовать дух, энергетику и мировоззрение людей того времени.

Тем не менее если устанавливать критерии этой оценки, а их, наверно, два главных – профессиональная деятельность и человеческая, морально-этическая, то, судя по архивным документам и известным фактам, его профессиональная деятельность была в высшей степени продуктивной и успешной во всех областях, в которых ему доводилось работать. А если говорить о морально-этической стороне его жизни в тот период, то судить о ней можно только сквозь призму убеждений и мировоззрения общества того времени. Он был один из тех, кто создавал новую страну с самого начала и был в ее руководстве больше полувека. За это время он фактически прожил несколько жизней, т.к. каждый период диктовал другую жизнь.

Собственно, и сталинское время, я думаю, делилось на несколько периодов. Вначале была революционная романтика, искреннее желание создать новое общество, самостоятельную, независимую, свободную страну, во второй половине три-

дцатых мировоззрение, как мы все знаем, кардинально изменилось, а после войны, думаю, Микоян увидел Сталина уже совсем другими глазами. Как бы там ни было, оценивать морально-этическую сторону деятельности любого руководителя авторитарного государства, в котором агрессивно доминировала одна личность, можно только методом сравнения с другими руководителями. При существующих даже самых негативных тенденциях в руководстве, которых в принципе никому избежать было невозможно, кому-то они были близки, кому-то нет. Кто-то их поддерживал и проявлял собственную инициативу, а кто-то старался по возможности избежать этого. При работе с архивами я увидел, что Микоян не выступал инициатором чисток, расстрелов, отправок в ГУЛАГ и т.п. При этом понятно, что полностью избежать участия в этом было невозможно, т.к. Сталин «повязал кровью» все свое окружение. К примеру, на предложении Берии расстрелять польских офицеров, полицейских и пр., сохранившихся в тюрьмах Западной Украины и Белоруссии, подпись Микояна есть – она стоит последней, перед ней – подписи Сталина, Ворошилова, Молотова, а также согласие Калинина и Кагановича. Понятно, что если бы Микоян демонстративно не поставил свою подпись, судьба польских офицеров не изменилась бы, но судьба самого Микояна на этом бы закончилась...

Не в оправдание, но все же. Историки подсчитали, что за период сталинских репрессий расстрельные списки Микоян подписал 8 раз. Для сравнения, Сталин сделал это 357

раз, Молотов — 372, Каганович — 188, Ворошилов — 185, Жданов — 176¹.

И. С. Как вы можете охарактеризовать роль А. И. Микояна в годы Великой Отечественной войны, его отношение к Сталину как Верховному главнокомандующему?

А. М. Любая война предполагает два основных аспекта действий, от которых зависит ее результат. Один — это сам фронт, где происходят военные действия, второй — тыл, где идет подготовка к этим действиям. Одно без другого существовать не может. Если Жуков возглавлял фронт, то, насколько я понимаю, Микоян был назначен Сталиным главным по тылу, включая организацию эвакуации промышленности на Восток, переговоры по ленд-лизу, снабжение армии продовольствием, одеждой, техникой и всем остальным. Очевидно, что работа и на фронте, и в тылу была одинаково напряженной — и Жуков, и Микоян практически забыли про сон и работали круглыми сутками. В результате война была выиграна.

И. С. Чем вы можете объяснить большую популярность А. И. Микояна в народе в хрущевский период?

А. М. Мне кажется, как раз наоборот, популярность Микояна была больше в дохрущевский период и была связана с его уникальными успехами во всех областях эконо-

¹ Приведенные цифры подтверждаются той информацией, которая дается в экспозиции Музея истории ГУЛАГа (примечание редакции).

мики, где бы он ни работал. А что касается хрущевского периода, он очень успешно занимался и международной деятельностью. А внутри страны — освобождением, возвращением домой и реабилитацией репрессированных политзаключенных, противостоял вводу советских войск в Польшу и Венгрию — вторжение в Польшу ему удалось предотвратить, а во время венгерских событий, к сожалению, позиция Жукова и Хрущева перевесила². В международных отношениях именно Микоян урегулировал Кубинский кризис, о чем знает весь мир, но почему-то малоизвестно у нас в стране, хотя это довольно странно, поскольку он умелыми переговорами тогда реально спас мир от третьей мировой войны.

Деятельность такого рода почему-то у нас никогда, к сожалению, не ценилась. Больше ценились микояновская колбаса и котлеты. Смешно ведь, что его именем сейчас не названо ни одного города и даже улицы (в свое время были и фабрики его имени, и колхозы), нет ни одного памятника, но зато есть мясокомбинат, безграмотно названный «Микоян», хотя сам Микоян мяса практически не ел. Представляете себе мясокомбинат «Путин», «Медведев», «Кеннеди» или «Трамп»?

И. С. Как можно оценить деятельность А. И. Микояна в период под-

² Записи заседаний Президиума ЦК КПСС от 23 октября и 1 ноября 1956 г., в которых находит отражение отрицательное отношение А. И. Микояна к идее силового подавления венгерского восстания, см.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 г. Документы. М., 1998. С. 356–357, 494–497 (примечание редакции).

готовки и проведения XX съезда КПСС? Не является ли его ошибкой занятая позиция по поддержке Хрущева в развенчании культа личности Сталина?

А.М. У меня впечатление, и оно подтверждается архивными документами, что как раз наоборот, инициатором выступил Микоян, а Хрущев его поддержал. Как я уже говорил, когда Микоян в тридцатых годах столкнулся с жесткими сталинскими репрессиями, он совсем по-иному увидел Сталина и проводимую им политику. А уже после войны у Сталина появились серьезные претензии и к Микояну, в частности за то, что он наладил отношения с Западом, и следующим шагом можно было ожидать уже физическую расправу над ним и Молотовым. Думаю, тогда отношение Микояна к политике Сталина полностью сформировалось, и, насколько я понял из документов, именно Микоян проявил инициативу в развенчании культа личности Сталина и убедил Хрущева начать разоблачение сталинских преступлений³. Сразу же после XX съезда Микоян активно занялся реабилитацией и возвратом из ссылки и тю-

рем политических заключенных, чем, собственно, и занимался, даже уйдя на пенсию с высших государственных постов.

И.С. И еще один вопрос в продолжение предыдущего. Как вы можете оценить стремление некоторых современных публицистов и даже историков объяснить действия Хрущева и Микояна в разоблачении преступлений Сталина мотивами личных обид. Хрущева — за сына Леонида, якобы расстрелянного по его приказу, а Микояна — арестом во время войны двух его сыновей, Серго и Ваню, по обвинению в создании «антисоветской организации»?

А.М. Среди публицистов, как и среди обычных обывателей, довольно много людей с попсовым менталитетом. Не стараясь или не умея разобраться в личностях конкретных людей, они пытаются судить всех по себе и таким образом объясняют иногда довольно серьезные и сложные решения и факты самым примитивным способом. Но я не читаю подобные попсовые публикации, так же как и не слушаю попсовую музыку.

И.С. Чем можно объяснить, на ваш взгляд, стремление бывших коллег А.И. Микояна (Брежнев, Сулова и др.) не допустить выхода заключительной части его мемуаров, а после его смерти в 1978 г. в самые короткие сроки изъять материалы его рабочего и личного архивов? Есть ли возможность сегодня с этими материалами ознакомиться или издать отдельными книгами?

³ Документы, в том числе записи заседаний Президиума ЦК КПСС (февраль 1956 г.), в которых нашла отражение позиция А.И. Микояна в вопросе о развенчании культа личности Сталина, см. в сборнике: Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002. Особого внимания заслуживает опубликованное в «Правде» выступление А.И. Микояна на XX съезде, отчасти предвосхитившее критику сталинских политических методов в докладе Н.С. Хрущева о культе личности на закрытом заседании съезда в последний день его работы (примечание редакции).

А.М. Ну, наверное, Брежнева сложно назвать бывшим коллегой Микояна по известным объективным причинам, несмотря на то, что какое-то время они формально работали вместе в политбюро. Брежнев был личностью совершенно иной формации, чем даже Хрущев. Я думаю, что в его период, с одной стороны, свирепствовала жесткая показушная суловская идеология, к которой всерьез никто уже не относился, а с другой стороны, именно при Брежневе начались коррупция и воровство, которых не было даже при Хрущеве.

Микояну, несомненно, претило отсутствие государственного мышления брежневского правительства, он этого не скрывал и говорил об этом открыто. Думаю, что именно это пугало тогдашнее руководство страны, и они, конечно, боялись его правдивых мемуаров.

Я только недавно начал глубоко заниматься архивами своего деда. Кстати, столкнулся там с очень серьезными профессионалами — от руководителей до рядовых работников. Все они помогали и помогают мне находить важные архивные документы, раскрывающие его личность как профессионала и как человека.

Что касается изъятых после его смерти рукописей, я не знаю их судьбу, но, надеюсь, они сохранились в архивах КГБ. Честно говоря, с моей точки зрения, намного важнее объективно представить его работу и его жизнь, как говорится, «от Ильича до Ильича», жизнь, которая одновременно является историей

государства, чем узнать об отношении к брежневской коррупции и его политическому невежеству. Хотя, конечно, если удастся найти эти рукописи, их публикация, я уверен, для многих была бы интересна.

И.С. Каковы ваши личные воспоминания о деде? Каким он был в кругу семьи? Какие его личные качества вам импонировали?

А.М. Прежде всего, он был очень добрый и теплый человек. И это касалось не только нас, его внуков, но и всех, даже посторонних людей, с кем ему приходилось общаться. Он был очень остроумным, веселым и в то же время патриархальным человеком. Любил собирать большой семейный стол, и традиционно все родственники — мы и наши родители — собирались у него на даче на воскресный обед. Он очень продуманно выбрал такое время, т.к. в субботу у всех были свои планы, а в воскресенье днем это было для всех комфортно. Мы могли приехать к нему с друзьями, поэтому за столом сидели обычно не только родственники. Он любил угощать разными блюдами тех, кто впервые к нему попал. А если кто-то говорил, что он что-то не любит, то он, улыбаясь, отвечал: «К любви это никакого отношения не имеет». При этом сам ел очень мало. Наверно, для многих будет показательно узнать, что трое из его пятерых сыновей добровольцами ушли на фронт. Один из них погиб, а двое были ранены и на всю жизнь остались военными летчиками. Двое младших по возрасту не смогли пойти на фронт, но один из них пошел работать инженером-авиаконструктором в конструкторском бюро.

торское бюро «МиГ», созданное родным братом Анастаса Микояна Артемом. Сейчас, наверно, трудно представить, что кто-то из руководителей страны позволит своим детям пойти воевать добровольцами, так же как и многое другое из той жизни сегодня трудно представить.

Думаю, вам известно, что никакого наследства от Анастаса Ивановича Микояна не осталось. Тогда руководители страны не приватизировали государственные дачи, дома и квартиры и не имели счетов за границей. Поэтому после смерти Анастаса Ивановича остались только его доброе имя и то тепло, которое мы все помним.

И. С. Мог ли, на ваш взгляд, А. И. Микоян при определенных обстоятельствах исполнить ту роль, какую, например, в Китае выполнил Дэн Сяопин в начальный период проведения в КНР экономической реформы?

А. М. Если говорить о том, мог ли он как личность это взять на себя, имея в виду его экономические и политические взгляды и понимание законов международного бизнеса, то, конечно, да. Но диссонанс его государственного мышления с начинавшейся эрой коррупции не оставлял шансов на возможность прогрессивного развития государства.

И. С. Как вы можете оценить роль А. И. Микояна в превращении СССР в 1920–1930-е гг. в мощную в экономическом плане державу?

А. М. Мне даже неудобно отвечать на этот риторический вопрос, т. к.

ответ очень внятно изложен во всех архивных документах, а их тысячи. Скромно говоря, его роль в этом переоценить трудно.

И. С. Сохранились ли в семье воспоминания о том, как реагировал А. И. Микоян на силовое решение венгерской проблемы в 1956 г. и на ввод войск Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г.?

А. М. Да, мы все видели его удрученное состояние и понимали, что он не смог это предотвратить и очень переживал по этому поводу.

И. С. Как вы оцениваете роль Н. С. Хрущева в политической судьбе А. И. Микояна? Они были политическими единомышленниками или все же вынужденными союзниками в противостоянии с более консервативно настроенной частью советского руководства? Как складывались ваши личные отношения с родственниками Н. С. Хрущева?

А. М. Я думаю, скорее второе, чем первое. У Хрущева и Микояна было абсолютно разное воспитание и разная культура. Микоян был мудрым и сдержанным политиком с редким даже на сегодняшний день образованием (он читал и изучал экономические труды Плеханова, труды Карла Маркса в подлиннике, исследования по истории английской и французской революций и многое-многое другое), который никогда не повышал голоса и не допускал резких высказываний⁴.

⁴ Это находит отражение и в записках заседаний Президиума ЦК КПСС за хрущевский

Хрущев же — полная ему противоположность, но Хрущев тоже неглупый и талантливый человек, и в тот момент они оказались единомышленниками в отношении к сталинскому режиму. Как я понимаю, та международная открытость после железного занавеса, так называемая оттепель, фестиваль молодежи и студентов 1957 г. — это все было инициативой Микояна и основывалось на его международном опыте и связях, знании мира, которых у Хрущева, естественно, не было.

Что касается родственников, то с внуками Хрущева я не был близко знаком, а детей его — сына и двух дочерей — знал. Мне ближе всех была Рада, дочь Хрущева. Она была честной и достойной женщиной. С ней в хороших отношениях была и моя мама. Но самые близкие отношения у меня сложились, несмотря на огромную разницу в возрасте, с Ниной Петровной, женой Никиты Сергеевича. Она была очень добрым, веселым и домашним человеком. Почему-то она меня очень любила и вела со мной долгие разговоры, как со взрослым.

Если говорить об отношениях Хрущева и Микояна, думаю, очень важным является еще один факт, свидетельствующий о характере и принципах Анастаса Ивановича. Как бы там ни было, но они в определенном смысле были друзьями, и в политическом смысле на одной стороне баррикад. Для меня стал большой неожиданностью протокол политбюро, когда Брежнев с компанией

период. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. М., 2003 (примечание редакции).

снимали Хрущева. Они так грубо с ним разговаривали и унижали его, что он расплакался. В результате все члены политбюро письменно сформулировали свое мнение — снять его с работы и выгнать из руководства. А Микоян принципиально написал — «Оставить в руководстве», тем самым подписав приговор своей собственной карьере⁵.

И. С. Почему, на ваш взгляд, Брежнев сохранил за А. И. Микояном вплоть до середины 1970-х гг. номинально высокие должности в партии (член ЦК КПСС) и государстве (член Президиума Верховного Совета СССР)? Какие он мог преследовать цели?

А. М. Мне кажется очевидным, что цель была только одна. У Микояна был огромный авторитет во всем мире. Он лично, неформально дружил с Мао Цзэдуном, Фиделем Кастро, Джоном и Бобом Кеннеди, Джавахарлалом Неру, Индирой Ганди, Хо Ши Мином и другими мировыми лидерами. Его уважали даже в Соединенных Штатах, кстати, один из номеров журнала «Time» вышел с его портретом на обложке.

Британская пресса писала о нем: «Не без основания иностранные

⁵ См. запись заседания Президиума ЦК КПСС, состоявшегося в два захода, 13–14 октября 1964 г.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 862–872. В ней нашла отражение и позиция А. И. Микояна, который считал, что Н. С. Хрущева хотя и стоило бы разгрузить, освободив от обязанностей по руководству Совмином, но при этом он «должен оставаться у руководства партии» (Там же. С. 869) (примечание редакции).

обозреватели называли его советским “ликвидатором узких мест”. Какая бы деликатная внешняя проблема ни возникала, Микоян тут как тут, и занимается ею со знанием дела и успехом... Ни один советский руководитель не знал мир лучше».

«Это – единственный человек в Кремле, с кем можно разговаривать» – так оценивал Микояна Аверелл Гарриман, американский государственный деятель, дипломат, в 1943–1946 гг. посол США в СССР.

Конрад Аденауэр, канцлер ФРГ (1949–1963) о Микояне: «Он великий дипломат, одновременно наилучший экономист, с которым человек может сидеть за столом и обмениваться мнениями. Очень остроумен и часто говорит с шутками. Если на сегодня мы имеем экономические связи с Советским Союзом, то этим мы обязаны усилиям и умной дипломатии Микояна. Однако в беседах с ним человек должен быть очень внимательным, так как он одновременно великий переговорщик».

Молодой Брежнев не хотел портить отношения со всем миром. Имея Микояна в руководстве страны, он поддерживал свою репутацию.

И.С. Все номинальные руководители СССР: М.И. Калинин, К.Е. Ворошилов, Л.И. Брежнев и др. похоронены у Кремлевской стены (прах Н.М. Шверника – в урне в Кремлевской стене), а Микоян, хотя одно время, в 1964–1965 гг., занимал даже должность председателя Президиума Верховного Совета СССР –

на Новодевичьем кладбище. Это, на ваш взгляд, была его воля или все же нежелание тогдашнего советского руководства хоронить Микояна на Красной площади?

А.М. Конечно, он желал бы быть похороненным рядом со своей женой, погибшим на фронте сыном, братом и другими родственниками на Новодевичьем кладбище. Но Брежнев принимал решение не по желанию Микояна. Очевидны его ревность к авторитету Микояна и принципиальная разница в мировоззрении, в отношении к жизни и государству, а также раздражение, которое вызывало его вынужденное отношение к этой власти. Когда он умер, компромиссы закончились, и Брежнев приказал организовать панихиду в маленьком зале Дома ученых на Кропоткинской улице вместо Дома Союзов, как это было принято для личностей такого ранга, и похоронить на Новодевичьем кладбище, а не на Красной площади. При этом сам не собирался приходить на похороны, но узнав, что десятки тысяч людей выстроились в очередь на прощание от Зубовской площади и соборования пришли со всего мира, вынужден был заехать туда.

И.С. Как вы считаете, в судьбе А.И. Микояна могла определенную роль сыграть зависть Хрущева, а потом и Брежнева к более способному и популярному политику? Что и сказалось на количестве полученных им наград. У Микояна была всего одна звезда Героя Социалистического Труда, а у Хрущева их было четыре (3 –

Героя Социалистического Труда и 1 — Героя Советского Союза), у Брежнева — 5 (4 — Героя Советского Союза и 1 — Социалистического Труда). Те же Буденный и Ворошилов уже в мирное время в пожилом возрасте получили по три звезды Героя каждый.

А.М. Трудно сказать. Мне кажется, что награды вручают в основном тогда, когда кто-то их очень хочет получить. А дед просто работал, не думая о наградах.

И.С. Вы бываете на исторической родине своего деда? Как там сегодня к нему относятся?

А.М. Мне кажется, очень трудно говорить, как люди к кому-то относятся. Люди все разные, и у них разная информация, а многие, молодые, вообще никогда не слышали этой фамилии, так же, собственно, как и здесь. Вот мне недавно кто-то при встрече сказал: «Мы вас знаем, вы владелец мясокомбината!» Им и в голову не приходит, что этот мясокомбинат никакого отношения к семье Микоянов не имеет. Но, слава Богу, есть и те, кто реально понимает, кто такой был Анастас Иванович Микоян для Армении, Советского Союза и мира.

Кстати, мало кто знает, что классик американской литературы Уильям Сароян написал рассказ об Анастасе Микояне, в котором ярко выражено полное уважения его авторское отношение к этому человеку.

И.С. Как обстоит дело с возведением памятника А.И. Микояну в Ереване?

А.М. Я думаю, что памятник возводится жизнью, а не бронзой. И такой памятник уже возведен делами. А памятник из бронзы — это больше нужно людям, которые его ставят, чем самому Микояну.

И.С. И в заключение нашей беседы хотелось бы задать несколько вопросов личного характера. Первый из них: родство с политическим деятелем такого высокого ранга помогало или все же мешало вам в жизни и творческой деятельности?

А.М. Во времена Брежнева мешало, а потом не играло роли.

И.С. Как А.И. Микоян оценивал ваше творчество?

А.М. Когда я выпустил первую пластинку в 1973 г., я принес ее ему показать. Он увидел, что там мое имя Стас Намин, и спросил: ты что, стыдишься своей фамилии? Я ему сказал, конечно, нет, Намин я взял от имени мамы, а представляешь, если бы я написал группа Микояна. Это же почти группировка. Он рассмеялся и включил музыку. Больше всего ему понравились «Есть глаза у цветов» и «Звездочка моя ясная».

И.С. Можете ли вы с позиций сегодняшнего дня что-то поставить в вину своему деду как политическому деятелю, человеку и гражданину?

А.М. Нет.

И.С. Имеются ли у вас лично или у других членов вашей семьи пла-

ны по популяризации политического наследия А. И. Микояна?

А.М. Я бы хотел восстановить правдивую историю его жизни. Оттого что информации о нем практически нет, то факт его политического долгожительства, естественно, вызывает желание как-то это объяснить. А так как объяснить мудростью, умом, трудолюбием и талантом можно, только если ты действительно знаешь, что происходило, самое простое – объяснить примитивно, поэтому рождаются слухи и высказывания типа «между струек».

И.С. Анастас Алексеевич, ваша мама написала, на мой взгляд, великолепные мемуары о своей жизни, выдержавшие уже несколько переизданий. Не возникает ли у вас желания, несмотря на большую загруженность, в таком же формате поделиться с россиянами (и не только) своими воспоминаниями?

А.М. Только что вышло четвертое издание книги моей мамы, и оно принципиально отличается от предыдущих не только текстом, который она серьезно переработала и дополнила, но и тем, что в книге теперь помимо текста присутствует полноценный фотоальбом – более пяти-сот фотографий, многие из которых опубликованы впервые. Это издание книги можно считать фактически новой книгой, покрывающей около восьмидесяти лет из жизни страны. И, наверно, одно из уникальных качеств книги – это то, что она написана не по архивным документам, а по ее личным воспоминаниям. Я приведу несколько высказываний о книге:

«Что делает эту книгу важной, актуальной, запоминающейся?»

Описываются события и люди не по шаблону. Избегая общих, набивших оскомину оценок, Нами Микоян погружает читателя в реальную жизнь. В калейдоскоп деталей, из которых складывается общая картина – неоднозначная, противоречивая и во многом незнакомая. Я думаю, что заслуга автора простирается за пределы описания названных ранее деталей. Она складывает их в новые характеристики – более полные, а следовательно, и более адекватные тому, что было на самом деле. Это относится и к кругу государственных деятелей, и к кругу деятелей искусств». *Евгений Примаков*, государственный деятель.

«Эта книга поражает меня своей достоверностью, захватывает историческим масштабом описываемых событий. Память автора превращается в непосредственный стиль, а стиль раскрывает страницы памяти. Откровенность записей рождает тему откровения о великой и страшной усопшей утопии, о ее рулевым, его команде, однако и это не все. Эта книга о родственных душах не только родственников, но и друзей, знакомых, случайно попавших в поле зрения автора людей. Мы все были бы куда богаче, если бы такие воспоминания стали моделью литературных портретов, политических масок, творческих голосов». *Виктор Ерофеев*, писатель.

«В последние годы я прочла много книг подобного рода: воспоминания Бухариной, Нагибина, Вишневской, Плисецкой и других, но книга Нами Микоян произвела на меня наиболь-

шее впечатление. Я поражаюсь каким-то совпадениям, ассоциациям, воспоминаниям, которые возникали у меня в процессе чтения. Есть люди (пишущие), которые за деревьями не видят леса, а другие могут через описание дерева дать картину целого явления природы. Нами Микоян относится ко вторым». *Ольга Грачева*, Отдел редких книг Российской государственной библиотеки.

Мне кажется, что для написания такого фундаментального труда, как описание жизни, девяностолетие — самый правильный возраст. Обещаю к своему девяностолетию тоже выпустить свои воспоминания.

И. С. Большое спасибо, Анастас Алексеевич, за интервью.

"ANASTAS IVANOVICH MIKOYAN: HOW I KNEW AND REMEMBER HIM".

Interview with A. A. Mikoyan

Mikoyan Anastas A. (Stas Namin) — grandson of A. I. Mikoyan, musician, director, composer, producer (Moscow)

Key words: family memory, A. I. Mikoyan, N. S. Khrushchev, the Stalin era, the "thaw" in the USSR, the XX Congress of the CPSU, the economic policy of the USSR, the foreign policy of the USSR, the era of stagnation in the USSR.

Abstract. The famous Russian musician Stas Namin (A. Mikoyan) shares memories of his grandfather, an outstanding Russian statesman A. I. Mikoyan.

КОММЕНТАРИЙ ОТВ. РЕДАКТОРА ИЭ

Предоставив слово Анастасу Алексеевичу Микояну, поделившемуся с нами воспоминаниями о своем деде, выдающемся государственном и хозяйственном деятеле советской эпохи Анастасе Ивановиче Микояне (1895–1978), члене ЦК ВКП(б)-КПСС в 1923–1976 (!) и члене Президиума (политбюро) ЦК в 1935–1966 гг., ИЭ хочет внести свою лепту в разработку темы семейной памяти, которая является столь же неотъемлемой частью исторической памяти, как память национальная, региональная, локальная. Да, взгляд на историю

из круга семьи одного из активно действовавших в истории лиц имеет свои лимиты, он неизбежно узок, но при этом имеет не только полное право на существование, но и свои преимущества, добавляя дополнительные, зачастую неожиданные штрихи к нашему знанию, полученному из других источников и с других ракурсов. Конечно, личная память всегда эмоционально окрашена, ведь история личных отношений внутри семейного круга — это всегда история глубоких чувств, интимных переживаний, неизгладимых в сознании (пока живы носители самой этой памяти) эмоций. От личного, индивидуаль-

ного опыта никак невозможно отрешиться и абстрагироваться в пользу опыта коллективного, и присущее осмыслению этого личного опыта эмоциональное начало, как правило, превалирует над началом рациональным, аналитическим. Многие к тому же зависят от степени близости, доверительности отношений в семейном кругу. В самом желании детей и внуков представить своих отцов и дедов в максимально благоприятном свете нет совершенно ничего удивительного, более того, была бы удивительной обратная ситуация⁶. Как заметил С. Н. Хрущев в одном из своих публичных выступлений, «мое перо не способно написать плохое об отце, вообще писать плохо о родителях противно человеческому естеству». Книжки о близких людях, как правило, пишутся под диктовку чувства долга перед памятью об этих людях. Вполне естественно, что неспособность отрешиться от эмоций в пользу более уравновешенного взгляда подчас приводила мемуаристов к искажениям, мешала им адекватно оценить факты, особенно те, что плохо вписывались в априорно заданную концепцию (вспоминаются, в частности, мемуары Серго Берии, нашумевшие в первой половине 1990-х).

Взгляд А. А. Микояна при всей неизбежной субъективности законов семейной памяти основан на хорошем знании механизмов той системы, в которой в течение всей своей дли-

тельной карьеры действовал его дед. Анастас Алексеевич, как это следует из его интервью, прекрасно понимает, что люди, находившиеся на вершине власти, были связаны круговой порукой, они не могли остаться в стороне от хотя бы некоторой причастности к политике сталинских репрессий, ведь это противоречило элементарным законам той системы, одним из самых значительных и последовательных реформаторов которой с середины 1950-х гг. выступил его дед — тогда, когда на новом витке истории для этого сложились объективные условия. Не только реформаторов, но и критиков. Выступление Микояна на XX съезде КПСС было воспринято наблюдателями во всем мире как не просто знак новых веяний, но и как своего рода «пробный шар», пущенный по согласованию с Хрущевым перед зачитанием им знаменитого доклада о культе личности. Именно так комментировал микояновскую съездовскую речь, например, в февральско-мартовские дни 1956 г. влиятельный биограф Троцкого Исаак Дойчер.

Если говорить об исторической роли А. И. Микояна, то объективная оценка его вклада в историю не только заставляет вспомнить образ Эрнста Неизвестного, запечатлевшего в скульптурном надгробии Н. С. Хрущева диалектику черного и белого в действиях крупного отечественного политика XX в. В случае с А. И. Микояном, на наш взгляд, позитивы однозначно перевешивают над негативами, и Анастас Иванович менее кого-либо другого в кремлевской элите нуждается в оправдании неравнодушными мемуаристами. С одной стороны,

⁶ Над этой проблемой интересно и глубоко размышляет Е. Ю. Зубкова в своей статье: О «детской литературе» и других проблемах нашей исторической памяти // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: АИРО-XX, 1996. С. 155–178.

в истории СССР 1930–1950-х гг. он оставил след как умелый менеджер советской системы, прекрасный организатор торговли, производства предметов потребления и сферы снабжения. И если даже воспринять с горькой усмешкой некоторые приевшиеся стереотипы массового сознания (о знаменитом московском мясокомбинате и колбасной продукции под соответствующей маркой), весьма показательно уже то, что само имя этого политика обычно ассоциировалось не с пактом Риббентропа и не с «коктейлями Молотова» (как в случае с одним из многолетних соратников Микояна по политбюро), а с брендами, не имеющими совершенно ничего общего с агрессивной внешней политикой. Микоян был (еще со времен Сталина!) последовательным сторонником расширения внешнеэкономических связей с Западом, и именно его детищем по праву можно считать нашу выставку в Сокольниках 1959 г., явившуюся после фестиваля молодежи и студентов 1957 г. (также организованного при активнейшем участии Микона) вторым окном в мир для целого поколения советской интеллигенции. Само представление о противоборстве двух систем для Микояна было неотделимо от стремления «догнать и перегнать Америку» не по числу авианосцев и ракет, а по потреблению продуктов и товаров на душу населения, и образ этого деятеля совершенно неотделим от объявленного в 1957 г. Хрущевым соревнования с центром капиталистического мира именно на этом поприще. И не вина, а трагедия убежденного коммуниста Микояна в том, что сама

эта система, которой он отдал многие десятилетия жизни, не выдержала в конце концов испытания временем, уступив в экономической конкуренции системе более эффективной.

Однако прежде всего Микоян оставил след в истории как классный переговорщик, сумевший успешно разрулить немало конфликтных ситуаций не только внутри коммунистического движения, но и в межблоковых отношениях. Именно он, по праву считавшийся мэтром партийной дипломатии, был командирован в Китай весной 1956 г., где сумел на время убедить Мао Цзэдуна в своевременности критики Сталина. Именно Микоян по сути на свой страх и риск принял в ходе командировки в Будапешт в июле 1956 г. решение о прекращении Москвой поддержки полностью скомпрометированного венгерского лидера М. Ракоши – вразрез с прежней советской линией, продолжавшей оставаться в силе вплоть до его поездки.

Однако главная историческая заслуга Микояна – его личный вклад в урегулирование самого серьезного и опасного конфликта второй половины XX в. – Карибского кризиса. Эта тема нашла отражение во многих работах, изданных далеко за пределами России. В глубоко личные воспоминания внука вполне органично вписался бы факт, им не упомянутый: свою ответственнейшую кубинско-американскую миссию в ноябре 1962 г. Анастас Иванович не прервал даже тогда, когда из Москвы пришла весть о кончине его супруги и матери пяти его сыновей... О моральных

качествах А.И. Микояна ничуть не меньше говорит и другой факт — находясь в последние годы жизни Сталина фактически в опале (достаточно вспомнить об уничтожающей критике со стороны вождя, звучавшей с трибуны XIX съезда партии в 1952 г.), он тем не менее взял под опеку детей репрессированного по «ленинградскому делу» А.А. Кузнецова. Его дочь была замужем за одним из сыновей Микояна, ее младший брат воспитывался в его семье.

Глубоко укорененные традиции большевистской этики не позволяли никому упорствовать в своих взглядах, ведь любое чрезмерное упорство могло повлечь за собой обвинения во фракционности. Каждому следовало вовремя присоединиться к мнению большинства. Это надо понимать при изучении тактики Микояна на заседаниях хрущевского «коллективного руководства». А.И. Микоян, как правило, твердо отстаивал свою точку зрения (например, как показывает запись заседания Президиума ЦК КПСС, 1 ноября 1956 г., по возвращении из Будапешта, он довольно резко выступил против силового подавления венгерского восстания, настаивая на дальнейшем выжидании). Однако когда решение принималось, он подчинялся партийной дисциплине, ибо иной путь означал бы шаг к фракционности и в конечном итоге к расколу партии. Партийное единство воспринималось как «святая святых» для поколения партийцев, сформировавшегося в 1920-е гг., в условиях острейших баталий между внутрипартийными фракциями.

Записи заседаний Президиума ЦК КПСС за хрущевский период, впервые опубликованные в 2003 г., свидетельствуют и о том, что в 1963–1964 гг. Микоян по сути был единственным, кто осмеливался спокойно и аргументированно возражать Хрущеву, когда тот утрачивал почву под ногами, витал в облаках со своими волюнтаристскими экономическими прожектами или (в пику китайцам, в августе 1964 г.) идеей проведения референдумов относительно государственной принадлежности ряда проблемных регионов в пространстве единого советского лагеря. Глубокий знаток национального вопроса (если он, как пишет внук, А.А. Микоян, и обращался к чтению классической марксистской литературы, то в первую очередь, вероятно, именно к работам по проблемам международных отношений), А.И. Микоян прекрасно понимал, к какому снежному кому трудно разрешимых проблем и противоречий (в отношениях, например, между венграми и румынами) может привести такая непродуманная инициатива. Принципиальное несогласие с Хрущевым по тем или иным вопросам не исключало отраженной в тех же записях позиции Микояна в пользу сохранения его на высшем посту в партии.

Предоставив на своих страницах слово А.А. Микояну, ИЭ призывает и других носителей уникальной семейной памяти об ушедшей советской эпохе делиться с нами размышлениями и впечатлениями о пережитом прошлом.

А. С. Стыкалин

Е. А. Нестеров

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ: СТАРОСТИХА ВАСИЛИСА В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., старостиха Василиса, Василиса Кожина, патриотическое мифотворчество, советская и постсоветская историография.

Аннотация. Статья завершает историографическое исследование темы старостихи Василисы в отечественной литературе. Показано развитие патриотического мифотворчества в советской литературе, трансформация собирательного образа легендарной старостихи в конкретизированную фигуру «старостихи Василисы Кожиной». Уделив основное внимание анализу современной литературы, автор ставит вопрос о необходимости преодоления инерции прежних стереотипов и мифологем, о проблемах, которые еще предстоит решать. Среди авторских версий аргументированное предположение, что портрет «партизана 1812 г. Василисы Кожиной» – это подделка, изготовленная к 100-летию войны 1812 г., и необходимо комплексное исследование данного портрета.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-1-160-183

На страницах советской исторической литературы фигура старостихи Василисы не появлялась поначалу целых двадцать лет. В 1920-е – первой половине 1930-х гг. тема Отечественной войны 1812 г., в соответствии с общеисторической концепцией М. Н. Покровского,

считалась неактуальной. Прежняя досоветская концепция войны была признана несостоятельной. В школах системное изучение истории было заменено обществоведением. Но во второй половине 1930-х гг., когда перед большевистским руководством страны остро встали задачи укрепления обороноспособности СССР и мобилизации советского общества, история войны 1812 г., как и отечественная история в целом, вновь становится

© Е. А. Нестеров, 2019

Нестеров Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет (Санкт-Петербург)

востребованной. В 1934 г. выходит партийно-правительственное постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР», наметившее меры по улучшению исторического образования молодого поколения страны. Резкой критике были подвергнуты научные взгляды Покровского и его последователей.

125-летний юбилей войны 1812 г., обозначивший переломный рубеж в советской историографии данной темы, был отмечен выходом литературы главным образом пропагандистско-просветительного характера, что прежде всего соответствовало поставленным перед историками задачам, а также образовательному уровню основной массы населения страны. Кроме того, отнюдь не способствовала углубленному научному поиску сама морально-психологическая атмосфера тех лет. В условиях, когда советские историки делали лишь первые шаги в концептуально новой разработке темы войны 1812 г., они не могли не опираться на наследие отечественной историографии досоветской эпохи. Вновь, но уже в соответствии с новыми идеологическими установками и марксистским постулатом о решающей роли народных масс в истории, стал подчеркиваться народный характер войны и патриотизм русского народа. В данной связи старостиха Василиса снова становится символом народной войны с Наполеоном. Впервые о ней было сказано в двух статьях специального номера «Исторического журнала», посвященного юбилею (*Барф* 1937: 52; *Бычков* 1937: 67). И в дальнейшем советские авторы будут либо просто упоминать старости-

ху в числе командиров крестьянских партизанских отрядов, либо уделять ей одно-два предложения, нередко дословно повторяя своих дореволюционных предшественников (*Бычков* 1938: 70; 1941: 13; *Левцкий* 1938: 17; *Андреев* 1940: 152–153; и др.). (В советской литературе с самого начала утвердилось употребление терминов «партизаны» и даже «партизанское движение» применительно к различным крестьянским отрядам. По мнению А.И. Попова, тщательное изучение источников эпохи 1812 г. показывает, что характер и реальные масштабы вооруженной борьбы крестьян с французами были гораздо скромнее и более правильным было бы говорить о системе защитных кордонов (*Попов* 2013б; и др.).)

Но наиболее значимым событием в изучении истории войны 1812 г. в те годы стал выход монографии академика Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию», первого капитального советского исследования по данной теме, которое окажет большое влияние на ее освещение в последующих научных публикациях и учебной литературе. При рассмотрении темы народной войны Тарле уделит внимание и старостихе Василисе, тоже повторив версии дореволюционных авторов: «Старостиха Василиса (Сычевский уезд Смоленской губернии), бравшая в плен французов, лично перебившая вилами и косою немало французских солдат, нападавшая, как о ней рассказывали, на отстающие части обозов, не была исключением. Участие женщин в народной войне отмечается всеми источниками» (*Тарле* 1938: 239). Но он же обра-

тил внимание на малое число и качество этих источников, заметив в данной связи: «О той же Василисе ходили целые легенды, но трудно выделить в них точную истину, отделить историю от фантазии». Это справедливое и важное замечание, первое и единственное в советской литературе, так и не получит дальнейшего развития за весь советский период историографии темы. В монографии Тарле была, также впервые, не считая альбома выставки 1912 г., опубликована репродукция портрета партизанки Василисы Кожиной и приведена несколько сокращенная и грамматически исправленная надпись на обороте холста (Там же: 208–209).

К образу старостиhi Василисы Е. В. Тарле обращался неоднократно: в своей переиздававшейся монографии и в публицистических статьях и брошюрах о войне 1812 г., написанных в начале Великой Отечественной войны (Тарле 1941а; 1941б: 60). При этом обращает на себя внимание, что в двух детгизовских вариантах его монографии была помещена репродукция портрета с названием «Старостиha Василиса», на котором изображена не Василиса Кожина, а совсем другая женщина — более возрастная, с крупными и грубоватыми чертами лица, в более простой одежде (Тарле 1940: 339; 1941в: 63; см. также: Григорьев 1941: 120–121). Тарле являлся также научным консультантом сборника материалов о войне 1812 г. и кинофильма «Кутузов» (1943 г.), в которых Василиса тоже фигурировала.

В упомянутом сборнике в качестве материала о старостиhe Василисе

был представлен текст известного анекдота о ней и репродукция портрета Василисы Кожиной (Изгнание Наполеона... 1938: 108–109). При этом в сборнике сообщалось, что Василиса Кожина — это и есть знаменитая старостиha Василиса. Собственно, составители сборника лишь повторили утверждение издателей каталога и альбома выставки 1912 г. Данный портрет Василисы Кожиной в дальнейшем будет присутствовать в качестве иллюстрации в большинстве работ, освещающих тему народной войны в 1812 г. Но поначалу старостиha Василиса и партизанка Василиса Кожина существовали для советских авторов как бы параллельно, и они относились к этому новому факту с определенной настороженностью.

«Объединение» данных персонажей произойдет в 1940 г., с выходом учебника по истории СССР для исторических факультетов университетов и пединститутков под редакцией М. В. Нечкиной. В этом капитальном издании, заложившем основы исторического образования в стране, Нечкина была и автором главы об Отечественной войне 1812 г. В главе отмечалось, что крестьянки принимали активное участие в партизанской войне, а о Василисе сказано: «Легендарная предводительница партизанского отряда старостиha Василиса Кожина действовала в Смоленской губернии, лично брала в плен французов и немало их перебила» (История СССР 1940: 94). (Аналогичные строчки старостиhe будут уделены в учебнике для неисторических факультетов вузов и в школьном учебнике (История СССР 1941а: 316; 1941б:

104–105).) С этого времени во всей советской литературе утвердилось устойчивое словосочетание — «старостиха Василиса Кожина». Исключение составит лишь Е. В. Тарле, который в своих работах продолжит употреблять термин «старостиха Василиса». Выбивался из общего ряда также С. Б. Окунь, который был коллегой Тарле на факультете: во всех изданиях его курса лекций по истории СССР для исторического факультета ЛГУ старостиха Василиса не упоминалась, хотя Окунь отмечал, со ссылками на источники, участие крестьянок в вооруженной борьбе (*Окунь* 1939: 183; 1947: 270; и др.).

В годы Великой Отечественной войны героический образ старостихи Василисы тоже воодушевлял защитников теперь уже социалистического Отечества. Буквально в считанные дни после речи Сталина по радио 3 июля 1941 г., в которой он призвал к организации широкого партизанского движения в тылу врага, выходит целая серия газетных и журнальных статей и брошюр о партизанской борьбе против Наполеона в 1812 г., и среди героев этой борьбы всегда называлось имя старостихи Василисы Кожиной (кроме уже упоминавшихся выше работ Е. В. Тарле и Л. Н. Бычкова, это еще более 10 наименований) (*Нечкина* 1941; *Розанов* 1941; *Червяков* 1941: 10; и др.; см. также: *Берхин* 1942: 54). При этом число авторов и география изданий по сравнению с довоенными годами значительно расширились, некоторые работы выходили сразу в нескольких издательствах. Среди авторов публикаций были не только исто-

рики, но и журналисты, писатели, и при освещении сюжета о Василисе в их работах иногда встречаются интересные штрихи, отражающие реалии времени (*Задонский* 1941: 54). После 1941 г. число публикаций о партизанской войне 1812 г. резко сократилось, а затем они вообще исчезли. Внимание Сталина и всей советской пропаганды обращалось уже на фигуры М. И. Кутузова и других русских полководцев-победителей.

Прозвучала тема старостихи Василисы и в художественных произведениях военной поры. В конце лета 1941 г. в Ленинграде вышла повесть писателя Е. А. Федорова, впервые в советской литературе посвященная «партизанке Василисе» (*Федоров* 1941). Собственно, повесть Федорова, написанная явно наспех, являлась банальным повтором рассказа А. Е. Зарина — по сюжету, структуре, порой даже в мелких деталях, хотя были и собственные творческие находки автора. В частности, Василиса у Федорова — красавица-молodiца с большими серыми глазами и т. п. Главная же новация Федорова, отличающая его повесть от всех других советских (и досоветских тоже) художественных произведений, — что он включил в повествование лирико-романтическую линию, причем во взаимоотношениях Василисы с врагом — французским офицером-уланом с «волнистыми усами». Но патриотический долг в конце концов взял верх, и она, сняв карабин со стены, решительно вывела пленника во двор: «Стой, гад!» И пальнула прямо в грудь...» (совсем как лавреневская Марютка в своего «синеглазенького»).

Гораздо адекватнее суровым реалиям войны предстает образ Василисы в стихах, написанных советскими поэтами в 1942 г. В стихотворении «Народная война» известного поэта и драматурга В. М. Гусева, которое он начинает строкой «Перелистай историю России...», поэт напоминает, что бывали времена, когда враг уже торжествовал победу — «Но выходила баба Василиса / В далеком восьмьсот двенадцатом году» (Гусев 1952: 111–112). И народ всегда сокрушал захватчиков. А стихотворение «Запевка» смоленского поэта Н. И. Рыленкова целиком посвящено героической землячке, и он прямо обращается к ней: «Где ты, прабабка мудрая? / Встань, Василиса Кожина...» (Рыленков 1944: 7–8). Не забыли Василису и кинематографисты. В небольшом эпизоде художественного кинофильма «Кутузов» (режиссер — В. Петров; 1943 г.) она появляется перед партизанами Д. Давыдова из заснеженного леса в тулупе, с пистолетом за кушаком во главе группы баб и мужиков, сзади которых плелись замерзшие пленные французы.

Послевоенные годы не были отмечены чем-либо заметным или новым в плане рассматриваемой нами темы. В основном осуществлялись переиздания уже упоминаемых довоенных учебников по истории СССР для исторических факультетов и для средней школы (см. также: Бурджалов 1946: 88). Мельком упоминали Василису также в немногих работах научно-популярного характера о войне 1812 г. (Андреев 1952: 52; Червяков 1953: 33; и др.).

Новым шагом в освещении темы стала публикация статьи «Кожина

Василиса» с репродукцией ее портрета во втором издании Большой советской энциклопедии (Кожина Василиса 1953: 537). В статье без указания источников сообщалось, что она — «крестьянка, старостица хутора Горшково Сычевского уезда». По каким основаниям был указан именно этот населенный пункт, неясно, т. к. старост на хуторах в Смоленской губернии не могло быть. В дальнейшем в советской литературе темой хутора Горшково никто более углубленно не занимался. Автор статьи о Василисе не был указан, но текст определенно выдает стиль номенклатурного чиновника, лишь отдаленно связанного с исторической наукой: «старостица хутора», «организовала отряд партизан из подростков и крестьянок, вооруженных косами, вилами и другими предметами» (выделено нами. — Е. Н.), «...была награждена медалью и денежной премией». С этого времени образ старостицы Василисы Кожиной был, можно сказать, окончательно канонизирован, и примерно в таком же объеме и формулировках сведения о героической старостице станут включаться в последующие работы, в которых рассматривалась тема народной войны в 1812 г. В третьем издании БСЭ и в Советской военной энциклопедии, вышедших в 1970-е гг., в тексты статей о Василисе будет внесено здравое уточнение: вооружение ее отряда «другими предметами» заменили «топорами и т. п.» (Кожина Василиса 1973: 383; 1977: 226; см. также: Кожина Василиса 1984: 596).

Отдельного рассмотрения в связи с темой старостицы Василисы требует книга старшего преподавателя

ля Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова генерал-майора Н. Ф. Гарнича. Во втором ее издании сюжет о Василисе тоже вырос за счет пересказа анекдота и мемуаров А. А. Шаховского, а также собственной фантазии автора (*Гарнич* 1956: 228–229). Именно фантазия Гарнича «создала» женский партизанский отряд Василисы, который действовал еще в то время, когда французы наступали от Смоленска к Москве. Причем отряд хорошо вооруженный и обученный: «Захваченное оружие распределялось среди своих бойцов-женщин, которые быстро научились стрелять из ружей, карабинов и пистолетов, рубить саблями и палашами». Поэтому «засады на дорогах и в населенных пунктах и внезапные ночные нападения всегда обеспечивали победу героическому женскому отряду». Эти высказывания Гарнича в качестве примера и с заслуженной издевкой цитируют в некоторых современных работах для характеристики всей советской историографии партизанской войны 1812 г., хотя такое обобщение, думается, не совсем справедливо.

150-летний юбилей Отечественной войны 1812 г., наиболее значительный по масштабам подготовки и проведения в советский период, был отмечен широким спектром разнообразных мероприятий и, конечно, всплеском выпуска печатной продукции, которая выявила разные тенденции в освещении рассматриваемой нами темы. В академического характера статье А. Н. Кочеткова, обобщающей тему партизанской войны в 1812 г., об участии в ней женщин вообще

ничего не было сказано и впервые в советской литературе обращено внимание на ряд методологически важных моментов при изучении партизанской темы, о которых говорят и сегодня (*Кочетков* 1962). Не упоминалось об участии женщин в партизанской войне в многоотомной академической «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», отсутствовала информация о Василисе Кожиной в Советской исторической энциклопедии.

Но основная масса литературы, как юбилейная, так и выходящая в дальнейшем, продолжала практически без изменений тиражировать образ героической старостихи. В работах, обычно посвященных войне 1812 г. в целом, Василиса Кожина чаще всего лишь мельком упоминалась в числе других крестьянских вожаков народной войны. Это в равной мере относилось к многостраничным монографиям и к небольшим статьям и брошюрам научно-популярного характера, начиная со статьи двух официальных авторитетов в изучении истории 1812 г., академиков М. В. Нечкиной и П. А. Жилина (*Нечкина, Жилин* 1962: 42). Всего в юбилейный и последующие годы вышло около 20 публикаций, где в той или иной мере упоминалась старостиха Василиса (*Жилин* 1988: 250; *Ростунов* 1962: 51–52; *Бескровный* 1972: 123; *Кафенгауз, Новицкий* 1966: 127–128; *Орлик* 1987: 36–37; и др.). Впервые в советский период говорилось о старостихе даже в изданиях, предназначенных для младшего школьного возраста: в книжке М. Г. Брагина и рассказе «Василиса Кожина» писателя С. П. Алексева (*Брагин* 1984:

98; *Алексеев* 1962: 140–142; 1979: 169–173). Упоминалось имя Василисы Кожиной в типовом учебнике по истории СССР для средней школы, а также в учебнике для студентов исторических факультетов педагогических институтов (*Федосов* 1980: 25; История СССР 1983: 483).

Отразилась тема старости Василисы и в работах советских искусствоведов. В статье Н. Н. Гончаровой и Н. А. Перевезенцевой, посвященной народному бытовому портрету, авторами было уделено значительное внимание портрету Василисы Кожиной (а также Герасима Курина). Основываясь на надписях на обратной стороне обоих холстов и на информации из собрания русских народных картинок Д. А. Ровинского, они пришли к выводу, что оба портрета были написаны и подписаны в сентябре 1813 г. художником-самоучкой Александром Смирновым «по заказу партизана поручика Орлова и ему же принадлежали» (*Гончарова, Перевезенцева* 1985: 55–57).

При проведении мероприятий 150-летнего юбилея по увековечению памяти героев 1812 г. в честь Василисы Кожиной были названы улицы в Сычевке, Можайске и Москве, в филателистической серии почтовых марок выпущена марка «Партизанка Василиса Кожина». В канун 175-го юбилея ее имя получает воплощение в мемориальных памятниках Смоленской области: в далеко не безупречной во всех отношениях надписи на памятной доске стелы в деревне Левшино Сычевского района и в гораздо более корректном упоминании ее имени

в надписи на медальоне стелы, установленной в Смоленске (*Смирнов* 2012: 73–74).

Своего рода итогом советской историографии нашей темы можно считать сюжет о Василисе Кожиной в монографии о 1812 г. Н. А. Троицкого, заслужившего в годы перестройки репутацию «ниспровергателя авторитетов», но в отношении фигуры Василисы Кожиной оставшегося в рамках критикуемых им прежних стереотипов. Сюжет о старости Троицкий предварил странным утверждением и соответствующей ссылкой, что имя Василисы Кожиной запечатлено «во многих документах и во всех исследованиях по истории 1812 г.» (*Троицкий* 1988: 238). Что касается документов, то таковых, как известно, до сих пор не обнаружено. А в ссылке приведены уже рассмотренные нами художественные произведения В. А. Лунина, А. Е. Зарина и Е. А. Федорова и популярный очерк В. Черемухина. О деятельности Василисы как о неоспоримом факте Троицкий сообщил в основном по Зарину, ее внешний вид описал «по рассказу Ф. М. Ростопчина». Как видим, справедливое замечание в одной из рецензий на его книгу, что «автор иногда излишне доверяет своим источникам», целиком относится и к сюжету о женщинах-партизанках.

Подводя общие итоги советского периода историографии темы старости Василисы, следует отметить, что ее мифологизированный образ был возрожден на новой идеологической основе в конце 1930-х гг. и на протяжении полувека прочно занимал свое место в освещении

щении истории народной войны с Наполеоном в 1812 г. Собираемый и достаточно неопределенный образ старостихи Василисы, сформировавшийся еще в досоветской историографии, трансформировался в советской литературе в конкретизированную фигуру Василисы Кожиной, репродукция портрета которой нередко сопровождала соответствующие публикации. А с включением статьи о ней в Большую советскую энциклопедию «старостиха Василиса Кожина» и ее деяния были окончательно канонизированы, превратились в аксиому. Все возможности государственной идеологической машины широко использовались для тиражирования этого образа в целях патриотического воспитания. Он стал хрестоматийным в литературе научно-популярного характера, в школьных учебниках, нашел отражение в мемориальных памятниках, художественной литературе. Определенные политические изменения, происходившие в советском обществе в 1950–1980-е гг., никак не отразились на освещении данной темы. Как и до 1917 г., господствовали иллюстративно-описательный подход, некритическое отношение к источникам. Собственно, в рамках прежней парадигмы исследования тема старостихи Василисы исчерпала себя. Для перехода на новую ступень ее изучения требовалось введение в научный оборот новых исторических источников, иные ракурсы рассмотрения, наконец – подлинное обновление самой атмосферы научного поиска.

Все это «сошлось» в год 180-летия Отечественной войны 1812 г., когда

в номере журнала «Родина», посвященного юбилею, была опубликована статья А.А. Ильина-Томича, где впервые рассматривалась тема патриотического мифотворчества той эпохи на примере анекдота о русском Сцеволе и анализировались рукописные воспоминания М.А. Дмитриева (через несколько лет они выйдут отдельной книгой). Эти воспоминания свидетельствовали, что публикуемые в «Сыне отечества» антифранцузские анекдоты в большинстве своем были выдуманы в самой редакции. В том числе выдумкой являлся и рассказ «о том, как старостиха Василиса перевязала голодных французов и привела на веревке к русскому начальнику» (Ильин-Томич 1992: 127; Дмитриев 1998: 85). (По этой фразе Дмитриева видно, что в его памяти соединились сам анекдот и созданные на его основе карикатуры 1813 г.) Так начался современный, постсоветский период изучения темы старостихи Василисы.

Правда, в 1990-е гг., в условиях смены модели общественного развития и связанных с этим кризисных явлений во всех сферах общественной жизни страны особой активности в изучении истории войны 1812 г. не наблюдалось. Но с начала 2000-х, а особенно в рамках организованных на общегосударственном уровне широких мероприятий по подготовке и празднованию 200-летнего юбилея победы России в Отечественной войне 1812 г. в этом отношении происходит нарастающая активизация, сопровождающаяся подлинным всплеском выпуска печатной продукции различных видов, в которой получил

освещение широкий спектр узловых проблем и более локальных вопросов истории эпохи 1812 г. Историографы отмечают также такое новое явление в отечественной историографии темы, как создание специальных ресурсов Интернета. (Изучение данного сегмента научной деятельности может быть предметом специального исследования и не входит в задачи настоящей статьи.)

В этом огромном массиве литературы, соответственно, получила определенное отражение и фигура старостиhi Василисы Кожиной. Но надо отметить, что в десятках сборников материалов конференций различного уровня и других коллективных форм научной деятельности (а количество данных сборников следует перемножить на десятки размещенных в них статей) публикаций, где хотя бы упоминалась старостиha, насчитывается буквально считанные единицы. То же можно сказать и в отношении иных изданий – монографий, статей в периодических изданиях и т.д. То есть тема старостиhi Василисы оказалась явно на периферии внимания исследователей. Что, в общем-то, понятно: после статьи А.А. Ильина-Томича на этом сюжете, казалось, можно было поставить точку. Тем не менее автору удалось выявить в современной литературе более 50 публикаций, затрагивающих в той или иной мере рассматриваемую нами тему. Она представлена в справочно-энциклопедических изданиях, но главным образом, как и прежде, в монографиях, научных и научно-популярных статьях в контексте гораздо более широкой тематики.

Что же касается характера освещения темы старостиhi Василисы различными авторами, то здесь впервые в отечественной историографии наблюдается плюрализм мнений и оценок. (Следует также отметить более отчетливое проявление авторского стиля и полемичности в изложении материала, в отличие от однообразных текстов советского периода.) В целом можно выделить две основные группы авторов: тех, кого можно назвать «традиционалистами», продолжающими придерживаться прежних, советских и досоветских оценок и формулировок, и достаточно однородную группу, представители которой исходят из современного уровня знаний по данной теме. Как ни странно на первый взгляд, но численно преобладают публикации, представляющие традиционную точку зрения, что произошло не в последнюю очередь за счет юбилейных переизданий наиболее авторитетных работ, главным образом досоветского периода.

Традиционная точка зрения относительно старостиhi Василисы присутствует в работах и современных авторов. К сожалению, прежние формулировки (вплоть до «денежной премии») из советских энциклопедий перекочевали в немалое число справочно-энциклопедических изданий (Кожина Василиса 1997: 378; 1999: 86–87; 2006: 248), иногда с попытками некоторого обновления текста (Ташлыков 2009: 415; Будаев 2001: 118). (С.Л. Ташлыков даже привел примерные годы жизни старостиhi, но Сычевки / Сычевку почему-то назвал «Сычевск».) Аналогичные формулировки сведений

о Василисе можно также встретить в некоторых, главным образом научно-популярных, статьях и даже в монографиях (*Буганов и др.*, 2012: 50; *Лазарев* 2008: 28–29; *Курбанов* 2012: 86, 132–133; *Лобов* 2016: 100–101; и др.). Остались они и в некоторых учебниках по истории России для средней школы (*Данилов, Косулина* 2009: 33; *Зырянов* 2010: 39; *Сахаров, Боханов* 2012: 120). Трудно сказать, чем в каждом конкретном случае вызвана подобная «идеологическая твердость», но можно предположить, что порой это могло быть следствием банального незнания современной литературы.

На другом полюсе – представители, по определению Л. И. Агронова, «исторической публицистики» (или «ультрарадикальное крыло» – по И. А. Шеину). Это авторы крикливых работ компилятивного характера, которые, не будучи, как правило, профессиональными историками, но тем не менее претендуя на «новое прочтение» (по факту – предвзято-одностороннее, подчеркнуто антипатриотическое освещение) истории войны 1812 г., конечно, не могли пройти мимо фигуры старостихи Василисы. Вслед за М. А. Голденковым, повторяя его и друг друга и без труда «разоблачая» рассказ А. Е. Зарина и книгу Н. Ф. Гарнича, они объявляли, что старостиха Василиса – это «обычная легенда, приумноженная пропагандистскими мифами» (*Голденков* 2010: 223–224; *Гречена* 2012: 233–235; *Суданов* 2012: 261–263).

Есть также группа разного рода публикаций, где Василиса Кожина в контексте более общих тем тоже

упоминается, но без разоблачительных сентенций, как пример пропагандистского мифа (Война 1812 года... 2012: 144; *Киселев* 2014: 128–129; и др.). В монографии А. А. Смирнова приведены, кроме того, тексты надписей на стелах, посвященных Василисе Кожиной (*Смирнов* 2012: 73–74).

И наконец, авторы, которые попытались пойти дальше предшественников и внести что-то новое, порой – небольшие, но важные штрихи и детали в изучение темы старостихи Василисы. Среди профессиональных историков – это прежде всего самарский исследователь А. И. Попов, который раньше других и наиболее активно стал заниматься данной темой в рамках своих гораздо более широких научных интересов, связанных с эпохой 1812 г. Свой взгляд на Василису Кожину он отчетливо сформулировал в статьях о ней в энциклопедических изданиях, посвященных Отечественной войне 1812 г. (*Попов* 2004: 351; 2012: 162–163). Согласно Попову, существовала реальная Василиса Кожина с хутора Горшкова, которая несколько раз конвоировала захваченных французских мародеров и однажды убила косой строптивого пленника, а превращение ее в командира героически действовавшего партизанского отряда произошло «под пером советских авторов». Как мы уже выяснили, процесс формирования героического образа старостихи имел гораздо более длительную историю. Данные тезисы прозвучали и в некоторых других его научных публикациях (*Попов* 2000: 203; и др.). При этом в одной из первых его статей,

в которой в том числе рассматривался сюжет о Василисе Кожиной (Попов 2003: 89–90, 94), А. И. Поповым были допущены отдельные неточности. Вероятно, не было смысла критиковать писателя А. Е. Зарина (и переписавшего у него сюжет о Василисе В. Черемухина) за его вымыслы в рассказе о старостихе, утверждая среди прочего, что «они (Зарин и Черемухин. — Е. Н.) перепутали Кутузова с Ф. В. Ростопчиным, который действительно видел старостиху». Насчет «действительно» нами также были высказаны аргументированные сомнения. В статье есть и некоторые другие неточности.

Достаточно подробно в контексте темы «Отечественная война 1812 г. и русские женщины» был рассмотрен сюжет о Василисе Кожиной автором настоящей статьи (Нестеров, Пантелеева 2013: 70–73, 81, 85, 87–88). Соглашаясь, что анекдот о старостихе Василисе — пропагандистский миф, мы показали, приводя свидетельства различных источников, что в основе анекдота о ней лежат реальные факты непосредственного участия женщин-крестьянок в вооруженной борьбе с захватчиками и что формирование мифологизированного образа старостихи Василисы началось еще в досоветский период. Существенное замечание относительно портрета Василисы Кожиной было высказано А. А. Смирновым, который обратил внимание на то, что на портрете медаль на груди Василисы изображена на ленте медали «За взятие Парижа», чего явно не могло быть (Смирнов 2012: 74).

Важные наблюдения и новые штрихи в изучении темы старостихи Василисы содержат также работы краеведов. Первым такой шаг был сделан А. С. Маркиным, работа которого была размещена в Интернете в 2004 г., а написана еще раньше, в 1998 г. (Маркин б/д). В интересующем нас разделе «Портреты» он обратил внимание и на портрет Василисы Кожиной и впервые в отечественной литературе отметил несообразность в изображении медали на груди Василисы. Медаль изображена с Георгиевско-Андреевской лентой, установленной для боевой медали в честь взятия Парижа, которая вручалась с 1826 по 1832 г. и только ветеранам кампании 1814 г. После беседы по этому поводу с сотрудницей отдела изобразительных материалов ГИМ Н. А. Перевезенцевой, которая согласилась с его предположением, А. С. Маркин корректно отметил: «По мнению Н. А. Перевезенцевой, при внимательном взгляде на портрет Кожиной видно, что награда была пририсована позже». В данной связи Маркин также предположил, что медали, полученные Куриным, на портрете работы А. Смирнова были дописаны другим художником. (То же можно было сказать и о портрете Василисы Кожиной.) В его работе есть и другие вполне резонные предположения.

В канун 200-летия Отечественной войны 1812 г. немаловажные детали и новации появились в работах смоленских краеведов. (Интересно, что с 1992 по 2010 г. смоляне о старостихе Василисе практически не вспоминали, если не считать переизданий очерков В. М. Во-

роновского и В.И. Грачева.) Так, сычевский (вяземский?) краевед журналист В.Б. Каплинский выступил с докладом на конференции и с журнальной статьёй с одним и тем же названием и содержанием (мы будем рассматривать его материал по тексту доклада). Каплинский тоже внес новые, пусть не всегда бесспорные штрихи в изучение рассматриваемой нами темы. Впервые в отечественной литературе он обратил внимание на нелепость использования термина «хутор» по отношению к месту жительства старостихи и высказал в данной связи предположение-уточнение, что это была деревня «Горшкова... что на правом берегу речки Любушки, в одной версте от тракта» (*Каплинский* 2012: 243). Но предположения Каплинского относительно фамилии старостихи слишком умозрительны. В статье есть и откровенные ошибки.

Другой смолянин, А.П. Нахимов, тоже упомянул старостиху Василису — в докладе на Всероссийской научной конференции в Смоленске в 2010 г. и в книге «Смоляне против Наполеона» (оба издания вышли в 2012 г.) (*Нахимов* 2012: 103, 106; *Нахимов, Верховская* 2012: 36, 37, 80). В этих работах Нахимова впервые в отечественной литературе прозвучал, на наш взгляд, верный тезис и сформулировано само определение, что старостиха Василиса — это собирательный образ: «Василиса Власьевна Кожина — собирательный образ народной мстительницы из Сычевского уезда Смоленской губернии, подвиги которой и само существование никакими документами не подтверждаются» (*Нахи-*

мов, Верховская 2012: 37). (В предыдущей статье мы показали, что собирательный образ старостихи Василисы с полным основанием относится ко всем трем русским губерниям, охваченным военными действиями.) Правда, непонятно, как «собирательность» образа Василисы коррелировала у Нахимова с еще одним, в дополнение к трем вариантам дореволюционных сочинителей, отчеством старостихи — «Власьевна»: автор никак не обосновал эту новацию.

В стиле своих единомышленников высказался о собирательности образа старостихи «ультрас» Г. Суданов: «Многие историки вообще считают, что Василиса — это образ собирательный...» (*Суданов* 2012: 261–262), приведя в подтверждение данного тезиса лишь неубедительные цитаты из книг Голденкова и Гречены. Вообще-то в 2012 г. идея о собирательности образа старостихи Василисы, что называется, носилась в воздухе. Близка была к формулированию этого тезиса Л.В. Митрошенкова, когда в авторском примечании «поправляла» дореволюционного писателя В.П. Лебедева относительно места жительства старостихи: «Хотя, возможно, это была другая Василиса» (*Митрошенкова* 2011: 272–273). Не употребляя самого термина, фактически эту же мысль о собирательности образа старостихи Василисы проводил в упоминаемой выше публикации «Отечественная война 1812 г. и русские женщины» и автор настоящей статьи.

В общем тренде предъюбилейных новаций оказались и искусстве-

ды. В частности, в статье искусствовед Н. А. Нарышкиной утверждалось, что портреты Кожиной и Курина «созданы Сашей Смирновым, юным художником...», который здесь «предстает талантливым мастером» (*Нарышкина* 2004: 200). При этом в статье не приводилось никаких аргументов и ссылок в пользу такого мнения и не опровергалась упоминаемая выше точка зрения сотрудников ГИМ Н. Н. Гончаровой и Н. А. Перевезенцевой, что Александр Смирнов – это третьеразрядный художник-самоучка. По версии же Н. А. Нарышкиной получается, что автор портретов – пятнадцатилетний Александр Филиппович Смирнов, сын придворного повара, который еще в 1806 г. был определен в Академию художеств в Петербурге (*Юбилейный справочник...* 1915: 183), а в 1813 г., выходит, прибыл в Москву, чтобы запечатлеть народных героев. (Этот инициал «Ф» добавлен к имени художника А. Смирнова и в некоторых книгах, где имелась репродукция портрета Василисы Кожиной (*Сироткин* 1988: 177; *Митрошенкова* 2011: 276; *Попов* 2013а: 92).)

В рамках широких мероприятий в связи с 200-летним юбилеем, организованных Банком России на общегосударственном уровне в 2012 г., была выпущена серия памятных монет «Полководцы и герои Отечественной войны 1812 г.», среди которых была запечатлена и «организатор партизанского движения Василиса Кожина». Откликнулись на юбилейную дату и российские кинематографисты, снявшие в том числе фильм про нашу героиню – «Василиса» (режиссер А. Сиверс)

и его четырехсерийную телеверсию. Фильм, сюжет которого достаточно далек от исторической реальности, представляет собой историческую мелодраму гламурного толка, в которой на фоне войны развиваются взаимоотношения любовного треугольника – «русской Жанны д'Арк» крепостной крестьянки Василисы, дворянина Ивана Рязанова и французского офицера, капитана Блие.

Таковы на 2018 г. итоги современного периода в изучении темы старости Василисы в отечественной историографии. Хотя в огромной массе литературы, вышедшей в связи с 200-летним юбилеем Отечественной войны 1812 г., доля публикаций, где хотя бы упоминалось о старости, очень мала, но в количественном выражении – это самое значительное число по сравнению с предыдущими «круглыми» датами. Тема, как и ранее, была представлена в различных видах печатной продукции, причем впервые в ее освещении наблюдается плюрализм мнений, что вообще-то вносит определенный сумбур в восприятие данной фигуры рядовыми читателями, интересующимися историей войны 1812 г. Также впервые в числе авторов, выдвинувших новые конструктивные идеи и версии, – не только профессиональные историки и искусствоведы, но и краеведы. (Интересная деталь: большинство авторов, выступивших с теми или иными новациями, не входят в число специалистов с многолетним опытом исследования темы войны 1812 г.) Были сформулированы новые подходы концептуального характера, внесены уточнения

относительно некоторых важных деталей, выдвинуты интересные, хотя не всегда достаточно обоснованные предположения и версии. При этом нетрудно заметить, как неточны и уязвимы порой бывают сведения, получаемые из вторых-третьих рук. Сохраняется также инерция прежних стереотипов, не критическое отношение к источникам. Но каждая новая ступень познания с закономерностью обозначает новые проблемы, ставит новые задачи исследования. Собственно, ответом на назревшую необходимость более углубленного изучения и обобщения 200-летней истории освещения темы старостихи Василисы в отечественной литературе и стали наши две статьи, выявившие в свою очередь новые проблемы, которые, на наш взгляд, еще предстоит решить.

В данной связи обратимся вновь к версии А. И. Попова, согласно которой в 1812 г. существовала реальная старостиха Василиса Кожина. Эту версию он подтвердил и в своей последней по времени обращении к сюжету о старостихе Василисе книге: «Известно, что Василиса Власьевна Кожина была женою старосты хутора Горшкова...» (Попов 2013а: 92, 93, 99). А. И. Попов, один из ведущих исследователей эпохи 1812 г., активно выступающий за очищение истории 1812 г. от советских стереотипов и мифологем, в этой цитате сам повторил несколько таких стереотипов. В настоящей статье мы показали, как у легендарной старостихи Василисы в 1940 г. появилась фамилия. О хуторе Горшково тоже стало известно в 1953 г. лишь из ничем в дальнейшем не аргументиро-

ванной статьи о Василисе Кожинной в БСЭ. Так был окончательно сформирован устойчивый стереотип, получивший статус исторического факта, а фактически — аксиомы. Никак не обосновано также появление уже в современной литературе у старостихи Василисы отчества — Власьевна.

Относительно хутора Горшково у современных авторов имеются некоторые разночтения, и здесь тоже требуются определенные уточнения. Следует согласиться с В. Б. Каплинским, что использование термина «хутор» по отношению к месту жительства старостихи Василисы некорректно. Существуют разночтения в написании названия этого населенного пункта — Горшково, Горшков (Н. А. Троицкий, А. И. Попов), Горшково (В. Б. Каплинский), а также его местоположения. Каплинский полагает, что это деревня Горшково на речке Любушке. Но с не меньшим основанием можно предположить, что автор статьи о старостихе в БСЭ имел в виду деревню Горшково (Горшково по атласу Ф. Ф. Шуберта) при речке Лосьмине, которая, к тому же, находилась всего в 3,5 верстах от Сычевок (Смоленская губерния 1868: 376). Так как эта деревня была казенной, то не исключено, что подобным образом Василису Кожину могли из идеологических соображений «перевести» из крепостных в статус государственных крестьян. Существовал и владельческий хутор Горшков, но не в Сычевском, а в Гжатском уезде той же Смоленской губернии (Там же: 160). Но все эти уточнения в конечном счете носят в значительной степени умозри-

тельный характер в свете другой версии относительно старости Василисы, которая представляется более убедительной и аргументированной и обоснованию которой была посвящена наша предыдущая статья, а именно: старостица Василиса — это мифологизированный собирательный образ народной героини — защитницы Отечества, созданный публицистами и литераторами.

А вот «партизан Василиса Кожина» (точнее — ее портрет) требует гораздо более тщательного изучения. Что, собственно, сегодня известно об этом портрете? В нашей первой статье уже сообщалось, что данный портрет и портрет Герасима Курина были впервые представлены общественности на юбилейной выставке в Москве в 1912 г. и что все сведения о изображенных мужчине и женщине, а также о художнике, заказчике и времени написания этих портретов сообщали малограмотные и не во всем понятные надписи углем на обратной стороне обоих холстов. И почти все последующее столетие эти портреты и надписи воспринимались как данность и непреложная истина, без малейших попыток критического отношения к данному источнику. Лишь краевед А. С. Маркин впервые обратил внимание на несообразность в изображении наград у Курина и Кожиной и что «при внимательном взгляде» на портреты видно, что эти награды пририсованы позже (насколько позже — на наш взгляд, предмет будущего исследования).

Но до сих пор никто не обратил столь же внимательный взгляд

на сами надписи. Здесь тоже есть существенные несообразности и настораживающие моменты, причем лежащие буквально на поверхности. В каталоге выставки 1912 г. при описании женского портрета отмечалось следующее: «Сзади выцветшая надпись: “№ 6 Москов. Вед. 1812” и более сохранившаяся (выделено нами. — Е. Н.): “Партизан 1812 г. Василиса Кожина Большую зделала России Пользу...”» (Москва 1912 г. 1912: 72). Маловероятно, что в обозначении года имела место описка автора надписи или опечатка издателей каталога. Тот же № 6 «Ведомостей» именно за 1812 г. указан и на обратной стороне портрета Курина, при этом в дальнейшем пространным тексте надписи среди прочего отмечено, вероятно, и время написания портрета: «1813 г. сен. 11 дня» (Там же: 72). В 1985 г. искусствоведы Н. Н. Гончарова и Н. А. Перевезенцева, не обратив внимания на указанный в надписях год и ориентируясь лишь на издание Д. А. Ровинского, посчитали, что автором портретов и надписей являлся карикатурист Александр Смирнов, который, по их мнению, и сослался на № 6 «Московских ведомостей» за 1813 г. как на свою в некотором роде визитную карточку (Гончарова, Перевезенцева 1985: 55–57). Именно в этом номере сообщалось о происшествии, случившемся якобы с Наполеоном под Вильно, чему и посвятил свой сатирический лист, сопровождавшийся раешными стихами, Смирнов. Следует обратить внимание на подпись внизу карикатуры: «Рисов. и стихи соч. Александр Смирнов» (Ровинский 1881: 183; Клепиков 1963: 207–208). Даже при сокращении слов в надпи-

си на карикатуре имя свое карикатурист привел полностью, в то время как в надписи на обратной стороне портрета Курина значится «А. Смирнов». Поэтому закономерен вопрос к искусствоведам: насколько типично подобное (инициалом) написание имени художников-самоучек той эпохи?

На наш взгляд, очень сомнительно, что автором надписей на обратной стороне обоих портретов был карикатурист Смирнов. Слишком разительно различие бойких и образных, даже с познанием отечественной истории, пусть тоже не безупречных грамматически 18 строк двустихий и не просто безграмотного, но и косноязычного, местами бессвязного текста, с не менее странными сокращениями, на обратной стороне портретов. (Если, конечно, не предположить, что стихи написал на компаньонских началах работавший в типографии разбитый приятель художника для более успешной продажи этого сатирического листа.) Скорее можно допустить, что надписи были сделаны кем-то иным, очень малограмотным человеком, таинственным образом ставшим обладателем этих портретов. Обращает на себя внимание также явная стилевая неоднородность надписи на обратной стороне портрета Курина: малограмотные и бессвязные фразы в начале и конце надписи, а в ее середине — вполне внятная, лишь с отдельными грамматическими ошибками справка о героических делах Курина, как будто воспроизведенная из какого-то текста о войне 1812 г. Кроме того, как отмечал А. С. Маркин, колоссальная по тем

временам денежная награда Курину в 5 тыс. руб. не имеет подтверждения в иных источниках.

Ответ не только на эти вполне резонные вопросы и сомнения могла бы дать почерковедческая и иная экспертиза указанных надписей, если только это возможно технически при их нынешнем состоянии. В частности, важно выяснить, один ли автор и в одно ли время делал пометку о №6 «Московских ведомостей» за 1812 г. и писал последующий, «более сохранившийся» текст на обратной стороне портрета Василисы Кожиной, а также: идентичен ли почерк надписей на ее портрете и портрете Курина. Возможно, есть некоторый шанс сравнить данные надписи даже с почерком карикатуриста Смирнова на его сатирическом листе: хотя на нем стихи и надпись об авторе выполнены типографским способом, но на заднем плане карикатуры Смирновым нарисована табличка: «город Вильна», близ которого Наполеон и «валялся в снегу».

Но есть еще более настораживающее в надписи на обратной стороне портрета Василисы Кожиной. Если в надписи на портрете Курина использовалась терминология той эпохи: поручик Орлов — «портезан», то о Василисе Кожиной непостижимым образом грамматически исправившийся автор пишет «партизан 1812 г. <...>». (И напомним: эта запись — «более сохранившаяся».) Но в источниках 1812 г. и во всех публикациях, вышедших до конца XIX в., участвующих в военных действиях крестьян «партизанами» никогда не называли.

И лишь на рубеже веков термин «партизан» по отношению к ним начинает появляться в популярных очерках о войне 1812 г., сразу же вызвав критику со стороны серьезных исследователей.

Даже все вышеперечисленное подводит к обоснованному подозрению, что портрет «партизана 1812 г. Василисы Кожиной» — не слишком искусная подделка, сработанная к 100-летию юбилею войны 1812 г. Указанные выше «нестыковки» настаивают и в портрете Г. Курина. По всей вероятности, оба портрета попали к состоятельному коллекционеру П. И. Щукину именно в предъюбилейные годы: ни в каталогах-альбомах «Русские портреты собрания П. И. Щукина», ни в каталоге выставки 1909 г., в которой Щукин тоже участвовал, они не зафиксированы (Русские портреты... 1900–1903; Каталог выставки... 1909).

Но кто же в таком случае изображен на портретах? Понятно, что «выцветшая надпись»: «№ 6 Москов. Вед. 1812» имела какое-то отношение либо к художнику, либо к изображенным на портретах людям. При просмотре этого номера газеты от 20 января 1812 г. никакой информации о художнике нами не было обнаружено, но среди множества разного рода объявлений внимание привлекло одно, отпечатанное как «Объявление к № 6», податель которого, по сути, извещал, что он отныне имеет честь проживать в Москве: «Недавно приехавший из чужих краев Михайла Федоров Смирнов открыл семенной магазин...» (Объявление к № 6 1812) по такому-то адресу. Надо полагать, Смирнов — это

купец, но еще не записанный в соответствующую его капиталу гильдию. И нельзя исключать, что на этих портретах изначально были изображены супруги Смирновы либо иная, безвестная супружеская пара из купеческо-мещанской среды. В пользу такого предположения говорит замечание, сделанное искусствоведом Н. Н. Гончаровой в ее статье о купеческих портретах, что портреты Курина и Кожиной имеют все признаки «дружки», т. е. парного, обычно семейного портрета: одинаковые размеры, колористическая увязка, поворот фигур друг к другу (правда, объяснялось это заказом поручика Орлова) (Гончарова 1993: 15–17).

Гончарова отмечала также, что создание купеческих портретов, на которых жены-купчихи были обычно в традиционном русском наряде, чаще праздничном, с начала XIX в. приняло массовый характер и что большинство таких портретов были анонимны. Памятуя обо всем этом и взглянув непредвзято на портрет Василисы Кожиной, вряд ли можно сказать утвердительно, что на нем изображена крестьянка, тем более — жена сельского старосты, человека по определению умудренного жизненным опытом. И возраст изображенной женщины, и ее лицо, а особенно пухлые пальцы в кольцах, и прочие атрибуты благосостояния (нити жемчуга на шее, крупные серьги, богато украшенный кокошник) — все говорит скорее о ее принадлежности к городскому, купеческому либо мещанскому сословию.

В данной связи хотелось бы еще раз обратить внимание на репро-

дукцию портрета под названием «Старостиха Василиса» в детгизовских книгах о 1812 г. Е. В. Тарле и С. Т. Григорьева (*Тарле* 1940: 339; 1941в: 63; *Григорьев* 1941: 120). И если Василиса Кожина выглядит как молодая и обласканная судьбой купчиха, то на лице «старостихи Василисы», одетой в гораздо более скромную одежду, — печать прожитых лет и нелегкого крестьянского труда. У такой хватило бы сил и смелости не только пленных французов конвоировать, но и убить строптивого пленника. Вряд ли случайно и без ведома Тарле эта репродукция дважды попала в его книгу для школьников (т.е. адресованную будущим поколениям и в надежде на иные времена), как не случайно, думается, он так и не стал, в отличие от всех остальных, употреблять в своих работах словосочетание «старостиха Василиса Кожина». Возможно, портрет этой женщины до сих пор хранится в запасниках ГИМ или иных музейных учреждений Москвы, и искусствоведам удастся его разыскать и атрибутировать.

Вопрос о том, кто являлся художником, написавшим портрет «партизанки Василисы Кожинной», в свете вышеизложенного, думается, уже не столь важен, но появилась и получает распространение версия, что автором портретов Кожинной и Курина был А. Ф. Смирнов, а не художник-самоучка А. Смирнов. Здесь, конечно, свое слово должны сказать специалисты-искусствоведы, но, думается, А. Ф. Смирнов — наименее вероятная кандидатура. К 1813 г. «Саша Смирнов» уже 6 лет обучался в Академии художеств,

которую закончил как «живописец портретный», и вряд ли он стал бы стилизовать свои портреты под народные бытовые, исполненные художником-самоучкой. В этом плане более вероятен «корикотурист» А. Смирнов, но нельзя исключать, что автор данных портретов — такой же безвестный художник-самоучка, как и авторы большинства народных бытовых портретов первой половины XIX в.

Ответы на все поставленные выше вопросы, на наш взгляд, может дать лишь серьезное комплексное исследование обоих портретов «дружки» — Василисы Кожинной и Герасима Курина, — включая почерковедческую и иную экспертизу надписей на оборотной стороне холстов и химико-технологическое исследование пририсованных наград. Любой результат этого комплексного исследования будет способствовать на примере темы старостихи Василисы отделению реальной истории Отечественной войны 1812 г. от пропагандистских мифов и иных внешних наслоений.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Алексеев 1962 — *Алексеев С. П.* Птица-слава. Рассказы об Отечественной войне 1812 года. М., 1962.

Алексеев 1979 — *Алексеев С. П.* Рассказы о русском подвиге. М., 1979.

Брагин 1984 — *Брагин М. Г.* В грозную пору: 1812 год. М., 1984.

Гусев 1952 — *Гусев В. М.* Избранное. М., 1952.

Нечкина 1941 — *Нечкина М. В.* Бессмертные традиции всенародного ополче-

ния // Комсомольская правда. 1941. 11 июля.

Объявление к №6 1812 – Объявление к №6 // Московские ведомости. 1812. №6.

Розанов 1941 – Розанов Б. Партизаны Отечественной войны 1812 года // Красная звезда. 1941. 10 июля.

Рыленков 1944 – Рыленков Н. И. Смоленские леса. Смоленск, 1944.

Смоленская губерния 1868 – Смоленская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1868.

Тарле 1941а – Тарле Е. В. Партизаны Отечественной войны // Комсомольская правда. 1941. 6 сентября.

Федоров 1941 – Федоров Е. А. Повесть о храброй и героической партизанке Василисе. Л., 1941.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андреев 1952 – Андреев Н. Б. Смоленщина в Отечественной войне 1812 г. Смоленск, 1952.

Андреев 1940 – Андреев П. Г. Народная война в Смоленской губернии в 1812 году. Смоленск, 1940.

Барф 1937 – Барф И. И. Война 1812 года // Исторический журнал. 1937. №8.

Берхин 1942 – Берхин И. Б. Отечественная война 1812 года. Молотов, 1942.

Бескровный 1972 – Бескровный Л. Г. Партизаны в Отечественной войне 1812 года // Вопросы истории. 1972. №1.

Буганов и др. 2012 – Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года. Тула, 2012.

Будаев 2001 – Будаев Д. И. Кожина Василиса // Смоленская область: энциклопедия. Смоленск, 2001. Т. 1.

Бурджалов 1946 – Бурджалов Э. Н. История СССР: Учеб. пособие для слушателей ВПШ при ЦК ВКП(б). М., 1946. Ч. 2.

Бычков 1937 – Бычков Л. Н. Война 1812 года и крестьянство России // Исторический журнал. 1937. №8.

Бычков 1938 – Бычков Л. Н. Крестьянское партизанское движение против нашествия Наполеона в России в 1812 году // Исторический журнал. 1938. №10.

Бычков 1941 – Бычков Л. Н. Партизанское движение в Отечественной войне 1812 года. М., 1941.

Война 1812 года... 2012 – Война 1812 года в культурной памяти России. М., 2012.

Гарнич 1956 – Гарнич Н. Ф. 1812 год. 2-е изд. М., 1956.

Голденков 2010 – Голденков М. А. Наполеон и Кутузов: неизвестная война 1812 года. Минск, 2010.

Гончарова 1993 – Гончарова Н. Н. Купеческий портрет конца XVIII – первой половины XIX века // «Для памяти потомству своему...». Народный бытовой портрет в России: Альбом / авторы-сост. Н. Н. Гончарова и др. М., 1993.

Гончарова, Перевезенцева 1985 – Гончарова Н. Н., Перевезенцева Н. А. Народный бытовой портрет // Художник. 1985. №1.

Гречена 2012 – Гречена Е. Война 1812 года в рубльях, предательствах, скандалах. М., 2012.

Григорьев 1941 – Григорьев С. Т. Двенадцатый год (1812). М.; Л., 1941.

Данилов, Косулина 2009 – Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XIX век: Учеб. для 8-го кл. Изд. 9-е. М., 2009.

Дмитриев 1998 – Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998.

Жилин 1988 – Жилин П. А. Отечественная война 1812 года. [3-е изд.] М., 1988.

Задонский 1941 – Задонский Н. А. Партизаны. Исторический очерк. Воронеж, 1941.

Зырянов 2010 – Зырянов П. Н. История России. XIX век: Учеб. Изд. 10-е. М., 2010.

Изгнание Наполеона... 1938 — Изгнание Наполеона из Москвы: Сб. / сост. Ф.А. Гарин. М., 1938.

Ильин-Томич 1992 — *Ильин-Томич А.А.* Кто придумал русского Сцеволу? К истории патриотического мифа // Родина. 1992. № 6–7.

История СССР 1940 — История СССР. Россия в XIX в.: Учебник / под ред. М.В. Нечкиной. М., 1940. Т. 2.

История СССР 1941а — История СССР: Учебник / под ред. В.И. Пичеты и др. М., 1941. Т. 1.

История СССР 1941б — История СССР: Учебник для 9-го класса средней школы. Изд. 2-е / под ред. А.М. Панкратовой. М., 1941.

История СССР 1983 — История СССР. С древнейших времен до 1861 года: Учебник. Изд. 5-е / под ред. П.П. Епифанцева. М., 1983.

Каплинский 2012 — *Каплинский В.Б.* Василисина правда // 1812 год: Война и мир: Материалы IV Всерос. науч. конф. Смоленск, 2012.

Каталог выставки 1909 — Каталог выставки в память Отечественной войны 1812 года. М., 1909.

Кафенгауз, Новицкий 1996 — *Кафенгауз Б.Б., Новицкий Г.А.* Герои Отечественной войны 1812 года. М., 1966.

Киселев 2014 — *Киселев В.А.* Сыновья и дочери земли Смоленской: Исторический очерк. СПб., 2014.

Клепиков 1963 — *Клепиков С.А.* Сатирические листы 1812–1813 годов // Труды ГБЛ. М., 1963. Т. 7.

Кожина Василиса 1953 — Кожина Василиса // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1953. Т. 21.

Кожина Василиса 1973 — Кожина Василиса // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1973. Т. 12.

Кожина Василиса 1977 — Кожина Василиса // Советская военная энциклопедия. М., 1977. Т. 4.

Кожина Василиса 1984 — Кожина Василиса // Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. М., 1984.

Кожина Василиса 1997 — Кожина Василиса // Шикман А.П. Деятели отечественной истории: Биограф. словарь-справ. А — К. М., 1997.

Кожина Василиса 1999 — Кожина Василиса // Военная энциклопедия. М., 1999. Т. 4.

Кожина Василиса 2006 — Кожина Василиса // Большая энциклопедия. М., 2006. Т. 22.

Кочетков 1962 — *Кочетков А.Н.* Партизанская война // 1812 год. К столетию десятилетия Отечественной войны. Сб. статей. М., 1962.

Курбанов 2012 — *Курбанов С.У.* Партизанская война в 1812 г. М., 2012.

Лазарев 2008 — *Лазарев А.В.* Герои 1812 года. М., 2008.

Левицкий 1938 — *Левицкий Н.А.* Война 1812 года. М., 1938.

Лобов 2016 — *Лобов В.Н.* Ратоборцы: исторические очерки. М., 2016.

Маркин б/д — *Маркин А.С.* Война и миф. К вопросу об отечественной историографии крестьянской самообороны от неприятеля в 1812 году. URL: www.museum.ru/museum/1812/Library/Markin1/index.html (дата обращения: 18.10.2018).

Митрошенкова 2011 — *Митрошенкова Л.В.* Год русской славы. М., 2011.

Москва 1812 г. 1912 — Москва 1812 г. // Выставка 1812 года. Каталог. М., 1912. Ч. 1.

Нарышкина 2004 — *Нарышкина Н.А.* Отечественная война 1812 г. в изобразительном искусстве // Клио. 2004. № 3.

Нахимов 2012 — *Нахимов А.П.* Русский оплот на Смоленщине. Боевые действия в Сычевском уезде // 1812 год: Война и мир: материалы III Всерос. науч. конф. Смоленск, 2012.

Нахимов, Верховская 2012 — Нахимов А. П., Верховская Л. А. Смолене против Наполеона. М., 2012.

Нестеров, Пантелеева 2013 — Нестеров Е. А., Пантелеева Е. В. Отечественная война 1812 г. и русские женщины // 200-летие победы России в Отечественной войне 1812 года: новые подходы к изучению и преподаванию социально-гуманитарных наук и преодолению фальсификаций отечественной истории: материалы междунар. конф. СПб., 2013.

Нечкина, Жилин 1962 — Нечкина М. В., Жилин П. А. Бессмертная эпопея // Коммунист. 1962. № 12.

Окунь 1939 — Окунь С. Б. История СССР. Годы 1796–1856: Курс лекций. Л., 1939. Вып. 1.

Окунь 1947 — Окунь С. Б. История СССР. 1796–1825: Курс лекций. Л., 1947.

Орлик 1987 — Орлик О. В. «Гроза двенадцатого года...» М., 1987.

Попов 2000 — Попов А. И. Партизаны и народная война в 1812 году // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы VIII Всерос. конф. Можайск, 2000.

Попов 2003 — Попов А. И. Русские амазонки, Геркулес, Сцевола и Иван Сусанин 1812 года // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. Вып. Новые гуманитарные исследования. Самара, 2003.

Попов 2004 — Попов А. И. Кожина Василиса // Отечественная война 1812 года: энциклопедия. М., 2004.

Попов 2012 — Попов А. И. Кожина Василиса // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов: энциклопедия. М., 2012. Т. 2.

Попов 2013а — Попов А. И. «Война необыкновенная»: малая война в Смоленской губернии в 1912 г. М., 2013.

Попов 2013б — Попов А. И. «Дубина народной войны»: система кордонов в 1812 году // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы. М., 2013.

Ровинский 1881 — Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. II.

Ростунов 1962 — Ростунов И. И. На Старой Смоленской дороге. М., 1962.

Русские портреты... 1900–1903 — Русские портреты собрания П. И. Щукина в Москве. М., 1900–1903. Вып. 1–4.

Сахаров, Боханов 2012 — Сахаров А. Н., Боханов А. Н. История России XVIII–XIX века: Учеб. Изд. 10-е. М., 2012. Ч. 2.

Сироткин 1988 — Сироткин В. Г. Отечественная война 1812 года. М., 1988.

Смирнов 2012 — Смирнов А. А. Доблесть бессмертна. Памятники Отечественной войне 1812 года. М., 2012.

Суданов 2012 — Суданов Г. 1812 год. Всё было не так! М., 2012.

Тарле 1938 — Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938.

Тарле 1940 — Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М.; Л., 1940.

Тарле 1941б — Тарле Е. В. Две отечественные войны. М.; Л., 1941.

Тарле 1941в — Тарле Е. В. Отечественная война 1812 года и разгром империи Наполеона. М.; Л., 1941.

Ташлыков 2009 — Ташлыков С. Л. Кожина Василиса // Большая российская энциклопедия. М., 2009. Т. 14.

Троицкий 1988 — Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988.

Федосов 1980 — Федосов И. А. История СССР: Учебник для 8 класса. Изд. 15-е. М., 1980.

Червяков 1941 — Червяков Д. Е. Партизанское движение в Отечественной войне 1812 года. М.; Л., 1941.

Червяков 1953 — Червяков Д. Е. Партизанское движение в период подготовки и проведения Кутузовым контрнаступления в 1812 году. М., 1953.

Юбилейный справочник... 1915 — Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914 / сост. С. Н. Кондаков. СПб., [1915]. Т. 2.

THE SEQUEL OF THE LEGEND: "STAROSTIKHA VASILISA" IN SOVIET AND POST-SOVIET LITERATURE

Nesterov Evgeny A. — candidate of historical Sciences, associate Professor, St. Petersburg State marine technical University (St. Petersburg)

Key words: Patriotic War of 1812, Starostikha Vasilisa, Vasilisa Kozhina, patriotic myth-making, Soviet and post-Soviet historiography

Abstract. The article completes the historiographic study of the theme of Starostikha (the wife of the village headman) Vasilisa in Russian literature. The development of patriotic myth-making in Soviet literature, the transformation of the collective image of the legendary Starostikha in the concretized figure "wife of the village headman Vasilisa Kozhina" is shown. Focusing on the analysis of modern literature, the author raises the question of the need to overcome the inertia of the old stereotypes and myths, the problems that remain to be solved. Among the author's versions there is a reasoned assumption that the portrait of "the partisan of 1812 Vasilisa Kozhina" is a fake made for the 100th anniversary of the war of 1812 and a comprehensive investigation of this portrait is necessary.

REFERENCES

Andreev N.B. *Smolenshchina v Otechestvennoi voine 1812 g.* Smolensk, 1952.

Andreev P.G. *Narodnaia voina v Smolenskoii gubernii v 1812 godu.* Smolensk, 1940.

Barer I.I. *Voina 1812 goda. Istoricheskii zhurnal*, 1937, no. 8.

Berkhin I.B. *Otechestvennaia voina 1812 goda.* Molotov, 1942.

Beskrovnyi L.G. *Partizany v Otechestvennoi voine 1812 goda. Voprosy istorii*, 1972, no. 1.

Budaev D.I. *Kozhina Vasilisa. Smolenskaia oblast': entsiklopediia.* Smolensk, 2001, vol. 1.

Burdzhalov E.N. *Istoriia SSSR: Ucheb. posobie dlia slushatelei VPSH pri TsK VKP(b).* Moscow, 1946, ch. 2.

Bychkov L.N. *Krest'ianskoe partizanskoe dvizhenie protiv nashestviia Napoleona v Rossii v 1812 godu. Istoricheskii zhurnal*, 1938, no. 10.

Bychkov L.N. *Partizanskoe dvizhenie v Otechestvennoi voine 1812 goda.* Moscow, 1941.

Bychkov L.N. *Voina 1812 goda i krest'ianstvo Rossii. Istoricheskii zhurnal*, 1937, no. 8.

Cherviakov D.E. *Partizanskoe dvizhenie v Otechestvennoi voine 1812 goda.* Moscow; Leningrad, 1941.

Cherviakov D.E. *Partizanskoe dvizhenie v period podgotovki i provedeniia Kutuzovym kontrnastupleniia v 1812 godu.* Moscow, 1953.

Danilov A.A., Kosulina L.G. *Istoriia Rossii. XIX vek: Ucheb. dlia 8-go kl.* Izd. 9-e. Moscow, 2009.

Dmitriev M.A. *Glavy iz vospominanii moei zhizni.* Moscow, 1998.

Fedosov I.A. *Istoriia SSSR: Uchebnik dlia 8 klassa.* Izd. 15-e. Moscow, 1980.

Garnich N.F. *1812 god.* 2-e izd. Moscow, 1956.

Goldenkov M.A. *Napoleon i Kutuzov: neizvestnaia voina 1812 goda.* Minsk, 2010.

Goncharova N.N. *Kupecheskii portret kontsa XVIII — pervoi poloviny XIX veka. "Dlia pamiati potomstvu svoemu...". Narodnyi bytvoi portret v Rossii: Al'bom, avtory-sost. N.N. Goncharova i dr.* Moscow, 1993.

- Goncharova N.N., Perevezentseva N.A. Narodnyi bytovoi portret. *Khudozhnik*, 1985, no. 1.
- Grechena E. *Voina 1812 goda v rubliakh, predatel'stvakh, skandalakh*. Moscow, 2012.
- Grigor'ev S. T. *Dvenadtsati god (1812)*. Moscow; Leningrad, 1941.
- Il'in-Tomich A.A. Kto pridumal russkogo Stsevolu? K istorii patrioticheskogo mifa. *Rodina*, 1992, no. 6–7.
- Istoricheskaiia pamiat' russkogo naroda ob Otechestvennoi voine 1812 goda*. Tula, 2012.
- Istoriia SSSR. Rossiia v XIX v.:* Uchebnik, pod red. M. V. Nechkinoi. Moscow, 1940, vol. 2.
- Istoriia SSSR. S drevneishikh vremen do 1861 goda:* Uchebnik. Izd. 5-e, pod red. P.P. Epifantseva. Moscow, 1983.
- Istoriia SSSR:* Uchebnik dlia 9-go klassa srednei shkoly. Izd. 2-e, pod red. A.M. Pankratovoi. Moscow, 1941.
- Istoriia SSSR:* Uchebnik, pod red. V.I. Pichety i dr. Moscow, 1941, vol. 1.
- Iubileinyi spravochnik Imperatorskoi Akademii khudozhestu. 1764–1914*, sost. S.N. Kondakov. St. Petersburg, [1915], vol. 2.
- Izgnanie Napoleona iz Moskvy:* Sb., sost. F.A. Garin. Moscow, 1938.
- Kafengauz B.B., Novitskii G.A. *Geroi Otechestvennoi voiny 1812 goda*. Moscow, 1966.
- Kaplinskii V. B. Vasilisina pravda. *1812 god: Voina i mir:* Materialy IV Vseros. nauch. konf. Smolensk, 2012.
- Katalog vystavki v pamiat' Otechestvennoi voiny 1812 goda*. Moscow, 1909.
- Kiselev V.A. *Synov'ia i docheri zemli Smolenskoi:* Istoricheskii ocherk. St. Petersburg, 2014.
- Klepikov S.A. Satiricheskie listy 1812–1813 godov. *Trudy GBL*. Moscow, 1963, vol. 7.
- Kochetkov A. N. Partizanskaia voina. *1812 god. K stopiatidesiatiletiiu Otechestvennoi voiny.* Sb. statei. Moscow, 1962.
- Kozhina Vasilisa. *Bol'shaia entsiklopediia*. Moscow, 2006, vol. 22.
- Kozhina Vasilisa. *Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia*. 2-e izd. Moscow, 1953, vol. 21.
- Kozhina Vasilisa. *Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia*. 3-e izd. Moscow, 1973, vol. 12.
- Kozhina Vasilisa. Shikman A. P. *Deiateli otechestvennoi istorii: Biogr. slovar'spravu. A – K*. Moscow, 1997.
- Kozhina Vasilisa. *Sovetskaia voennaia entsiklopediia*. Moscow, 1977, vol. 4.
- Kozhina Vasilisa. *Sovetskii entsiklopedicheskii slovar'*. 3-e izd. Moscow, 1984.
- Kozhina Vasilisa. *Voennaia entsiklopediia*. Moscow, 1999, vol. 4.
- Kurbanov S. U. *Partizanskaia voina v 1812 g.* Moscow, 2012.
- Lazarev A.V. *Geroi 1812 goda*. Moscow, 2008.
- Levitskii N.A. *Voina 1812 goda*. Moscow, 1938.
- Lobov V.N. *Ratobortsy: istoricheskie ocherki*. Moscow, 2016.
- Markin A.S. *Voina i mif. K voprosu ob otechestvennoi istoriografii krest'ianskoi samooborony ot nepriatel'ia v 1812 godu*. URL: www.museum.ru/museum/1812/Library/Markin1/index.html (data obrashcheniia: 18.10.2018).
- Mitroschenkova L.V. *God russkoi slavy*. Moscow, 2011.
- Moskva 1812 g. 1912 – Moskva 1812 g. *Vystavka 1812 goda*. Katalog. Moscow, 1912, ch. 1.
- Nakhimov A.P. Russkii oplot na Smolenshchine. Boevye deistviia v Sychevskom uезде. *1812 god: Voina i mir:* materialy III Vseros. nauch. konf. Smolensk, 2012.
- Nakhimov A. P., Verkhovskaia L.A. *Smoliane protiv Napoleona*. Moscow, 2012.
- Naryshkina N.A. Otechestvennaia voina 1812 g. v izobrazitel'nom iskusstve. *Klio*, 2004, no. 3.

- Nechkina M.V., Zhilin P.A. Bessmertnaia epopeia. *Kommunist*, 1962, no. 12.
- Nesterov E.A., Panteleeva E.V. Otechestvennaia voina 1812 g. i russkie zhenshchiny. *200-letie pobedy Rossii v Otechestvennoi voine 1812 goda: novye podkhody k izucheniiu i prepodavaniuu sotsial'no-gumanitarnykh nauk i preodoleniiu fal'sifikatsii otechestvennoi istorii: materialy mezhdunarod. konf.* St. Petersburg, 2013.
- Okun' S.B. *Istoriia SSSR. 1796–1825: Kurs lektsii.* Leningrad, 1947.
- Okun' S.B. *Istoriia SSSR. Gody 1796–1856: Kurs lektsii.* Leningrad, 1939, vyp. 1.
- Orlik O.V. "Groza dvenadtsatogo goda..." Moscow, 1987.
- Popov A.I. "Dubina narodnoi voiny": sistema kordonov v 1812 godu. *Epokha 1812 goda v sud'bah Rossii i Evropy.* Moscow, 2013.
- Popov A.I. "Voina neobyknovennaia": malaia voina v Smolenskoj gubernii v 1912 g. Moscow, 2013.
- Popov A.I. Kozhina Vasilisa. *Otechestvennaia voina 1812 goda i osvoboditel'nyi pokhod russkoj armii 1813–1814 godov: entsiklopediia.* Moscow, 2012, vol. 2.
- Popov A.I. Kozhina Vasilisa. *Otechestvennaia voina 1812 goda: entsiklopediia.* Moscow, 2004.
- Popov A.I. Partizany i narodnaia voina v 1812 godu. *Otechestvennaia voina 1812 goda. Istochniki. Pamiatniki. Problemy: materialy VIII Vseros. konf.* Mozhaisk, 2000.
- Popov A.I. Russkie amazonki, Gerkules, Stsevola i Ivan Susanin 1812 goda. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN.* Spets. Vyp. Novye gumanitarnye issledovaniia. Samara, 2003.
- Rostunov I.I. *Na Staroi Smolenskoj doroge.* Moscow, 1962.
- Rovinskii D.A. *Russkie narodnye kartinki.* St. Petersburg, 1881, kn. II.
- Russkie portrety sobraniia P. I. Shchukina v Moskve.* Moscow, 1900–1903, vyp. 1–4.
- Sakharov A. N., Bokhanov A. N. *Istoriia Rossii XVIII–XIX veka: Ucheb. Izd.* 10-e. Moscow, 2012, ch. 2.
- Sirotkin V.G. *Otechestvennaia voina 1812 goda.* Moscow, 1988.
- Smirnov A.A. *Doblest' bessmertna. Pamiatniki Otechestvennoi voine 1812 goda.* Moscow, 2012.
- Sudanov G. *1812 god. Vse bylo ne tak!* Moscow, 2012.
- Tarle E.V. *Dve otechestvennye voiny.* Moscow; Leningrad, 1941.
- Tarle E.V. *Nashestvie Napoleona na Rossiiu. 1812 god.* Moscow, 1938.
- Tarle E.V. *Nashestvie Napoleona na Rossiiu. 1812 god.* Moscow; Leningrad, 1940.
- Tarle E.V. *Otechestvennaia voina 1812 goda i razгром imperii Napoleona.* Moscow; Leningrad, 1941.
- Tashlykov S.L. Kozhina Vasilisa. *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia.* Moscow, 2009, vol. 14.
- Troitskii N.A. *1812. Velikii god Rossii.* Moscow, 1988.
- Voina 1812 goda v kul'turnoi pamiati Rossii.* Moscow, 2012.
- Zadonskii N.A. *Partizany. Istoricheskii ocherk.* Voronezh, 1941.
- Zhilin P.A. *Otechestvennaia voina 1812 goda.* [3-e izd.] Moscow, 1988.
- Zyrianov P.N. *Istoriia Rossii. XIX vek: Ucheb. Izd.* 10-e. Moscow, 2010.

Д. К. Кнорре

Рец.: Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918: Сборник документов. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

Ключевые слова: Украина, Украинская держава, Павел Петрович Скоропадский, гетманат, гетман, Гражданская война 1918–1922, Украинская народная республика (УНР).

Аннотация. Рецензируется сборник документов «Гетман П. П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918: Сборник документов. М.: Политическая энциклопедия, 2014». В сборник вошло 33 документа, разделенных по тематике на две части. В первую включены воспоминания членов гетманского правительства разных составов. Во второй части публикуются материалы Верховной следственной комиссии Украинской народной республики (УНР), которая была создана после свержения Скоропадского для расследования деятельности его режима. Особое внимание в рецензии уделяется двум вступительным статьям. Первая – авторства украинского историка, доктора исторических наук Д. В. Табачника, вторую подготовили российские исследователи – доктор исторических наук А. Н. Артизов и кандидат философских наук О. К. Иванцова.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-1-184-189

В 2018 г. исполнилось сто лет Украинской державе во главе с Павлом Скоропадским. Это государственное образование просуществовало всего 7 месяцев, с апреля по декабрь 1918 г., однако до сих пор этот недолгий период гетманского режима на Украине и сама личность Скоропадского вызывают множество дискуссий и в научной среде, и в более широкой аудитории. Гетманат заслужил репутацию авторитарной диктатуры, но звучат голоса и в оправдание политики гетмана.

© Д. К. Кнорре, 2019
Кнорре Дарья Кирилловна – младший научный сотрудник Центра истории России, Украины

В российской историографии монографий, посвященных Скоропадскому, пока нет, в то время как на Украине личности гетмана было посвящено немало научных работ, в том числе монография историка Р. Я. Пирога (*Pirig* 2011).

Сюжет гетманата затрагивается и в российских работах обобщающего характера (История Украины 2015: 287–291; *Шубин* 2018: 99–107; 550–551). Данный сборник документов вводит в научный оборот значи-

и Белоруссии Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН) (Москва); daryaknorre@gmail.com

тельный объем новых материалов. Это солидное издание может стать важным подспорьем для изучения истории Украины 1918 г.

В сборник вошло 33 документа, разделенных по тематике на две части. В первую вошли воспоминания членов гетманского правительства разных составов — министров и товарищей министров, представителей местных органов власти — уездных и губернских старост, военных и финансовых деятелей. Во второй части публикуются материалы Верховной следственной комиссии Украинской народной республики (УНР), которая была создана после свержения Скоропадского для расследования деятельности его режима. Среди документов — постановления Комиссии и протоколы допросов чиновников правительства гетмана. Сборник документов сопровождается примечаниями, именными указателями и комментариями, географическим указателем, списком сокращений, что значительно упрощает работу с материалом. Кроме того, в книге публикуется 15 исторических фотографий из украинских фондов. В конце издания приведен перечень этих иллюстраций, в котором указаны содержание, место и дата съемки.

Сборник документов предваряют две вступительные статьи. Первая — авторства Д. В. Табачника, доктора исторических наук. Широкому читателю он более известен как бывший министр образования и науки Украины.

Д. В. Табачник очевидно придерживается прогетманских взглядов, на-

зывая Украинскую державу «островом безопасности и благополучия» (с. 8). И это несмотря на массовые выступления рабочих и крестьян, в том числе вооруженные, происходившие в период правления Скоропадского. В июне 1918 г. по инициативе эсеров восстали крестьяне Звенигородского и Таращанского уездов Киевской губернии. Один из лидеров таращанских партизан Ф. Гребенко возглавил крестьянскую армию в несколько тысяч человек. Летом 1918 г. на Киевщине действовало до 40 тыс. повстанцев — националистов, левых эсеров и большевиков. На Черниговщине (Нежинщине) штаб повстанцев возглавил подполковник большевик Н. Кропивянский, в отрядах которого сражались и эсеры, и большевики. В июле началась забастовка железнодорожников. На Украине возникло более 190 ревкомов и около 180 партизанских отрядов. В это время свою военную деятельность начал один из наиболее известных повстанческих лидеров Украины Н. Махно (*Шубин* 2018: 106–107). Так что «остров безопасности и благополучия» быстро скрылся в пучине восстаний и бедности — тем более что оккупанты вывозили с Украины продовольствие. Даже в представленном сборнике, хотя и в небольших объемах, есть сведения об этих процессах. Товарищ министра внутренних дел в правительстве Лизогуба В. Рейнбот пишет: «...во всех случаях предпринимавшихся чужеземными отрядами карательных экспедиций Ф. А. Лизогуб “умывал руки”, выражая словесно соболезнования пострадавшим крестьянам и одновременно разделяя и убеждая, что ответственность всецело

и исключительно лежит на немецких командирах отрядов.

Увы, таких экспедиций было немало. Производились они и по почину немецких лейтенантов и ротмистров по непроверенным доносам о готовящихся нападениях, или по почину некоторых помещиков, торопившихся поскорее покарать крестьян и отобрать у них захваченное в месяцы своеволия... Прямым, естественным последствием экспедиций было чрезвычайное озлобление населения против прямых карателей, и против гетманской власти, не умевшей его уберечь от несправедливости.

Озлобление вызывало новые враждебные выступления, а последнее – новые экспедиции». Если бы Д. В. Табачник внимательнее читал документы сборника, к которому взялся писать предисловие, он и сам мог бы убедиться, что стабильность и благосостояние были характерны разве что для дворца Скоропадского, да и то пока его охраняли немцы (с. 66–67).

В начале статьи Д. В. Табачник рассуждает о механизмах становления гетманского режима: «Называющие гетмана «немецким ставленником» забывают о том, что немцев и австрийцев призвала и привела на Украину именно Рада, а не генерал Скоропадский. Последний, как прагматик, просто вынужден был считаться с их военным присутствием» (с. 10). Речь, очевидно, идет о подписании 9 февраля 1918 г. мирного договора между УНР и Центральными державами в Брест-Литовске, а также договоренностях командова-

ния Центральной Рады с немецким и австро-венгерским командованием о военной помощи против советских войск на территории Украины. Любопытно, что этот дипломатический шаг делегации УНР многие украинские историки также называют вынужденной мерой. Стоит отметить, что участие Германии в свержении Центральной рады и приходе к власти гетмана хорошо изучено. Немецкая военная контрразведка участвовала в отборе кандидатов на пост будущего диктатора. Рассматривались три претендента на роль украинского главы – П. Скоропадский, И. Луценко, И. Полтавец-Острияниц. Другие немецкие спецслужбы предлагали, помимо Скоропадского, Н. Михновского и Е. Чикаленко (*Солдатенко* 2012: 189).

Очевидна и роль германских войск в самом разгоне Центральной рады и предотвращении сопротивления установлению власти гетмана. Так что, при всей важности зависимости УНР от Германии, это обстоятельство никак не опровергает тот факт, что Скоропадский был немецким ставленником.

Устоявшийся термин «гетманский переворот» Табачник считает неточным. Автор утверждает, что по сути переворота и не было, «Скоропадский <...> принял на себя <...> ношу власти, чтобы сохранить независимость Украины и предотвратить введение прямого оккупационного правления» (с. 12). Однако между прямым оккупационным правлением и независимостью есть и другие состояния, и Украинскую державу нельзя назвать независимой. В реализации своей внутрен-

ней и внешней политики Скоропадский был связан предварительными условиями: строгое соблюдение брестских экономических соглашений, подавление крестьянского движения и антинемецкой оппозиции. Этого не скрывал и сам гетман (*Скоропадский* 1995: 147–148).

Далее Д. В. Табачник рассуждает: «Установление поддержанного большинством населения гетманского правления резко изменило ситуацию на Украине, в которой начала постепенно воцаряться стабильность, разумеется, в пределах, возможных во время мировой и идущей на границах страны Гражданской войн» (с. 13). Ничем не подкрепленными здесь выглядят сразу два тезиса — о поддержке гетмана большинством населения и о стабильности. Вывоз продовольствия и другого сырья согласно брестским договоренностям, а также производ в отношении крестьянства привели к обострению продовольственного кризиса, безработице и, как следствие, к увеличению рабочего дня. В июле 1918 г. развернулось массовое забастовочное движение, начавшееся с железнодорожников.

Особую роль Д. В. Табачник отводит роли съезда хлеборобов, призвавших Скоропадского к власти: «Призвавшие Скоропадского к власти на своем съезде “хлеборобы” представляли несравненно большее количество населения, чем деятели политически и морально обанкротившейся Рады. <...> “Хлеборобы” были не ряженой массовой, как об этом писали поколения ангажированных историков, а подлинными выразителями мнения на-

стоящей трудовой Украины» (с. 12). Стоит отметить: за Центральной радой стоял значительный электорат, что входившие в нее партии доказали на выборах в Учредительное собрание. Конечно, авторитет Рады падал, но Д. В. Табачник не привел никаких доказательств того, что организаторы съезда хлеборобов имели большее влияние, чем партии Центральной рады. Когда немцы уйдут, эти партии без большого труда сметут режим Скоропадского в ноябре — декабре 1918 г.

Более серьезное впечатление производит вступительная статья российских авторов доктора исторических наук А. Н. Артизова и кандидата философских наук О. К. Иванцовой. Подробно разбираются историография вопроса и источники по истории Гетманата. В частности, авторы анализируют и классифицируют документы, вошедшие в сборник.

На с. 32–40 подробно и интересно рассмотрены отношения Скоропадского с Красновым, Деникиным, а также с кадетами, которые встали перед трудным вопросом поддержки гетманского режима, традиционно поддерживая Антанту.

Однако не со всеми утверждениями авторов можно согласиться. Авторы статьи противопоставляют национализм Скоропадского национализму лидеров Центральной рады: «Для украинских националистических кругов всегда было свойственно противопоставление Украины и России, выдвигание украинской идеи вопреки всему русскому. Напротив, для П. П. Скоропадского характер-

но понимание необходимости развития самостоятельной украинской государственности не вопреки, а в тесной связи и союзе с Россией» (с. 28). Однако стоит напомнить, что до начала вооруженного конфликта с советской Россией лидеры Центральной рады выступали не за независимость, а за широкую автономию Украины в федеративной демократической республике Россия.

Определяя место Скоропадского в системе политических координат, российские исследователи пытаются уйти от устоявшихся в историографии характеристик его режима как крайне правого: «Противники П. П. Скоропадского обвиняли его в крайне правых взглядах. Однако крайне правым он не был. Институт гетманата исторически не являлся монархическим в строгом смысле слова. Гетманат 1918 г. тем более не являлся таковым. Права и свободы граждан, предоставление широких полномочий совету министров, подготовка созыва Государственного собрания — все это имело место при П. П. Скоропадском» (с. 30). Чисто формально всегда есть еще более «правые», чем даже очень правый правитель. И все же Скоропадский находился на правом полюсе политическом спектра Украины того времени, и еще более правые группы не были влиятельны. Известно, что правые и праворадикальные режимы могут вовсе не быть монархическими и допускать парламенты с крайне ограниченными или формальными полномочиями. Очевидно, что слова «права и свободы граждан» в этом контексте имеют очень ограниченное наполнение.

«Для самого П. П. Скоропадского желаемая свобода, равно как и национальное самовыражение, были достижимы лишь при наличии в государстве сильной единоличной власти в форме института гетманата», — пишут исследователи, лишь подтверждая мнение историков, называющих политический строй Украинской державы правым и авторитарным.

Сам сборник документов, который состоит преимущественно из текстов деятелей Украинской державы, демонстрирует прежде всего взгляд на ситуацию справа. Читая сборник, мы смотрим на Скоропадского глазами адвокатов его режима, которые пытаются оправдать и себя. Такой взгляд, при всей его однобокости — хорошее дополнение к картине событий, написанной критиками Скоропадского. Однако читателям сборника нельзя забывать об этой особенности данного издания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

История Украины 2015 — История Украины. М.: Алетея, 2015.

Пиріг 2011 — *Пиріг Р. Я.* Українська гетьманська держава 1918 року. Історичні нариси. К.: Інститут історії України, 2011.

Скоропадский 1995 — *Скоропадский П.* Спогади. Кінець 1917 — грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995.

Солдатенко 2012 — *Солдатенко В. Ф.* Гражданская война в Украине. 1917–1920 гг. М., 2012.

Шубин 2018 — *Шубин А. В.* 1918 год. Революция, кровью омытая. М.: Академический проект, 2018.

Rev.: Getman P. P. Skoropadskii. Ukraina na perelome. 1918: Sbornik dokumentov. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2014.

Knorre Daria K. – Institute of World History of RAS, Junior research fellow (JRF) (Moscow)

Key words: Ukraine, The Ukrainian State, Pavlo Skoropadskyi, the Hetmanate, the Hetman, Russian Civil War 1918–1922, Ukrainian People's Republic.

Abstract. This book review is dedicated to the collection of documents “Hetman P. Skoropadskyi. Ukraine is at a tipping point. 1918. The collection of documents. Moscow: Political encyclopedia, 2014”.

The book includes 33 documents, divided in two chapters. The first chapter includes the memories of Hetman government members, the second chapter contains the documents of Ukrainian People Republic’s Supreme commission of inquiry, which was founded to investigate the activities of his regime after Skoropadskyi was overthrown. The review focuses on two introductory articles. The author of the first article – the Ukrainian historian, Doctor of Historical Sciences D. Tabachnik, the second one was prepared by Russian researchers – Doctor of Historical Sciences A. Artizov and Ph. D. O. Ivantsova.

REFERENCES

Istoriia Ukrainy. Moscow: Aleteia, 2015.

Pirig R.Ia. *Ukrains'ka get'mans'ka derzhava 1918 roku. Istorichni narisi.* Kiev: Institut istorii Ukraïni, 2011.

Shubin A.V. *1918 god. Revoliutsiia, krov'iu omytaia.* Moscow: Akademicheskii proekt, 2018.

Skoropadskii P. *Spogadi. Kinets' 1917 – gruden' 1918.* Kiïv; Filadel'fiia, 1995.

Soldatenko V.F. *Grazhdanskaia voina v Ukraine. 1917–1920 gg.* Moscow, 2012.

А. Т. Безаров

БРАТЯ ПОНЕВОЛЕ

Рец.: Капеллер А. Нерівні брати. Українці та росіяни від середньовіччя до сучасності / пер. з нім. В. Кам'янець. Чернівці: Книги-XXI, 2018. 320 с.

Ключевые слова: история русско-украинских отношений, «перекрестная история», национальный нарратив истории, асимметричность отношений, Россия, Украина.

Аннотация. В рецензии проанализирована монография А. Капеллера «Неравные братья. Украинцы и русские со времен средневековья до современности». Сделан вывод о том, что очередная книга известного австрийско-швейцарского историка, переведенная на украинский язык, позволяет переосмыслить историю русско-украинских отношений с помощью предложенного автором метода «перекрестной истории».

DOI 10.31754/2409-6105-2019-1-190-201

История межнациональных отношений является такой отраслью исторического знания, которая вызывает живой интерес не только со стороны профессиональных ученых, но и среди политиков, государственных и общественных деятелей, поскольку знания о том, какими были эти отношения в прошлом, будут определять стратегию их развития в будущем. Из истории нам известны примеры, когда межнациональные отношения не всегда представляют собой гармоничный и безоблачный процесс межнационального взаимопонимания и мира. Обычно поиск политического кон-

сенса в отношениях между разными национальностями и народами затягивался на десятилетия и даже столетия, что, несомненно, тормозило экономическое и политическое развитие государства, усложняло процессы межкультурной коммуникации, обостряло социальные конфликты в обществе.

К сожалению, современные российско-украинские отношения, которые замерли в точке политического противостояния двух некогда союзных государств, слишком далеки от конструктивного диалога. Резкое похолодание в российско-украинских отношениях после известных событий на Майдане в Киеве в 2014 г., военный конфликт на Донбассе и аннексия Крыма изменили исторический контекст во взаимоотношениях России и Украины, создали прецедент для

© А. Т. Безаров, 2019

Безаров Александр Троянович – кандидат исторических наук, доцент, ассистент кафедры истории Нового и Новейшего времени Черновицкого национального университета имени Юрия Федьковича (Черновцы, Украина); alex.bezarov@gmail.com

цивилизационного разлома в национальном сознании украинцев и россиян. Очевидно, что взаимные обвинения и упреки подогревают информационную войну между Россией и Украиной, приносят дивиденды третьим силам в этом остром международном конфликте. Не последнюю роль в эскалации конфликта играют исторические мифы, которые активно тиражируются средствами массовой информации, эксплуатируются российскими и украинскими политиками для достижения своих определенных целей. Все это вместе взятое загоняет ситуацию в глухой угол международной политики, осложняет поиск компромиссных решений, создает непреодолимый барьер в межкультурном (межличностном) диалоге, отвлекает, наконец, от решения более насущных проблем экономического развития Украины и России.

Необходимость в комплексном изучении истории русско-украинских отношений обусловлена не только сложной конъюнктурой современной политической жизни двух народов, дефицитом взвешенных подходов в урегулировании конфликта, но и отсутствием фундаментального исторического исследования, в котором была бы показана история украинцев и русских сквозь призму их взаимоотношений. Безусловно, что решение этой непростой задачи объективного анализа истории русско-украинских отношений невозможно без национальной и политической беспристрастности исследователей. Быть «поверх барьеров» для историка межнациональных отношений сегодня, увы, куда сложнее, чем даже придерживаться

строгой хронологии исторических событий. Не так важен исторический факт, как его оценка, интерпретация. Новая публикация известного австрийско-швейцарского профессора восточноевропейской истории Венского университета академика А. Каппелера, на наш взгляд, во многом решает обозначенную выше задачу.

Интерес к этой книге вызван не только поставленными перед ней научными целями, но и личностью автора, который является общепризнанным специалистом по истории национальных отношений в Российской империи¹. Результаты его научных исследований на протяжении вот уже трех десятилетий определяют концептуальные подходы в изучении российской и украинской истории в западноевропейской историографии. Впервые представленная в Черновцах украинскому читателю монография А. Каппелера является важной по своему общественно-политическому значению, научной новизне и актуальности попыткой западного ученого отразить русско-украинские отношения в исторической ретроспективе с тем, чтобы понять причины современного конфликта двух государств. Как заметил на презентации книги ее автор, данное исследование было адресовано вначале европейскому читателю, что, на наш взгляд, несомненно, делает его особенно актуальным как в Украине, так и в России.

¹ Работы А. Каппелера хорошо известны не только в Западной Европе, но и в России и Украине. Например, см.: *(Каппелер 2000; 2005; 2007; 2011a)*.

В целом А. Каппелер сформулировал для себя сложную задачу, а именно: «дать краткий обзор истории украинско-российских отношений» (с. 18), проанализировать исторические предпосылки в отношениях России и Украины, изучить вопросы «перекрестной истории» украинского и русского народов (с. 9) сквозь призму существующей сегодня в обеих странах культуры памяти, исторической политики, разнообразных рецепций и нарративов. Под «перекрестной историей» автор понимает историю взаимодействия «приближений» и «удалений», асимметрию русско-украинских отношений в Российской империи и Советском Союзе (с. 13). Большинство изложенных в книге исторических фактов и процессов, как отмечал А. Каппелер, наверняка уже известны украинскому (как, впрочем, и российскому) читателю, но ценность этого исследования, как нам кажется, состоит в самом его концептуальном подходе, когда история России и Украины рассматривается как история вначале одного (интернационального), а потом и двух (национальных) проектов государственного строительства. Таким образом, А. Каппелер не анализирует здесь моменты исторической встречи двух народов и не проводит никаких параллелей между событиями современной истории русско-украинских отношений и процессами из более ранних исторических периодов. Он попытался переосмыслить исторический феномен «русско-украинского братства» вне российского или украинского нарратива, но в контексте сравнительного анализа истории России и Украины. В свя-

зи с этим нельзя не согласиться с авторским замечанием по поводу того, что в современной Украине знания об истории России столь же незначительны, как и в России знания про историю Украины. Более того, в современной российской историографии «нет места для украинцев, которые выступают в роли объекта, но никак не субъектов истории» (с. 18).

Собственно сама авторская концепция разворачивается только в пятом разделе книги с характерным названием «Две поздние нации», в котором отмечается, что украинцы и русские являются «молодыми» нациями², а как национальные государства существуют всего четверть века. Для А. Каппелера очевидным является тот факт, что украинцы выступают в роли не только «поздней», но и «неожиданной» нации, а некоторые исследователи, как подчеркивал ученый, даже выражали сомнения в том, что украинцы вообще были нацией (с. 100), тогда как русские имели непрерывную традицию государственности. Следовательно, русские со времен средневековья и вплоть до распада СССР жили в одном государстве, однако, как это ни парадоксально, собственно российское государство, в отличие от западноевропейских моделей нациостроительства, было не ядром, а тормозом на пути строительства русской нации (с. 101). А. Каппелер здесь, очевидно, обратился к теории известного британского историка Дж. Хоскинга, который не безосновательно полагал,

² В своих более ранних произведениях А. Каппелер, однако, относил русских к «старым» нациям (*Каппелер* 2000: 177).

что с середины XVII в. имперское государство русских неожиданно отказалось от западноевропейских примеров «изобретенной традиции» в процессе собственного националстроительства и таким образом помешало развитию русской нации (Хоскинг 2000: 11).

Несмотря на то, что русские и украинцы выступают нациями, которые «опаздывают» в своем развитии, находятся в поиске своей национальной идентичности, которая «влияет на их внутреннее развитие точно так же, как и на их отношения между собой» (с. 102)³. А. Каппелер справедливо указывает на определенные исторические особенности в становлении этих отношений, которые заметно оживились в конце XVI в., причем по инициативе украинской стороны (с. 66).

В частности, важным фактором при формировании русской нации был русский имперский национализм, который возник еще в эпоху Екатерины II как «сверхэтническая идеология русских», которая отражала «нетождественность государства и этнической нации» (с. 105). Собственно, по мнению автора, русский имперский патриотизм определил все последующее развитие русского национального сознания в XIX–XX вв. Но каким образом этот патриотизм повлиял (и влиял ли вообще?) на процессы развития российского национального движения, если это движение, как утверждает

А. Каппелер, было лишено этнической составляющей, к сожалению, в монографии не уточняется⁴. Тем не менее автор был абсолютно прав, когда утверждал, что самодержавие вообще с подозрением относилось к разнообразным национальным идеям (русских в том числе), которые, естественно, угрожали расшатать политические устои самодержавной власти, стремившейся балансировать в полиэтническом пространстве империи, опираясь на «сверхэтнический имперский патриотизм» (с. 124–125) — он понимается автором как государственная идеология, реализация которой привела бы к интеграции всех религиозных и этнических групп в Российской империи, несмотря даже на то, что «русские были первыми среди равных» (с. 110).

В национальной истории украинцев важными оказались события 1648–1654 гг., которые А. Каппелер определил как революционные для формирования национального сознания украинцев (с. 107), а развитие украинского национального движения непосредственно было связано с процессами, которые происходили в Гетманщине, на Слобожанщине и в Киеве, в XIX в. превратившемся в духовный и поли-

³ Впрочем, нам не очень понятна ситуация, при которой не найденная пока идентичность способна влиять как на внутреннее развитие наций, так и на отношения между ними.

⁴ В своем исследовании собственной истории Российской империи А. Каппелер изложил не менее туманную версию этого понятия. Так, он считал, что национализмом были охвачены российская бюрократия и армия, а русскими националистами были Д.А. Толстой и К.П. Победоносцев, которые олицетворяли собой «союз государства и церкви», но при этом потерпели фиаско в своей политике, а потому стали «твердо держаться принципов легитимной династической автократии» (Каппелер 2000: 206).

тический центр украинской жизни в Российской империи (с. 115).

Именно в XIX в., как полагает автор монографии, происходило активное русско-украинское взаимодействие, которое, впрочем, осложнялось вмешательством разнообразных российских национальных концептов (транснациональный имперский концепт, этнический русский и либеральный проекты политической нации), которые конкурировали и переплетались между собой (с. 135). В украинском национальном движении, в свою очередь, противостояли друг другу малороссийский и собственно украинский концепты, хотя немало украинцев поддержали концепт «всероссийской нации», в котором украинцам («малороссам») была отведена роль подчиненного субъекта (с. 135).

Кардинально повлияла на процессы национального развития русских и украинцев политика модернизации позднеимперской России. Все более выразительной становилась асимметрия в соотношении городского и сельского населения, дихотомия «русский город — украинское село» отодвинула украинцев на маргинес социокультурных процессов, превратила украинскую культуру в провинциальную. В отличие от многих русских писателей, Т. Г. Шевченко, Л. Украинка, М. Коцюбинский не стали, как считает А. Каппелер, приобретением мировой культуры, «не вошли в канон европейских литератур» (с. 142). Следовательно, модернизация Украины происходила преимущественно без украинцев (с. 141), а это значит, что асимметричными были и нар-

ративы русской и украинской историй. Поскольку «Запад воспринял доминантный русский нарратив» (с. 146), то очевидно, что образ украинца как младшего брата русского определял весь тот комплекс неполноценности украинцев, который был преодолен только в результате революционных событий 1917–1921 гг. А. Каппелер убежден, что революция 1917 г. в многонациональном российском государстве была по своему характеру русской (с. 160), однако единственным народом, который бросил вызов Временному правительству и в значительной мере повлиял на развитие его политики, оказались украинцы (с. 165). Ключевым событием в процессах национального возрождения украинцев оказалась Октябрьская революция (с. 169). Украинские крестьяне, замечает А. Каппелер, считали большевиков «меньшим злом» в сравнении с белыми, с которыми они ассоциировали возвращение крупных землевладельцев. Наконец, результатом Украинской революции стал тот факт, что Украина как геополитический культурный субъект вновь, после XVII–XVIII вв., появилась на политической карте Европе (с. 178).

В изложении истории русско-украинских отношений в Советском Союзе А. Каппелер придерживался известной уже теории Дж. Хоскинга об империи как тормозе в развитии русского нации (*Хоскинг* 2012: 25). Например, австрийско-швейцарский историк верно подметил, что советская власть не поддержала идею национально-культурной персональной автономии, но гарантировала всем национальностям (в

том числе украинцам), даже для самых малых этногрупп, территориальную автономию (с. 183). И только русские чувствовали себя дома как в коммунальной квартире, что дало повод А. Каппелеру подчеркнуть справедливость замечаний, которые были высказаны многими западноевропейскими историками относительно «дискриминации этнических русских» (с. 186). То есть если институционные возможности СССР не способствовали национальному развитию русских (с. 187), то ситуация с украинцами, которые составляли почти половину нерусского населения Советского Союза (с. 189), была несколько иной.

Политика украинизации, которая проводилась советским правительством в 1920-х гг., впервые в истории Украины привела к тому, что украинский язык стал официальным языком в молодой Украинской советской республике, а украинцы оказались на высших ступенях правящей верхушки СССР. Возрос удельный вес украинцев и среди городского населения. Асимметрия между русскими и украинцами уменьшилась (с. 195), но своеобразный ренессанс украинской культуры оказался не долгим и закончился национальной катастрофой украинцев в 1932–1933 гг. Тем не менее А. Каппелер не склонен рассматривать Голодомор как геноцид украинского народа, т.к. прямых доказательств тому, что сталинское руководство сознательно проводило политику этноцида украинцев, в современной исторической науке пока нет, а «ставить голод в один ряд с истреблением евреев и армян не целесообразно» (с. 205). Кро-

ме этого, против исторического нарратива «Голодомор как геноцид украинцев» свидетельствуют география распространения голода в СССР и многочисленные его жертвы, среди которых также были и неукраинцы (с. 203). А. Каппелер, конечно, отнюдь не оправдывает инициаторов этого злодеяния, но, с другой стороны, его тезис о том, что «репрессивная политика Сталина в 1932–1933 гг. была направлена именно против украинцев» (с. 206), несколько подмывает упомянутые выше утверждения автора о характере Голодомора.

Историческое значение в развитии русско-украинских отношений имела Великая Отечественная война, память о которой, как справедливо заметил А. Каппелер, живет в сердцах многих современных украинцев и русских. «Не удивительно, что роль украинских националистов в тот период находится в центре современных дискуссий в плоскости политики памяти» (с. 221). Важным, на наш взгляд, можно считать замечание автора монографии по поводу того, что стремительная модернизация СССР 1930-х гг. позитивно отразилась на процессах национального возрождения украинцев, хотя и не смогла полностью преодолеть асимметрию в русско-украинских отношениях, которая существовала, как известно, еще в XIX в. (с. 226). Доля украинцев в составе союзных и республиканских органов власти неуклонно возрастала и достигла своего апогея в 1964 г., когда среди одиннадцати членов Президиума ЦК КПСС как минимум трое были этническими украинцами (с. 229). Даже несмотря

на массовые репрессии 1930-х гг., становление молодой политической элиты украинцев в последующие десятилетия было очевидным историческим фактом.

Любопытными оказались рассуждения автора о месте и роли Украины в процессах распада СССР. Смертельный удар по советской системе нанесла именно Украина в лице ее президента Л. М. Кравчука, хотя, как утверждает автор, «многих украинцев устроила бы и широкая автономия», тогда как для большинства русских распад Советского Союза вообще стал шоком (с. 240). Следует заметить, что позиция А. Каппелера по этому вопросу несколько отличается от той, которую он высказал два десятилетия тому назад. А именно, что «толчок к революционному преобразованию многонациональной державы был дан не с периферии, а из центра», а роль Украины в процессе распада СССР была намного скромнее (*Каппелер* 2000: 285, 286).

Асимметричность в русско-украинских отношениях сохранилась и на постсоветском пространстве. Украинцы, как считает А. Каппелер, были удивлены неожиданной независимостью своей страны и долго еще не могли свыкнуться с мыслью о том, что Россия оказалась за рубежом, при этом большинство украинцев убеждены в том, что они составляют с русскими одну нацию (с. 247). Впрочем, события «оранжевой революции» и Евромайдана привели, как известно, к заметному похолоданию в русско-украинских отношениях, но окончательно заморозить русско-украинский диа-

лог они, вероятно, так и не смогли. Дискурс о двух «братских народах», как считает автор, не был изобретением пропаганды, а имел широкую поддержку не только в России, но и в Украине.

А. Каппелер глубоко проанализировал причины, которые, по его мнению, привели к российско-украинской войне в 2014 г. (с. 269). В частности, это проблема государственной принадлежности Крыма, спорадические кризисы в российско-украинских отношениях после 1991 г., «постимперская травма России» (с. 276), авторитаризм президента России В. В. Путина и не всегда «деликатная» политика Запада в отношении разных геостратегических интересов Украины и России (с. 271–272). Все эти факторы, как полагает А. Каппелер, во многом объясняют, но не оправдывают развязанной Россией войны против соседнего государства, «которая поставила под сомнение успешную историю Украины» (с. 278).

Концептуальный анализ русско-украинских отношений гармонично сочетается с авторскими рассуждениями по поводу средневековой истории украинцев и русских (с. 32–50), украинизации русской культуры (с. 84–90), возникновения стереотипа Малороссии в национальном сознании русских (с. 95–99), формирования национальных нарративов исторического прошлого Украины и России.

Так, например, в своих оценках острой дискуссии о праве русских и украинцев на культурно-историческое наследие Киевской Руси, ко-

торая сегодня, по-видимому, вышла далеко за пределы академической полемики, А. Каппелер справедливо заметил, что, по сути, эта дискуссия безрезультатна, поскольку обе стороны проецируют национальные категории в эпоху средневековья, когда еще не было ни русских, ни украинцев, а «вопрос о том, было ли первое политическое объединение восточных славян русским или украинским, не имеет никакого смысла», ведь, «хотя Киев, первая главная резиденция князей Руси, и находится в современной Украине, однако другой центр древней Руси, Новгород, находится на территории современной России» (с. 41). Также А. Каппелер был наверное прав, когда подчеркивал, что именно Украина стала первым каналом социокультурной вестернизации России (с. 85), а образ Малороссии на протяжении XVIII–XIX вв. был «красочным дополнением к русской культуре» (с. 99). Национальный нарратив истории России («Киев – Москва – Санкт-Петербург – Москва»), с помощью которого пропагандируется преемственность традиций между Киевом и Москвой, появился не в Москве, как считает А. Каппелер, а в Украине (с. 35), а собственно национальный украинский национальный нарратив деконструировал российский меганарратив (с. 39), что впоследствии и привело к идеологическому противостоянию в «битве» русских и украинцев за «свою» историю. Нельзя не согласиться с автором монографии и в том, что украинцы только после начала Первой мировой войны оказались в центре «большой» истории, когда правительства Германии и Австро-Венгрии попытались использовать

«украинский вопрос» в своей политической борьбе против России, Советского Союза и Польши (с. 283).

На фоне вкратце обозначенных позитивных моментов монографии позволим себе, однако, высказать и несколько критических замечаний по поводу тех выводов и авторских суждений, которые у нас вызывают наибольшие сомнения.

В частности, утверждение А. Каппелера о том, что «запорожские казаки пришли на смену польской и украинской шляхте в качестве “политической нации”» с «высокой культурой и языком» (с. 107), содержит некоторые преувеличения. На с. 137 автор без объяснения причин вдруг противопоставляет «образованность украинцев» «православным традициям», в плену у которых долгое время якобы находились русские. В таком случае не совсем понятно, о каких именно украинцах идет речь (православных, католиках, униатах...)? Каким образом «православные традиции» русских помешали им стать «большинством образованных политических и экономических элит Украины» в конце XIX в. (с. 141)? И почему собственно «украинское общество» в XVII–XVIII вв. было более эгалитарным и вольнодумным, чем российское, в котором «господствовала московская автократия» (с. 137)? Соблазн противопоставить республиканские традиции Запорожской Сечи московскому самодержавию XVII в. при изучении русско-украинских отношений, в то время как речь, по-видимому, все же идет о единой православной общности, не всегда

бывает оправданным с научной точки зрения.

Характерной чертой современной западноевропейской историографии является использование в исторических исследованиях терминов и понятий без учета особенностей исторического контекста, склонность зарубежных историков к обобщениям и произвольной интерпретации исторических фактов и процессов, которые, как им кажется, укладываются в определенную схему теоретической модели, обладают своей, известной только авторам исследований, логикой исторического развития. К сожалению, не лишена такого рода недостатков и рецензируемая нами монография, в которой обильно были использованы термины «этнические русские» и «этнические украинцы»⁵. С учетом того, что «этничность» в современной науке остается довольно широким понятием (*Брубейкер* 2012: 127)⁶, а в случае национальной истории русских и украинцев — еще и малоизученным феноменом, было бы желательно хотя бы в общих чертах уточнить смысл указанной категории в этом исследовании, определить критерии «этничности» русских и украинцев⁷. То

⁵ По нашим подсчетам, в тексте «этнических украинцев» оказалось больше, чем простых «украинцев», тогда как русские везде рассматриваются автором как «этнические русские».

⁶ Современный американский социолог Р. Брубейкер, например, рассматривает этничность как «точку зрения на мир», «как способ понимания мира, идентификации и классификации других людей...» (*Брубейкер* 2012: 129, 156–157).

⁷ Автор ограничился весьма условными интерпретациями (на одной странице) понятий «русский», «российский», «украинский», связывая их коннотации только с отсутствием или развитием национальной (имперской

же самое относится и к такому понятию, как «российские национальные идеологии» (с. 125). Впрочем, в своей статье о теории национальной истории украинцев А. Каппелер понимал нацию как определенный конструкт, который возник сразу же после Великой Французской революции и находится в процессе своего становления до сих пор (*Каппелер* 2011б: 18). С другой стороны, австрийско-швейцарский ученый не исключал и более ранних моделей нациострительства, что, на наш взгляд, едва ли проясняет ситуацию в вопросе о происхождении «этнических украинцев». Также неизвестно, относится ли данное определение нации к русским, поскольку среди «молодых» наций в классификации А. Каппелера их нет (*Каппелер* 2011б: 14).

Для характеристики событий Первой русской революции автор использовал одновременно термины «русский национализм», «экстремистский этнический национализм», «имперский национализм» (с. 132) и даже «транснациональный имперский патриотизм» (с. 150). Соответствуют ли они, например, таким общеизвестным в современной историографии понятиям, как правоконсервативная идеология монархических организаций в Российской империи, установить, согласно тексту монографии, к сожалению, не удалось. Как нам кажется, использовать понятие «русский национализм» вообще, а в контексте истории Российской империи особенно, следует с высо-

в случае с русскими) государственности (с. 31).

кой долей условности. Утверждение А. Каппелера о том, что украинцы якобы принимали участие в российском революционном движении в качестве «транснациональных революционеров» (с. 155), неплохо было бы снабдить примерами их «транснациональности» или ссылкой на источники.

Некоторые выводы, например, о степени угрозы для самодержавия со стороны русского или украинского национальных движений (с. 117), о маргинализации украинской культуры в XIX в. (с. 142) не лишены своей логики, но, к сожалению, остались без соответствующей иллюстрации и конкретизации, а тезис А. Каппелера о том, что «отрицание существования самостоятельной украинской нации характерно для всех политических направлений в российском обществе вплоть до наших дней» (с. 123), требует как минимум уточнения по сути. Попытка отождествить «официальный русско-советский патриотизм» с «имперским национализмом царских времен» не нова в современной историографии, но без соответствующих авторских определений выглядит довольно примитивной схемой. В частности, что подразумевал автор в понятиях «мифа о Великой Отечественной войне» и «мифа революции» (с. 227)? Мифы, как известно, слишком сложное явление, чтобы оставлять их «без присмотра» даже на страницах монографии такого видного исследователя, каким, безусловно, является А. Каппелер.

Дискуссионными, на наш взгляд, выводами отмечен предпоследний

раздел монографии («Согласие между братьями? Конфронтация двух постсоветских государств»), в котором автор проанализировал современное состояние российско-украинских отношений через призму событий Евромайдана. Слишком упрощенными выглядят авторские интерпретации обстоятельств обострения ситуации в Киеве в конце 2013 – начале 2014 г. (с. 266–267), а суждение А. Каппелера о том, что действующая власть приказала стрелять в демонстрантов (с. 271), не соответствует действительности хотя бы потому, что, к сожалению, до сих пор нет официальных результатов судебного расследования по поводу убийств на Майдане зимой 2014 г. Спорным, как нам кажется, является и утверждение автора о том, что Евромайдан был якобы «спонтанным массовым выступлением на принципах базовой демократии против авторитарной власти...» (с. 269)⁸.

⁸ Мы не уверены в том, что на страницах этого исторического исследования вообще целесообразно давать политические оценки фактам современной истории российско-украинских отношений, которые еще не «остыли» в своем идеологическом напряжении и ожидают своего тщательного анализа. В данном случае необходима несколько иная научная методология, опирающаяся, например, на результаты социологических исследований, которые, кстати, в монографии А. Каппелера представлены, но в виде отдельного фрагмента, не связанного с событиями на Майдане (с. 27–28). На наш взгляд, оригинальное рассуждение по поводу современной ретроспективы российско-украинского конфликта продемонстрировал в одной из последних своих статей на эту тему известный российский политолог Г. Павловский (См.: Павловский 2019), к мнению которого автор монографии, по-видимому, не безразличен (с. 244).

Несмотря на отмеченные выше замечания и пожелания, монография А. Каппелера является самостоятельным, концептуальным исследованием истории русско-украинских отношений, автору которого удалось достичь поставленных в книге целей. В частности, была проанализирована историческая асимметрия в отношениях двух соседних народов, которая во многом остается и сегодня заметным фактором в социально-экономическом, политическом и культурном развитии Восточноевропейского региона. Стабилизация отношений между Россией и Украиной должна послужить гарантией мира и безопасности в этой части Европы, ибо, как верно заметил А. Каппелер, «Россия и Украина – издавна являются частью Европы и ее истории, и в наших интересах, чтобы отношения между двумя соседями улучшились» (с. 285). Естественно, что полноценная и предметная дискуссия в современной украинской и российской историографии по поводу наиболее злободневных проблем истории русско-украинских отношений еще впереди. Но она невозможна вне широкого общественного диалога между двумя великими народами, без взаимного уважения носителей украинской и русской культур, общие корни которых тесно переплелись в глубине веков. Задача незаангажированного политическими взглядами и национальными стереотипами историка, как показало исследование А. Каппелера, заключается, очевидно, в том, чтобы дать ясную картину того, когда, при каких условиях и почему история русско-украинских отношений изменяла свой вектор развития, что приобретали,

а что теряли русские и украинцы в результате таких изменений? Монография далеко не исчерпала всех дискуссионных вопросов по рассматриваемой теме, но ее появление стимулирует дальнейшее развитие современных национальных историографий в ходе изучения русско-украинских отношений.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Павловский 2019 – *Павловский Г.* Накануне другого мира. Россия и Украина как геопатологическая пара // Московский центр Карнеги. URL: carnegie.ru/commentary/78285 (дата обращения: 09.02.2019).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Брубейкер 2012 – *Брубейкер Р.* Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М., 2012.

Каппелер 2000 – *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад / пер. с нем. С. Червонная. М., 2000.

Каппелер 2005 – *Каппелер А.* Росія як поліетнічна імперія: виникнення, історія, розпад. Львів, 2005.

Каппелер 2007 – *Каппелер А.* Мала історія України / пер. з нім. К., 2007.

Каппелер 2011a – Україна. Процеси націотворення / упор. А. Каппелер; пер. з нім. С. Матіяш та Ю. Дуркот; наук. ред. В. Маслійчук. К., 2011.

Каппелер 2011b – *Каппелер А.* Громадянська чи етнічна нація. Зауваги з теорії та історіографії // Україна. Процеси націотворення. 2011. С. 13–18.

Хоскинг 2000 – *Хоскинг Дж.* Россия: народ и империя (1552–1917) / пер. с англ. С. Н. Самуйлова. Смоленск, 2000.

Хоскинг 2012 – *Хоскинг Дж.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе / пер. с англ. В. Артемова. М., 2012.

BROTHERS AGAINST THEIR WILL

Rev.: Kappeler A. Nerivni braty. Ukrai'nci ta rosijany vid seredn'ovichchja do suchasnosti, per. z nim. V. Kam'janec'. Chernivci: Knygy-XXI, 2018. 320 p.

Bazarov Alexander T. – candidate of historical sciences, associate professor, assistant of the Department of modern and contemporary history, Yurii Fedkovych Chernivtsi National University (Chernivtsi, Ukraine)

Key words: history of Russian-Ukrainian relations, “cross history”, national history narrative, asymmetry of relations, Russia, Ukraine.

Abstract. The review analyzes the monograph by A. Kappeler “Unequal brothers. The Ukrainians and Russians from the Middle Ages to contemporary time.” It was concluded that another book of the famous Austrian- Swiss historian translated into Ukrainian language allows rethinking the history of Russian-Ukrainian relations with the help of the “cross history” method proposed by the author.

REFERENCES

Brubejker R. *Jetnichnost' bez grupp*, per. s angl. I. Borisovoj. Moscow: Izd. dom. Vyshej shkoly jekonomiki, 2012.

Hosking Dzh. *Praviteli i zhertvy. Russkie v Sovetskom Sojuze*, per. s angl. V. Artemova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.

Hosking Dzh. *Rossija: narod i imperija (1552–1917)*, per. s angl. S.N. Samujlova. Smolensk: Rusich, 2000.

Kappeler A. Gromadjans'ka chy etnichna nacija. Zauvagy z teorii' ta istoriografii' Ukrai'na. *Procesy naciotvorennja*, upor. A. Kappeler; per. z nim. S. Matijash ta Ju. Dur-

kot; nauk. red. V. Maslijchuk. Kyiv, 2011, pp. 13–18.

Kappeler A. *Mala istorija Ukrai'ny*, per. z nim. O. Blashhuk. Kyiv, 2007.

Kappeler A. *Rossija – mnogonacional'naja imperija. Vozniknovenie, istorija, raspad*, per. s nem. S. Chervonnaja. Moscow: Progress-Tradycja, 2000.

Kappeler A. *Rosija jak polietnichna imperija: vynyknennja, istorija, rozpad*. Lviv: Vyd-vo Katolyc'kogo Ukrai'ns'kogo universytetu, 2005.

Ukrai'na. Procesy naciotvorennja, upor. A. Kappeler, per. z nim. S. Matijash ta Ju. Durkot, nauk. red. V. Maslijchuk. Kyiv, 2011.

С. С. Беляков

СТРОИЛИ РУСЬ, А ПОЛУЧИЛАСЬ УКРАИНА

Рец.: *Федевич К. К., Федевич К. І.* За Віру, Царя і Кобзаря. Малоросійські монархісти і український національний рух (1905–1917 роки) / пер. с рос. К. Демчук. Київ: Критика, 2017. 308 с.

Ключевые слова: Украина, национализм, монархизм, «черная сотня», Тарас Шевченко.

Аннотация. Рецензируемое произведение посвящено историческому «симбиозу» русского монархизма и украинского национального движения в начале XX в.

DOI 10.31754/2409-6105-2019-1-202-209

И название книги, и портреты императора Николая II и Тараса Шевченко на обложке намеренно провокативны. Перед нами будто исторический оксюморон, ведь Шевченко был врагом русской монархии, а царская власть традиционно считалась враждебной и Шевченко, и украинскому национальному движению. Считается, что это движение в начале XX в. было преимущественно левым. Самыми правыми там были либералы-«поступовцы», т. е. украинские прогрессисты. Но после Февральской революции Товарищество украинских прогрессистов исчезло с политической арены, а один из его лидеров, М. С. Грушевский, перешел к эсерам. Большинство

лидеров и активистов украинского национального движения принадлежали или к украинским эсерам, или к социал-демократам (последние ближе к русским меньшевикам). Украинский национализм непременно сочетался с социализмом, что отразится на истории Центральной Рады и Украинской народной республики. Причина этой левизны понятна: социальная база украинского национализма — украинское крестьянство: «Кто у нас пань на Украине? Украинцы? Буржуи — этот как раз <...> кацапы, жида, ляхи. Вот кто буржуи!» — говорит герой пьесы Владимира Винниченко «Меж двух сил». Украинских буржуа, не ассимилированных, не русифицированных, как, скажем, семейство Терещенко, а настоящих, «свидомых», вроде Евгена Чикаленко, было очень мало. Украинских аристократов — еще меньше.

© С. С. Беляков, 2019

Беляков Сергей Станиславович — кандидат исторических наук, зам. главного редактора журнала «Урал» (Екатеринбург); sbeljakov@mail.ru

Но вот что интересно. Украинское крестьянство до Февральской революции поддерживало не социалистов, а русских националистов и крайне правых. И чем дальше на запад, тем выше была популярность правых. Украинские хлеборобы в «домотканых свитках с самодельными пуговицами и застежками» и были главной ударной силой «черной сотни», ее основным избирателем. Почаевский отдел Союза русского народа насчитывал 100 000 членов — четверть всех черносотенцев-«союзников».

На выборах в III Государственную думу крайне правые добивались успеха именно на Западной Украине. Чем дальше на восток, тем меньше у них было депутатов. В Харьковской губернии они получили только три мандата из десяти, зато в Киевской губернии — 13 из 13! Полной победой черносотенцев завершились выборы в Подольской и Волынской губерниях. И в IV Думе крестьяне с Правобережной Украины становились «крайне правыми» или «националистами».

А после революции Правобережная Украина, бывший Юго-Западный край, станет опорой петлюровцев, радикальных украинских националистов. Люди, еще недавно голосовавшие за Шульгина и Савенко, уже в 1917-м будут требовать от Центральной Рады незамедлительно провозгласить самостийность. Как это могло случиться? Почему сельские, поддерживавшие крайне правых русских националистов, за несколько недель или даже дней превратились в левых националистов украинских? Какой волшебник их заколдовал или, напротив, разрушил чужие чары?

Этот вопрос и остается одним из самых сложных в историографии украинского национализма и Украинской революции. И на него пытаются ответить авторы рецензируемой монографии, отец и сын Федевичи.

Поскольку архивы черносотенных организаций на территории Украины утрачены (в книге только три ссылки на фонды Центрального государственного исторического архива Украины), то источниковой базой исследования стали главным образом церковные и националистические печатные издания: «Волыньские епархиальные ведомости», «Холмская Русь», «Почаевские известия», «Двуглавый орел», «Русский националист», «Православная Подолия», «Подолия», а также мемуары участников событий — архиепископа Виталия (Максименко), митрополита Евлогия (Георгиевского), Александра Лотоцкого, Дмитро Дорошенко, дневник Евгена Чикаленко. Обращаются авторы и к фондам ГАРФа, и к стенографическим отчетам Государственной думы.

Как известно, русские националисты резко отрицательно относились к украинскому национальному движению, которое они чаще всего называли «мазепинским», считали сепаратистским и австрофильским. Но авторы книги полагают, что эта украинофобия была свойственна сравнительно узкому кругу интеллектуалов из Киевского клуба русских националистов, а также киевским студентам-«союзникам», что объединялись вокруг газеты «Двуглавый орел» и молодого лидера одноименной организации Владимира Голубева.

Между тем на соседней Вольни, в Подолье, на Холмщине на первый план выходила не борьба с «мазепинством», а противостояние «истинно русских людей» с поляками-католиками и с евреями. И в этом противостоянии черносотенцы были очевидными союзниками украинских крестьян. Для крестьян на правобережной Украине традиционными врагами на протяжении трех или четырех столетий оставались поляк-землевладелец и еврей-арендатор, еврей-торговец, еврей-ростовщик. Действовал принцип «враг моего врага — мой друг». Русские черносотенцы давали украинским крестьянам и мещанам организацию для противостояния с их традиционными противниками. А черносотенный лозунг «Россия для русских» украинские крестьяне интерпретировали по-своему: отобрать землю у поляков-землевладельцев и поделить ее между мужиками. Именно на этом противостоянии общим противникам черносотенцы и украинские крестьяне легко находили общий язык.

Православная вера и монархизм были основой идеологии Союза русского народа и Русского народного союза имени Михаила Архангела, что тоже сближало их с украинскими селянами. Украинский крестьянин в начале XX в. был еще православным христианином и монархистом. Его нелюбовь к «москалям», которая фиксируется многими источниками уже в XIX в., не распространялась на русского царя, который оставался в его глазах легитимным правителем.

Что до «народности», то концепция русской нации как союза трех восточнославянских народов (ве-

ликороссов, малороссов и белорусов) вполне подходила и русским, и украинцам, если от последних не требовали русификации. Но о русификации на Западной Украине, как убедительно показывают авторы книги, и речи не могло идти. Этнических русских там было сравнительно немного, даже в городах нередко преобладали не великороссы, а поляки и евреи, которые, конечно, не были помощниками в деле русификации. Учителя в школах и народных училищах часто сами были украинцами, преподавали они украинским детям, а потому обращались к ним на родном и понятном языке, мешая русскую речь с привычной украинской мовой.

Авторитетами для украинских селян, составлявших основную массу черносотенцев Вольни, Подолья, Холмщины и Поднепровья, были сельские священники, а источниками информации — церковные газеты, издававшиеся в Житомире, Каменец-Подольске и, конечно же, в знаменитой типографии Почаевской лавры. Сами священники часто и выступали активистами «черной сотни». И эти сельские батюшки, и многие авторы подольских и вольнских газет обращались к украинским селянам на понятном украинском языке, апеллировали к привычным, родным для их паствы образам. Трудно поверить, но українська мова была «рабочим языком» для черносотенных организаций Вольни и Подолья. Вольнская епархия печатала на украинском брошюры, предназначенные местным крестьянам: «Звідки у селах беруться злодії», «Скільки ми пропиваємо грошей» (с. 68). На украинском печатались

и черносотенные антисемитские прокламации, где, между прочим, вспоминали имена Гонты и Кривоноса, героев-погромщиков времен Коливищины и Хмельнитчины (с. 69).

Преследуя собственные цели, черносотенцы вольно или невольно способствовали популяризации и украинского печатного слова, и украинской истории. Более того, именно «православные священники, черносотенцы и монархисты», как ни парадоксально, нередко выступали в роли «главных национальных будителей украинских селян и мещан на Волыни, Подолье, Холмщине, Подляшье и Берестейщине» (с. 13). В качестве одного из самых ярких примеров такого «будительства» авторы приводят историю создания мемориала, посвященного битве при Берестечко. Это сражение времен Хмельнитчины (1651 г.) стало одной из самых трагических страниц украинской истории. Из-за предательства крымского хана, взявшего в плен Богдана Хмельницкого и покинувшего поле боя, огромное казацкое войско разгромлено армией Речи Посполитой. Но память о героизме козаков сохранилась благодаря устной народной традиции.

Инициатором создания мемориала и строительства Свято-Троицкого собора на месте битвы был архимандрит Виталий (Максименко), который руководил не только Почаевским отделом Союза русского народа, но и знаменитой типографией Почаевской лавры. План архимандрита Виталия был понятен: местная малороссийская (украинская) история встраивалась в общероссийский контекст. Козаки,

погибшие под Берестечко, представлялись как герои, павшие в борьбе за православную веру. То была великая искупительная жертва «за свободу малорусского народа и его вечное и нераздельное единение с Великой Россией» (с. 153–154). Средства на строительство мемориала Союз русского народа собирал как на Волыни и в других украинских землях, так и на землях Войска Донского и даже в Оренбургском казачьем войске. Таким образом, историю украинских козаков пытались сделать частью истории русского казачества и всей России. Но результат оказался другим. Богослужения на поле битвы, ритуал поклонения останкам погибших козаков, крестные ходы с участием десятков тысяч селян разбудили прежде всего национальные чувства этих селян. Им же с детства матери пели песни о славных героях прошлого, о запорожских козаках. Теперь же церковь и государство сами напомнили о героизме легендарных 300 козаков, что, подобно 300 спартамцам Леонида, прикрывали отход войска и все погибли, отказавшись от милости врага, обещавшего пощаду и даже награду за доблесть: «...место их гибели и захоронения стало известным мемориальным центром, который существует и ныне». Таким образом, создание мемориала способствовало не развитию общерусских национальных чувств, а пробуждению украинских.

Для многих русских националистов-малороссов, позднее ставших идеологами Белого движения на Юге России, сами понятия «Украина» и «украинцы» были крамольными, их употребляли, только заключив в кавычки и прибавив: «так называе-

мая «Украина», «так называемые «украинцы»». Но еще накануне Первой мировой войны многие украинские черносотенцы уже не стеснялись этих слов. Так, в 1912 г. депутат Государственной думы, подольский крестьянин Матвей Андрийчук говорил, что принадлежит к «украинским депутатам национальной фракции» (с. 128). Он был членом фракции русских националистов. На страницах еженедельника «Православная Подолия» слова «Украина», «украинский», «украинцы» использовались регулярно, причем понятия «украинское» и «малороссийское» были синонимами, как в гоголевские времена. «Почаевские известия» и «Волынская земля» печатали на украинском стихи и рассказы из народной жизни и «истории борьбы украинцев против поляков и евреев» (с. 81, 133). Богдана Хмельницкого называли «могучим вождем Украины». В Житомире на концерте в Волынском женском училище священники и студенты семинарии пели и «Боже, царя храни», и арию из оперы «Запорожец за Дунаем», где были такие слова: «Україно, милий краю, Сердцем я тебе бажаю...» Концерт «тепло приняли все слушатели, в особенности черносотенцы» (с. 139).

Так, опираясь на довольно широкий круг источников, авторы доказывают свою главную идею: украинское национальное движение до Первой мировой войны было не левым, антиправительственным и антимонархическим, а почти исключительно ультраправым. В свою очередь, «про “Союз русского народа” на Украине можно определенно сказать как про монархический,

имперский, панславянский и консервативно-христианский вариант украинского национального движения» (с. 50).

Пожалуй, наиболее ярким примером украинско-черносотенного симбиоза стал образ Тараса Шевченко, чей культ бурно развивался на Украине. «Кобзарь» стал священной книгой украинского народа. Портреты Тараса Григорьевича ставили рядом с иконами. На могилу поэта приезжали тысячи людей: «Отношение к Тарасу Шевченко и его творчеству было одним из важнейших маркеров принадлежности этнических украинцев Российской империи к украинскому национальному дискурсу», — справедливо замечают авторы книги.

Как известно, великий кобзарь был злейшим врагом царской власти, противником российской монархии и монархизма вообще. Тем интереснее, что авторы назвали одну из глав своей книги «Тарас Шевченко — национальный поэт монархистов и черносотенцев». Они доказывают, что в начале XX в. русские националисты охотно читали Шевченко. Пуришкевич цитировал его «Відьму» с трибуны Государственной думы. Цитировал по-украински, хотя и русские переводы в те времена были. Даже злейший враг украинского национального движения (в его терминологии — «мазепинского») Анатолий Савенко посетил могилу Шевченко и оставил там в книге посетителей свою запись: «до батьки Тараса».

Шевченко был в числе самых издаваемых поэтов дореволюционной России. Общий тираж «Кобзаря»

достиг 200 000. Министерство народного просвещения разрешило переводы из «Кобзаря» «для распространения в библиотеках “низших” учебных заведений и бесплатных народных библиотеках». «Кобзарь» был разрешен для чтения и солдатам Русской императорской армии.

Объединяла русских националистов с украинскими опять-таки борьба с общим противником. Шевченко нередко писал о «жидах» и «ляхах», что не могли не отметить и не использовать издатели черносотенных газет. Уже не одно поколение выросло на его кровавых «Гайдамаках», поэме об украинском восстании против поляков и евреев. Недаром Пуришкевич заявлял, что Шевченко «во многих смыслах являлся лицом, которое разделяло наши политические воззрения». «Почаевские известия» напечатали большой портрет автора «Кобзаря» с подписью «Тарас Шевченко. Самый знаменитый малороссийский стихотворец». Стихи Шевченко появлялись на страницах черносотенной прессы.

Положение дел начало меняться лишь незадолго до Первой мировой войны, как раз накануне столетнего юбилея Шевченко (март 1914 г.), фактически сорванного именно русскими националистами (см.: *Беляков* 2018: 148–156). Чем объяснить такую неожиданную перемену? Авторы полагают, что поворотным пунктом стало издание в России в 1907 г. практически всех основных сочинений Шевченко, без обычных для российских изданий цензурных изъятий. Прежде за бесцензурным «Кобзарем» надо было ехать в Австро-Венгрию. Теперь же и в Петер-

бурге, и в Москве можно было приобрести книгу стихов Шевченко и прочитать про москаля, что раскапывает священные могилы-курганы на украинской земле («Розрита могила»), про Петра I и Екатерину II, что «распяли» и «доконали» несчастную Украину («Сон»), и про еще одного ее «ката» (палача) — царя Николая I («Кавказ»).

Однако это объяснение внезапного «антишевченковского» поворота русских националистов может удовлетворить нас лишь отчасти. Во-первых, образованные русские и украинцы и до 1907 г. имели возможность купить бесцензурного «Кобзаря» во Львове или Черновицах и перевезти его в Россию. Хотя существовал запрет на ввоз украинской литературы из-за границы, но этот запрет часто нарушали. Скажем, воспитанники Полтавской духовной семинарии, где учился Симон Петлюра, читали львовское издание «Кобзаря», привезенное контрабандой. Во-вторых, и в прежние русские издания «Кобзаря» входила знаменитая поэма «Катерина», проникнутая чувством безграничного страдания к несчастной украинской девушке, которую соблазнил, бросил и погубил коварный «москаль». Поэма эта начитается словами, которые могли бы войти в любую хрестоматию русофобских сочинений:

Кохайтесь, чорнобриві,
Та не з москалями,
Бо москалі — чужі люде,
Роблять лихо з вами.

Вообще авторы, увлекшись своей концепцией, действительно убедительной и оригинальной,

допускают и явные натяжки, и сомнительные, недостаточно обоснованные суждения и выводы.

Так, митрополит Волынский Антоний (Храповицкий) и архиепископ Холмский Евлогий (Георгиевский) предстают у авторов едва ли не украинофилами. Причем им в заслугу поставлен даже тот факт, что в 1918-м Евлогий и Антоний молились за «богохранимую державу нашу Украину и ее благоверного гетмана» (с. 268), а в 1919-м их радушно принял в своей львовской резиденции униатский митрополит Андрей Шептицкий. Хотя на самом деле о. Антоний и о. Евлогий были не только этническими великороссами, но и убежденными русскими националистами, сторонниками единства России и Русской Церкви. Оба боролись против тех украинских священников и мирян, что пытались создать свою автокефальную церковь. В глазах украинских националистов эти архиереи были личностями совершенно одиозными. Недаром их арестовали вскоре после взятия Киева войсками Петлюры в декабре 1918 г.

Лояльность Евлогия и Антония власти гетмана не доказывает их симпатий к украинскому делу, тем более что режим Скоропадского украинские националисты в большинстве считали «пророссийским». В то же самое время нельзя не согласиться с авторами, что о. Антоний, о. Евлогий и многие их соратники невольно могли способствовать развитию украинского народа. Евлогий — когда успешно боролся за отделение Холмщины от Царства Польского; Антоний — когда открывал мемориал в Берестечко, когда заботился

о создании сельских кооперативов, об экономическом развитии западно-украинской деревни.

Как известно, черносотенцы жестко критиковали бюрократический аппарат Российской империи, «заслывший светлую личность русского царя от народа» (с. 181). И авторы считают, что эта черносотенная критика государственного аппарата и имперского центра «накладывалась на местные национальные, культурные, социальные и экономические особенности». Так, защитники единства святой Руси невольно будили если не национализм, то регионализм на Украине, в Сибири, на Кубани, в Области Войска Донского. В 1906 г. Союз русского народа выдвинул идею воссоздания малороссийских козацких полков в Черниговской, Полтавской, Киевской губерниях, т. е. по сути создания нового казачьего войска. А поскольку территории казачьих войск в императорской России обладали самоуправлением, «собственной гражданской и военной администрацией» и широким набором привилегий, то авторы приходят к смелому выводу: «Фактически это было требованием предоставить козацко-малороссийскую территориальную автономию этническим украинцам. <...> Легальное украинское движение в Российской империи до 1917 г. даже и мечтать не могло о массовой, да еще и легальной агитации за такие идеи» (с. 184, 185). Однако идея возрождения малороссийских козаков (казаков) была отнюдь не новой и с украинским национальным движением прямо не связанной. Малороссийский генерал-губернатор Н. Г. Репнин предлагал возродить малороссийские

полки еще в начале 1830-х. Союз русского народа не предпринял каких-либо практических шагов к формированию малороссийских козацких полков. Депутаты-черносотенцы и националисты не выступали в Государственной думе с такой законодательной инициативой. Даже пропагандистскую кампанию «союзники» развивать не стали. Несомненно, руководство Союза русского народа, Союза имени Михаила Архангела и тем более Всероссийского национального союза понимали, какого джина они могли бы выпустить из бутылки. Так что тезис о популяризации ими идеи малороссийской (украинской) автономии является большим преувеличением.

Несмотря на эти преувеличения и передержки, монография

К. К. и К. И. Федевичей получилась ценным и достаточно убедительным исследованием, что позволяет совершенно по-новому посмотреть на историю украинского национального движения. Нельзя не согласиться с авторами, что уже в начале XX в. украинское население Поднепровья, Вольни, Подолья, Холмщины уже обладало достаточно развитым национальным чувством и что русские черносотенные организации в своей деятельности невольно способствовали пробуждению этого чувства и, возможно, даже развитию украинского национального самосознания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Беляков 2018 — Беляков С. Накануне большой войны: Столетие Тараса Шевченко в Киеве // Новый мир. 2018. № 2. С. 148–156.

BUILT RUSSIA, AND IT TURNED OUT UKRAINE

Rev.: Fedevich K. K., Fedevich K. I. Za Viru, Tsaria i Kobzaria. Malorosiis'ki monarkhisti i ukrains'kii natsional'nii rukh (1905–1917 roki), per. s ros. K. Demchuk. Kiiv: Kritika, 2017. 308 p.

Belyakov Sergey S. — candidate of historical sciences, deputy editor of the journal “Ural” (Ekaterinburg)

Key words: Ukraine, nationalism, monarchism, the “Black hundred”, Taras Shevchenko.

Abstract. The reviewed study is devoted to the historical “symbiosis” of Russian monarchism and the Ukrainian national movement at the beginning of the 20th century.

REFERENCES

Beliakov S. Nakanune bol'shoi voiny: Stoletie Tarasa Shevchenko v Kieve. *Novyi mir*, 2018, no. 2, p. 148–156.

А. А. Силкин

КОРОЛЕВСТВО СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ

Югославия (1918–1941) на страницах
коллективного труда «Югославия
в исторической перспективе» (Белград, 2017)*

Рец.: Jugoslavija u istorijskoj perspektivi. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2017.

Ключевые слова: Первая мировая война, Сербия, образование Югославии, королевская Югославия, сербо-хорватские отношения, межэтнические противоречия на Балканах, Вторая мировая война.

Аннотация. Статья посвящена важнейшему достижению постюгославской исторической науки, а именно – коллективному труду «Югославия в исторической перспективе» (Белград, 2017.), который стал плодом усилий 16 авторов, представляющих историографические школы всех ее бывших республик и двух автономных областей. Множественность интерпретаций – неотъемлемая черта истории Югославии, поэтому в отношении каждого ее периода следует задавать по-разному сформулированные исследовательские вопросы. Этот подход возможен только в рамках репрезентативных мультинациональных коллективных проектов, которые обеспечивают диалог ученых. В результате мы обрели всеобъемлющую картину Югославии, без которой нельзя понять ни два ее распада, ни ее возрождение после Второй мировой войны. Из всех периодов югославской истории, освещенных в работе, мы подробнее всего остановились на межвоенном периоде.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-1-210-223

Написание истории многонационального государства, созданно-

© А. А. Силкин, 2019

Силкин Александр Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва); alexander.silkin.as@gmail.com

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163.

го после Первой мировой войны и распавшегося в конце XX в., – масштабная исследовательская задача. Неудивительно, что в международном проекте, результатом которого стала книга «Югославия в исто-

Историческая политика в странах бывшей Югославии.

рической перспективе» (Белград, 2017)¹, участвовало ни много ни мало 16 авторов, представляющих историографические школы всех ее бывших республик (и двух автономных областей).

Написанный ими труд разделен на четыре раздела. Первый, который следует за «Словом издателя», «Предисловием» и «Введением», посвящен идейной предыстории государственного югославского проекта, реализованного после окончания Первой мировой войны. Во втором югославская история рассматривается с точки зрения результатов национальной политики, осуществлявшейся представителями населявших Югославию народов. Третий посвящен развитию югославского общества в 1918–1991 гг. и современному восприятию наследия распавшегося государства в странах, возникших на его руинах. В четвертом речь идет о внутренних и внешних вызовах, с которыми сталкиваются политические элиты постюгославских республик на пути европейской интеграции.

Сколь серьезный вызов стоял перед авторами, столь непросто и нам предъявить полное и объективное суждение о плоде их усилий. Поэтому нелишним будет сослаться на чужое авторитетное мнение, приведенное на 4-й странице обложки.

Сараевский историк Вера Катц убеждена, что издание станет для читателей «учебным пособием, в ко-

тором научно-обоснованным методом реконструируются как многие факторы, обусловившие появление югославского государства в начале XX в., так и в целом период его существования и распада». Доцент Загребского университета Хрвое Класич отдает должное коллегам за «знание процессов зарождения и развития как югославянской идеи, так и самого государства». По словам белградского профессора Дубравки Стоянович, «мы наконец обрели всеобъемлющую картину Югославии, без которой нельзя понять ни два ее распада, ни два ее возрождения». Это достижение «было невозможно в рамках национальных историографий, которым, как правило, присуща закрытость, антиюгославская направленность и неготовность к глубокому изучению проблем».

Мнение рецензента отражает изначальное представление авторов работы, согласно которому «множественность интерпретаций – неотъемлемая черта истории Югославии, а в отношении каждого ее периода следует задавать по-разному сформулированные исследовательские вопросы» (s. 13). Этот подход возможен только в рамках «репрезентативных мультинациональных коллективных проектов», которые, помимо прочего, «обеспечивают диалог ученых, представляющих национальные историографии. Ведь до них с трудом доходит даже элементарная информация о том, что в мире происходит в сфере их профессиональных интересов (!? – А. С.)». Свою цель авторы и издатель видят в «объективном описании ключевых исторических процессов,

¹ Jugoslavija u istorijskoj perspektivi. Beograd, 2017.

необходимых (так в тексте. — А. С.) для понимания Югославии и ее болезненного распада» (s. 10).

Редколлегия и перечисленные рецензенты сходятся во взглядах и на просветительское значение книги, которая адресована, «в первую очередь молодым поколениям» (s. 11). На молодых, очевидно, рассчитан первый раздел «Многоликое югославянство — как югославянские народы вступают в Югославию (курсив мой. — А. С.)», который состоит из одного очерка Драго Роксандича. По его словам, «речь в нем идет о феноменах и процессах, предвосхищавших южно/славянскую взаимность и южно/славянскую общность» (s. 35). Идейное, языковое и в целом культурное «югославянство до Югославии» автор прослеживает с XVII в.

Оценивая текст Д. Роксандича, следует признать, что изложение предыстории центрального сюжета рассматриваемого коллективного труда не может обойтись без обращения к наследию Юрия Крижанича, Людевита Галя, Йована Раича, Вука Караджича и пр. Однако, как нам представляется, в разделе с вышеуказанным заголовком также было бы уместно коснуться событий, которые непосредственно предшествовали объединению югославян и фатальным образом сказались на их взаимном восприятии и сосуществовании. Увы, в написанном загребским профессором только небольшой абзац (s. 32–33) посвящен тому, чем Первая мировая война стала для сражавшихся друг с другом сербов, хорватов и словенцев, которые, напомним, «вступали»

в свое общее государство напрямик с ее балканских фронтов. Констатируется, что Великую войну нельзя считать лишь братоубийственной, т.к. на стороне Сербии воевали добровольцы из числа подданных Габсбургов, и существовал Югославянский комитет, основанный эмигрантами из Австро-Венгрии.

С учетом ориентации проекта на молодежь в первом разделе логично было бы описать объективные условия, в которых югославяне переходили к «общежителю» и которые весьма его затрудняли. Однако только в середине книги — в 6-м, посвященном Сербии, очерке II раздела — вскользь говорится, что подданных Королевства СХС «разделяли история, вера и традиция», что «общую атмосферу характеризовали глубокие фрустрации, вызванные огромными людскими потерями», а «новые государственные рамки с присутствовавшими в них различными правовыми, образовательными и хозяйственными системами действовали хаотично» (s. 226).

Второй раздел, озаглавленный «Югославский опыт с точки зрения национальных перспектив», состоит из восьми очерков — по числу республик и двух «автономных областей», входивших в состав титовской федеративной Югославии. Представляя раздел читателю, авторы «Введения» Миливой Бешлин и Срджан Милошевич сообщают, что речь в нем идет о политической истории, для изложения которой «целенаправленно подбирались авторы, исследовавшие соответствующую тематику» (s. 21). Автор-

ский «интернационал» придерживался общего подхода, согласно которому межвоенному периоду, т. е. королевской Югославии, в каждом из очерков посвящен только «обзор», а развитию республик или областей в ФНРЮ/СФРЮ уделено «должное внимание».

Мы подобный выбор приоритетов считаем ошибочным. И не потому что Королевство СХС относится в сфере профессиональных интересов автора данных строк, а по той причине, что именно в 20–30-е гг. XX в. начались и набрали ход процессы, изучение которых и составляет заявленную цель проекта. Дважды – в 1941–1945 и 1991–1995 гг. – эти процессы принимали «острую форму», временно «купировать» которую удалось лишь в результате установления тоталитарного режима сталинского типа. С точки зрения закономерности событий прошлого титовский период – «интермедия» в континуитете того, что началось в 1918 г., а в 1991 г. предопределило конечную участь государства и его народов. Поэтому, как нам кажется, судьбоносный межвоенный период югославской истории заслуживает не меньшего внимания, чем послевоенный.

Однако *what's done is done*, и лаконичные «обзоры» – лишь пролог к описанию недавнего социалистического прошлого, которое косные «национальные историографии» незаслуженно представляют сугубо в черном цвете. Божо Репе, напротив, говоря о «пребывании» Словении в составе Югославии, отмечает, что «его результатом стал положительный баланс» (с. 197).

Сараевский историк Хусния Камберович указывает на высокую «степень модернизации, на которую поднялась Босния и Герцеговина в югославянском государстве» (с. 79). При этом авторы коллективного труда, по-видимому, решили, что выигрышные стороны СФРЮ будут особенно отчетливо видны, если оттенить их мрачной картиной межвоенных лет. «В монархической Югославии, – пишет Х. Камберович, – и хорваты, и бошняки были маргинализированы (? – А. С.) по сравнению с сербами. Опыт социализма принципиально отличался. Удалось достигнуть не только формального, но и действительного равноправия». Б. Репе, перечисляя, что было в Югославии «плохого и сомнительного», вскользь упоминает «неверные пути социалистической революции», но основное внимание уделяет «централизму и унитаризму», из-за которых словенцы в КСХС «не оказывали большего влияния на общую государственную политику» (с. 197, 185).

Бегло реконструировав в уме путь, пройденный словенскими и боснийско-мусульманскими деятелями в 20–30-е гг., мы вынуждены выразить несогласие с обоими утверждениями. То обстоятельство, что на протяжении большей части межвоенного периода административно-территориальное устройство Югославии оставалось централистским, имело следствием неспадающую остроту сербско-хорватских противоречий. В этих условиях едва ли не главным фактором целостности страны служила небескорыстная лояльность словенских и мусульманских политиков,

которые, следовательно, извлекали из централизма/унитаризма немалую для себя выгоду. В формировании государственного курса Югославянская мусульманская организация (ЮМО) и Словенская народная партия (СНП) играли весьма существенную роль и в первой половине 1920-х гг., и в конце десятилетия (особенно СНП), и во второй половине 1930-х гг., когда их участие в правительстве Милана Стоядиновича (1935–1939) служило единственным гарантом его устойчивости. Увы, из очерка Б. Репе читатель не узнает, что глава СНП Антон Корошец четыре года подряд возглавлял Министерство внутренних дел, что ранее, в 1928 г., он занимал пост премьер-министра, а в начале 1929 г. единственным из глав запрещенных парламентских партий вошел в состав кабинета, составленного королем-узурпатором Александром Карагеоргиевичем. Точно так же Х. Камберович ничего не говорит об участии «маргинализованных» мусульман в формировании правительства в 1919, 1921–1925, 1927, 1928 гг. и т.д. Не упоминается и тот факт, что участие ЮМО и СНП в центральном правительстве автоматически влекло за собой переход под их контроль местной администрации в тех исторических областях, где компактно проживали массы их сторонников.

Смысл подобной недосказанности в том, чтобы преподнести хорватских, мусульманских и словенских политиков исключительно защитниками собственных народов от гегемонистских притязаний Белграда, а все «свинцовые мерзости» югославской действительности

записать на счет сторонников централизма/унитаризма, т.е. сербов. Наиболее отчетливо это авторское стремление просматривается в очерке, посвященном Хорватии. Иво Гольдштейн игнорирует многие факты, которые в дурном свете представляли бы хорватских политиков или могли бы трактоваться как свидетельство их «неподобающего» сотрудничества с белградским режимом в 20–30-е гг. Так, в параграфе «Первая мировая война и Корфская декларация» утверждается, что в то время как югославянские эмигранты – А. Трумбич, Ф. Супило, И. Мештрович и др. – «возлагали надежды на создание общего государства с Сербией и Черногорией», «сербиянское правительство вело двучинную политику». Выражалось это в том, что, будучи публично приверженным югославянской стратегии, премьер-министр Н. Пашич до последнего не отказывался от «альтернативного варианта». Тот предусматривал увеличение довоенной Сербии «за счет тех областей, присоединение которых не поставило бы под сомнение сербское православное большинство в будущем государстве» (s. 116–117). При этом ничего не говорится о том, что и сами перечисленные хорватские деятели, состоявшие в Югославянском комитете, в течение войны занимались ровно тем же, а именно: искали возможность – как бы сохранить целостность югославянских земель Австро-Венгрии и при этом избежать объединения с Сербией. Одну из последних попыток предотвратить при помощи США «великосербскую оккупацию» А. Трумбич предпринял уже после подписания Корфской декларации и незадол-

го до провозглашения Королевства СХС (*Шемјакин* 2017: 377).

Когда в повествовании появляется «Хорватская республиканская (курсив мой. – А. С.) крестьянская партия (ХРКП)», сообщается, что она бойкотировала в 1921 г. Конституционное собрание. Когда самая массовая политическая организации Хорватии упоминается во второй раз, говорится, что в 1928 г. «ХКП заявила о непризнании Видовданской конституции и государственного устройства» (s. 121–122). В результате неосведомленный читатель так и не узнает, куда делась буква «Р» из аббревиатуры названия партии. Напомним, что в 1925 г. она отказалась от собственного республиканства, признала конституцию (т. е. государственный централизм, национальный унитаризм и монархический строй) и на два года сформировала с сербскими радикалами «правительство народного согласия». При этом, перейдя позднее в оппозицию и потребовав в 1928 г. созыва нового Учредительного собрания, хорватские политики не отреклись от верности королю, как можно было бы понять со слов автора.

Также показательно описание реакции хорватов на государственный переворот, произведенный 6 января 1929 г.: «В первый момент диктатуру поприветствовала и *часть* (курсив мой. – А. С.) хорватской политической сцены, рассчитывавшая, что... легче будет договориться с одним королем, чем с сербскими политиками. А именно, Владко Мачек заявил тогда: “жилет расстегнут, теперь надо его застегнуть”» (s.

124). Хороша «часть»! Абсолютный политический гегемон на «хорватской политической сцене», неоспоримый «вождь хорватского народа» (в 30-е гг.) — единственный из лидеров парламентских партий — осмелился прокомментировать узурпацию власти монархом и поддержал разгон парламента, запрет партий и отмену конституции.

Представление о непричастности хорватских политиков и в целом общества к чему-либо «плохому и сомнительному» нашло выражение и в том, как объясняется энтузиазм одного в связи с «установлением нового, политически близкого нацистам государства». «Тяжкие разочарования периода монархической Югославии довели до того, что многие в Хорватии в апреле 1941 г. приветствовали основание НГХ (Независимое государство Хорватия. – А. С.)» (s. 129)², — с этих слов начинается параграф «“Независимая” Хорватия». Мы полагаем, что фрустрацией, вызванной поражением в Первой мировой войне и его тяжелыми последствиями, можно отчасти объяснить восприятие массами нацистской идеологии в межвоенной Германии. Что касается хорватов, то они, оказавшись в 1918 г. на стороне победителей, даже с учетом пережитого ими в КСХС, не имели причин «разочароваться» настолько, чтобы поддержать террористическую усташескую организацию с ее членоконенавистническими лозунгами. По-видимому, сыграли роль и определенные черты собственно

² Слово «разочарование» встречается в очерке 5 раз.

хорватского общества. Как, например, присущие ему этнические и религиозные фобии, к которым апеллировала Х(Р)КП, по общему признанию, решившая в 20–30-е гг. задачу национальной консолидации хорватского народа.

Стремление поколебать традиционное представление о том, кто в квислингском квазигосударстве был преступником, а кто жертвой, можно усмотреть и в очерке Х. Камберовича. Восстание сербского населения Герцеговины против властей НГХ в июне 1941 г. он объясняет не только насилием со стороны усташей, но и тем, что сербы, в отличие от хорватов и бошняков, «отказывались принять НГХ в качестве государственных рамок, в которых они могли бы строить свое будущее» (s. 71). Таким образом, если проводить аналогии, опираясь на логику рассуждений сараевского исследователя, то и евреи в Третьем рейхе «отказывались строить в нем свое будущее»...

Нашего несогласия с мнением авторов или их выбором сюжетов и фактографии недостаточно для вынесения окончательного суждения о написанном ими. В конце концов, каждый имеет право на свое видение истории. Более весомое основание для оценки достоверности картины прошлого, представленной в рассматриваемой работе, — существенные фактологические ошибки и несостоятельная аргументация тех или иных тезисов. Пример таковой мы обнаруживаем в очерке, посвященном Боснии и Герцеговине.

Х. Камберович, говоря о положении трех основных конфессий

в Королевстве СХС/Югославия, отмечает, что только Сербская православная церковь (СПЦ) могла похвастать «высокой степенью сотрудничества» с властью. Что касается мусульманского духовенства и католической церкви, то они с момента создания государства «выражали ему свою преданность». «*Вопреки этому* (курсив мой. — А. С.), — продолжает автор, — определение статуса католической церкви было сопряжено с многочисленными проблемами, на что указывает провал проекта конкордата с Ватиканом» (s. 65). И далее: «отдельные религиозные общины, несмотря на формальное равноправие, сталкивались с различными вызовами на местах». За уклончивыми формулировками кроется утверждение, что в Королевстве СХС/Югославия мусульмане и католики — и духовенство, и паства — фактически подвергались дискриминации. Так ли это — сложный вопрос, который не уместно разбирать в рамках данной рецензии. Примеры «вызовов», которые приводит автор, не имеют отношения к религиозной принадлежности тех, кто с ними сталкивался. Ясно лишь то, что эпизод с незаконченной парламентской ратификацией конкордата в 1937 г. не может служить иллюстрацией какого-либо ущемления прав «латинян» и магометан, осуществлявшегося правительством «вопреки» их лояльности.

Напомним, что конкордат с Ватиканом разрабатывался еще при жизни короля Александра, стремившегося снискать симпатии католического клира и его паствы. Договор подписан в Риме уже после гибели мо-

нарха (в октябре 1934 г.), а одобрен нижней палатой парламента летом 1937 г. СПЦ, недовольная тем, что документ наделял «конкурентов» правами, которыми она сама не располагала, организовала уличные протесты, а также предала анафеме всех, проголосовавших за ратификацию соглашения. На стороне СПЦ выступали сербские оппозиционные партии, ухватившиеся за возможность продемонстрировать непопулярность и нелегитимность премьер-министра М. Стоядиновича. Тот, инициировав процедуру ратификации, руководствовался теми же соображениями, что и покойный король. От последнего этапа утверждения — голосования в Сенате — правительство отказалось, осознав, во-первых, шаткость своих позиций внутри Сербии и, во-вторых, индифферентность к судьбе конкордата, собственно, масс католиков и их политических представителей. Показательно мнение лидера ХКП В. Мачека: «Если бы я был в правительстве, моим первым предложением стало бы убрать конкордат из повестки дня. Конкордат не нужен ни нам, хорватам, ни сербам»³.

В целом политическая жизнь 1930-х гг. стала своеобразным «Бермудским треугольником», в котором авторы потеряли ориентацию. При этом некоторые ошибки — следствие неполноты знаний о сюжетах и посвященной им историографии, тематически и хронологически выходящих за рамки узкой специализации тех, кто их

допустил. Другие появились в тексте по причине элементарной небрежности.

Примером первых может служить описание Б. Репе того, как СНП образовала правительственную коалицию с ЮМО и сторонниками М. Стоядиновича: «В 30-е гг. она (СНП. — А.С.) стала частью Югославской народной партии, т.е. Югославского радикального объединения» (s. 186). В данном предложении сразу несколько ошибок. Во-первых, автор, по-видимому, имел в виду не маргинальную крайне правую Югославскую народную партию, а Югославскую национальную партию (ЮНП), основанную по указанию короля Александра. Предположим, что Народная партия появилась в тексте из-за некорректного перевода со словенского на сербский. Так или иначе, СНП не имела никакого отношения ни к «народникам», ни к ЮНП, которая поначалу носила громоздкое название «Югославская радикально-крестьянская демократия». А Корошек понимал бесперспективность попытки расширить социальную базу терявшего популярность диктаторского режима путем создания массовой проправительственной организации. Поэтому, дабы не участвовать в заведомо провальном деле, он дальновидно вышел из кабинета министров и присоединился к оппозиции. Во-вторых, Югославское радикальное объединение (ЮРО), в которое летом 1935 г. вошли словенцы и мусульмане, не было преемником ЮНП, а создавалось в пику ей и вместо нее. Марионетка короля ЮНП утратила свои позиции после его гибели,

³ Цит. по: (Boban 1974: 288); см. также: (Stojkov 1985: 209–223).

а ЮРО формировалась другими людьми и обслуживала интересы следующего правителя — князя-регента Павла. ЮНП твердо придерживалась идеологии национально-го унитаризма, в то время как ЮРО, сохраняя ей верность на словах, на практике перестала ею руководствоваться. За ревизионизм ЮРО неизменно подвергалась критике со стороны теперь уже оппозиционной ЮНП.

Латинка Перович, описывая последние парламентские выборы, состоявшиеся в Королевстве Югославия в декабре 1938 г., утверждает, что «избирательная победа хорватской и сербской оппозиции... предоставила князю Павлу возможность ввести в правительство Драгишу Цветковича — политика малоизвестного, но готового к поиску компромисса с хорватами» (s. 230). На самом деле Д. Цветкович к февралю 1939 г., когда Павел назначил его главой кабинета, уже три с лишним года (с конца 1935 г.) был министром социальной политики, и его хотя бы поэтому нельзя считать «малоизвестным». Кроме того, за свою политическую карьеру он несколько раз избирался мэром крупного города Ниш, а в 1928 г. ему принадлежал портфель министра по делам религии в правительстве А. Корошеца. И, наконец, Объединенная оппозиция не выиграла, а проиграла последние в королевской Югославии выборы. Список во главе с В. Мачеком получил 44,9% голосов, а за ЮРО проголосовало 54,09% избирателей. Согласно действовавшему избирательному закону, партии власти достался 301 мандат, а оппозиции — всего 64.

Далее Л. Перович останавливается на государственном перевороте, состоявшемся 27 марта 1941 г., в результате которого был смещен князь-регент Павел, а правительство от имени короля Петра II сформировал генерал Д. Симович. При этом утверждается, что только Сима Чиркович — «единственный из сербских историков» (s. 231) — обратил внимание на то обстоятельство, что новое правительство не отозвало подпись свергнутой власти под договором о присоединении Югославии к Тройственному пакту (25 марта 1941 г.). Во-первых, С. Чиркович не только не единственный, но и, разумеется, далеко не первый, кто отметил сей факт (*Petranović* 1981: 180; *Понович* 2003: 239). Во-вторых, недоумение вызывает обращение к книге выдающегося медиевиста (*Ćirković* 2004: 268), которую он написал, дабы в общих чертах и в доступной форме познакомить широкую зарубежную аудиторию с сербской историей от средневековья до наших дней. В блестящей работе, в переводе которой на русский язык нам посчастливилось участвовать (главы 5–8 из 8), описываются, помимо прочего, и события эпохи мировых войн. Однако от этого С. Чиркович не становится специалистом по новейшей истории, на мнение которого стоило бы ссылаться, когда речь заходит о ситуации в Югославии накануне нападения нацистской Германии (апрель 1941) или о Салоникском процессе над тайной офицерской организацией «Черная рука» (1916–1917). Л. Перович решила иначе. Поэтому в ее текст переключало ошибочное утверждение Чирковича, что полковник Драгутин

Димитриевич-Апис «предстал перед военным судом по обвинению в якобы планировавшемся покушении на принца-регента Александра» (Чиркович 2009: 316–317; s. 224). На самом деле, по версии трибунала, покушение не «планировалось», а уже состоялось летом 1916 г.

При описании событий Второй мировой войны Л. Перович также излишне полагается на работы чужие мнение либо не может считаться вполне квалифицированным, либо устарело вместе с идеологией, которой оно было продиктовано. К 2017 г. отечественными и белградскими историками (Гибанский 2011: 497–498; Тимофејев 2011: 321–322) доказана несостоятельность позаимствованного из все той же книги С. Чирковича (Чиркович 2009: 347) расхожего мифа о том, что «Сталин попросил руководство партизанского движения, чтобы в освобождении Белграда участвовали части Красной армии» (s. 235). А утверждение, будто четники Дражи Михайловича ничуть не меньшие злодеи, чем усташы (s. 233), едва ли выглядит более убедительным от того, что его подкрепляет ссылка на одну лишь опубликованную в 1983 г. книгу Б. Петрановича с красноречивым названием «Революция и контрреволюция в Югославии» (Petranović 1983).

Как уже было сказано выше, проявления неосведомленности следует отличать от ошибок и неточностей, допущенных по невнимательности. От последних не застрахован никто, и на их основании нельзя ставить под сомнение чью-либо квалификацию. Однако мы вправе

более придирчиво подходить к коллективному труду, за составление которого отвечает редколлегия в составе 6 человек. Приходится констатировать, что небрежность характеризует редакторскую работу, следов которой нет как раз в тех местах, где она абсолютно необходима. В результате Х. Камберович, написавший политическую биографию главы ЮМО Мехмеда Спахо, указывает, что тот вступил в союз с М. Стоядиновичем и А. Корощецем (s. 68) в 1936 г., а не в 1935 г., как было на самом деле. А И. Гольдштейн «забывает» о выборах 1938 г. и приписывает их последствия предыдущей избирательной кампании. В параграфе «Покушение на короля и Соглашение Цветкович-Мачек» загребский историк в одном абзаце сообщает о выборах 1935 г., в следующем — о последовавшей «вскоре после этого» встрече В. Мачека с князем Павлом, в ходе которой тот отверг требование хорватов «назначить новые выборы», а в третьем — уже о Соглашении и создании Бановины Хорватия в сентябре 1939 г. (s. 127–128). Отметим, что в другой книге хорватского исследователя (Goldstein 2008: 187) декабрьские выборы 1938 г. упоминаются.

Кроме того, в разных главах при описании сугубо формальных сторон одних и тех же исторических явлений встречаются неуместные разночтения. Например, Х. Камберович указывает следующий состав Государства словенцев, хорватов и сербов, возникшего на развалинах Австро-Венгрии и просуществовавшего пару месяцев: Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина (s. 61). А по словам И. Гольдштейна,

Государство СХС «охватывало Словению, Хорватию, БиГ и Воеводину» (s. 117). В результате читателю удастся преодолеть замешательство только к последнему во II разделе очерку, написанному М. Бешлиным (s. 284–285). После подробного описания обстоятельств самостоятельного присоединения Воеводины к Сербии становится ясно, что прав Х. Камберович.

Единообразия нет и там, где оно обязательно должно присутствовать в любой коллективной работе, а именно – в справочном аппарате. Полноценно – со сносками и списком не/опубликованных источников и литературы в конце текста – его оформили только трое. Остальные ограничились «библиографией». Подход к ее составлению вызывает определенные вопросы. С учетом просветительского назначения труда было бы логично, если бы «молодые поколения» узнали о наиболее «свежих» и актуальных в научном плане работах по соответствующей тематике. Однако практика подтверждает справедливость слов Д. Роксандича, что постюгославские историки плохо знакомы с тем, «что в мире происходит в сфере их профессиональных интересов». Например, если судить по «библиографиям», российская сербистика/югославистика либо «прошла мимо» авторского коллектива, либо воспринимается им как абсолютно не заслуживающая упоминания. Игнорируются даже те отечественные исследователи, работы которых, будучи переведенными на сербский язык, стали вехами в развитии, собственно, сербоязычной историографии. В част-

ности, в параграфах, посвященных сербской истории последней четверти XIX в., присутствуют ссылки на С. Чирковича (s. 215), но не на куда более уместного А. Л. Шемякина⁴.

Итак, участники проекта облегчили себе задачу и перечислили только то, что им пригодилось. Но и с этим не все вышло гладко. В очерках по крайней мере двух авторов – Х. Камберовича (s. 59) и Л. Перович (s. 226) – присутствуют цитаты из книг, которых нет в составленных ими списках. А ведь речь идет о важнейших источниках – мемуарах Ивана Мештровича (*Meštrović* 1969: 64) и ежегодных отчетах посольства Великобритании в Белграде, опубликованных под редакцией Ж. Аврамовского (*Avramovski* 1986: 145).

В библиографиях авторы использованных книг указаны в алфавитном порядке – по первым буквам фамилий. Но есть и два исключения. М. Бешлин за основу очередности взял не фамилии, а имена. Черногорский историк Шербо Растодер перечислил книги совершенно произвольно, не оглядываясь на алфавит или на год издания (s. 108–114). В излишнем педантизме нельзя упрекнуть и И. Гольдштейна, который не указал ни имен, ни даже инициалов, ни полных названий книг, ни места и времени публикации. Достаточно фамилии, первых двух слов из заголовка и номера страницы. Последний, впрочем, неизвестно к чему относится в тексте, лишенном ссылок. Напри-

⁴ URL: inslav.ru/people/shemyakin-andrey-leonidovich.

мер, хорватский исследователь первым ссылается на известныйopus Рудольфа Бичанича: «*Bićanić, Ekonomska podloga, 70*» (s. 146). Вторым его указывает Владимир Глигоров: «*Bićanić, R. Ekonomska podloga hrvatskog pitanja. Zagreb 2004 (prvo izdanje 1933)*» (s. 413).

Таким образом, то, как в рецензируемой работе описано пребывание югославянских народов в Королевстве СХС/Югославия, едва ли приближает к цели, оговоренной на первых страницах. К слабым сторонам второго раздела можно отнести то, что его главы – ни по отдельности, ни в совокупности – не позволяют даже в общих чертах реконструировать хронологию основных событий межвоенного времени, в чем была бы заинтересована целевая аудитория издания. Кроме того, вместо анонсированной «множественности интерпретаций» и критического переосмысления результатов национальных историографий читателю предлагается воспроизведение стереотипов, которые сформировались в их рамках. Эти стереотипы – плод идеологизированного морализаторского подхода, руководствуясь которым исследователь озабочен не столько установлением логики и закономерностей неоднозначных процессов, сколько распределением исторических персонажей по категориям: «реакционный» и «прогрессивный», «угнетатель» и «угнетаемый», «централист» и «федералист» и т. д. Показательны заголовки глав и параграфов: «Соппротивление централизму»; «Эксплуатация в централистской Югославии»; «Борьба за автономию»; «Деструкция авто-

номии»; «Против колониального статуса»; «Разочарование в новом государстве» и т. п. Восприятие авторами подобного упрощенного видения прошлого, сознательное или несознательное, облегчает задачу написания «обзора» событий, знания о которых недостаточны.

Однако все вышесказанное не означает, что ничто в рассматриваемом труде не заслуживает высокой оценки. Научным критериям соответствуют главы и параграфы, которые, во-первых, освещают тематику, относящуюся к «узкой» специализации исследователей. Во-вторых, те, в которых при описании недавнего прошлого авторы идут наперекор сегодняшнему политико-идеологическому «мейнстриму», обусловленному интересами правящих националистических кругов отдельных постюгославских республик.

В активе Х. Камберовича – описание взаимоотношений политической элиты Боснии и Герцеговины с контрагентами в Загребе и Белграде на протяжении короткого, но содержательного отрезка времени между распадом Австро-Венгрии и формированием Югославии. По сравнению с несколькими страницами, посвященными 1920–1930-м гг., параграф «Между Государством СХС и Королевством СХС» отличает внутренняя логика и, следовательно, убедительность повествования, а также, что показательно, больший объем (s. 58–64). Ценность представляет изложение Л. Перович сербской истории, во-первых, последней четверти XIX в. и, во-вторых, второй половины XX в. (s. 217–221, 235–247).

Проявлением принципиальности можно считать вывод И. Гольдштейна, что одной из причин роста «этнонационализма» в СФРЮ и «распада федерации» в начале 1990-х гг. стала «слабо развитая политическая культура – как в Хорватии, так и на всем югославском пространстве. Общество стало заложником “авторитарности массы”, т.е. его представители действовали не как личности, а как масса» (s. 144).

Несомненным вкладом в изучение югославской истории стал третий раздел труда, посвященный социокультурной и экономической проблематике. Особого упоминания заслуживают очерки Срджана Милошевича и Мити Великони. Белградскому исследователю следует отдать должное, во-первых, за то, что он акцентирует внимание на расхождении между «крестьянской» риторикой/идеологией межвоенных политических представителей югославян и реальным положением села в королевстве (s. 335). Во-вторых – за оппонирование ныне распространенному и лишённому научных оснований тезису об изначальной обречённости Югославии «как государственного проекта» (s. 17). Профессор Люблянского университета рассматривает историческую память югославян о своем бывшем совместном государстве как важнейший и потенциально позитивный фактор их взаимоотношений в настоящем и будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гибанский 2011 – *Гибанский Л.Я.* Возникновение новой югославской государственности. Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М.: Индрик, 2011.

Поповић 2003 – *Поповић Н.А.* Слободан Јовановић и југословенска држава. Београд, 2003.

Тимофејев 2011 – *Тимофејев А.* Руси и Други светски рат у Југославији : утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011.

Чиркович 2009 – *Чиркович С.М.* История сербов. М., 2009.

Шемјакин 2017 – *Шемјакин А.* Фебруарска револуција 1917. у Русији, Никола Пашић и Крфска декларација. Србија и Руска револуција 1917. Нове теме и изазови. Тематски зборник радова. Београд, 2017.

Avramovski 1986 – *Avramovski Ž.* Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu. Knj. 2 (1931–1938). Beograd; Zagreb, 1986.

Boban 1974 – *Boban Lj.* Maček i politika Hrvatske seljačke stranke 1928–1941. I. Zagreb, 1974.

Ćirković 2004 – *Ćirković S.M.* The Serbs. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2004.

Goldstein 2008 – *Goldstein I.* Hrvatska 1918–2008. Zagreb, 2008.

Meštrović 1969 – *Meštrović I.* Uspomene na političke ljude i događaje. Zagreb, 1969.

Petranović 1981 – *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1978. Beograd, 1981.

Petranović 1983 – *Petranović B.* Revolucija i kontrarevolucija u Jugoslaviji (1941–1945.). I–II. Beograd, 1983.

Stojkov 1985 – *Stojkov T.* Vlada Milana Stojadinovića (1935–1937). Beograd, 1985.

KINGDOM OF SERBS, CROATS AND SLOVENES

Yugoslavia (1918–1941) in the pages of the collective work “Yugoslavia in historical perspective” (Belgrade, 2017)

Rev.: Jugoslavija u istorijskoj perspektivi. Beograd: Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji, 2017.

Silkin Alexander A. – candidate of historical sciences, senior researcher, Institute for Slavonic Studies RAS (Moscow)

Key words: World War I, Serbia, the formation of Yugoslavia, royal Yugoslavia, Serbo-Croat relations, inter-ethnic contradictions in the Balkans, World War II.

Abstract. The article is devoted to the most important achievement of post-Yugoslav historiography, the collective monograph “Yugoslavia in historical perspective” (Belgrade, 2017.), which is the offspring of the 16 authors representing the history schools of all its former republics and two autonomous regions. The diversity of interpretations is an attribute of the Yugoslav history. So each period should be addressed with differently formulated research questions. This approach is possible only within the framework of representative multinational collective projects that provide a dialogue of historians. As a result, we have acquired a comprehensive picture of Yugoslavia, without which neither its two disintegration nor its revival after the World war II can be conceived. Of all the periods of Yugoslav history covered in the monograph, we have focused on the interwar period.

REFERENCES

Avramovski Ž. *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izveštaji britanskog poslanstva u Beogradu. Knj. 2 (1931–1938)*. Beograd; Zagreb, 1986.

Boban Lj. *Maček i politika Hrvatske seljačke stranke 1928–1941*. I. Zagreb, 1974.

Chirkovich S.M. *Istoriia serbov*. Moscow, 2009.

Gibianskii L.Ia. *Vozniknovenie novoi iugoslavskoi gosudarstvennosti. Iugoslaviia v XX veke: Oчерki politicheskoi istorii*. Moscow: Indrik, 2011.

Ćirković S.M. *The Serbs*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2004.

Goldstein I. *Hrvatska 1918–2008*. Zagreb, 2008.

Meštrović I. *Uspomene na političke ljude i događaje*. Zagreb, 1969.

Petranović B. *Istorija Jugoslavije 1918–1978*. Beograd, 1981.

Petranović B. *Revolucija i kontrarevolucija u Jugoslaviji (1941–1945)*. I–II. Beograd, 1983.

Popović N.A. *Slobodan Jovanović i jugoslovenska država*. Beograd, 2003.

Shemjakin A. *Februarska revolucija 1917. u Rusiji, Nikola Pashin i Krfska deklaratsija. Srbija i Ruska revolucija 1917. Nove teme i izazovi. Tematski zbornik radova*. Beograd. 2017.

Stojkov T. *Vlada Milana Stojadinovića (1935–1937)*. Beograd, 1985.

Timofejev A. *Rusi i Drugi svetski rat u Jugoslaviji: utisaj SSSR-a i ruskih emigranata na događaje u Jugoslaviji 1941–1945*. Beograd, 2011.

А. А. Тесля

ШЛЕЦЕР, СЫН ШЛЕЦЕРА: ПИСЬМА ИЗ РОССИИ*

Рец.: «У меня и в Москве есть повод быть довольным». Переписка Христиана фон Шлецера с семьей. Жизненные миры гуманитариев, трансфер знаний и культуры в России начала XIX века / введение, комментарий, общ. редакция А. Каплуновского; пер. с нем. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 576 с.: ил. (серия «История науки»).

Ключевые слова: письма, русско-немецкие культурные связи, источниковедение, Московский университет.

Аннотация. Рецензируется издание переписки немецкого юриста и экономиста Христиана фон Шлецера, профессора Московского университета.

DOI 10.31754/2409-6105-2019-1-224-229

В последние два десятилетия история российских университетов и отечественного образовательного пространства переживает взлет, отмеченный публикациями как целого ряда обстоятельных исследований, так и первоисточников (отметим особо серии «Ubi universitas,

ibi Europa» издательства «Политическая энциклопедия» и «История науки» издательства «Новое литературное обозрение»). Во многом это связано и с изменением фокуса исследований вслед за общемировой тенденцией – университет и иные образовательные учреждения теперь во многом привлекают интерес как институции, через изучение которых можно увидеть процессы культурной, социальной, экономической трансформации. Ведь выступая одним из ключевых элементов образования сферы общественной коммуникации, они одновременно, хотя и в разной степени, выступают и в качестве агентов правитель-

© А. А. Тесля, 2019

Тесля Андрей Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград); mestir81@gmail.com

* Работа поддержана из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

ственной политики, являясь при этом как объектами последней, так и ее оппонентами.

Российское университетское пространство первых десятилетий XIX в. оказывается и местом встречи (и одновременно – социальной сегрегации) для выходцев из разных общественных и культурных сред, транслирующих в новой ситуации свой наличный опыт и/или активно перенимающих иной и выстраивая нечто третье.

Эго-документов по ранней истории российских университетов не очень много – и тем больший интерес представляет изданная недавно (в 2014 г.) по-немецки и теперь вышедшая в русском переводе переписка Христиана Шлецера с семьей, преимущественно относящаяся к 1796–1807 гг.

Христиан Шлецер, старший сын известного историка, профессора Гёттингенского университета Августа Людвига фон Шлецера (памятного в отечественной историографии в первую очередь своей работой над русскими летописями и в высшей степени примечательными мемуарами, посвященными годам его пребывания в России), провел в Российской империи большую часть своей жизни – отправившись в Петербург в 1796 г. и покинув империю на исходе 1826 г. в статусе заслуженного профессора Московского университета, где занимал кафедру с 1802 г. Во введении к биографии отца Христиан Шлецер писал:

«Очень рано, уже в середине двадцать второго года моей жизни,

невыносимый произвол и взбалмошность, которыми характеризовалось обращение со мною со стороны отца, не оставили мне иного выхода, кроме как отказаться впредь от какой бы то ни было поддержки с его стороны и, рассчитывая лишь на собственные силы, пуститься в неизвестность и самостоятельно добиваться подобного положения в жизни в чужом огромном мире» (с. 14).

Если жалобам на характер отца в полной мере доверять невозможно, в силу того, что родные в свою очередь весьма критично отзывались о характере самого Христиана, то во всяком случае семейство Августа Шлецера было объектом приложения его педагогических воззрений – своего рода экспериментальным полем (см. преимущественно: с. 22–25). Получив образование в Гёттингенском университете и, на взгляд отца, преждевременно покинув его, Христиан отправляется в Российскую империю в поисках удачи. Конфликты с отцом привели к тому, что Христиан отправился в Российскую империю не ради профессорской должности (для чего требовалась активная поддержка отца), а избрав для начала положение домашнего учителя – этот заработок он находит в домах наиболее успешных представителей московской «немецкой колонии»: сначала в семействе врача Фрезе, а затем перейдя к семье другого известного медика – Керестури.

Примечательно, что та жизнь Христиана, что отражена в его переписке с отцом и матерью, начиная с приезда в Петербург и вплоть

до 1807 г., когда он уже более пяти лет занимает профессорскую должность в Московском университете, практически целиком проходит в немецком кругу. Он переходит из одного немецкого сообщества в другое, общается с курляндскими, лифляндскими и эстляндскими немцами, обнаруживая существенное различие в отношении первых в отличие от двух вторых групп к Российской империи, которая всего за несколько лет до этого присоединила Курляндию. Для ее немцев этот опыт оказался, по крайней мере в оценке Шлецера, существенно отличным от опыта немцев Лифляндии и Эстляндии, за многие десятилетия пребывания в империи выработавших свои эффективные способы взаимодействия с петербургскими властями.

Значение немецкой среды в биографии Шлецера проявилось и в том, что степень владения им русским языком уже после многолетнего пребывания в Москве оставалась довольно дискуссионной. Письма Шлецера домой полны наблюдений о том, сколь отлична жизнь московских немцев от привычной ему. Если визиты, нанесенные им сразу же по прибытии в Петербург, не столько даже разочаровали, сколько напугали его — увидевшего тех, от кого надеялся получить поддержку и протекцию (эти люди жили зачастую в условиях, которые никак не соотносились с понятием «успеха» или «благополучия»), то в Москве он увидел совершенно другую жизнь. Так, описывая отцу семейство Керестури, в котором ему было поручено в первую очередь воспитание сына, Шлецер замечает:

«<...> все здешние врачи как дворяне (!) считают для себя позором отправлять своих сыновей обучаться какому-нибудь ученому ремеслу. Они должны служить» (с. 239, письмо к отцу от 11 (22) марта 1800 г., Москва).

В образе жизни Фрезе его изумляют как доходы знаменитого и популярного врача, так и то, что его наниматель склонен был большую часть из них тратить на текущие расходы, откладывая весьма немногое. В связи с этим Шлецер излагает отцу собственные соображения:

«Касательно того, что я сказал о расходах Фрезе, мне приходится опасаться, что Вы меня неверно поняли. Я знаю вашу теорию, дражайший отец, и никто не может согласиться с ней больше, чем я сам. Не правда ли: каждый должен на свой заработок устроить себе столько радостных дней, сколько может, а не копить а la Бекман² глупейшим образом для своих детей. Я тогда предположил, что Фрезе расходует своего дохода. И как же, думал я, он это расходует? Он держит множество слуг, лошадей, гостей и т.д. Сам-то он удовольствий получает от этого как раз меньше всех: он ест не лучше и пьет не лучше, чем любой другой член семьи в доме. В противоположность этому, он жертвует собой и с 9 часов утра до 3, а во второй половине дня до 7–10 часов объезжает пациентов, в то время как его семья наслаждается жизнью. Я про себя подумал:

² Иоганн Бекман (1739–1811), экстраординарный профессор философии (1766), профессор экономики в Геттингенском университете, близкий друг Августа Шлецера.

почему Фрезе жертвует собой, чтобы обеспечить такие расходы, которые ему самому не доставляют большого наслаждения, а его семье, если ей рано или поздно придется обходиться без него, лишь вредят» (с. 180–181, ок. 1797 г.).

Описывая свое путешествие в Митаву, Христиан рассказывает отцу о своих наблюдениях при въезде в пределы Эстляндии со стороны Пскова (путь был зимний, и Христиан, ради необычности опыта, избрал езду по замерзшему Чудскому озеру):

«Во вторник 29 января / 9 февраля [1801 г.] я увидел первый немецкий трактир, построенный на немецкий манер, окруженный немецкими хозяйственными постройками, и это привычное зрелище вызвало во мне душевный подъем. Но одновременно я увидел и первых эстонцев в черных грязных костюмах, исполненных оцепенения и флегмы, созданий, представляющих собой нечто среднее между человеком и обезьяной, и это сразу же нарушило мою приятную иллюзию, будто я в Германии» (с. 255).

И тут же можно заметить, как за минувшие годы успел измениться, «омосковиться» сам Шлецер — которого в Эстляндии неприятно удивляет, как его принимают люди, «которых знал по Москве»: «нелюбезно, по-филистерски, и я очень тосковал по русскому гостеприимству» (с. 257)³.

³ Сопоставление немецкого и русского опытов даст Шлецеру повод и для иных наблюдений, в частности в письме к отцу от 6 (18) апреля 1802 г.: «Некоторые рутинные

При этом, по крайней мере на уровне самоописаний, адресованных отцу и матери, Шлецер осмысляет свой выбор ученых занятий совершенно вне категорий «призвания» и т. п. — это же относится и к выбору конкретных дисциплин. Как отмечает он в письме к отцу от 25 декабря 1802 г. (6 января 1803 г.) по поводу Москвы: «Тут можно учить чему угодно, потому что конкуренция зачастую отсутствует» (с. 324) — и одно время вынашивает планы сделаться врачом, используя свои предшествующие занятия в Гейдельберге медициной.

Впрочем, Шлецер — по крайней мере вскоре по занятии профессорской должности в университете — был склонен судить о московских порядках и возможностях, транслируя знакомый ему по учебе и по родительскому дому опыт немецких университетов. Он, в частности, сильно надеялся на доходы от частных курсов (*privatissimum*) и от организации для «юного русского дворянства зимнего коллегияма», где намерен был предложить «все самое увлекательное из естественной истории, экономики,

привычки, которые я презирал в Германии как рутину и на которые новейший философ с гордым самомнением по априорным причинам взирает сверху вниз, только в России сделались чем-то весьма respectable. Я почувствовал, как в нации невозможно законам быть надлежащим образом исполняемым, если это не будет делаться в соответствии с определенными формами, которые людям, занимающимся исполнением законов, представляются священными и неприкосновенными. Как часто мне не хватало в России духа немецких судей, потому что они не знают более великого идола, нежели их “Свод права”, более глубокой и полезной науки, нежели правоведение!» (с. 284–285).

технологии, а может быть, и из физики», при этом риторически вопрошая: «Разве не могу я требовать 15 руб. гонорара и рассчитывать на 100 слушателей?» (с. 324, см. также: с. 331–332, 351).

С течением времени Шлецер осознает, что чтение частных курсов в Москве не может послужить ему достаточным источником дохода — и обратится к гораздо более стандартному способу обеспечить себе дополнительные к профессорскому званию средства, а именно к организации частного пансиона. К сожалению, сложно сказать, насколько этот опыт оказался удачным. Вероятно, в достаточной мере, поскольку после 1812 г., когда Шлецер потерял все свои накопления и собранные им коллекции и учебные материалы, он вновь обратился к тому же начинанию — и этот пансион существовал, унаследованный коллегой, уже и после того, как Шлецер покинул пределы империи.

Письма Христиана Шлецера отцу, как и недавно опубликованная его переписка с попечителем университета М.Н. Муравьевым, интересны, помимо прочего, отражением напряженной борьбы за ранги и соответствие с коллегами — тем более что сам Шлецер оказался в не очень удобном положении: по времени вхождения в профессорское сообщество он примыкал к тем приглашенным из Германии профессорам, что прибыли после принятия Университетского устава (1804 г.), при этом не принадлежал к ним, приехав в Россию еще в 1796 г. Свои цели Шлецер формулировал для себя весьма ясно, утверждая в пись-

ме к матери от 26 апреля 1801 г.: «Я знаю только две вещи, которые заставляют меня ощущать полный душевный подъем: это честь и приобретение денег» (с. 266; ср. письмо к отцу, 7 (19) июля 1802, Москва — «заработать почет и деньги», с. 300). При этом «почет», «честь» — категория вполне объективная, определяемая через соотнесение с собственными делами и с положением коллег по университету. Со своей стороны, и Муравьев старается поощрять молодого и многообещающего профессора — как отметит сам Шлецер, для профессоров предметом зависти, радующей пишущего как свидетельство успеха, станут две высочайшие награды, полученные им менее чем за год (1804–1805). Рассуждая о качествах, которые давали ему преимущество в роли профессора, Шлецер отмечает опыт, светскость, знание новых языков (с. 280, письмо к отцу от 6 (18) апреля 1802 г.), и это были качества, значимые с точки зрения привлечения к университету дворянства (с. 286).

Как уже отмечалось, о последующих годах службы Христиана Шлецера в Московском университете информации сохранилось не очень много — выслужив положенные 25 лет, он был уволен в почетную отставку и несколько лет затем прожил сначала в Бреслау, а затем в Бонне, где занял должность экстраординарного профессора философского факультета и подготовил биографию отца. Скончался он 16 ноября 1831 г. в Висбадене, незадолго до своего 57-летия — а его российские ученики, среди которых были Александр Грибоедов,

Николай Тургенев и Петр Чаадаев, оставили о профессоре весьма неоднозначные отзывы (см. с. 60–

61) – впрочем, профессорское звание с приятностью права ассоциируется редко.

SCHLÖZER, THE SON OF SCHLÖZER: THE LETTERS FROM RUSSIA

Rev.: “U menia i v Moskve est' povod byt' dovol'nym”. Peregiska Khristiana fon Shletsera s sem'ei. Zhiznennye miry gumanitariiev, transfer znanii i kul'tury v Rossii nachala XIX veka, vvedenie, kommentarii, obshch. redaktsiia A. Kaplunovskogo; per. s nem. K. Levinsona. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, 576 p.: il. (seriia “Istoriia nauki”).

Teslya Andrei A. — candidate of philosophical sciences, senior researcher of Institute for the Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University (IKFBU) (Kaliningrad)

Key words: correspondence, Russian-German cultural ties, source studies, Moscow University.

Abstract. The edition of correspondence of Christian von Schlözer, German expert in law and economics, professor of the Moscow University is reviewed.

Е. П. Серапионова

Рец.: *Иностранцев М.А.* Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. д.и.н. А. В. Ганина. М., 2017. 928 с.

Ключевые слова: Российская революция, Гражданская война в России, русская военная эмиграция, генерал М. А. Иностранцев, воспоминания.

Аннотация. Рецензия на издание тома воспоминаний профессора Николаевской военной академии генерала М. А. Иностранцева, посвященных, прежде всего, событиям Первой мировой и Гражданской войн.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-1-230-237

В 2017 г. усилиями д.и.н., ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН А. В. Ганина, выявившего фрагменты рукописи в Государственном архиве Российской Федерации и подготовившего их к изданию, увидели свет воспоминания профессора Военной академии генерала Михаила Александровича Иностранцева. Мемуары М. А. Иностранцева состоят из нескольких частей и представляют собой еще один ценный источник сведений о жизни в Российской империи конца XIX – начала XX в., а также о Первой мировой и Гражданской войнах. Наиболее детальное освещение получили революционные события в Петрограде, деятельность военно-учебных заведений в это время, развал армии и Гражданская война на Востоке России.

Воспоминания предваряет подробная вводная статья редактора и составителя А. В. Ганина, в которой воссоздана биография М. А. Ино-

странцева, отражены наиболее любопытные моменты его мемуаров. В кратком редакторском введении содержится характеристика личного архивного фонда Иностранцева, объясняются трудности подготовки воспоминаний к публикации, состоящие в том, что они не были полностью завершены, в их фрагментарности. Это отчетливо видно, если сравнить содержание воспоминаний, которые хотел написать автор, и те тексты, которые были им написаны.

Первая часть под названием «Мои воспоминания» содержит две главы «Детство» и «Гимназические годы». Михаил Иностранцев родился 26 июля 1872 г. в Вене в семье ученого, члена-корреспондента Академии наук, профессора Санкт-Петербургского университета, геолога, действительного статского советника Александра Александровича Иностранцева (1843–1919). Отец Иностранцева был основателем геологического музея при Петербургском университете. Любопытно, что и в то время даже выдающиеся ученые не очень-то были избалованы окладами, и отцу будущего гене-

© Е. П. Серапионова, 2019

Серапионова Елена Павловна – доктор исторических наук, зав. отделом Института славяноведения РАН, профессор МГИМО (Москва); serapion@hovrino.net

рала, чтобы обеспечить семью, приходилось подрабатывать (он читал лекции в шести вузах!). Воспитанием и домашним обучением Михаила занималась любящая, но строгая мать, Мария Федоровна.

Иностранцеву запомнился общественный подъем в связи с русско-турецкой войной и реакция людей на убийство императора Александра II. Так как Иностранцев сам в детстве занимался живописью, большое впечатление на него произвела выставка В.В. Верещагина. Интересно сравнить ее организацию с выставкой этого художника, прошедшей в Третьяковской галерее в 2018 г.

В десятилетнем возрасте Михаил поступил в 4-ю Ларинскую санкт-петербургскую классическую гимназию. А еще через 10 лет, после окончания гимназии он стал вольноопределяющимся 1-го разряда в лейб-гвардии Финляндском полку. За первые два года службы Иностранцев прошел путь от ефрейтора до офицера (4 октября 1892 г. он был произведен в подпоручики гвардии со старшинством с 4 августа 1892 г.). В 1897 г. Иностранцев поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, а 6 декабря 1900 г. получил чин штабс-капитана со старшинством с 4 августа того же года. Академию Михаил Александрович окончил в 1901 г. по 1-му разряду и первым в своем выпуске. 24 мая 1901 г. Иностранцев был прикомандирован к Генеральному штабу и назначен на службу в Санкт-Петербургский военный округ. Кроме службы в центральном аппарате военного управления Иностранцев

до начала войны занимался научной и педагогической деятельностью, читал лекции по тактике и военной истории, что его, вероятно, очень привлекало, т.к. в 1907 г. он полностью перешел на преподавательскую работу. В следующем году за отличие по службе Иностранцев был произведен в полковники. Одновременно с 1903 по 1910 г. М. А. Иностранцев преподавал тактику сыну великого князя Константина Константиновича.

С 1911 г. он читал курс по истории военного искусства в Императорской Николаевской военной академии. В 1914 г. защитил диссертацию «Отечественная война 1812 г. Операции 2-й западной армии князя Багратиона от Немана до Смоленска» и был назначен экстраординарным профессором академии. Еще до войны Иностранцев был награжден целым рядом орденов и медалей.

Супругой Иностранцева стала дочь надворного советника Анна Тимофеевна Николаева, подарившая ему дочь и сына.

Вторая часть под названием «Из боевого опыта. Впечатления начальника штаба дивизии, командира полка, начальника штаба корпуса и командира бригады» рассказывает о событиях Первой мировой войны в 1914-1915 гг. Начало войны Иностранцев встретил в чине полковника и был назначен начальником дивизии, чем был недоволен, т.к. дивизия была второочередной. Он считал, что мог бы получить подобное направление еще за несколько лет до того. После того, как дивизия была сформирована,

ее направили в Финляндию. И здесь интересны воспоминания Иностранцева о том, что финны полностью поддерживали Россию, старались помочь армии.

В ноябре 1914 г. дивизия была направлена в Польшу, и ее боевым крещением стал бой за посад Беявы 14–15 ноября 1914 г., который детально описан в воспоминаниях. За взятие посада Беявы и дальнейшие бои к югу от Ловича, на реках Бзура, Равка, и в Карпатах Иностранцеву были вручены боевые награды.

Название третьей части воспоминаний «Из моей записной книжки за 1915 год» говорит само за себя. В этой самой краткой части воспоминаний речь идет о военных событиях января 1915 г., в которых Иностранцеву довелось участвовать, о крайне сложных условиях военных действий в Карпатах.

В июле 1915 г. Иностранцев был назначен исполняющим должность начальника штаба XXIII армейского корпуса, а затем командиром 1-й бригады 38-й пехотной дивизии. За отличия по службе 21 октября 1915 г. был произведен в генерал-майоры и награжден орденом.

В конце 1916 г. открылись ускоренные курсы Императорской Николаевской военной академии, и Иностранцев вместе с другими профессорами был вызван в академию, где начал читать курс по стратегии.

Следующая часть мемуаров под названием «Из истории комиссии генерала Поливанова. Страница

из истории русской революции» повествует о начале революционных событий 1917 года. Перед читателями предстают картины февральских революционных беспорядков в Петрограде, рисуются тревожные настроения и сразу же возникшие бытовые трудности (недостаток топлива, отсутствие сахара, соли, муки, мяса). По свидетельству Иностранцева, события русской революции развивались «с молниеносной быстротой»: отречение царя, образование Временного правительства, самочинное появление по примеру революции 1905 г. Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Подробно автор останавливается на происхождении приказа № 1, положившего начало развалу армии, и своей работе в комиссии генерала Поливанова, призванной обсудить и скорректировать военные реформы. Интересны характеристики, которые Иностранцев дает Поливанову, Корнилову, назначенному командующим Петроградским военным округом, членам комиссии из представителей Совета солдатских и рабочих депутатов. По словам Иностранцева, договориться офицерам и генералам с представителями Совета было очень сложно, т.к. они говорили на разных языках и у них были разные задачи – первые хотели спасти и сохранить боеспособность армии, а вторые – развалить ее, тем самым углубить революцию.

Наиболее интересны заключительные части воспоминаний. Одна из них под названием «Конец империи, революция и начало большевизма (из воспоминаний профессора бывшей академии Генерального

штаба)» (6 глав) посвящена развалу империи и приходу к власти большевиков. Одновременно при этом воссоздается история академии Генерального штаба в годы войны. Закрывание академии после объявления войны автор считал мерой «далеко не государственной» и указывал, что в других воюющих странах ничего подобного предпринято не было. В 1916 г. вследствие нехватки офицеров Генерального штаба было решено открыть при академии ускоренные курсы, куда пригласили читать лекции и Иностранцева. В своих воспоминаниях Михаил Александрович дает емкие, хотя и не лишённые субъективизма характеристики руководству курсов и другим военачальникам, с которыми ему приходилось иметь дело. Любопытны зарисовки московской и киевской жизни военного времени – в эти города Иностранцев ездил с инспекцией военных училищ. В Киеве произошла и его первая встреча с чехословацкими легионерами, которые поразили его «выправкой и молодцеватым видом» вкупе с «выделявшейся интеллигентностью и сознательностью». Свидетельствовал Иностранцев и о растущей «распутинщине», вмешательстве Г. Распутина в назначения на должности, в том числе и в военном ведомстве, а затем и о его убийстве. В рассказе о поездке в Ставку в январе 1917 г. обращает на себя внимание характеристика, данная Иностранцевым начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу от инфантерии М. В. Алексееву. Он писал о нем как о человеке, любящем все делать самому. По мнению автора, это было при многочисленных достоинствах

Алексеева «минусом довольно крупным», свидетельствовавшим о неумении правильно организовать работу квартирмейстерской части Ставки. Весьма интересен воспроизведенный Иностранцевым порядок «высочайшего завтрака» с государем, государыней и великими княжнами, в ходе которого он был удивлен шаловливым, «неподобающим», по его мнению, поведением наследника престола.

В этой же части воспоминаний подробно описывается 27 февраля 1917 г., каким его видел Иностранцев. По его наблюдениям, февральские революционные события отличались от событий революции 1905 г. прежде всего тем, что в них участвовали практически все слои населения, тогда как в 1905 г. в основном рабочие и студенты высших учебных заведений. Революция, по его мнению, вначале носила политический характер, но «в неистовствах озверевшей и безнаказанной толпы» чувствовались уже и нотки революции социальной. Как показало время, достаточно объективны и характеристики членов Временного правительства (Милокова, Гучкова, Керенского), данные в воспоминаниях Иностранцевым.

Вторая глава этой части в значительной степени повторяет воспоминания о работе в комиссии Поливанова, но более подробно описывает события и саму обстановку того времени, живописуя замену национальных флагов красными, полиции на милицию, отречение от престола Николая II, а затем и великого князя Михаила Александровича, обыски

и конфискации оружия у офицеров, смену на посту военного министра Гучкова на Керенского, амнистию не только политическим преступникам и эмигрантам, но и уголовникам, а также погребение «жертв революции», среди которых были и случайные люди, умершие в больницах и ночлежках.

Вероятно, часть воспоминаний о работе в комиссии Поливанова была более ранним (неполным) вариантом написания главы, который при публикации можно было бы выпустить, чтобы избежать повторов.

Иностранцев обвинял Временное правительство в бездействии, в разрешении на въезд Ленина и других большевиков в Россию и попустительстве в их пропаганде мира на любых условиях. Он писал о желании Керенского «углубить революцию», легкомыслии, близорукости и государственной неспособности Временного правительства, политика которого привела к захвату большевиками власти. Любопытны его рассказы о знакомстве с Кропоткиным, Родзянко, Дутовым, Церетели, Авксентьевым, приглашенным в академию на политический банкет, а также его свидетельство о выступлении В. И. Ленина на многочисленном митинге, на котором в большом количестве присутствовали представители интеллигенции, которых вождь большевиков клеймил как «кровопийцев, угнетателей и дармоедов».

Для специалистов, занимающихся подготовкой военных кадров, вероятно, весьма интересной покажется дискуссия, подробно изложенная

Иностранцевым, относительно реформ системы военного образования, о проверке им военных училищ летом 1917 г., о существовании в некоторых из них своеобразной дедовщины, так называемого «цукания».

Иностранцев повествовал о большевистском перевороте, разгоне Учредительного собрания, «похабном мире» с немцами, эвакуации академии в Екатеринбург. 3 апреля 1918 г. семья Иностранцевых покинула Петроград, как оказалось, навсегда. Путешествие последним «Сибирским экспрессом» оказалось вполне комфортабельным. Наголодавшись в Петрограде, они были удивлены наличию на Урале прекрасного белого хлеба и других продуктов.

На работу под властью большевиков Иностранцев, по его словам, смотрел «как на неизбежное зло». В Екатеринбурге в академию были зачислены уже и «красные» слушатели. В условиях наступления взбунтовавшегося Чехословацкого корпуса и частей Народной армии личный состав академии был перебросен в Казань. Подробно описал Иностранцев захват Казани чехословацким отрядом под началом полковника Степанова, русскими добровольцами под командованием полковника Капшеля и батальоном сербов-добровольцев. Население Казани, натерпевшись страха от большевистской ЧК, встречало легионеров и Народную армию как освободителей. Красные слушатели академии ушли с большевиками, остальные остались в городе. По решению Степанова и Капшеля академия из Казани была направлена

в Самару. При знакомстве с деятелями самарского правительства Иностранцева поразила их молодость, отсутствие опыта для занятия министерских постов и крайняя самоуверенность. Военным министром самарского правительства был ученик Иностранцева полковник Галкин. По словам Галкина, лишь благодаря чехам стало возможным формирование Народной армии. Иностранцев повествовал о радужном приеме в штабе генерала Чечека, еще до войны работавшего в России в качестве представителя одной автомобильной фирмы и вступившего, так же как генерал Сыровы, добровольцем в Чешскую дружину. Чешские военачальники из русских чехов, по словам Иностранцева, прекрасно владели русским языком, были русофилами, убежденными сторонниками России и друзьями русских.

Слушая доклад начальника штаба С.А. Щепихина об успехах антибольшевистских сил на Волге, Урале и в Сибири, Иностранцев задумался о резких различиях мировой и гражданской войн. Военный теоретик Иностранцев отмечал сравнительно ничтожную численность оперировавших сил на громадных пространствах во время Гражданской войны, что до крайности облегчало устройство прорывов, охватов и обходов. При этом начальник, выдающийся в полевой войне, мог совершенно не подходить к условиям гражданской, где преимущество имели люди авантюристического характера.

Разочарованные тем, что в самарском правительстве преобладали

эсеры, офицеры и генералы академии решили выделить нескольких офицеров из своего числа для формирования Народной армии и ведения ее боевых операций, а остальным, тяготевшим больше к Сибирскому правительству, вернуться в занятый белыми Екатеринбург, где у многих остались семьи со времен эвакуации из Петрограда. Вопрос о том, кто останется в Самаре, решался путем жребия, т. к. желающих не было.

Обращает на себя внимание свидетельство Иностранцева о том, что при отступлении большевики производили многочисленные разрушения: взрывали мосты, повреждали железнодорожное полотно, а чехи и добровольцы достаточно быстро восстанавливали порядок, возводя хоть и деревянные, но прочные мосты и ремонтируя железнодорожные пути. Иностранцев дает весьма лестный отзыв о молодом военном министре сибирского правительства генерале Гришине-Алмазове как о человеке государственного ума и понимавшем сложившееся положение. Вскоре академия была переведена в Томск.

В мемуарах отразились неблагоприятные впечатления автора от центра Западной Сибири — Омска, скорее напоминавшего в то время большую станицу с не мощными улицами, без зелени, больше похожего на пыльный уездный городок, и всеобщие симпатии к процветающему губернскому городу Томску, расположенному на горах по берегам реки Томи с прекрасными улицами, многочисленными красивыми каменными зданиями и церквями, прекрасными

садами, по словам Иностранцева, более похожему на столицу Сибири. Иностранцев описывает не только города, но и их выдающихся жителей, например, благотворителя, крупнейшего сибирского издателя и книготорговца П. И. Макушина. Лично встречавшийся со старцем Федором Кузьмичом Макушин утверждал, что старец не был императором Александром I, но в прошлом принадлежал к высшим кругам и в его жизни была какая-то тайна.

По свидетельству местных жителей, в Томске свержение большевизма произошло почти бескровно, как во многих городах Сибири. Большевистские перевороты в Сибири, по наблюдениям Иностранцева, также носили более миролюбивый характер, чем в европейской части России, так как власти не озлобляли население, не старались проводить в жизнь принципы коммунизма, а скорее хотели нажиться и «пожить в свое удовольствие». Эсеры Сибири, по мнению Иностранцева, были деловыми, практичными, зачастую достаточно состоятельными и хотя и любили «поговорить об «ужасах царизма» и разного рода свободах, однако же главное внимание уделяли автономии Сибири и вопросам узкосибирского патриотизма». Если в Самаре при Комуче всюду развевались красные флаги, то над Сибирской думой в Томске реял бело-зеленый сибирский флаг.

Иностранцев свидетельствовал о правом перевороте в Омске, в результате которого к власти пришел А. В. Колчак, и начале белого террора, в том числе против эсеров. Отказ чехословацких легионеров

сражаться на фронте против большевиков после колчаковского переворота Иностранцев связывал и агитацией среди легионеров чешских социалистов из Национального чехословацкого совета, связанного с эсеровским Комучем.

Академия начала занятия сначала со старшим курсом. А затем для обучения были присланы офицеры с фронта, в том числе из союзных армий: три чеха, два югославянина и два поляка. После вывода чехословацких частей с фронта в Томск прибыли штаб 2-й Чехословацкой дивизии, 7-й полк этой дивизии и 3-я чехословацкая техническая рота, а также югославянский полк. Иностранцев приводит численность чехословацкого корпуса на январь 1919 г. — 56 тысяч. Штаб Чехословацкого корпуса помещался в Иркутске, а штаб Жанена, командовавшего всеми иностранными войсками, находился в Омске. Охрана магистрали чехословаками предполагала и подавление большевистских восстаний, и организацию карательных экспедиций против населения, все чаще становившегося на сторону восставших. По словам Иностранцева, за 1919 г. было подавлено 60 восстаний, организовано 380 экспедиций, отражено выступление 100 тысяч восставших. Однозначно стоявший на стороне белых Иностранцев не скрывал нередко «прямо лишенной всякого элементарного государственного смысла» жестокости отдельных генералов Колчака, например Иванова-Ринова, отдавшего приказ расстреливать всех взятых в плен красных офицеров. Про Директорию, образованную в Уфе, Иностранцев писал, что

ее работа была очень похожа на работу Комуча — много разговоров, но на практическую работу времени, да и умения не хватало. Отказ чехословацких легионеров сражаться и дальше на фронте Иностранцев объяснял вредным влиянием членов Национального совета и эсеров.

Одна из последних частей воспоминаний носит название «Адмирал Колчак и его катастрофа. Воспоминания недавнего прошлого». Эта часть мемуаров весьма ценная, т.к., по словам самого автора, она не предназначалась для публикации, а писалась «для себя». К тому же это свидетельство очевидца, находившегося при адмирале Колчаке с мая по ноябрь 1919 г. Причем Иностранцев занимал сначала должность генерала для поручений, а затем генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем. Эта часть воспоминаний начинается с эвакуации Академии Генерального штаба из Петрограда в Екатеринбург. Поэтому опять есть некоторый повтор предыдущих частей воспоминаний. Впрочем, вполне понятно желание составителя не вмешиваться в авторский текст, поэтому избежать повторов вряд ли можно было.

Чтобы сохранить интригу и способствовать тому, чтобы читатель сам ознакомился с последними частями воспоминаний, не буду подробно излагать их содержание, скажу только, что последняя часть опубликованных мемуаров посвящена размышлениям о книге генерал-лейтенанта К. В. Сахарова «Белая Сибирь (Внутренняя война 1918-1920 гг.)».

А. В. Ганин провел большую работу по комментированию мемуаров, не только поясняя, но уточняя и исправляя некоторые из приводимых Иностранцевым сведений. Книга прекрасно иллюстрирована, причем многие фотографии, найденные составителем в архиве, опубликованы впервые.

Для профессиональных историков эти мемуары являются ценным источником, обогащающим исторические знания новыми деталями и красками и заставляющим еще раз задуматься над казавшимися очевидными фактами и оценками. Рекомендую всем интересующимся событиями Первой мировой, революции 1917 г. и Гражданской войны ознакомиться с этими интереснейшими воспоминаниями.

Rev.: Inostrantsev M. A. Vospominaniia. Konets imperii, revoliutsiia i nachalo bol'shevizma, pod red. d.i.n. A. V. Ganina. Moscow, 2017, 928 p.

Serapionova Elena P. — doctor of historical sciences, Head of the Department of the Institute for Slavonic Studies, Professor MGIMO University (Moscow)

Key words: Russian revolution, Russian Civil war, Russian military emigration, general M. A. Inostrantsev, memories.

Abstract. The review of memoirs of the professor of the Nicholas military academy general M. A. Inostrantsev devoted, first of all, to the events of World war I and Russian Civil war.

С. Л. Фирсов

ОБРАЗ ПОСЛЕДНЕГО РУССКОГО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: Николай II, Александра Федоровна, царская семья, Григорий Распутин, история России, монархическая государственность, самодержавие, коммунистическая идеология, екатеринбургское убийство.

Аннотация. В статье говорится о методах и подходах современных российских историков и публицистов, занимающихся исследованием жизни и царствования последнего русского императора. Автор показывает, насколько политическая и идеологическая ангажированность может влиять на подходы к теме (прежде всего у тех историков, кто называет Николая II «царем-искупителем»). Анализируя изданные за последние годы работы о Николае II, автор показывает, что и в XXI в. история последнего русского самодержца – предмет не только научных (и околонаучных) дискуссий, но и тема, заставляющая задумываться о месте морали в истории.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-1-238-270

В мае 2018 г. исполнилось 150 лет со дня рождения последнего венчанного на царство всероссийского монарха – императора Николая II и в июле – 100 лет со дня бессудной расправы над ним, его семьей и слугами. Эти даты заставляют вновь обратиться к вопросу о роли личности императора в предреволюционной истории России, диаметрально противоположные

суждения о которой в последние годы звучат так же часто, как и в предшествовавший период. Разумеется, в годы господства в СССР коммунистической идеологии отношение к последнему царю было однозначно негативное¹, работ, специально посвященных его жизни, советские исследователи не писали². В целом «царская тема» была

© С. Л. Фирсов, 2019

Фирсов Сергей Львович – доктор исторических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург); sfirsofff@mail.ru

¹ См. напр.: (Николай II 1977: 383).

² Впрочем, нет правил без исключения. В 1920-е гг. некоторые отечественные публицисты порой обращались к истории жизни последнего царя, хотя их работы носили ярко выраженный критический, лучше сказать – обличительный, характер. Единственной

табуирована, хотя интерес к личности венценосца среди советских читателей оставался неизменным. Доказательством сказанному, полагаю, может служить популярность изданной в конце 1970-е гг. (в журнале «Звезда») книги М. К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз»³.

Ситуация стала меняться в годы перестройки, когда на страницах газет и журналов появились публикации не только о жизни, но и об убийстве Николая II, написанные уже не с «партийных» позиций. Одной из первых работ, увидевшей свет еще в последний год существо-

книгой, целиком посвященной жизни Николая II, стала в тот период работа И. М. Василевского (См.: *Василевский* 1923)). Среди работ, в которых шла речь о последнем самодержце, необходимо назвать следующие: (*Водовозов* 1922: 32–69; *Лобочи* 1924: 185–287; *Щеголев* 1928: 63–95). В дальнейшем, с конца 1920-х гг., специальных работ, посвященных Николаю II, в СССР не публиковалось. Лишь с 1960-х гг. отечественные исследователи вновь получили возможность хоть как-то писать *непосредственно о личности* последнего самодержца. Так, ленинградский историк В. С. Дякин для своей монографии «Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны 1914–1917 гг.» (*Дякин* 1967) написал специальную главу о Николае II и его окружении («Николай, Александра, Распутин и камарилья»). Однако в силу целого ряда «субъективных» обстоятельств, эта глава в том виде, как ее подготовил ученый, увидела свет только три десятилетия спустя. (См.: *Дякин* 1995: 148–164)). В несколько гротескной форме рассказал о царе и московский историк А. Я. Аврех, поместив в монографию «Царизм накануне свержения» (М., 1989) главу «царь и камарилья» (*Аврех* 1989: 15–73). Впрочем, в этой главе отмечены лишь те характеристики, которые давали Николаю II современники и которые полностью соответствовали устоявшимся в СССР взглядам на последнего царя.

³ В годы перестройки эта книга многократно переиздавалась большими тиражами. См. напр.: (*Касвинов* 1988) (тираж – 100 000 экземпляров).

вания СССР, стала книга доктора экономических наук О. А. Платонова «Убийство царской семьи». В этой книге автор выступил открытым обвинителем советского режима и апологетом императора Николая II. Убийство его семьи он назвал «самым страшным и самым зловещим преступлением XX века», от которого взяли начало «величайшие бедствия нашей страны и мира – большевизм и фашизм, массовые уничтожения и оболванивание народов, ГУЛАГ и гитлеровские лагеря» (*Платонов* 1991: 3). В первом разделе книги (она разбита на темы, а не на главы) он нарисовал портрет Николая II – человека твердой воли и блестящего образования, совести и души, обладавшего всеми природными качествами, необходимыми для государственной деятельности. О. А. Платонов перечислял и все достижения, которыми могла гордиться Россия в эпоху последнего царствования: лучшее в мире рабочее законодательство, постоянный экономический рост, подъем промышленного производства, миротворческие инициативы и т. д. (Там же: 25–29 и др.). Одним из первых О. А. Платонов начал позитивный разговор о Гр. Распутине, указав, что царь видел в нем «мудрого старца из народа» (Там же: 13). Идеализации сибирского странника автор еще не допускал, но первые шаги в этом направлении уже делал. Эта книга стала для О. А. Платонова «прологом» к последующей деятельности, связанной как с «исторической реабилитацией» царя и жесткой отповедью всем, кто ранее, в советские годы, восхвалял екатеринбургское преступление и совершивших его большевиков, так

и с созданием своей «исторической картины» прошлого, в которой император предстал как жертва «темных сил», погубивших и его, и Россию, а также как великий праведник и Божий избранник, понимавший и по достоинству оценивавший «праведность» Гр. Распутина⁴.

В данном случае важнее отметить не столько достоверность излагаемых автором фактов (свои книги он снабжает примечаниями — так, готовя к изданию «Убийство царской семьи», он внимательно изучил материалы, хранящиеся в архивах Свердловска и Перми, фонды Алапаевского и Сысертского краеведческих музеев, эмигрантскую литературу и советскую периодику), сколько методологический подход к теме. Для О.А. Платонова изначально все ясно: есть оболганный царь и есть те, кто содействовал тому, чтобы именно оболганным он вошел в историю. Для доказательств этого незамысловатого тезиса автор и предпринимал свою работу. В 1990-е и в начале 2000-х гг. он выпускает целую серию книг, в которых публикуются материалы, связанные с жизнью и деятельностью Николая II, вновь рассказывается о его врагах и убийцах⁵.

Чем дальше, тем откровеннее он пишет, как свершалась «тайна беззакония», под которой понимает разрушение монархической государственности в России, олицетво-

рившейся последним царем (Платонов 1998).

К концу 1990-х гг. Платонов организовал научно-издательский центр «Русская цивилизация» (1995), стал главным редактором издательства «Энциклопедия русской цивилизации» и приступил к осуществлению издания энциклопедии «Святая Русь. Большая энциклопедия Русского Народа» (1998). Политические и идеологические предпочтения О.А. Платонова окончательно установились, он прочно занял место одного из наиболее активных публицистов «националистического» толка, для которого «обличение» значило едва ли не больше, чем собственно изучение прошлого и исторический анализ. Не случайно его работы о Николае II чередовались с опусами, посвященными «мировому заговору» или «Протоколам Сионских мудрецов»⁶.

В 1999 г. О.А. Платонов, в качестве издательства указывая «Общество святителя Василия Великого», тиражом 6 тысяч экземпляров в цикле «Терновый венец России» публикует книгу «Николай Второй. Жизнь и царствование», целиком посвященную императору и его эпохе⁷. Начиная работу, автор заявлял, что «царь-мученик Николай II принадлежит к числу величайших духовных личностей XX века, воплотивших в себе твердое христианское сознание и готовность отдать жизнь за православную веру». По его убеждению, коренным

⁴ Не случайно в 1996 г. О.А. Платонов выпустил первую свою апологетическую книгу о Г.Е. Распутине: См.: (Платонов 1996а).

⁵ См. напр.: (Платонов 1996б; 1996в; 2001а; 2001б).

⁶ См. напр.: (Платонов 2008).

⁷ В переработанном виде эта книга была опубликована вновь через шесть лет: См.: (Платонов 2005а).

русским людям всегда было свойственно почитание царской власти, но жизнь и смерть последнего самодержца придали этому почитанию особый характер святости, отождествили судьбу царя с судьбой России (Платонов 1999: 11). Заметим, что выражение «коренные русские люди» позволяет говорить о политических противниках и идейных оппонентах царя как о людях, не понимающих или отвергающих главную национальную черту — «исконный» монархизм. Отношение к Николаю II в этой связи становится неким политическим маркером, с помощью которого (при желании) можно судить о степени «русскости» того или иного человека.

Собственно, сама книга О.А. Платонова состоит из 50 небольших глав и тенденциозно составленного заключения («Вместо послесловия»), в котором приводятся «Основные итоги царствования Николая II в жизни русского народа». Большая часть материала, представленного в книге, посвящена не столько биографии императора, сколько сюжетам, так или иначе касающимся принципиальных (с точки зрения автора) моментов истории его правления и общих («теоретических») проблем. О.А. Платонов рассуждает о русском самодержавии и православии, о крестьянском мире, о рабочих и патриотическом движении, о дворянстве и государственном аппарате, о положении русских среди других народов империи, о еврействе и масонстве, о соотношении понятий Россия — Запад, о политических партиях и русофобии, о тайной войне против России, о Гапоне, революции 1905 г. и «преступном

сообществе», о Григории Распутине и истоках Первой мировой войны, о консолидации антирусских сил в Государственной думе и заговоре против царя. Последняя глава посвящена «ритуальному характеру» екатеринбургского убийства. Читая книгу, понимаешь, что она не столько биография Николая II, сколько материал, собранный обвинителем его врагов — открытых и «тайных», который должен показать, что заговор против монархии и монарха есть результат действия «темных сил», изначально стремившихся уничтожить православного самодержца. Жизнь императора — в изложении О.А. Платонова — оценивается как трагедия, отречение же характеризуется как начало «отсчета трагедии его смерти». «Он приносил себя в жертву ради России, — пишет О.А. Платонов. — Но силы, которые настаивали на уходе Царя, не хотели ни победы, ни спасения России, им нужны были хаос и гибель страны... Поэтому жертва Царя (отречение от престола. — С. Ф.) оказалась для России напрасной и, более того, гибельной, ибо само государство стало жертвой измены. С падением Царя кончился период возвышения России и начался процесс ее разрушения, не прекратившийся и по сей день» (Там же: 421, 422).

Государство, как видим, ассоциируется автором с царем, а его отречение характеризуется как конец «возвышения» России. О.А. Платонов, ни минуты не сомневающийся в «ритуальном» убийстве Николая II и его семьи, стремится доказать, что вся жизнь последнего самодержца была борьбой с «темными

силами», что эти «силы» (русофобы и масоны, русские «бесы» и еврейство, вкуче с вражескими спецслужбами и внутренними предателями) сумели довести Россию до революции и уничтожить монархию. Для автора есть безусловные «враги», мотивация которых рассматривается однозначно негативно, и есть царь, о действиях которого пишется сугубо позитивно. Не случайно, предвзято публикуя переписки императора и его супруги (равно как и писем царской семьи из заточения), О.А. Платонов пытается доказать, что царь, в отличие от подавляющей части интеллигенции и правящего слоя, знал свой народ. А у этой «части» отчуждение от народа *«дошло до критической черты. За этой чертой – крушение огромной страны, гибель десятков миллионов людей: и первой жертвой должна стать царская семья»* (Платонов 2005б: 5).

Подобных взглядов придерживаются и идейные сторонники О.А. Платонова, пишущие о последнем царе. Одна из них – доктор филологических наук Т.Л. Миронова, в 2005 г. опубликовавшая книгу «Из-под лжи. Государь Николай Второй; Григорий Распутин». Уже само название ее характерно, поскольку заставляет вспомнить иную книгу, выпущенную в Париже в 1974 г., – «Из-под глыб». То был сборник статей советских диссидентов о настоящем и возможном будущем России (СССР). Однако если сборник «Из-под глыб» продолжал ряд прежних историософских альманахов русских мыслителей (от «Проблем идеализма» до «Из глубины»), то книга Т.Л. Мироновой была скорее претензией на историософию.

Начиналась работа статьей «О грехе отречения русских от своего Царя» и продолжалась разделом о «мистификации истории», связанной с Николаем II. Второй раздел целиком был посвящен тому, как совершалось «оболгание» сибирского странника Гр. Распутина. Тезисно рассказывая о главных идеях Т.Л. Мироновой, следует отметить: для нее главный *наследный* грех русского народа – грех отречения «от своего природного Царя». Прощения за него не будет до того дня, пока народ, утвердившийся в святости царского подвига, «возмолится» ему со словами: «Святый Царю Николае, искупителю грехов наших, великомучине, моли Бога о нас!» (Миронова 2005: 33). Для Т.Л. Мироновой не существует вопроса о том, как грех отречения всего народа от царя может быть прощаем, если сам царь – «искупитель», как и о том, какие грехи он «искупил».

Понятно, что, назвав царя «искупителем», автор далее пытается доказать это утверждение, заявляя о мистификации истории как некоторыми современниками Николая II (к примеру, генералом А.А. Мосоловым, протопресвитером Г. Шавельским, великим князем Александром Михайловичем), так и теми, кто писал о Николае II в советской России (в частности, А.Н. Толстым и П.Е. Щеголевым). Для нее абсолютно ясно, что царя предали армия и Церковь, «масонское» Временное правительство (сослав с семьей в Сибирь), наконец, «еврейская большевистская клика, ритуально убившая Царственных мучеников» (Там же: 86). Автор, названная в аннотации экспертом-

источниковедом, заявляет, «что подозрения в фальсификации могут быть сняты только с того документа, с той книги, с тех мемуаров, посвященных Царской Семье, которые опубликованы были при жизни их авторов и под их неусыпным контролем» (Там же: 88).

А если все обошлось без «неусыпного контроля» или было опубликовано после кончины автора?

Вопрос, понятно, риторический. Заявление Т.Л. Мироновой можно назвать «новым словом» в источниковедческой науке, ибо следование предложенному принципу изначально резко сужает круг материалов, которые следует считать «истинными», и открывает широкую дорогу историческому произволу авторов, прикрываемому «фиговым листком» борьбы с фальсификацией. Кто в таком случае может считаться фальсификаторами, также становится окончательно понятно: враги государя, стремящиеся показать его «слабовольность», недалекость, государственную слабость и т.п. «Священный царь» не может быть «пререкаемым героем», «пререкаемы» только его критики. Так рождается новая форма изложения биографии Николая II, в которой исторический анализ действий самодержца и всех событий, как-либо фактически с ним связанных, подчинен требованиям субъективно и произвольно понятых принципов агиографии.

Вполне понятно, что для Т.Л. Мироновой и Гр. Распутин — оболганный «старец», через поношение имени которого «предавалось поно-

шению имя самого Государя Императора». Очевидно для нее и то, что «порушение» было «иудейским», что его убили ритуально (Там же: 145). Дипломированный источниковед, впрочем, позволяет себе предполагать, что «о ритуально исполненном убийстве (Гр. Распутин. — С.Ф.) Император и Императрица *должны были знать или догадывались*, поэтому судебно-медицинскую экспертизу поручили именно профессору Военно-медицинской академии Д.Н. Косоротову, выступавшему экспертом по делу о ритуальном убийстве Бейлисом христианского мальчика Андриюши Ющинского» (выделено мной. — С.Ф.) (Там же: 141). Таким образом, для нее есть совершенно очевидные доказательства того, во что она *хочет верить*, а есть то, во что она *верить не желает*, пытаясь это *нежелание верить* подкрепить тенденциозно подобранными или нарочито субъективно оцененными историческими материалами (воспоминаниями, дневниками и т.п.). Например, никакого отречения императора в марте 1917 г. не было (само это слово автор ставит в кавычки). «Незаконный документ» был составлен государем, по логике Т.Л. Мироновой, с целью призвать армию исполнить присягу и восстановить самодержавие. Это во-первых. Во-вторых — следующий удар революционеры должны были обрушить не на наследника-цесаревича, а на великого князя Михаила Александровича, который по призыву брата обязан был принять бой и оттянуть время, пока не стихнет накал столичной уличной стихии. Но Михаил Александрович не подчинился воле брата, не понял отводившейся ему жертвенной роли

(Там же: 55). Как видим, так рождается новая версия старой сказки о том, что причина отречения (которого «не было») заключается в непонимании замыслов монарха, спасавшего не себя и сына, а самодержавный принцип и трон.

Итак, подводя итоги, следует сказать: Т.Л. Миронова должна быть признана «историческим обличителем» всех тех, кто не хотел и не хочет смотреть на прошлое так, как смотрит она. Придерживаясь определенным образом принятого православия, автор полагает, «что прогнать Царя можно только вместе с Господом, на Нем благодатно пребывающим. Бог же поругаем не бывает и за изгнание своего Помазанника отмщает ослушивому народу» (Там же: 166). Схема достаточно простая, позволяющая без проблем объяснять и последующие события: большевистские гонения на Церковь, социальные коллизии, даже Великую Отечественную войну. Подобная схема в 1990-е — начале 2000-х гг. активно популяризовалась в среде тех, кто попытался представить последнего царя в роли «искупителя».

Наиболее яркой и самой, пожалуй, одиозной фигурой среди названных почитателей Николая II следует признать московского журналиста А.А. Щедрина, под псевдонимом Николай Козлов в 1994 г. выпустившего две объемных брошюры — «Крестный путь» и «Друг Царей». Воинствующий юдофоб, Н. Козлов в псевдоправославном стиле писал о «ритуальном» убийстве Николая II, рассматривая его отношения с Гр. Распутиным в биб-

лейском духе — как отношения «царя и пророка» (Козлов 1994: 4). В экстравагантной форме излагая свое в дение причин гибели Российской империи, автор, в 2000-х гг. создавший в Ярославской области «Опричное братство» и ставший для него «царем-игуменом», довел до абсурда идею «соискупительной святости» Николая II, показав оборотную сторону сказки о «святом старце», якобы посланном для того, чтобы давать советы и наставлять в вере благочестивого царя.

В апологетическом духе была написана и другая книга, целиком посвященная жизни Николая II. Но, в отличие от названных выше авторов, ее создатель, доктор исторических наук А.Н. Боханов сумел избежать нарочитых заявлений о «заговорах» и «ритуале». Он постарался создать портрет последнего царя, подбирая факты и анализируя события российской истории конца XIX — начала XX в. таким образом, чтобы доказать: Николай II был выдающимся государственным деятелем, умным и дальновидным правителем, в конце жизни стяжавшим мученический венец. Другое дело, как А.Н. Боханов интерпретирует факты. С самого начала исследователь указал на то, что «по всем канонам секулярной историографии, Он (император. — С.Ф.) — “проигравший”. И уже сто лет все, кому не лень, вершат пристрастный самосуд, “уличают”, “обвиняют”, “разоблачают”. Началось это еще при жизни Монарха и продолжалось потом десятилетие за десятилетием»⁸.

⁸ (Боханов 2006: 3). Следует отметить, что эта книга увидела свет в православном издательстве «Вече» в серии «Царский дом».

Выражение «секулярная историография» симптоматично. Автор дает понять, что исследователи, занимающиеся изучением жизни последнего монарха, изначально не способны до конца понять всю глубину и масштабность личности Николая II. Соответственно, его, А. Н. Боханова, книга есть попытка преодоления названного «секуляризма»⁹. Преодолевая его, автор рассматривает историю, противопоставляя «правильных» героев прошлого тем, кого таковыми, по его мнению, считать нельзя. Так, например, к первой категории он относит П. А. Столыпина, а представителем второй называет С. Ю. Витте. И Гр. Распутин он описывает таким образом, чтобы показать: царская чета не ошибалась, называя его «Другом». В книге приводятся лишь те свидетельства современников, которые могут доказать правоту царя и ошибочность суждений о сибирском страннике представителей столичного общества.

В целом представленная А. Н. Бохановым книга — это скорее «пояснительные материалы» к житию царя-страстотерпца, чем аналитическая работа, пусть и выполненная в научно-популярном жанре. К слову

и издательство, и серия были, очевидно, не случайно выбраны автором, стремившимся показать именно православный подход к русскому монарху, которого Церковь причислила к лику святых.

⁹ Необходимо сказать, что анализируемая книга есть переработанная (в нарочито «православном» духе) версия другой работы историка, посвященной жизни императора Николая II, изданной «Молодой гвардией» в серии ЖЗЛ. См.: (Боханов 1997). Кроме того, в издательстве «Русское слово» автор выпустил книгу «Император Николай II» (Боханов 1998).

сказать, в книге нет списка использованной литературы, а именной указатель не аннотирован. Главное, что стремился донести до читателя автор — это убеждение, что царь выдержал все испытания, остался верен Богу до конца. Для него Николай II — монарх и после отречения. «То обстоятельство, что он во имя благополучия России отказался от Престола, передав властные prerogative брату и Временному правительству, — утверждает А. Н. Боханов, — теряло всякое значение после отказа Михаила Александровича и исчезновения Временного правительства». Более того, «с формально-юридической стороны большевики самим фактом своего торжества отменили “отречение” Последнего Царя» (Боханов 2006: 438).

Итак, и в данной работе утверждается, что отречения «как бы» не было, что его следует понимать с учетом последующих событий. Безусловно, это можно назвать своеобразным доказательством отказа автора от «секулярного» подхода к истории. Насколько такой подход правомерен — судить читателям, тем более что в своей предыдущей книге, посвященной Николаю II, А. Н. Боханов писал более сдержанно, завершая ее фразой о том, что «трагедией своей жизни и смерти император искупил свои вольные или невольные, действительные или мнимые вины, ошибки и заблуждения» (Боханов 1997: 440). К сожалению, в «Последнем Царе» профессиональную сдержанность найти затруднительно.

Как ни парадоксально, но ее можно увидеть в сборнике, изданном

Комиссией по канонизации святых РПЦ под руководством митрополита Ювеналия (Пояркова) в 1996 г. В этом сборнике были опубликованы материалы, посвященные жизни, судьбе и страстотерпческому подвигу Николая II¹⁰. Материалы для сборника готовила целая группа священнослужителей, среди которых были церковные историки Владислав Цыпин и Георгий Митрофанов, а также игумен Игнатий (Крекшин). Специально рассмотрев вопрос об отношении Церкви к страстотерпчеству, церковные историки дали краткую характеристику государственной деятельности последнего царя, отдельно проанализировав вопросы, связанные с его действиями в январе 1905 г., церковную политику, отношение царской семьи к Г.Е. Распутину, причины отречения Николая II от престола и, особенно подробно, последние дни самодержца. Итогом изучения стало подготовленное «Житие и страдания благоверного царя Николая Александровича и его семьи», завершившее «Материалы».

Важно отметить, что подготовленные священнослужителями Русской православной церкви тексты, послужившие основанием для составления «Жития», это, прежде всего, собрание аналитических справок, а не набор «идеологических текстов». Можно сказать, что «Материалы» — удивительно корректно составленный церковно-исторический документ, позволяющий увидеть и понять, насколько ответственно отнеслось тогда, в 1990-е гг., русское священноначалие к проблеме кано-

низации последнего царя, критически рассмотрев основные вехи его жизни и сумев избежать искушения поместить ее в произвольно сконструированные «апологетические рамки». Конечно, эта работа компилятивная, но ее достоинство именно в том, что проведена она была силами клириков Русской православной церкви, сумевших выдержать давление разного рода критиков — и «слева», и особенно «справа».

Стоит заметить, что, характеризуя государственную деятельность царя, составители отметили: его царствование «явилось весьма значительной, хотя и исторически запоздалой попыткой привнести в государственную жизнь России идеалы православного мировоззрения». По словам составителей, постигшая Николая II неудача стала не только его личной трагедией, она послужила прологом величайшей исторической драмы России (Материалы 1996: 25). Составители «Материалов» попытались показать и доказать, что последний самодержец должен быть причислен к лику святых вовсе не за государственные заслуги, а за то, что Церковь называет страстотерпческим подвигом. В условиях, когда набирало силу движение сторонников прославления царя как «искупителя» русского народа, последнего «удерживающего» и т.п., священноначалие проявило трезвость и не поддалось на идеологические провокации политически агрессивных почитателей царя.

Впрочем, во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. писались и публиковались и работы право-

¹⁰ См.: (Материалы 1996).

славных историков, являвшихся противниками причисления Николая II к лику святых. Так, буквально накануне провозглашения Николая II святым, в первой половине 2000 г. в Нижнем Новгороде увидела свет книга православного историка И. В. Смыслова с посвящением «монархистам России» и с предварявшим основной текст «словом» митрополита Нижегородского Николая (Кутепова). На Архиерейском соборе 1997 г. митрополит, оказавшийся в меньшинстве, открыто выступил против канонизации царской семьи. В этой книге, состоящей из трех частей, автор пытается доказать, что в политическом отношении царь явно не был «непогрешимым», принимал решения, выведившие Россию на «либеральный путь», не соблюдал церковных канонов, запрещающих вторжение светской власти в церковные дела, часто менял собственные мнения и т. д. Итог делался неутешительный: говорить о канонизации довольно сложно, можно говорить лишь о реабилитации, «да и то возникают серьезные проблемы...»¹¹. Специально автор разобрал и положение при последнем царе Гр. Распутина, которого характеризовал исключительно негативно (Смыслов 2000: 97–126). Показательно, что И. В. Смыслов трактовал царя, состояние российского общества и государства во время его царствования с «правых» позиций, обвиняя Николая II ни больше ни меньше, чем в потворстве деятельным противникам монархической государственности. «Нас убеждают в том, что Николай II был

“самый-самый” — и образованный, и благородный, и мудрый, и семьянин, и молитвенник... — писал И. В. Смыслов. — Тогда почему всего этого не увидел его же собственный народ? Посмотрите, как русский народ называл так или иначе выдающихся правителей: Александр Невский, Иоанн Грозный, Петр Великий, Александр Миротворец... Ничего подобного мы не услышали из уст народа о Николае II. В памяти всплывает только один эпитет, но, по большому счету, Николай II не достоин и наименования “Кровавого”: будь он таким, революции бы в его царствование не произошло. Выкопали бы пару Беломорканалов, а вот, чтобы бунтовать — нет, не допустил бы не мудростью, так жестокой рукой. Ни того, ни другого у него не было» (Там же: 188).

На сегодняшний день книга И. В. Смыслова, пожалуй, единственная, вышедшая из-под пера консервативно настроенных православных исследователей, в которой критически разбирались бы жизнь и деятельность последнего царя. В этом смысле можно говорить о ее уникальности. Большинство современных авторов, позиционирующих себя в качестве православных христиан, так о Николае II не пишут.

Доказательством (и иллюстрацией) к сказанному может быть названа книга-альбом историка К. Г. Капкова «Царский выбор», в которой с привлечением обширного материала (в том числе и архивного) рассмотрены различные аспекты религиозной жизни, отречения от престола, гибели царской семьи,

¹¹ См. подр.: (Смыслов 2000: 72–96).

а также взаимоотношения Николая II с духовниками. Книга состоит из трех частей («книг») — «Духовный мир Императора Николая II и его семьи», «Последние священники Царя», «Вольная жертва». Цель автора — доказать, что последний император и его семья — национальное богатство и гордость страны, пример для подражания, одни из величайших святых на Земле (Капков 2016: 539).

Говоря о царе, К.Г. Капков уделяет много внимания и фигуре Гр. Распутина, называя его оригинальным религиозным мыслителем, беседы с которым оказали серьезное влияние на углубленное понимание семьей Николая II смысла страданий и готовность претерпеть за Христа (Там же: 540). Он убежден, что весной 1917 г. монархию отстаивал в России только царь, не нашедший опоры и среди священнослужителей (Там же). Говорит он и об екатеринбургском убийстве, когда «царь был убит при попустительстве русских людей, но не русскими». Правда, автор полагает, что убийство царской семьи ритуальным не было, но свершившееся все же *религиозный акт* (Там же: 541)¹².

Таким образом, для К.Г. Капкова и жизнь царя, и его смерть представляют собой религиозное целое, именно в религиозном аспекте рассматриваются взаимоотношения царя с сибирским странником, его отречение от престола и Февральская революция. Царь — фигура са-

¹² Рассмотрению вопроса о «ритуальных убийствах» автор отвел две специальных главы: «Слово о ритуальных убийствах» и «Жертва». (См.: (Капков 2016: 472–520)).

кральная, и для автора очевидно, что после 17 июля 1918 г. на Земле больше нет Помазанника Божьего. Заканчивая работу, автор приводит слова П. Жильяра о том, что и Николай II, и Александра Федоровна «хотели умереть мучениками за свою страну — они умерли мучениками за человечество». «Это, — убежден К.Г. Капков, — и есть Царский выбор» (Там же: 542). Как видим, для автора целью было доказать изначально сформулированный постулат, в этом смысле он шел от вывода к материалу, подбирая его таким образом, чтобы объяснить читателям несомненность страсто-терпческого подвига последнего самодержца, его закономерность. Для автора свята вся жизнь Николая II, а не только последние месяцы, проведенные им в заточении. Для него враги царя есть одновременно и враги веры. В этой связи не приходится удивляться тому, что он столь пристально рассматривает «ритуал», отказывается признать факт убийства царя русскими. Религиозная ангажированность в данном случае должна рассматриваться как результат изначально принятой К.Г. Капковым своеобразной «методологической» установки: изучать жизнь царя, ни минуты не сомневаясь в величии его «духовного мира».

Таких же установок, по большому счету, придерживается и другой современный исследователь жизни Николая II — П.В. Мультигули, опубликовавший в 2000-х гг. много работ на интересующую нас тему. В 2002 г. была издана его книга «Господь да благословит решение мое...: Император Николай II во главе действующей армии и заговор генера-

лов», в 2003 г. — «Строго посещает Господь нас гневом Своим...: Император Николай II и революция 1905–1907 гг.», и в 2006 г., дважды, — «Свидетельствуя о Христе до смерти...: Екатеринбургское злодеяние 1918 г.: новое расследование». Два года спустя «Екатеринбургское злодеяние 1918 г.», с небольшими изменениями, было вновь переиздано. В 2008 г. автор выпустил книгу «Николай II: Имя Россия. Исторический выбор 2008», в 2010 г. — «Николай II: Отречение, которого не было», а в 2011 г. — «Мифы и правда о российском императоре Николае II». Затем он опубликовал работы о внешней политике последнего самодержца («Внешняя политика Императора Николая II (1894–1917)». М., 2013), о его отношении к российским мусульманам («Император Николай II и мусульмане». М., 2013), о предвоенной политике царя накануне Первой мировой войны («“Дай Бог, только не втянуться в войну!” Император Николай II и предвоенный кризис 1914 года. Факты против мифов». М., 2014) и ряд других, представляющих собой по сути повторение (с небольшими изменениями, сокращениями и/или дополнениями) ранее опубликованных текстов¹³.

¹³ Так, в 2013 г. в московском издательстве «Вече» автор опубликовал работу «Крестный путь Царской Семьи. Екатеринбургская Голгофа», которую можно назвать сокращенным вариантом книги 2006 (и 2008) гг. «Свидетельствуя о Христе до смерти...». В том же году им были выпущены еще две монографии. В первой — «Император Николай II. Крестный путь» — он вновь затронул вопросы о роли Николая II в событиях Первой мировой войны, о заговоре генералов, об «отречении» (с пространными рассуждениями о «манифестах»), наконец, о жизни царя и его семьи после марта 1917 г. и вплоть

до екатеринбургского убийства. Во второй — «Император Николай II и заговор 1917-го года. Как свергли монархию в России», по существу пересказал все то, что говорилось в предыдущей работе, опустив только подробный рассказ о последних месяцах жизни царя под арестом. Ранее, в 2012 г., П.В. Мультигули вновь обратился к теме отречения Николая II, опубликовав книгу «Кругом измена, трусость и обман: Подлинная история отречения Николая II». Указанная книга представляет собой авторскую компиляцию ранее опубликованных им текстов (хотя и с некоторыми «вариациями»). В 2013 г. вышел дополнительный тираж «Подлинной истории». В 2016 г. П.В. Мультигули снова обратился к теме убийства царской семьи, опубликовав соответствующую работу («Убийство Царской Семьи. Следствие не окончено... (Соколов против Юровского)»). Тогда же он выпустил еще две книги о царе («Император Николай II. Человек и монарх» и «Император Николай II. Мученик»). Названные работы представляли собой очередной пересказ ранее известных читателям текстов, отдельные изменения никак не влияли на общую концепцию, которой придерживался автор.

Не имея возможности проводить детальный анализ всех работ П.В. Мультигули, отметим лишь наиболее важные моменты, на которые он обращает внимание, занимаясь изучением жизни и царствования Николая II. Собственно, его подход не менялся начиная с 2002 г., когда увидела свет первая монография, посвященная последнему самодержцу. Правда, тогда автор заявлял, что царь «отрехся от Престола во имя России» (выделено мной. — С.Ф.) (Мультигули 2002: 298), но собственно его отношение к царю всегда было (и остается) неизменным: он показан безупречным в моральном отношении человеком, идеальным христианином, мудрым правителем. «С уходом русского Царя, — подчеркивает П.В. Мультигули, — человечество лишилось нравственного начала

в политике, из нее исчезли бескорыстие, верность слову, благородство и искренность, то есть те качества, которые последний русский Царь возвел в основы своей государственной деятельности и которые были свойственны вообще русскому самодержавию». Не случайно поэтому он полагает, что после падения Николая II нравственная катастрофа в общественно-политической жизни и России, и всего мира произошла немедленно (Там же: 310–311). Более того, «с убийством Православного Царя зло ворвалось в наш мир и захватило целые народы и государства» (*Мультатули* 2003: 6).

Обратим внимание на сказанное: Николай II воспринимается как центральная фигура мировой истории своего времени, как «удерживавший» мир от погружения «во зло» духовный лидер. Через личность Николая II, таким образом, оказывалось возможно оценить основополагающие события прошлого, предъявить претензии всем тем, кто не оценил выдающихся качеств монарха и встал на путь его предательства. Можно сказать, что П. В. Мультатули предлагает своеобразный «русскоцентрический» подход к осмыслению всемирной истории. Если для русских ученых, писавших о роли и значении Церкви в истории России (например, для С. М. Соловьева), важное значение имело представление о христианстве как определяющем факторе исторической жизни, то для П. В. Мультатули, пишущего о событиях конца XIX – начала XX в., «христоцентризм» соединяется (и даже поглощается) «русскоцентризмом».

Получается, что глобальные мировые события оцениваются (прилагательно к эпохе Николая II) исходя из субъективно воспринимаемых и описываемых успехов и неудач одной страны. Вольно или невольно, но «христианская» оценка прошлого оказывается принесенной в жертву идеологическим построениям и псевдоисториософским конструкциям «сверхнациональной модели», рассматриваемой в фокусе имперской истории России. Подобное «моделирование» изначально предопределяет позитивную оценку не только послереволюционной жизни последнего царя, но и всего его царствования. Выводы тем самым заранее предопределяются, а заключения оказывается возможным прогнозировать, только открыв книгу. В результате получается не столько исследование, сколько прокурорское «обвинение» и/или адвокатское «оправдание» прошлого. Свидетели «обвинения» и «защиты» подбираются исходя из заранее написанного «приговора».

Сказанное можно подтвердить, рассмотрев некоторые тезисы, отстаиваемые П. В. Мультатули в его многочисленных работах. Например, стремясь показать истинную роль Николая II в борьбе с революцией 1905–1907 гг., он заявляет, что данный период – один из самых малоизученных периодов последнего царствования. Вероятно, все то, что об этом писали отечественные и зарубежные ученые, П. В. Мультатули полноценными научными работами не считает. Но зато считает, что противостоять революции тогда могли лишь немногие находившиеся у власти российские

государственные деятели. Одолея революцию именно царь, которому для этого понадобились титанические усилия. «Одолеевая», Николай II преодолевал и самого себя, свои политические взгляды и убеждения, оставаясь твердым лишь в верности Богу и России. Русское же общество «не преодолело в себе революции» (Там же: 7, 375). Понятно, что это общество могло обвиняться и в дальнейших нестроениях, закончившихся Февралем 1917 г. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит. Объяснение найдено.

Еще более ярко демонстрировал П.В. Мультатули свои способности исторического обвинителя в книге «Свидетельствую о Христе до смерти...», в первом издании которой, правда, специально оговорившись: «это не научная монография, а детальное, скрупулезное расследование Екатеринбургского злодеяния». Но при этом целью автора было «приблизиться к духовному пониманию происшедшего в Ипатьевском доме» (Мультатули 2006а: IV). Однако ниже П.В. Мультатули подчеркивал, что «убийство Царской Семьи имело характер не только политического или уголовного акта, оно имело сакральные и духовные причины, подлинная суть которых остается тайной» (Там же: X). Расследование, как видим, предварялось утверждением о наличии тайных сакральных и духовных причин убийства. Указание на «тайну» случайным не было, поскольку автор а priori не сомневался в мистическом характере Екатеринбургского злодеяния.

В том же 2006 г. книга была переиздана, но уже с помещением на пер-

вых ее страницах благодарственного письма патриарха Алексия II, который выражал надежду на то, что книга «станет еще одним шагом на пути установления исторической правды и восстановления памяти нашего народа о трагических событиях лихолетья, а также и послужит оживлению интереса к духовной сути подвига императора, его семьи и близких ему людей» (Мультатули 2006б: 3).

Насколько книга помогала оживить интерес к духовной сути подвига императора, можно было судить, читая в предисловии утверждения автора о том, что, в условиях невозможности одоления духовного кризиса обыкновенными материальными способами, Николаю II оставался лишь путь «мученичества на престоле и принесения себя в жертву во имя спасения России». Отсюда следовало, что царь, как в силу личных свойств, так и в силу того, что являлся русским православным царем, не мог не стать главным врагом сил мировой революции. «Его уничтожение и как монарха, и как человека стало необходимым условием для победы этой мировой революции <...>. При этом гибель Николая II не должна была просто означать смерть коронованного властителя: нет, она была призвана уничтожить Россию как страну, стоящую на пути этих сил, как страну, бывшую в начале XX века наиболее христианской» (Там же: 5, 8).

Фраза о «мученичестве на престоле» не менее интересна, чем заявление о николаевской России как о наиболее христианской стране,

монарх которой не имел возможности одолеть духовный кризис материальными способами. Не вдаваясь в рассуждения о том, возможно ли в принципе лечить духовные болезни «материальными» средствами, отметим только одно: плохо завуалированную характеристику мировой революции как вселенского зла, на пути которого и стоял русский царь. К слову, касаясь проблемы гибели царской семьи, автор указывает, что во время екатеринбургского убийства «осуществлялся ритуал, которым руководил неизвестный человек, возможно в духовном сане, прибывший вместе с убийцами». Для автора несомненно: это — сатанинское ритуальное убийство, целью которого было не только уничтожение Помазанника Божьего, но и святотатство, глумление над Именем Господа Иисуса Христа. Это, полагает П. В. Мультатули, подтверждают многие детали: наличие каббалистической надписи, буква «Ламед», повешенная собака, мучительное убиение царя — носителя особой Божьей благодати (Там же: 771, 773).

К сожалению, он не пишет, какой «духовный сан» мог иметь «неизвестный человек», но указание на надпись не оставляет сомнений в том, *представитель какой религиозной традиции подразумевался*. Оставляя за скобками рассуждения о «сане» (в подразумеваемой религиозной традиции нет в настоящее время института священства и, следовательно, нет тех, кто носил бы «духовный» сан), подчеркнем иное: справедливо называя убийц царской семьи изуверами, автор намекает на то, что они преследовали

религиозные цели, т.е. являлись не безбожниками, совершившими под видом политической казни уголовное преступление, а «ритуалистами»-антихристианами, поклонявшимися какому-то «своему» богу. Логика автора проста, хотя и не всегда понятна: если император *сам изначально избрал* путь мученичества и *добровольно* принес себя в жертву во спасение России, то как понимать конечный успех «мировой революции»: как наказание Богом провинившегося перед Ним народа или же как победу «сатанинских сил», противостоять которым Помазанник, окруженный «изменниками» и «предателями», уже не мог? И, кроме того, опять возникает вопрос о России как наиболее христианской стране мира.

Вразумительного ответа П. В. Мультатули, к сожалению, не дает, хотя и пытается вновь и вновь выступить в роли исторического «адвоката» последнего царя и его правления. Этой цели служат его многочисленные публикации об «отречении, которого не было». В книге, впервые выпущенной в 2010 г., он стремился доказать не только фальшивость акта от 2 марта 1917 г., но и «показать, что эта подделка стала закономерным этапом в той войне, которую вел император Николай II с так называемой оппозицией» (Мультатули 2010: 5). Не разбирая предложенных автором аргументов и интерпретации им фактов (серьезный читатель может это сделать самостоятельно), отметим другой момент: «война», которую вел с оппозицией царь, признается. Но ведь тем самым должно признаваться и поражение царя, насиль-

ственно лишённого короны! Автор подчеркивает, что Николай II был поставлен заговорщиками перед свершившимся фактом, восприняв случившееся как Волю Божию, сопротивляться Которой не мог. **«Хриstopодражательный подвиг императора Николая II заключался не в том, что он подписал преступный документ, навязанный ему заговорщиками, а в том, что он, сопротивляясь этим заговорщикам до конца, не стал сопротивляться свершившейся Воле Божией»** (Там же: 622).

Получается, что Божья Воля заключалась в том, чтобы «мировая революция» победила, а царь взойдет бы на свою Голгофу. Имевший после 2 марта 1917 г. два выбора: призвать народ к гражданской войне или признать власть «узурпаторов», Николай II решил не делать ни того, ни другого. Он выбрал путь подражания Христу. Но ведь Христос взойшел на Крест, искупая грехи человечества. Николай II, если следовать за мыслью П.В. Мультатули, был «искупителем грехов» (если не всего мира, то по крайней мере той части русского народа, которая его предала). Если грехи «искуплены», получается, что народ «прощен». Но ведь в христианской религиозной традиции только Бог может прощать грехи, никакое «хриstopодражательство» здесь невозможно. Что в таком случае «искупал» царь, можно только догадываться.

Читая П.В. Мультатули, понимаешь, что конспирологический подход к изучению прошлого есть проблема, которую затруднительно разрешить. Борьба за «истину»,

очищенную от многолетней «лжи», приводит к рождению не только новых версий, но и облекает их в новые «мифологические одежды». Так, описывая заговор, закончившийся Февралем 1917 г., П.В. Мультатули обращает внимание на убийство Г.Е. Распутина, говоря, что главной его причиной **«было уничтожение опасного разведывательного координирующего центра**, характер и структура которого кардинальным образом отличались от официальных структур, были полностью законспирированными и замыкались исключительно на одного человека». Этим человеком, собственно, и был сибирский странник, устранение которого «сразу же дестабилизировало всю деятельность неизвестного заговорщикам царского разведцентра». Вот, оказывается, в чем было дело! Но открытия на этом не заканчиваются: «сила, руководившая убийством Г.Е. Распутина, через два с лишним месяца обрушит государственный строй Российской империи, а еще через полтора года совершит изуверское убийство Царской Семьи» (Мультатули 2013: 224, 226). Комментировать здесь ничего не надо: как говорили древние: *sapienti sat!*

Разумеется, можно и далее разбирать открытия, находки и умозаключения П.В. Мультатули, вновь и вновь обращаясь к его творчеству. Но сей разбор вряд ли поможет нам лучше понять и без того ясную авторскую концепцию, согласно которой 1917 г. отрезал Россию от пути к преуспеянию, по которому страна шла в царствование Николая II. Николаевская эпоха для него — это эпоха расцвета, а сам царь — не только

великий праведник, но и политически одаренный человек. Не случайно в качестве эпиграфа к своей книге о царе «Николай II: Имя Россия» П. В. Мультиатули взял слова архимандрита (ныне митрополита) Тихона (Шевкунова): «Государь Николай II – это одна из самых прекрасных фигур в истории России и в истории Русской Церкви. И, может быть, именно поэтому он обречен на непонимание»¹⁴. Преодолеть эту «обреченность» П. В. Мультиатули и старается, предлагая свое представление о предреволюционном прошлом – представление изначально предвзятое и бескомпромиссное (в смысле окрашенного в эсхатологические цвета исторического дуализма). В своих работах он скорее выступает в качестве «борца», чем в качестве исследователя; обвиняя в предвзятости других – и многих политических деятелей николаевского царствования, и даже русских писателей (М. Горького, А. П. Чехова), П. В. Мультиатули оказывается в неблагоприятной роли апологетизатора царя, «растворяющего» его личность в субъективно сконструированной схеме. Не удивительно поэтому, что книгу «Свидетельствуя о Христе до смерти...» он завершает надеждой на то, что имена царственных страстотерпцев будут сиять «многострадальной России путеводными звездами Добра и Любви во тьме ночи нынешнего апостасийного века!»¹⁵ Ныне-

¹⁴ Цит. по: (Мультиатули 2008: 3).

¹⁵ (Мультиатули 2006б: 768). Кстати сказать, общий тираж книг П. В. Мультиатули, посвященных императору Николаю II и его царствованию, достиг 40 тысяч экземпляров. Первые работы он публиковал в православном петербургском издательстве «Сатис. Держава», в дальнейшем – в различных московских издательствах («Вече», «АСТ-Астрель»,

и следующий век, таким образом, воспринимается как продолжение минувшего, когда православная Россия перестала быть монархией. «Зло» все еще не побеждено и господствует над миром.

Совершенно по-иному писали о Николае II отечественные историки и публицисты, не стремившиеся акцентировать внимание читателей на его святости и не смотревшие на его царствование через «конфессиональную призму». Одной из первых книг, изданных в постсоветской России, стала работа доктора исторических наук Г. З. Иоффе «Революция и судьба Романовых», изданная в 1992 г. Ученый представил на суд читателей свою версию екатеринбургской трагедии, увязав ее с основными событиями революционного времени. Эта книга – не биография последнего русского самодержца, но в ней рассказывается о перипетиях, приведших Николая II и его семью к трагическому концу. В нашем случае важно отметить итоговый вывод Г. З. Иоффе: «подозрительность и недоверие одних, страх и ненависть других, равнодушие и безразличие третьих – все это спутники социальных потрясений, политических переворотов, называемых революциями или смутой, – они и проторили дорогу в подвал ипатьевского дома. В политике не было морали, в политике действовала злая борьба интересов» (Иоффе 1992: 348).

«ФИВ», в издательстве Российского института стратегических исследований), а также в екатеринбургском издательстве Храма-Памятника на Крови во Имя Всех Святых.

Автор обращал внимание на то, что «борьба интересов» привела последнего русского царя к трагедии, а новую, большевистскую власть — к политическому преступлению: бессудному убийству монарха и его семьи. Он подошел к истории смерти Николая II и как историк, и как гражданин, попытавшись объяснить банальную истину: нельзя забывать прошлое насилие, даже если ты являешься идеологическим оппонентом того, кто был несправедливо осужден. Впрочем, слова эти прозвучали тогда, когда история последнего царствования в очередной раз стала предметом идеологических споров, жестких противостояний «новых монархистов» и представителей прежней, еще «советской» исторической школы.

В следующем, 1993 г. в новой России увидела свет первая полноценная биография императора Николая II. Ее автором был историк и драматург Э.С. Радзинский. Его книге о Николае II предпосылалась фраза из дневника императора: «Господи... спаси и *усмири* Россию»¹⁶ (выделено мной. — С.Ф.). Ошибка заключалась только в одной букве: в царском дневнике приведенная фраза звучала иначе: «Господи,

помоги нам, спаси и *усмири* Россию!» (Дневники 1991: 285. Запись от 17 октября 1905 года) (выделено мной. — С.Ф.). От «усмирения» до «умирения» — дистанция огромного размера. И Э.С. Радзинский прекрасно это понимал. В 2006 г., вспоминая о работе над биографией Николая II, он признался, что сознательно решился на подлог: «я сделал то, что не должен делать историк, но то, что должен был делать человек, который здесь рожден. Я написал заголовок, под которым книга вышла только в одной стране из девятнадцати, в которых она вышла, я написал заголовок — только “Господи, спаси и усмири Россию”. <...>. Но если и сейчас я вернулся назад, я бы написал то же заглавие»¹⁷.

Как бы то ни было, но «ошибку» Э.С. Радзинского немедленно заметили те, кто уже в начале 1990-х гг. с пиететом относился к памяти *святого царя*, обличая Э.С. Радзинского как «подделывателя истории». Например, в интернет-журнале Средненского монастыря была опубликована статья, в названии которой обыгрывалась приведенная выше фраза: «“Господи, спаси Россию”... и усмири Радзинских!» Кстати сказать, историю «Русской Голгофы» автор статьи открыл указанием на «христороподобную» жертву «благочестивейшего православного царя России и его верноподданных» (*Невярович*). История жизни и смерти императора Николая II начала в очередной раз перетолковываться.

Что касается книги Э.С. Радзинского, то следует сказать: она написана

¹⁶ (Радзинский 1993). Примечательно, что в последующих изданиях этой книги фраза об «усмирении» России исправлена. Книга переиздавалась в 1995, 1996, 1997, 2000 и 2003 гг. В 2005 г. в Москве книга была переиздана под названием «Последний царь Николай II. Жизнь и смерть», а в 2011 г. вновь, под названием «Николай II». Следует отметить, что тираж первого издания составил 150 тысяч экземпляров, второго (1995 г.) и третьего (1996 г.) — соответственно 15 и 20 тысяч экземпляров. В постсоветской России это была самая многотиражная книга о последнем императоре России.

¹⁷ URL: video.ru/tvarchive/event/33598/1.

в форме документально-художественного повествования и разделена на три части, включающие 16 глав, пролог и эпилог. Для изложения материала автор выбрал свободную манеру – отстраненного рассказчика, не столько стремящегося донести до слушателя (читателя) факты, сколько эти факты «погрузить» во время и добиться «психологического соответствия» своего героя (императора Николая II) и той эпохи, в которой он жил и царствовал. Показательно, что каждая часть, как и пролог, предваряются библейскими цитатами. Очевидно, они должны служить своеобразными «маркерами», позволяющими понять ту основную идею, которую хочет донести до читателя автор. Так, пролог предваряется словом из Евангелия от Матфея о том, что претерпевший до конца спасется (Мф. 24, 10–13); первая часть – «Перелистывая царские дневники» – словами пророка Авдия («Но хотя бы ты, как орел, поднялся высоко и среди звезд устроил гнездо твое, то и оттуда Я низрину тебя, говорит Господь» (Авдий: 1, 4)); вторая – «Гибель Атлантиды» – словами пророка Амоса («И пойдет царь их в плен, он и князья его вместе с ним, говорит Господь (Амос: 1, 15)); третья – «Ипатьевская ночь» – словами из Евангелия от Иоанна о пшеничном зерне, которое если умрет, принесет много плода (Ин.: 12, 24).

Следует отметить, что книга повествует не столько о правлении последнего царя, сколько о его жизни после отречения и о перипетиях убийства. Автор, вольно или невольно, пытается показать Николая II как

обреченную жертву, как человека и правителя, судьба которого напоминает древний эпос. В этом смысле правомерно назвать работу Э.С. Радзинского в большей степени «художественным», чем документальным произведением, построенным по законам драматургии. Это – «роман-трагедия», хотя и выполненный человеком, некогда получившим историческое образование.

В отличие от писателя Э.С. Радзинского, петербургские исследователи – академик РАН Б.В. Ананьич и член-корреспондент РАН Р.Ш. Ганелин, опубликовавшие в 1993 г. в журнале «Вопросы истории» статью о Николае II, являются профессиональными историками, посвятившими свою жизнь исследованию истории России конца XIX – начала XX в. В своей статье они писали о николаевской эпохе и о самом царе не только без какой-либо идеологической «ажитации», но и без желания этически оценить последнего императора. «На страницах сочинений о России начала XX в., – подчеркивали Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин, – Николай II занимает место не политика и мыслителя, а скорее последнего представителя покидавшей историческую сцену династии, человека трагической судьбы, проникнутого мистическим чувством обреченности». В их статье Николай II показан человеком переломного времени, по их мнению – он был привязан к нему, что позволяет не столько осудить или оправдать последнего монарха, сколько понять весь трагизм его положения – и как личности, и как правителя (Ананьич, Ганелин 1993: 58–76).

Интересный очерк о Николае II как о человеке, видевшем себя прежде всего и преимущественно офицером, написал петербургский историк А. В. Терещук. Избегая резких оценок и категорических выводов, он показывает ту роль, какую играла армия в жизни последнего русского царя, пытаясь ответить на вопрос, насколько компетентным военным руководителем он являлся (особенно в годы Великой войны, будучи Верховным главнокомандующим). А. В. Терещук утверждает, что концепция «заговора генералов», в которой якобы участвовал и начальник штаба Верховного главнокомандующего (в 1915–1917 гг.) М. В. Алексеев, убедительных подтверждений не имеет, хотя «великокняжеская» оппозиция (не говоря уже о радикально-революционной и либерально-демократической), безусловно, существовала (*Терещук* 2009: 269–288).

Другой современный исследователь — кандидат исторических наук С. П. Подболотов, подошел к истории Николая II по-иному. В 2003 г. он опубликовал статью, посвященную изучению политики и доктрины последнего самодержца в контексте истории русского национализма. Автор говорит о «династическом национализме» Николая II, анализируя отношения между монархией, бюрократией, русским образованным обществом и правыми националистическими партиями и прослеживая своеобразное восприятие царем власти и государственности, а также его влияние на политические реформы начала XX в. Исследователь утверждает, что последний российский

монарх столкнулся с дилеммой балансирования между образцом популярного крестьянского «отца-царя» и современной ролью монарха в управлении империей, полагая, что неспособность Николая II разрешить эту дилемму может служить объяснением особенно разрушительного политического кризиса в конце его правления (*Подболотов* 2003: 199–223).

Весьма любопытный подход к деятельности Николая II можно увидеть в работах кандидата исторических наук С. В. Куликова. В 2009 г. он выпустил обширную статью о последнем самодержце как реформаторе. Указывая, что политика царя и его роль в модернизации России часто ступеньваются и ратворяются в его частной жизни, исследователь стремится доказать: Николай II считал, что модернизация должна проводиться в империи эволюционно, в соответствии с ее национально-историческими особенностями. «Его реформационный проект имел консервативно-либеральный характер». Под «проектом» подразумевалась система представлений самодержца об актуальности и объеме либеральных преобразований, выражавшаяся в высочайших манифестах, указах, рескриптах, законодательных актах (*Куликов* 2009: 45–46).

Среди наиболее важных социальных и политических реформ Николая II С. В. Куликов выделяет: аграрную реформу, переселенческое движение, деятельность Крестьянского банка, ликвидацию общины, насаждение отрубов и хуторов, рабочий вопрос, веротерпимость

и свободу совести, попытку внедрить в российскую жизнь принципы национального равноправия, свободу слова (печати), неприкосновенность личности, свободу собраний, обществ и союзов, развитие местного самоуправления, судебную реформу. «К 1917 г. большинство либеральных реформ, упомянутых выше, было осуществлено по инициативе и под контролем Николая II в законодательном или административном порядке, что заставляет видеть в нем царя-реформатора», — полагает С.В. Куликов, далее замечая, что эти реформы имели «преимущественно “фабианский” характер и осуществлялись императором не сразу, а поэтапно, эволюционно, по частям». «Фабианская стратегия», по мнению исследователя, противоречила либерализму оппозиционеров, желавших получить «все и сразу» (Там же: 56).

По его мнению, постепенность при проведении либеральных реформ оппозицию раздражала больше, чем отказ от их осуществления. «Между тем, император, как и его оппоненты, являлся сторонником либеральных преобразований, и спор шел не о том, проводить их или нет, а о том, *кому* их проводить (проблема политического лидерства), *когда* именно (проблема актуальности реформ), *в каком* объеме и темпе (проблема соотношения прагматизма и доктринерства). Последний самодержец проводил реформы не под давлением оппозиционного и революционного движения, а параллельно и, подчас, вопреки им» (Там же).

Как мне представляется, называя Николая II царем-реформатором,

С.В. Куликов излишне настойчиво пытается приписать ему все социально-экономические и политические достижения России конца XIX — начала XX в. В конце концов, следуя его логике, реформаторами следует признать почти всех российских самодержцев, начиная с Петра Великого. Другое дело, насколько «постепенность» проведения реформ влияла на их итоговый успех. О том, что реформы при Николае II «запаздывали», писали многие современники. Считать, что они не желали видеть в царе сторонника либеральных преобразований просто потому, что «не желали», видимо, было бы некорректно. Да и сам Николай II, политически воспитанный К.П. Победоносцевым, вряд ли обрадовался бы, узнав, что его называют «либерально-консервативным реформатором».

По-другому подходит к изучению личности последнего царя другой петербургский ученый, доктор исторических наук Б.И. Колоницкий. В 2010 г. в издательстве НЛЮ (серия «Historia Rossica») увидела свет его монография «Трагическая эротика: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны». Ученый исследовал, как пытались повысить свою популярность члены императорской семьи — Николай II, его супруга, верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Исследовал он и восприятие образов Романовых. Четвертая глава книги Б.И. Колоницкого непосредственно была посвящена образам последнего самодержца в 1914–1917 гг. Проанализировав репрезентации

императорской власти в начале войны, поездки императора и монархически-патриотическую мобилизацию, образы царя-полководца, наконец, Николая II как объекта воздействия враждебных сил, автор пришел к неутешительному заключению о том, что «образ “царя-изменника” не получил такого широкого распространения, как образ “царя-дурака”. Очевидно, — указывал Б.И. Колоницкий, — сначала о предательстве царя заговорили в малообразованных низах, а лишь затем эта тема стала появляться в разговорах образованной элиты, хотя, по-видимому, об “измене императора” говорили значительно реже, чем о “заговоре императрицы”. Большую роль в распространении этого слуха после Февраля сыграла пресса революционного времени, хотя и в новых политических обстоятельствах данный слух все же не стал доминирующим» (*Колоницкий* 2010: 240).

Заканчивая работу, Б.И. Колоницкий напомнил читателям фразу протоиерея Сергея Булгакова, некогда писавшего о своей трагической любви к Николаю II, о чувстве «влюбленности», которое он испытывал по отношению к нему. «Булгаков желал любить императора, однако объект его искренней политической любви не соответствовал образу идеального монарха. Свое сложное, мучительное отношение к последнему царю и последнему царствованию философ даже назвал “трагической эротикой”. <...>. Исследование культуры эпохи Мировой войны показывает, что случай С. Булгакова не был исключительным. Подобно ему, немало лю-

дей страдали оттого, что, вопреки своему искреннему желанию, они просто не могли любить своего царя. Без радости они воспринимали падение монархии, с тревогой смотрели в будущее, однако поддерживать последнего императора, любить его через силу они уже не могли» (Там же: 578).

На это заявление следует обратить пристальное внимание: последний царь характеризовался как человек, которого *хотели*, но *не могли* любить многие из тех, кто искренне считал себя приверженцем монархического принципа, но не мог «любить через силу». Случайностью это, конечно, не было. Еще в начале XX в. генерал А.А. Киреев, искренний (и истовый) монархист, записал в своем дневнике: «Суворин рассказывает, что извозчик, везший одного его знакомого, проезжая мимо домика Петра, сказал: вот, барин, кабы нам теперь такого царя, а то теперешний дурик! (не дурак и не дурачек). Где ему справиться, — и добавлял уже от себя: — Это ужасный симптом» (Дневник А.А. Киреева). Мировая война обнажила эти «симптомы», и Б.И. Колоницкий показал, как и почему указанное «обнажение» произошло. В своей книге он не стремился доказать, что причина случившегося — «глупость» или «недальновидность» царя, — на основании многочисленных документов он говорил, что лик державного вождя в военное лихолетье окончательно «деформировался», что его образ и в среде «простых людей», надевших шинели и пошедших на войну, и в «обществе» вовсе не был «святочным». Процесс десакарализации власти,

олицетворявшейся монархом, зашел слишком далеко. По большому счету данное обстоятельство можно назвать «психологическим маркером» такого явления, как кризис самодержавия.

Посильный вклад в изучение жизни и царствования Николая II внес и автор этих строк. В 2009 г. в петербургском издательстве «Вита Нова» я издал двухтомник «Николай II. Пленник самодержавия». Называя царя «пленником самодержавия», я пытался найти ключ к осмыслению его личности, цельность которой придавала вера в самодержавие как принцип. Сама работа состояла из пяти глав, эпилога и аналитической статьи, посвященной юридической реабилитации членов семьи императора Николая II. Материал расположен таким образом, чтобы читатель мог сразу же понять «узловые моменты» в биографии последнего царя: первая глава посвящена его жизни до вступления на престол, вторая — первым годам правления, третья — «великим канунам» (эпохе Первой революции и предвоенному периоду), четвертая — времени Первой мировой войны и, наконец, пятая — жизни царя в заточении. Вместо эпилога рассматриваются история и причины формирования различного отношения к Николаю II и к его деятельности в советском и в современном российском обществе. Парадокс, на мой взгляд, состоит в том, что если непримиримые критики последнего царя, вслед за большевиками, называют его «Кровавым», то неумеренные почитатели — «Царем-Искупителем». Трагедия и фарс попеременно, как видим, меняются местами.

Я полагал, что подробно писать о екатеринбургской трагедии особого смысла нет, поскольку к тому времени появилось достаточно специальных работ на эту тему¹⁸. Более важным представлялось дать общую картину случившегося, акцентируя внимание на том, что для Николая II «историческая давность» не наступила, что он — не только историческая, но и политическая фигура. «А это значит, что он принадлежит прошлому не меньше, чем будущему»¹⁹. По прошествии десятилетия, с сожалением, я должен сказать, что не могу поменять своего мнения по данному вопросу.

Одним из доказательств сказанному может служить книга Ю. Григорьева «Последний император России. Тайна гибели», в которой автор, по профессии судмедэксперт, утверждает, что трупы убитых в Ипатьевском доме членов семьи Романовых были сожжены, а екатеринбургские захоронения — фальсификация. В предисловии автор откровенно заявляет, что в его «расследовании» не будет ссылок на архивные материалы, поскольку у него нет доступа к архивам (!) и «он даже не пытался проникнуть в них» (Григорьев 2009: 18). Почему — остается только догадываться.

¹⁸ См. напр.: (Буранов, Хрусталева 1992; Правда о Екатеринбургской трагедии 1998; Плотников 2003; Покаяние 2003; Авдониц 2004; Лыкова 2007; Розанова 2008). В дальнейшем появились и новые работы. См., напр.: (Соловьев [2010]; Авдониц 2013; и др.).

¹⁹ (Фирсов 2009: 244). В дальнейшем указанная книга дважды переиздавалась (с существенными сокращениями) в издательстве «Молодая гвардия» (серия ЖЗЛ). (См.: (Фирсов 2010; 2017)).

Но и на основании имевшихся в его распоряжении опубликованных материалов Ю. Григорьев сумел так выстроить систему доказательств, чтобы среди прочего громогласно утверждать: в расстреле так называемые «латыши» никакого участия не принимали, поскольку расстрел царской семьи — событие не рядовое, а исторический акт, от которого большевистское начальство Екатеринбурга остаться в стороне не могло. Не могло оно позволить каким-то «латышам» войти в историю. Полностью не принимая известную версию об участниках кровавых событий 17 июля 1918 г., он утверждал, что расстреливали царскую семью Голощекин, Белобородов, Войков, Юровский, Никулин, Кудрин, Ермаков, возможно, «еще один-два человека». У трупов, по его версии, отрезали головы — «для того, чтобы отвезти в Москву и предъявить высшему руководству неоспоримые доказательства того, что Романовых больше нет в живых». А затем «под бдительным оком Голощекина трупы были уничтожены ПРАКТИЧЕСКИ ПОЛНОСТЬЮ». Их сожгли около шахт (Там же: 352, 354, 357, 359).

Так, в очередной раз легенда об отрезанных царских головах получила новую интерпретацию. Разоблачать ее, на мой взгляд, также бессмысленно, как и проводить исторический разбор опуса Ю. Григорьева, который «нашел истину» и лишь пытался донести ее до своих читателей. Стоит, впрочем, вспомнить, что еще в начале 1990-х гг. стали активно распространяться всевозможные слухи о ленинском сейфе, в котором якобы хранилась

чудовищная реликвия: заспиртованная голова Николая II. Об этом поведал желающим «познать истину» журналист В. Родиков, кандидат технических наук, автор многочисленных фельетонов, с 1981 г. состоявший в Союзе журналистов СССР. «Сенсационное» известие было опубликовано в литературно-художественном журнале «Чудеса и приключения» за 1992 г. «После смерти Ленина была создана комиссия, — рассказывал журналист. — В комиссию входил узкий круг: Дзержинский, Куйбышев, Сталин... Вскрыли сейф, а там... сосуд с заспиртованной головой Николая II». Слова журналиста вызвали неподдельный интерес у писателя В. А. Солоухина, который не побоялся вспомнить о них и привести в своей работе о В. И. Ленине «При свете дня»²⁰. Лучше поступить он и не мог, поскольку сей журнал сам аттестует себя как «литературно-художественный журнал приключений, путешествий, научных гипотез и фантастики»²¹. Не вдаваясь в специальное обсуждение данного вопроса, отметим лишь то, что «история с головами» вплоть до настоящего времени активно обсуждается в блогосфере, вызывая горячие споры среди сторонников и противников указанной версии.

Существуют и иные, не менее экстравагантные версии, связанные с судьбой последнего императора.

²⁰ См.: (Солоухин 2017: 579).

²¹ Следует сказать, что в полном объеме статья В. Родикова была опубликована ранее — в сборнике, выпущенном издательством «Молодая гвардия» еще до крушения СССР. (См.: (Родиков 1991: 195–227)). Тираж сборника, к слову, составил 100 тысяч экземпляров.

С одной из них можно ознакомиться, прочитав книгу рижского юриста, адвоката и историка-любителя А.Н. Грянника «Завещание Николая II». В своей работе, изданной в 1993 г., автор попытался доказать, что последний царь, его супруга и их дети не были расстреляны в 1918 г. — вместо них были убиты двойники. А Николай II с семьей с 1918 г. проживал в Сухуми. Разумеется, семья жила под псевдонимами, опекаемая работниками госбезопасности и милиции. Сам царь, якобы под именем Сергея Давидовича Березкина, пережил Вторую мировую войну и умер в конце 1950-х гг.²² Не вдаваясь в анализ сей замечательной по-своему сказки, отметим одно: автор симпатизировал последнему царю, называл его добрейшим и интеллигентнейшим человеком, восхищался достижениями николаевской России. Произвольно интерпретируя источники и литературу по теме, автор среди прочего заявлял, что книга следователя Н.А. Соколова говорит в пользу того, что расстреляли двойников, что в тайной операции участвовали чекисты и красноармейцы спецподразделения армии Берзина и т.д. Свою работу А.Н. Грянник обращал к «светлому будущему» России, которое, по его мнению, зависело и от установления истины о судьбе царской семьи. В своей книге он эту «истину» и «устанавливал». В его изложении Николай II не только не был убит, а его голова послана к большевистским лидерам в Москву, но и дожил до седых волос в окружении детей и внуков... Как здесь не вспомнить известное

выражение К. Маркса о дважды повторяемой истории — первый раз в виде трагедии, второй — в виде фарса...

Говоря об образе императора Николая II в современной отечественной исторической литературе, необходимо упомянуть о полном академическом издании его дневников за 1894–1918 гг. Публикация предваряется очерком, посвященном истории их изучения и публикации. При этом, знакомясь с очерком, читатели в сжатом виде могут узнать также о том, что и почему интересовало Николая II, расписание его рабочего дня, привычки и развлечения и т.п. Специально рассмотрен и сюжет, связанный с отношениями Николая II и Александры Федоровны («Николай и Александра: жизнь и судьба»). Авторы очерка на основе дневниковых записей рассказывают, как любовь венценосцев развивалась, с годами лишь укрепляясь. Авторы, избрав «описательный» метод, излагают историю этой любви, пытаются, не осуждая, объяснить появление в их семье Г.Е. Распутина, отношения с детьми и родственниками. Для них очевидно, что брак Николая II и Александры Федоровны был основан на искренней любви, уважении и обожании друг друга. Неслучайно данный сюжет заканчивается цитатой камердинера императрицы А.А. Волкова: «Я скажу про них просто. Это была самая святая и чистая семья»²³.

Ценность предваряющего публикацию очерка, на мой взгляд, в том и состоит, что все, что в нем утвер-

²² См.: (Грянник 1993).

²³ См.: (Мифоленко и др. 2011: 5–37).

ждается, возможно проверить, читая царские дневники, тем более что публикация снабжена не только комментариями — к каждому году специально, но и обширными приложениями: аннотированными указателями имен, придворных чинов, театральных пьес, опер и балетов, церковных и религиозных терминов, военных терминов, войсковых соединений, географических названий, мест и сооружений, государственных учреждений, административных единиц и должностей, игр, кораблей, мер и весов, устаревших слов и терминов, списка сокращений и расшифровки имен королевских особ и государственных деятелей западных государств. Составлен даже список прочитанной императором литературы и представлен список театральных спектаклей, которые он посещал в начале XX в. Можно сказать, что все это вместе составляет полновесную энциклопедию царствования Николая II, дает важные «ключи» к пониманию характера, привычек и привязанностей последнего самодержца. Таким образом, «Дневники императора Николая II (1894–1918)»²⁴ — это не только «дневники», но и исследование, чье значение для современной историографии последнего царствования трудно переоценить.

Ранее, в 2001 г., петербургское издательство «Скарабей» опубликовало камер-фурьерские журналы за декабрь 1916 — февраль 1917 г., назвав сборник «Николай II накануне отречения». Документам

предпосылались две статьи — «Николай II перед Февральской революцией (Царское Село: 19 декабря 1916 г. — 22 февраля 1917 г.)» и «Николай II в кругу семьи (Царское Село, 19 декабря 1916 г. — 22 февраля 1917 г.)». Автором первой была доктор исторических наук Б.Д. Гальперина, автором второй — доктор исторических наук В.И. Старцев. Пытаясь оценить восприятие императором сложившейся перед революцией политической обстановки в стране, Б.Д. Гальперина писала, что он находился под преобладающим влиянием «реакционного лагеря». Исследовательница пишет, что дело заключалось не в глупости или упрямстве царя, «а в том соотношении “положительной” и “отрицательной” информации, которое формировалось перед его глазами, в том, какие влияния были в эти два предреволюционных месяца преобладающими» (Гальперина 2001: 15).

Со своей стороны, изучая данные камер-фурьерских журналов, В.И. Старцев полагал, что двухмесячное пребывание царя в кругу семьи до конца января 1917 г. было положительным. Но в условиях стремительно усложнявшейся в феврале обстановки необходимо было как-то реагировать на события. Реакции же не последовало. Слухи о том, что 21 февраля царь встречался с некоторыми министрами и обсуждал вопрос о даровании «ответственного министерства», не могут быть проверены, поскольку камер-фурьерский журнал за этот день отсутствует. А 22 февраля Николай II уехал в Могилев. Не делая конкретных выводов, В.И. Старцев, однако, по этому поводу высказался

²⁴ Всего вышло три книги «Дневников» в двух томах. Две части второго тома «Дневников» увидели свет в 2013 г. (См.: (Дневники императора 2013а; 2013б)).

предельно ясно, процитировав слова Николая II и снабдив их своим комментарием. «Мой мозг отдыхает здесь, — писал, как известно, царь с дороги, — ни министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания. Я считаю, что это мне полезно...». И еще размышлял, куда отправить дочерей восстанавливать силы после кори. В Петрограде уже второй день шла революция» (*Старцев* 2001: 22). Это можно считать психологической характеристикой Николая II, который, без лишних слов, оценивается жестко и предельно ясно.

В заключение нельзя не упомянуть и о том, что на восприятие образа последнего самодержца существенное влияние оказали многочисленные переиздания книг как русских дореволюционных авторов, так и тех, кто оказался после революции и Гражданской войны в эмиграции. Среди этих книг были совершенно разные работы: и оппонентов «самодержавного принципа», относившихся к Николаю II без всякого пиетета, а порой и резко отрицательно²⁵, и его апологетов, стремившихся доказать, что его царствование было порой расцвета России²⁶, а он сам — замечательным монархом и дальновидным правителем²⁷, и тех, кто, будучи идейными монархистами, пытались расследовать убийство императора и его семьи²⁸.

²⁵ См. напр.: (*Троцкий* 1990: 127–135; *Быков* 1991; *Обнинский* 1992; *Николай II* 1993: 475–542; *Мельгунов* 2005).

²⁶ См. напр.: (*Ольденбург* 1991).

²⁷ См. напр.: (*Тальберг* 2000; *Якобий* 2005: 35–368; *Солоневич* 2007: 271–301).

²⁸ См.: (*Сokolov* 1990; *Дитерихс* 1991).

Что же в итоге?

Однозначно ответить на этот вопрос затруднительно. История жизни и царствования последнего императора России и сейчас — предмет не только научных (и околонучных) дискуссий, но и тема, заставляющая задумываться о месте морали в истории, более того — о том, что и как понимать под этим словом. Вспоминая библейского мудреца, утверждавшего, что всему свое время, можно сказать: хотя время «разбрасывать камни» прошло, «собирать» их все так же трудно, как и сто лет назад. История, не имеющая, как известно, сослагательного наклонения, тем не менее заставляет, рассуждая о прошлом, постоянно сравнивать его с настоящим и интерполировать его на будущее. «Объективный» взгляд на историю жизни Николая II и ныне часто называется труднодостижимой мечтой, осуществлению которой мешает «субъективный» подход к прошлому. «Сказка» предъясняет свои права на него, не желая считаться с давно выявленными и проверенными фактами, не признавая их таковыми. «И возвращается ветер на круги своя»... (Еккл. 1, 6).

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Дневник А.А. Киреева — Дневник А.А. Киреева // Рукописный отдел Российской государственной библиотеки. (РО РГБ). Ф. 126. Д. 13. Л. 336 об. — 337. Запись от 21 июля 1904 г.

Невярович — Невярович В. «Господи, спаси Россию» и усьмири Радзинских! URL: www.pravoslavie.ru/jurnal/radzinski.htm.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авдонин 2004 — *Авдонин А. Н.* Скорбный путь длиной в восемьдесят лет. Екатеринбург, 2004.

Авдонин 2013 — *Авдонин А. Н.* Ганина яма. История поисков останков царской семьи. Екатеринбург, 2013.

Аврех 1989 — *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989.

Ананьич, Ганелин 1993 — *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Николай II // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 58–76.

Боханов 1997 — *Боханов А. Н.* Николай II. М., 1997.

Боханов 1998 — *Боханов А. Н.* Император Николай II. М., 1998.

Боханов 2006 — *Боханов А. Н.* Последний царь. М., 2006.

Буранов, Хрусталева 1992 — *Буранов Ю., Хрусталева В.* Гибель императорского дома 1917–1919 гг. М., 1992.

Быков 1991 — *Быков П. М.* Последние дни Романовых. Алма-Ата, 1991.

Василевский 1923 — *Василевский (Не-Буква) И. М.* Николай II. Пг.; М., 1923. 144 с.

Водовозов 1922 — *Водовозов В. В.* Граф С. Ю. Витте и император Николай II. Петербург, 1922.

Гальперина 2001 — *Гальперина Б. Д.* Николай II перед Февральской революцией (Царское Село: 19 декабря 1916 г. — 22 февраля 1917 г.) // Николай II накануне отречения. Камер-фурьерские журналы (декабрь 1916 — февраль 1917 гг.). СПб., 2001.

Григорьев 2009 — *Григорьев Ю.* Последний император России. Тайна гибели. М.; СПб.; Владимир, 2009.

Грянник 1993 — *Грянник А. Н.* Завещание Николая II. Рига, 1993. Кн. 1, 2.

Дитерихс 1991 — *Дитерихс М. К.* Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М., 1991. Ч. I, II.

Дневники 1991 — *Дневники императора Николая II.* М., 1991.

Дневники императора 2013а — *Дневники императора Николая II (1894–1918)* / отв. ред. С. В. Мироненко. Т. II. Ч. 1: 1905–1913. М., 2013.

Дневники императора 2013б — *Дневники императора Николая II (1894–1918)* / отв. ред. С. В. Мироненко. Т. II. Ч. 2: 1914–1918.

Дякин 1967 — *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны 1914–1917 гг. Л., 1967.

Дякин 1995 — *Дякин В. С.* Николай, Александра, Распутин и камарилья // Новый Часовой. Русский военно-исторический журнал. 1995. № 3. С. 148–164.

Иоффе 1992 — *Иоффе Г.* Революция и судьба Романовых. М., 1992.

Капков 2016 — *Капков К. Г.* Царский выбор: Духовный мир Императора Николая II и его семьи. Последние священники при Царе. Вольная жертва. К 100-летию великомученического подвига Царственных страстотерпцев. Село Белянка; М.; Ташкент; Вятка; Ливадия, 2016.

Касвинов 1988 — *Касвинов М. К.* Двадцать три ступени вниз. Кишинев, 1988.

Козлов 1994 — *Козлов Н.* Друг царей. Б/м., 1994.

Колоницкий 2010 — *Колоницкий Б. И.* Трагическая эротика: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

Куликов 2009 — *Куликов С. В.* Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С. 45–46.

Лькова 2007 — *Лькова Л. А.* Следствие по делу об убийстве Российской императорской семьи. М., 2007.

Любош 1924 — *Любош С.* Последние Романовы. Л.; М., 1924.

Материалы 1996 — *Материалы, связанные с канонизацией Царской Семьи.* М., 1996.

Мельгунов 2005 — Мельгунов С.П. Судьба Николая II после отречения. Историко-критические очерки. М., 2005.

Мироенко и др. 2011 — Мироенко С.В., Перегудова З.И., Андреев Д.А., Хрусталиев В.М. Дневники императора Николая II: история изучения, публикации // Дневники императора Николая II (1894–1918) / отв. ред. С.В. Мироенко. М., 2011. Т. I: 1894–1904. С. 5–37.

Миронова 2005 — Миронова Т. Из-под лжи: Государь Николай Второй; Григорий Распутин. Краснодар, 2005.

Мультиатули 2002 — Мультиатули П.В. Господь да благословит решение мое... Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб., 2002.

Мультиатули 2003 — Мультиатули П.В. Строго посещает Господь нас гневом Своим... Император Николай II и революция 1905–1907 гг. СПб., 2003.

Мультиатули 2006а — Мультиатули П.В. Свидетельствую о Христе до смерти... Екатеринбургское злодеяние 1918 г.: новое расследование. СПб., 2006.

Мультиатули 2006б — Мультиатули П.В. Свидетельствую о Христе до смерти... Екатеринбургское злодеяние 1918 г.: новое расследование. М., 2006.

Мультиатули 2008 — Мультиатули П.В. Николай II: Имя Россия. Исторический выбор 2008. М., 2008.

Мультиатули 2010 — Мультиатули П.В. Николай II: Отречение, которого не было. М., 2010.

Мультиатули 2013 — Мультиатули П.В. Император Николай II. Крестный путь. М., 2013.

Николай II 1977 — Николай II // Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1977.

Николай II 1993 — Николай II // Российские государи. Их происхождение, интимная жизнь и политика. Сборник. М., 1993. С. 475–542.

Обнинский 1992 — Обнинский В.П. Последний самодержец: Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992.

Ольденбург 1991 — Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991.

Платонов 1991 — Платонов О. Убийство царской семьи. М., 1991.

Платонов 1996а — Платонов О. Жизнь за Царя. (Правда о Григории Распутине). СПб., 1996.

Платонов 1996б — Платонов О. Заговор цареубийц. М., 1996.

Платонов 1996в — Платонов О. Николай II в секретной переписке. М., 1996.

Платонов 1998 — Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации. М., 1998.

Платонов 1999 — Платонов О. Николай Второй. Жизнь и царствование. СПб., 1999.

Платонов 2001а — Платонов О. История цареубийства. М., 2001.

Платонов 2001б — Платонов О. Пролог цареубийства. М., 2001.

Платонов 2005а — Платонов О. Последний государь: жизнь и смерть. М., 2005.

Платонов 2005б — Платонов О. Николай Второй в секретной переписке. М., 2005.

Платонов 2008 — Платонов О. Загадка Сионских протоколов. М., 2008.

Плотников 2003 — Плотников И.Ф. Правда истории. Гибель царской семьи. Екатеринбург; М., 2003.

Подболотов 2003 — Подболотов С. Царь и народ: Популистский национализм императора Николая II // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 199–223.

Покаяние 2003 — Покаяние. Материалы правительственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского Императора Николая II

и членов его семьи. Избранные документы / сост. В. Аксюциц. М., 2003.

Правда о Екатеринбургской трагедии 1998 – Правда о Екатеринбургской трагедии. Сборник статей под редакцией доктора исторических наук Ю.А. Буранова. М., 1998.

Радзинский 1993 – Радзинский Э. «Господи... спаси и умири Россию». Николай II: жизнь и смерть. М., 1993.

Родиков 1991 – Родиков В. Легенда о царской голове // Дорогами тысячелетий. Сборник исторических статей и очерков. М., 1991. Кн. 4. С. 195–227.

Розанова 2008 – Розанова Н. Царственные страстотерпцы. Посмертная судьба. М., 2008.

Смыслов 2000 – Смыслов И.В. Царский путь. Размышления о канонизации царской семьи. [Нижний Новгород], 2000.

Соколов 1990 – Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М., 1990.

Соловьев [2010] – Соловьев В. Тайны старой коптяковской дороги. [М.], [2010].

Солоневич 2007 – Солоневич И.Л. Миф о Николае Втором // Солоневич И. Великая фальшивка Февраля. М., 2007. С. 271–301.

Солоухин 2017 – Солоухин В.А. При свете дня // В.И. Ленин: Pro et Contra. Антология / автор-составитель В.А. Гуроров. СПб., 2017.

Старцев 2001 – Старцев В.И. Николай II в кругу семьи (Царское Село, 19 декабря 1916 г. – 22 февраля 1917 г.) // Николай II накануне отречения. Камерфурьерские журналы (декабрь 1916 – февраль 1917 гг.). СПб., 2001.

Тальберг 2000 – Тальберг Н.Д. Николай II. Очерки истории императорской России. М., 2000.

Терецук 2009 – Терецук А.В. Полковник Романов, или Венценосный солдат // Фирсов С.Л. Николай II. Пленник самодержавия. СПб., 2009. Т. II. С. 269–288.

Троцкий 1990 – Троцкий Л.Д. Николай II. (Юбилей позора нашего: 1613–1913) // Троцкий Л. Политические силуэты. М., 1990. С. 127–135.

Фирсов 2009 – Фирсов С. Николай II. Пленник самодержавия. СПб., 2009. Т. II.

Фирсов 2010 – Фирсов С. Николай II. Пленник самодержавия. М., 2010.

Фирсов 2017 – Фирсов С. Николай II. Пленник самодержавия. М., 2017.

Щеголев 1928 – Щеголев П.Е. Последний рейс Николая II. М.; Л., 1928. (Переиздание 1991 г.).

Якобий 2005 – Якобий И.П. Император Николай II и революция // Император Николай II и революция / автор-составитель С.В. Фомин. М., 2005. С. 35–368.

IMAGE OF THE LAST RUSSIAN EMPEROR NICHOLAS II IN MODERN RUSSIAN HISTORICAL LITERATURE.

Firsov Sergey L. – professor of the UNESCO's department of The Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg)

Key words: Nicholas II, Alexandra Fyodorovna, tsar family, Gregory Rasputin, The History of Russia, Monarchical statehood, Autocracy, Communist ideology, The Yekaterinburg murder.

Abstract. In article it is told about methods and approaches of the modern Russian historians and publicists researching life and reign of the last Rus-

sian emperor. The author shows how political and ideological involvement can influence campaigns to a subject (first of all at those historians who call Nicholas II “tsar-propitiator”). Analyzing the works published in recent years about Nicholas II, the author shows, as in the 21st century history of the last Russian autocrat – a subject not only scientific (and pseudo-scientific) discussions, but also the subject forcing to think of the place of morals in history.

REFERENCES

- Anan'ich B. V., Ganelin R.Sh. *Nikolai II. Voprosy istorii*, 1993, no. 2, pp. 58–76.
- Avdonin A. N. *Ganina iama. Istoriia poiskov ostankov tsarskoi sem'i*. Ekaterinburg, 2013.
- Avdonin A. N. *Skorbnyi put' dlinoi v vosem' de-siat let*. Ekaterinburg, 2004.
- Avrekh A.Ia. *Tsarizm nakanune sverzheniia*. Moscow, 1989.
- Bokhanov A. N. *Imperator Nikolai II*. Moscow, 1998.
- Bokhanov A. N. *Nikolai II*. Moscow, 1997.
- Bokhanov A. N. *Poslednii tsar'*. Moscow, 2006.
- Buranov Iu., Khrustalev V. *Gibel' imperatorskogo doma 1917–1919 gg*. Moscow, 1992.
- Bykov P.M. *Poslednie dni Romanovykh*. Alma-Ata, 1991.
- Diakin V.S. Nikolai, Aleksandra, Rasputin i kamaril'ia. *Novyi Chasovoi. Russkii voenno-istoricheskii zhurnal*, 1995, no. 3, pp. 148–164.
- Diakin V.S. *Russkaia burzhuaziia i tsarizm v gody pervoi mirovoi voiny 1914–1917 gg*. Leningrad, 1967.
- Diterikhs M. K. *Ubiistvo Tsarskoi Sem'i i chlenov Doma Romanovykh na Urale*. Moscow, 1991, ch. I, II.
- Dnevnik imperatora Nikolaia II (1894–1918)*, otv. red. S. V. Mironenko. T. II. Ch. 1: 1905–1913. Moscow, 2013.
- Dnevnik imperatora Nikolaia II (1894–1918)*, otv. red. S.V. Mironenko. T. II. Ch. 2: 1914–1918.
- Dnevnik imperatora Nikolaia II*. Moscow, 1991.
- Firsov S. *Nikolai II. Plennik samoderzhaviia*. Moscow, 2010.
- Firsov S. *Nikolai II. Plennik samoderzhaviia*. Moscow, 2017.
- Firsov S. *Nikolai II. Plennik samoderzhaviia*. St. Petersburg, 2009, vol. II.
- Gal'perina B.D. Nikolai II pered Fevral'skoi revoliutsiei (Tsarskoe Selo: 19 dekabria 1916 g. – 22 fevralia 1917 g.). *Nikolai II nakanune otrencheniia. Kamer-fur'erskie zhurnaly (dekabr' 1916 – fevral' 1917 gg.)*. St. Petersburg, 2001.
- Griannik A. N. *Zaveshchanie Nikolaia II*. Riga, 1993, kn. 1, 2.
- Grigor'ev Iu. *Poslednii imperator Rossii. Ta-ina gibeli*. Moscow; St. Petersburg; Vladimir, 2009.
- Iakobii I. P. Imperator Nikolai II i revoliutsiia. *Imperator Nikolai II i revoliutsiia*, avtor-sostavitel' S. V. Fomin. Moscow, 2005, pp. 35–368.
- Ioffe G. *Revoliutsiia i sud'ba Romanovykh*. Moscow, 1992.
- Kapkov K. G. *Tsarskii vybor: Dukhovnyi mir Imperatora Nikolaia II i ego sem'i. Poslednie sviashchenniki pri Tsare. Vol'naia zhertva. K 100-letiiu velikomuchenicheskogo podviga Tsarstvennykh strastotertsev*. Selo Belianka; Moscow; Tashkent; Viatka; Livadiia, 2016.
- Kasvinov M. K. *Dvadsat' tri stupeni vniz*. Kishinev, 1988.
- Kolonitskii B. I. *Tragicheskaiia erotika: Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voiny*. Moscow, 2010.
- Kozlov N. *Drug tsarei*. B/m., 1994.
- Kulikov S. V. Imperator Nikolai II kak reformator: k postanovke problemy. *Rossiiskaia istoriia*, 2009, no. 4. pp. 45–46.

- Liubosh S. *Poslednie Romanovy*. Leningrad; Moscow, 1924.
- Lykova L. A. *Sledstvie po delu ob ubiistve Rossiiskoi imperatorskoi sem'i*. Moscow, 2007.
- Materialy, sviazannye s kanonizatsiei Tsarskoi Sem'i*. Moscow, 1996.
- Mel'gunov S. P. *Sud'ba Nikolaia II posle otrecheniia. Istoriko-kriticheskie ocherki*. Moscow, 2005.
- Mironenko S. V., Peregudova Z. I., Andreiev D. A., Khrustalev V. M. *Dnevniky imperatora Nikolaia II: istoriia izuchenii, publikatsii. Dnevniky imperatora Nikolaia II (1894–1918)*, otv. red. S. V. Mironenko. Moscow, 2011, vol. I: 1894–1904, pp. 5–37.
- Mironova T. *Iz-pod lzhi: Gosudar' Nikolai Vtoroi; Grigorii Rasputin*. Krasnodar, 2005.
- Mul'tatuli P. V. *Gospod' da blagoslovit reshenie moe... Imperator Nikolai II vo glave deistvuiushchei armii i zagovor generalov*. St. Petersburg, 2002.
- Mul'tatuli P. V. *Imperator Nikolai II. Krestnyi put'*. Moscow, 2013.
- Mul'tatuli P. V. *Nikolai II: Imia Rossia. Istoricheskii vybor 2008*. Moscow, 2008.
- Mul'tatuli P. V. *Nikolai II: Otrechenie, kotorogo ne bylo*. Moscow, 2010.
- Mul'tatuli P. V. *Strogo poseshchaet Gospod' nas gnevom Svoim... Imperator Nikolai II i revoliutsiia 1905–1907 gg.* St. Petersburg, 2003.
- Mul'tatuli P. V. *Svidetel'stviua o Khriste do smerti... Ekaterinburgskoe zlodeianie 1918 g.: novej rassledovanie*. Moscow, 2006.
- Mul'tatuli P. V. *Svidetel'stviua o Khriste do smerti... Ekaterinburgskoe zlodeianie 1918 g.: novej rassledovanie*. St. Petersburg, 2006.
- Nikolai II. *Rossiiskie gosudari. Ikh proiskhozhdenie, intimnaia zhizn' i politika*. Sbornik. Moscow, 1993, pp. 475–542.
- Nikolai II. *Velikaia Oktiabr'skaia sotsialisticheskaia revoliutsiia*. Entsiklopediia. Moscow, 1977.
- Obninskii V. P. *Poslednii samoderzhets: Ocherk zhizni i tsarstvovaniia imperatora Rossii Nikolaia II*. Moscow, 1992.
- Ol'denburg S. S. *Tsarstvovanie imperatora Nikolaia II*. St. Petersburg, 1991.
- Platonov O. *Istoriia tsareubiistva*. Moscow, 2001.
- Platonov O. *Nikolai II v sekretnoi perepiske*. Moscow, 1996.
- Platonov O. *Nikolai Vtoroi v sekretnoi perepiske*. Moscow, 2005.
- Platonov O. *Nikolai Vtoroi. Zhizn' i tsarstvovanie*. St. Petersburg, 1999.
- Platonov O. *Poslednii gosudar': zhizn' i smert'*. Moscow, 2005.
- Platonov O. *Prolog tsareubiistva*. Moscow, 2001.
- Platonov O. *Taina bezzakoniia. Iudaizm i masonstvo protiv khristianskoi tsivilizatsii*. Moscow, 1998.
- Platonov O. *Ubiistvo tsarskoi sem'i*. Moscow, 1991.
- Platonov O. *Zagadka Sionskikh protokolov*. Moscow, 2008.
- Platonov O. *Zagovor tsareubiists*. Moscow, 1996.
- Platonov O. *Zhizn' za Tsaria. (Pravda o Grigorii Rasputine)*. St. Petersburg, 1996.
- Plotnikov I. F. *Pravda istorii. Gibel' tsarskoi sem'i*. Ekaterinburg; Moscow, 2003.
- Podbolotov S. *Tsar' i narod: Populistskii natsionalizm imperatora Nikolaia II. Ab Imperio*, 2003, no. 3, pp. 199–223.
- Pokaianie. Materialy pravitel'stvennoi Komissii po izucheniiu voprosov, sviazannykh s issledovaniem i perezakhoroneniem ostankov Rossiiskogo Imperatora Nikolaia II i chlenov ego sem'i. Izbrannye dokumenty*, sost. V. Aksiuchits. Moscow, 2003.
- Pravda o Ekaterinburgskoi tragedii*. Sbornik statei pod redaktsiei doktora istoricheskikh nauk Iu. A. Buranova. Moscow, 1998.
- Radzinskii E. *"Gospodi... spasi i usmiri Rossiu". Nikolai II: zhizn' i smert'*. Moscow, 1993.
- Rodikov V. *Legenda o tsarskoi golove. Domogami tysiacheletii. Sbornik istoricheskikh*

statei i ocherkov. Moscow, 1991, kn. 4, pp. 195–227.

Rozanova N. *Tsarstvennye strastoterpsy. Posmertnaia sud'ba*. Moscow, 2008.

Shchegolev P.E. *Poslednii reis Nikolaia II*. Moscow; Leningrad, 1928.

Smyslov I.V. *Tsarskii put'. Razmyshleniia o kanonizatsii tsarskoi sem'i*. [Nizhnii Novgorod], 2000.

Sokolov N.A. *Ubiistvo tsarskoi sem'i*. Moscow, 1990.

Solonevich I.L. Mif o Nikolae Vtorom. Solonevich I. *Velikaia fal'shivka Fevralia*. Moscow, 2007, pp. 271–301.

Soloukhin V.A. Pri svete dnia. *V.I. Lenin: Pro et Contra*. Antologiya, avtor-sostavitel' V.A. Gutorov. St. Petersburg, 2017.

Solov'ev V. *Tainy staroi koptiakovskoi dorogi*. [Moscow], [2010].

Startsev V.I. Nikolai II v krugu sem'i (Tsarskoe Selo, 19 dekabria 1916 g. – 22 fevralia 1917 g.). *Nikolai II nakanune otrencheniia. Kamer-fur'erskie zhurnaly (dekabr' 1916 – fevral' 1917 gg.)*. St. Petersburg, 2001.

Tal'berg N.D. *Nikolai II. Ocherki istorii imperatorskoi Rossii*. Moscow, 2000.

Tereshchuk A.V. Polkovnik Romanov, ili Ventsenosnyi soldat. Firsov S.L. *Nikolai II. Plennik samodержaviiia*. St. Petersburg, 2009, vol. II, pp. 269–288.

Trotskii L. D. Nikolai II. (Iubilei pozora nashogo: 1613–1913). Trotskii L. *Politicheskie siluety*. Moscow, 1990, pp. 127–135.

Vasilevskii (Ne-Bukva) I. M. *Nikolai II*. Petrograd; Moscow, 1923. 144 p.

Vodovozov V.V. *Graf S.Iu. Vitte i imperator Nikolai II*. Peterburg, 1922.

Т. А. Мухаматулин

СТРАНЫ, ЗВЕРИ И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

Рец.: *Голубев А. В.* «Подлинный лик заграницы»: Образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922–1941 гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 282 с.

Ключевые слова: рецензия, карикатура, советское общество межвоенного периода, образы внешнего мира, пресса, пропаганда.

Аннотация. В рецензии рассматривается книга А. В. Голубева, посвященная истории советской внешнеполитической карикатуры в межвоенный период. Ее автор проделал огромную работу, описав и введя в научный оборот десятки карикатур. Автор сформулировал несколько тезисов об особенностях советской карикатуры, которые хотелось бы развить. Тем не менее книга бы выиграла, если бы ее структура была более единообразной, а главный тезис — более четким.

DOI 10.31754/2409-6105-2019-1-271-275

За карикатуры убивают. Трагическая история французского журнала «Charlie Hebdo», редакция которого была расстреляна террористами в январе 2015 г., подтверждает это¹. Поэтому нет никаких сомнений в актуальности книги А. В. Голубева — одного из пионеров-исследователей жанра политической (а точнее, внешнеполитической)

карикатуры в России. Эта книга — итог почти десятилетней работы автора на эту тему: до этого Голубев опубликовал многочисленные статьи о карикатуре в самых разнообразных журналах, а также разделы, посвященные этому типу источников, в своих монографиях (*Голубев* 2008; *Голубев, Поршнев* 2012).

Книга богато иллюстрирована, что для текста, основанного на визуальных источниках — необходимость. Помимо рисунков, к книге прилагается публикация документов, что, можно сказать, традиция для Голубева — его предыдущие книги также

© Т. А. Мухаматулин, 2019

Мухаматулин Тимур Анварович — кандидат исторических наук, докторант Университета Ратгерс (США); timur.mukhamatulin@rutgers.edu

¹ О расстреле в редакции Charlie Hebdo см., напр., URL: meduza.io/feature/2015/01/07/mest-za-proroka/

снабжены документальным дополнением. Конечно, это делает книгу богаче. Особо следует отметить описания карикатур, сделанные автором: т. к. он работает с огромным массивом изображений (в книге использованы материалы из журнала «Крокодил» за два десятилетия, карикатуры, опубликованные в газетах «Правда» и «Известия», а также в специальных альбомах), поместить их все на страницы было бы попросту невозможно. Голубеву удалось очень внимательно, подробно и понятно передать их содержание словами. Кроме того, за счет репрезентативности источников монографию вполне можно использовать как каталог *всей* советской внешнеполитической карикатуры межвоенного периода.

Книга состоит из пяти глав: автор сначала выделяет общие черты советской политической карикатуры, рассказывает о том, какими визуальными образами были представлены в советской карикатуре Европа и США (отдельная глава посвящена роли Германии и Италии), завершая свое исследование главой о том, как художники обращались к образам различных животных в карикатуре (в основном о том, какие страны изображались на страницах советских изданий в виде тех или иных зверей). Даже из этого предельно краткого пересказа содержания становится ясно, что книга отличается разнородностью структуры и подходов. Географический подход в ней перемешивается с тематическим, что, к сожалению, лишает ее целостности. Переход между главами 4 и 5 довольно резкий: от рассуждений об антиамери-

канском характере советской послевоенной карикатуры — к «давней и почтенной традиции» рисовать в этом жанре зверей (с. 178–179). Тем не менее Голубеву удается показать, какие страны чаще других появлялись на сатирических рисунках. Его вывод достоин внимания: географическая близость к СССР не означала актуальности. Так, например, на долю Румынии, с которой у СССР были территориальные разногласия, пришлось всего 15 карикатур, в то время как на долю Польши — 130 (с. 93–94). Сделанные автором подсчеты демонстрируют, какой была картина внешнего мира для советской прессы, а значит, и для ее читателей. Тот факт, что Голубев провел подробные подсчеты, делает его выводы сильнее.

Из введения становится очевидно, что история отечественной политической карикатуры, особенно в межвоенный период, не отличается большой изученностью. Однако обзора литературы как такового в книге нет. Во введении Голубев приводит интересные и дающие простор для размышлений цитаты, однако их авторы — или художники (как Д. С. Моор), или философы (по крайней мере В. Ю. Меринов, с которым полемизирует автор, — кандидат философских наук, а статья его не носит конкретно-исторического характера). А. В. Голубев упоминает «искусствоведов», исследовавших советскую карикатуру межвоенного периода, однако большинство авторов, на которых он ссылается, — художники (В. С. Казаневский) или журналисты (А. П. Кротков и М. А. Таратута) (с. 8–10). Голубев, заявляя о произошедшем в послед-

ние годы «визуальном повороте» в историографии, упоминает такой лишь однажды, не используя это понятие в своем анализе. Автор упоминает о возможности исследования этого материала в контексте «политической или социальной истории или истории повседневности», однако не совсем ясно, как именно он предполагает это делать. Эта фраза снабжена сноской с подробным списком существующей литературы по проблеме, однако ее конкретное содержание для читателя остается загадкой (с. 12–13, сноски 22–24). Стоит, однако, заметить, что Голубев не ограничивается только русскоязычной историографией: в главе 5 он демонстрирует знакомство с работами иностранных исследователей, особенно работавших с материалом из Польши и стран Балтии (с. 186 и далее).

Избранный автором подход к обзору существующей литературы – возможно, следствие уже упомянутой разнородности книги. Автор в своей работе приводит несколько утверждений, ни одно из которых, однако, нельзя назвать главным аргументом в защиту своей позиции. В частности, Голубев утверждает, что карикатура была более эффективна, чем фотография, с точки зрения передачи информации и создания образов, устойчивых в массовом сознании. Голубев заявляет, что «обычная фотография (за исключением художественной) представляет собой лишь материал для формирования образа», чем отличается от карикатуры, которая – уже практически готовый образ (с. 19). Это суждение вызывает целую россыпь оставленных без

ответа вопросов: как соотносятся материал и готовый образ, можно ли считать фотографию в медиа «обычной» и т.д. Более того, можно пойти дальше, задавшись вопросом: а зачем эти вещи сравнивать? Можно ли вообще сказать, что ранняя советская фотография и карикатура находились в оппозиции? Это было бы очень сильным аргументом, но для этого требуется как минимум обращение к литературе по истории советской фотографии.

Голубев этого не делает: он сообщает лишь, что, «как утверждают психологи, рисунок, тем более карикатура, по сравнению с фотографией быстрее замечается читателем, дольше хранится в памяти (правда, фотографии обычно вызывают больше доверия)» (с. 18). К сожалению, данное утверждение не подтверждено ссылкой, что вызывает лишь недоумение: непонятно, какие психологи об этом говорят, и непонятно также, на каком основании они этот вывод сделали.

Другое важное и ценное утверждение автора заключается в том, что советские карикатуристы, создавая образы стран внешнего мира, не ставили знак равенства между режимами и нациями. По словам Голубева, карикатура «избегала негативного изображения того или иного народа, использования негативных этнических стереотипов» (с. 208). Автор развивает это свое наблюдение, в некоторой степени противопоставляя советскую и западную традиции. Тем не менее он не делает суждений об образе СССР в зарубежной карикатуре,

справедливо отмечая, что это тема отдельного исследования, которое видится весьма перспективным.

Заслуживает внимания и характеристика советского политического режима в 1930–1950-е гг., данная автором. Голубев называет его «тоталитарным», отмечая среди его черт желание контролировать «эмоции и мысли» людей. Интересно, однако, что главным для повествования можно назвать тезис о «политизации» масс, организованной властью (с. 25). Интересно было бы разобраться в причинно-следственной связи: власть политизировала общество с помощью прямого заказа на карикатуры или же политическая карикатура была следствием массового интереса к политике, ярко показанного Голубевым? Автор склоняется к первому варианту, признавая, однако, что механизм того, как власти ставили конкретные задачи карикатуристам, «требует дальнейшего изучения» (с. 207). Голубев, конечно, приводит установочные цитаты из выступлений советских политических лидеров на съездах ВКП(б), однако они не касались того, как должна работать советская пресса: они освещали конкретную внешнеполитическую ситуацию (с. 173 и др.). При этом из документального приложения становится очевидно, что власть (по крайней мере в лице ее представителей высочайшего уровня) интересовалась юмором и сатирой, придавая в том числе и карикатуре политическое значение².

² Так, приложения № 4 и 5 – это предисловия к альбому карикатур, написанные, соответственно, А. В. Луначарским и Л. Д. Троцким. См.: (с. 218–225).

Несмотря на перечисленные выше важные тезисы, книга, как нам кажется, свидетельствует о нескольких упущенных автором возможностях. Во-первых, говоря в первой главе о чертах советской политической карикатуры, было бы интересно больше внимания уделить личностям, ее создававшим. Просту говоря: кто были эти люди? Считали ли они себя карикатуристами или художниками? Дают ли источники личного происхождения, отложившиеся в их персональных фондах в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), возможность делать выводы об их субъективных качествах, взаимоотношениях с властью, самом предмете их деятельности?³

Другая группа вопросов, которая возникает после прочтения: как карикатура взаимодействовала с другими способами пропаганды? Как она воспринималась различными социальными слоями? Впрочем, очевидно, что ответ на последний вопрос требует принципиально другой источниковой базы, поиска следов влияния карикатур в дневниках и сводках о настроениях масс. Возможно, ответ на эти вопросы станет целью новой работы исследователя.

Подытожу: А. В. Голубев провел огромную работу, собрав достойную большого внимания коллекцию карикатур и их описания. В книге

³ Автор упоминает несколько личных фондов в списке источников, в частности, фонд Д. С. Моора. Однако Голубев использует их ограниченно, не уточняя, насколько информативны и подробны содержащиеся в них эгодокументы.

есть очень интересные наблюдения, которые хотелось бы развить. Однако книга бы выиграла, если бы ее структура была более целостной, а главный тезис – сформулирован более четко.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Голубев 2008 – Голубев А. В. «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е годы. М.: Кучково поле, 2008.

Голубев, Поршнева 2012 – Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2012.

COUNTRIES, ANIMALS AND SOVIET SOCIETY

Rev.: Golubev A. V. "Podlinnyi lik zagranitsy": Obraz vneshnego mira v sovetskoj politicheskoi karikature, 1922–1941 gg. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2018, 282 p.

Mukhamatulin Timur A. – PhD in historical sciences, doctoral student at Rutgers University (USA)

Key words: review, caricature, Soviet society of the interwar period, images of the outside world, press, propaganda.

Abstract. The book by A. V. Golubev is reviewed, dedicated to the history of the Soviet foreign policy cartoons in the interwar period. Its author has done a great job, describing and assessing dozens of caricatures. The author has formulated several theses about the features of the Soviet caricature that I would like to develop. Nevertheless, the book would have won if its structure were more uniform, and the main thesis more clear.

REFERENCES

Golubev A. V. "Esli mir obrushitsia na nashu Respubliku": Sovetskoe obshchestvo i vneshniaia ugroza v 1920–1940-e gody. Moscow: Kuchkovo pole, 2008.

Golubev A. V., Porshneva O. S. *Obraz soiuznika v soznanii rossiiskogo obshchestva v kontekste mirovykh vojn.* Moscow: Novyi khronograf, 2012.

В. П. Любин

Рец.: Уроки Октября и практики советской системы, 1920–1950-е годы.

Материалы X Международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. М.:

Политическая энциклопедия; Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2018. 919 с.

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 г. и мир, советское государство, партия, номенклатура, идеология, Сталин и репрессии, конфессиональная политика, культура, национальности, повседневность, международные отношения.

Аннотация. В рецензии отражены основные положения докладов ряда российских и зарубежных исследователей на Международной научной конференции по советской истории 1920–1950-х гг.

DOI 10.31754/2409-6105-2019-1-276-284

В коллективной монографии, изданной по материалам международной конференции под тем же названием в Москве в декабре 1917 г., помещены работы 84 иностранных и российских авторов (к сожалению, без раскрытия в книге их научных званий и мест работы). Чтобы как-то упорядочить массив собранных под одной обложкой разнородных статей, составители разделили издание на рубрики: «Пленарное заседание» (авторы выступлений и статей: Ш. Карнер, Д. Ширер, М. В. Каиль), «Память о революции: Трансформация идеологии и массовых представлений», «Советское государство. Партия и номенклатура», «Революция и мир», «Конфессиональная политика революционного государства», «Революция и национальности», «Революционная культура от авангарда до социализма», «Террор от “красного” до сталинского», «Послереволюционное со-

циально-экономическое развитие и новая повседневность».

Разумеется, в краткой рецензии невозможно представить работы всех авторов. Мы выбрали лишь отдельные из них, которые, на наш взгляд, вносят новое в историографию изучения советского общества данного периода и созданы с опорой на архивные и другие источники, на обширный круг литературы, а также те, в которых обозначены новые подходы к «старым» сюжетам.

Монографию открывает компактная статья Штефана Карнера (до февраля 2018 г. руководителя австрийского Института изучения последствий войн им. Л. Больцмана и профессора университета в г. Граце, в сборнике он представлен как С. Карнер. — *Прим. рец.*) «Экспорт революции: Российская революция и “советское движение” в Австрии 1918–1923 гг.» (с. 6–10). Автор ставит вопросы (цитируем, сохраняя особенности не слишком удачного

© Любин В. П., 2019

Любин Валерий Петрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН (Москва); valerij.ljubin@gmail.com

перевода. — *Прим. рец.*): 1) «Была ли основа революционного движения в Австрии результатом внутреннего кризиса страны, или результатом “экспорта” революции из России» (при этом страх ведущих кругов того, что искра революции перепрыгнет на австрийское общество, был существенным), 2) «Каковы возможности “австрийской революции”», 3) «Почему революционное движение “не зацепилось” в Австрии», и наконец, 4) «Почему левые и коммунисты потеряли влияние на политику страны»? (с. 6). На пяти страницах доклада читатель получает далее ответы на данные вопросы.

«В январе 1918 г. в Австрии был целый ряд предпосылок для революции — ситуация напоминала положение дел в феврале 1917 г. в России» (с. 8). Кайзер Карл I телеграфировал 17 января 1918 г. министру иностранных дел графу Чернину в Брест-Литовск, что «судьба монархии и династии зависит от скорейшего заключения мира в Брест-Литовске, и если не будет мира, то придет революция» (с. 8–9). В среде социал-демократов произошел раскол, и в результате 3 ноября была основана Коммунистическая партия Австрии. «Октябрьский путч (так у автора. — *Прим. рец.*) вызвал широкий резонанс в австро-венгерской армии» (с. 9). Солдаты Восточного фронта отказывались воевать и переходили на сторону русских, австрийские военнопленные в России частично заявляли о готовности поддержать советскую власть. В феврале 1918 г. восстали матросы Котора. «Их цели были близки целям русской революции: мир без аннексий и репараций (так у ав-

тора. — *Прим. рец.*), право на самоопределение. В мае 1918 г. бунтовали и другие войска, частично под влиянием репатриантов из России. Насколько известно, все они были расстреляны по военному приказу» (с. 9).

«При этом здесь не следует видеть только экспорт русской революции в форме “разрушительной” работы агитаторов. Революционная ситуация в Австрии 1917–1918 гг. была в том числе и результатом обострения всех противоречий внутри страны, что происходило вне зависимости от желания и воли отдельных лиц, партий и классов. Русская революция, таким образом, только углубляла уже существующий в Австрии кризис. Притягательность ее, однако, скоро развеялась, когда социал-демократам удалось отеснить в сторону советское движение» (с. 9).

Советские диктатуры в Венгрии и Мюнхене внесли свою лепту в нарастание страха перед подобным развитием и в Австрии, пишет Карнер. Австрийские социал-демократы с целью предотвратить этот процесс приняли ряд социальных законов. Среди них выделяется закон о производственных советах, и он удовлетворял большую часть требований коммунистов. Промышленные организации и социал-демократы выстроили тем самым единый фронт против левых и коммунистов. Коммунистическое движение советов к 1920 г. политически больше не существовало. Его члены перешли к социал-демократам, либо в военную организацию *Schutzbund*, либо вообще вышли

из политического движения. Часть их переехала в начале 1930-х гг. в Советский Союз, где большинство после репрессий 1934–1935 гг. попали в ГУЛАГ. В 1939 г. после пакта Молотова – Риббентропа часть их была обменена на советских шпионов, сидевших в гитлеровских тюрьмах. Третий рейх сразу посадил их в концлагеря. Из тех, кто выжил, многие в советской зоне оккупации Германии и Австрии были вновь схвачены советскими органами и отправлены в ГУЛАГ (с. 10)².

Причины слабости Коммунистической партии в Австрии на протяжении 100 лет автор видит в «этих годах, когда социал-демократы, успешно сотрудничая с предпринимательскими и экономическими структурами, решили идти по пути рыночной экономики, т. е. сделали выбор в пользу западной демократической системы». А коммунистами не было достигнуто понимание, что «для достижения успеха в рабочем вопросе следует кооперироваться с промышленностью» (с. 10).

Вслед за этой статьей составители сборника обращаются уже к собственным российским сюжетам, которым и посвящена конференция. Второй по порядку помещена также компактная работа Дэвида Ширера (профессора истории Делавэрского университета (США). — *Прим. рец.*) «Отражение гражданской войны в политике Сталина:

² Ср. сходную судьбу дожившего до ста лет немецкого коммуниста Э. Йориса, у которого нам довелось взять интервью в конце его жизни в 2013 г. и написать затем рецензию на книгу о нем швейцарского историка: (Любин, Петерсен 2014: 245–247).

уроки и предубеждения» (с. 11–22). «Сталинизм — одна из тех тем, которые, казалось бы, уже изучены со всех точек зрения, особенно то, как Сталин использовал насилие и репрессии для достижения своих целей», — отмечает американский историк. «Исследователи проанализировали, задокументировали и обсудили почти все аспекты каждого из периодов насилия сталинизма — начиная с кампании коллективизации и раскулачивания, голод начала 1930-х гг., потом Большой террор конца 1930-х гг., национальные депортации во время Великой Отечественной войны, и заканчивая антисемитизмом позднего сталинизма» (с. 11).

Несмотря на это, как считает Ширер, никто не пытался рассмотреть репрессии в совокупности, т. е. исследовать не только особенности каждого момента радикального насилия при Сталине, но и их сходство, попытаться раскрыть связывающие их закономерности, глубже понять их логику и через нее объяснить пароксизмы насилия. Автор далее более полно раскрывает продекларированные тезисы, представляя новые, оригинальные подходы. Обращают на себя внимание выводы, ставшие итогом многолетних исследований.

Ширер считает, что существуют две закономерности: 1) каждый период репрессий... повторял почти одинаковый алгоритм... 2) каждый период репрессий совпадал с моментом внешней угрозы, реальной или воображаемой Сталиным. Таким образом, «в сталинской практике война и репрессии были связаны»

(с. 11) (здесь можно провести параллель с неким распространенным на Западе мнением. Так, в мемуарах гитлеровского головореза диверсанта, скрывавшегося после войны во франкистской Испании Отто Скорцени, пользовавшегося славой за беззаветное служение фюреру в Третьем рейхе, говорится, что Гитлер в отличие от Сталина не уничтожил в своей стране пятую колонну, представленную генералами вермахта, и потому Германия проиграла Красной армии кампанию под Москвой и всю войну, *sic!* — *Прим. рец.*)³.

[Западные. — *Прим. рец.*] «историки традиционно воспринимали сталинскую риторику как орудие, которое он пускал в ход, чтобы взять верх над политическими врагами, мобилизовать население, снять вину за непродуманную и экстремальную политику и укрепить свою диктатуру. В традиционной историографии считается, что Сталин сознательно и цинично манипулировал угрозой войны, чтобы одержать верх в борьбе с внутренними противниками» (с. 11).

Автор «пришел к противоположному выводу» (с. 11). «Одержимость диктатора угрозой войны была подлинной, хотя и надуманной им. Его внутренняя политика, особенно политика репрессий и насилия» была действительно вызвана его ощущением внешней угрозы, его «сильным предчувствием войны, вторжения и слабости Советского Союза» (с. 12). Ссылаясь на работы О. Хлев-

нюка, Ширер пишет, что тот пришел к заключению о связи Большого террора с иностранной угрозой. Но в отличие от него американский историк видит в этом «не единичное событие», а «фундаментальную часть сталинского *modus operandi*». В данной статье, подчеркивает Ширер, «сталинский алгоритм репрессий» рассматривается сквозь «призму войны и его опасения внешнего вторжения» (с. 12).

Далее выводы делаются по ходу повествования. Например: «Военный опыт Сталина во время Гражданской войны, особенно поражение 1920 г. в войне с Польшей, и ленинские нэповские уступки в 1921-м оказали на него сильнейшее влияние» (с. 13). Ширер не считает случайным совпадением, что Сталин начал резко отходить от нэпа в 1927 г., когда в Польше к власти пришел Юзеф Пилсудский, который в 1920 г. командовал польской армией, одержавшей победу над большевиками. Он внял неоднократным предупреждениям Ф. Дзержинского о неизбежности польского вторжения. Эта угроза была особенно болезненной для Сталина, потому что, будучи главнокомандующим Юго-Западного фронта в войне 1919–1920 гг., он сражался с поляками «на Украине и частично в Галиции» и выступал против наступления на Варшаву. На наступлении настаивали Ленин, Троцкий и Тухачевский, а он в противоположность им считал идею разжигания «революции в Европе» путем захвата Варшавы «опасной фантазией» и предлагал взять Галицию и отрезать ее от Польши, включив в новую советскую республику. Это заставило бы

³ (Отто Скорцени), а его мемуары на русском см., напр.: (Скорцени 2018).

поляков прекратить войну и просить о мире с более слабых позиций. В 1920-х гг. советских лидеров беспокоила вероятность сценария, в котором «Польша в союзе с Румынией и возможно со странами Балтии, а также при поддержке Великобритании и Франции либо вторгнется на Украину, либо спровоцирует войну» (с. 12).

В начале 1920-х гг. Сталин поддерживал умеренную позицию в отношении крестьянства, но резко отверг ее в 1927 г. в контексте напряженных отношений с Британией, кризиса закупок хлеба в СССР и прихода к власти Пилсудского в Польше. Согласно Ширеру, последующие события начала 1930-х гг., происходившие одновременно: жестокие кампании коллективизации, голод (особенно «Голодомор» на Украине), стремительный рост военной промышленности в первой пятилетке и договор с Польшей 1932 г., не были «простым совпадением» (с. 14). Все эти явления связаны и были способом Сталина покончить с Гражданской войной — подчинить крестьянство, особенно на Украине и в Белоруссии, нейтрализовать Польшу и обеспечить западные границы страны, считает американский историк. Со всем этим были связаны, по его мнению, показательные процессы тех лет. Почти все они сосредотачивались на внутренних врагах, действующих прежде всего якобы в интересах Польши и Англии с целью вторжения в СССР.

Обращаясь в последнем разделе статьи — «Мобилизация и война, 1936–1939 гг.» к анализу предвоенной си-

туации, автор пишет, что убийство С. М. Кирова в 1934 г. изменило ситуацию и вызвало новую волну репрессий, но их «характер и сталинская интерпретация опасности изменились». Сталин, видимо, сосредоточился на угрозе со стороны оппозиции — сторонников Троцкого и Зиновьева. Этот сценарий лег в основу первого крупного показательного процесса 1936 г. Но со второй половины этого же года фокус переместился на подозрения о сговоре оппозиционных блоков с иностранными шпионами и правительствами. Сталин снова связал внутренние и внешние угрозы войны (с. 17–18). Начало гражданской войны в Испании в 1936 г. и то, что тогда же власть во Франции чуть не перешла к фашистским политическим партиям, угрозы со стороны нацистской Германии, а также Японии, захватившей Маньчжурию и подошедшей к восточным границам СССР, заставили объединить «в новом сценарии» троцкистские и зиновьевские силы. Они якобы «объединились с восходящим фашистско-немецким государством и Японией, чтобы совершить убийство советских лидеров, подготовиться к вторжению и свергнуть советский режим» (с. 18).

О. Хлевнюк считает, что изучение Сталиным разведывательных сообщений о событиях в Испании, вероятно, убедило его, что выступление пятой колонны может произойти и в Советском Союзе, пишет Ширер. Антикоминтерновский пакт, заключенный Германией и Японией, выглядел как их союз, направленный против СССР. К моменту второго показательного процесса

1937 г. Сталин сменил «начальника полиции (так у автора. — *Прим. рец.*) Ягоду, отчасти из-за отчета его преемника Николая Ежова, утверждавшего, что при Ягоде в НКВД проникли иностранные шпионы и агенты» (с. 19). В начале 1937 г. Сталин поручил главе военной контрразведки Семену Урицкому подготовить несколько подробных отчетов о том, как проникают иностранные шпионы в СССР, кто они и как вербуют шпионов и диверсантов. Читая их, Сталин подчеркивал цветным карандашом фрагменты его докладов. Несомненно, замечает Ширер, «это чтение привело к решению диктатора начать массовые операции летом 1937 г.», в частности, подготовить приказ об аресте всех, кто имел связь с КВЖД. Приказ 00593 «против харбинцев» гласил, что около 25 тысяч человек, работавших на Китайско-Восточной железной дороге, являются японскими шпионами (с. 20).

«В этом сценарии войны и саботажа сокрушительная чистка Сталиным военного командного корпуса в 1937 и 1938 гг. обретает некую извращенную логику». Он испытывал стойкую неприязнь к военным специалистам со времен Гражданской войны, когда многие из них отличились предательством. В этих случаях Сталин «был прав относительно шпионов и диверсантов», считает автор (с. 20). «Можно привести и другие примеры, но этого достаточно, чтобы убедиться, что в 1930-е гг. Сталин готовил страну к войне» (с. 21). Второй период радикализации и военного кризиса закончился в августе 1939 г. победой СССР в необъявленном военном конфликте с Японией

и договором с гитлеровской Германией. Секретные протоколы этого соглашения «дали Сталину почти именно те самые территории, которые Советская Россия потеряла по Рижскому договору в 1921 г., проиграв Польшу (Львов, части Бессарабии и Прибалтики). В 1939-м Сталин, наконец, выиграл войну у Польши», считает Ширер (с. 21).

Военные годы 1941–1945 радикализировали сталинский режим, полагает Ширер. После окончания войны военный опыт продолжал влиять на мировоззрение и политику Сталина в послевоенные годы. «Сценарии сталинской гражданской войны создали определенный алгоритм поведения, который повторялся снова и снова в каждом кризисе, с которым сталкивался диктатор» (с. 21). Насилие сталинизма было циклическим, но его корни выходят из Гражданской войны. Уроки и предубеждения, которые Сталин вынес из Гражданской войны, остались с ним в течение всего его правления. «Сталин начал свою карьеру на войне и остался на войне. Чтобы понять практику власти Сталина, надо воспринимать его как диктатора на войне: с того дня, как он впервые надел форму командира, и до того момента, когда его похоронили в маршальском мундире», заключает Ширер (с. 22).

Подход историков к изучаемым сюжетам с использованием отдельных приемов науки психологии, характерный для нынешней западной историографии, находит как нельзя лучшее отражение в данном очерке американского специалиста по советской истории.

Интересно отметить, что и некоторые отечественные историки, статьи которых помещены в рецензируемом сборнике, пытаются найти объяснение феноменам революции 1917 г. и поведению масс на тех же путях «проникновения» в коллективное сознание и особую психологию в первую очередь российских крестьянских масс, из которых в большинстве почти до середины XX в. и состояла страна. Подобные подходы характерны, например, для такого историка, как В. П. Булдаков, автора ставшей классической монографии о «красной смуте»⁴. В сборнике опубликована его статья «От постреволюционного хаоса к сталинской диктатуре» (с. 156–166). В ней продолжены его историко-философские размышления о судьбах СССР и его вождя, правившего страной с 1924 по 1953 г. «Своей победой – пусть пирровой – революция подхлестнула этос исторического телеологизма», пишет Булдаков. «Наиболее “убедительной” ценностью стали считать достижения индустриализации. Закрывшись от настоящей истории символами, навязанными верой в управляемый “сверху” прогресс, советский человек окончательно потерял веру в собственные индивидуальные возможности. Проще и надежнее было затеряться в толпе. Это касается и историков, по-прежнему склонных либо превозносить, либо демонизировать, что когнитивно равнозначно – деспотизм Сталина, якобы направляющий вождельный прогресс», такой приговор советскому

обществу и своим коллегам историкам выносит Булдаков (с. 166).

Ряд статей посвящен биографическим сюжетам – в фокусе внимания их авторов Троцкий, Дзержинский и др., весь партийный аппарат – «орден меченосцев» как таковой, а также органы ВЧК-ОГПУ-НКВД. Часть сборника занимают статьи, в которых трактуется положение окраинных и автономных республик, другая часть посвящена переписыванию истории, например, событий 1917 г., советскими историками под руководством того же Сталина.

Значительное место занимают работы российских и зарубежных авторов, исследующих религиозную политику времен сталинизма. Одной из открывающих сборник статей является работа М. В. Каиля (доцента кафедры истории России Смоленского государственного университета. – *Прим. рец.*) «От декрета к инструкциям. Векторы церковной политики от ленинизма к сталинизму. Православная церковь в политике большевиков и современной историографии» (с. 23–33). Среди других работ по данной тематике обращает на себя внимание статья «Преимственность идеологии и разрывы политики. О сталинской интерпретации религиозной политики после 1943 г.» (с. 43–55) итальянского историка церкви Адриано Роккуччи (профессора Университета Рим-3», автора фундаментального труда, недавно переведенного на русский, «Сталин и патриарх» (Роккуччи 2016). – *Прим. рец.*). Вывод автора: в конце сталинского правления «православная церковь

⁴ (Булдаков 1997). Продолжением этой работы стала недавно изданная монография: (Булдаков, Леонтьева 2017).

должна была довольствоваться тем положением, которое она уже получила в системе отношений с государством. А в этой системе, даже и в рамках того политического режима, который не отрекался от своей идеологической цели (добиться исчезновения “религиозного предрассудка”) Сталин играл роль своего рода гаранта и опоры уже сложившегося статус-кво» (с. 55).

Далее помещены статьи, подготовленные специалистами по вопросам внутренней и внешней политики СССР, и в их числе исследователей истории дипломатии. Здесь обращает на себя внимание работа итальянской исследовательницы Роберты Алонци (профессора истории международных отношений университета в Сиене. — *Прим. рец.*), автора книги «Сталин и Италия, 1943–1945 гг.» (Alonzi 2013)⁵. Статья названа «Альтернативная дипломатия в годы сталинизма: восстановление отношений СССР — Италия, 1943–1945 гг.» (с. 372–382). Автор заключает, что «в 1943–1945 гг. СССР проводил по отношению к Италии традиционную политику сохранения стабильности на континенте». Дипломаты двух стран понимали, что прочный мир в Европе это лучшая «гарантия управления» также и «неевропейскими антагонизмами и конфликтами». СССР стал первой из великих держав, признавших новое итальянское правительство, созданное после фашистской дик-

татуры, и установление дипломатических отношений автор связывает с началом «процесса примирения между победителями и побежденными» (с. 382).

После прочтения почти тысяче-страничной книги, в которой, как уже сказано, не нашлось места для пары страниц с представлением имен, научных степеней и занимаемых должностей авторов, у читателя возникает ряд вопросов. Для обобщения содержания разнородных материалов было бы неплохо не ограничиваться лишь краткой аннотацией, а попытаться подвести в предисловии итоги конференции, показать, что из малоизученного в исторической науке прозвучало в докладах, в чем состоит вклад авторов в изучение тематики? Иначе подобная публикация может принести неоднозначные результаты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Булдаков 1997 — Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с. (2 изд.: М.: Росспэн, Центр Б. Н. Ельцина, 2010. 967 с.).

Булдаков, Леонтьева 2017 — Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. М.: ИстЛит, 2017. 624 с.

Любин 2014 — Любин В. П. СССР — Италия: Восстановление дипломатических отношений, 1943–1945 гг. // РЖ «История». М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 141–147.

Любин, Петерсен 2014 — Любин В. П., Петерсен А. Ты отморозишь свою морду в Сибири. Диктат века: Эрвин Йорис // Новая и новейшая история. М., 2014. № 5. С. 245–247.

⁵ См. сводный реферат: (Любин 2014: 141–147); а также характеристику этой монографии в моих выступлениях на ее презентации в марте 2013 г. в Институте итальянской культуры в Москве, а затем в апреле 2014 г. в Фонде Луиджи Стурцо в Риме: (Ljubin 2014).

Отто Скорцени – Отто Скорцени. Почему мы не взяли Москву? URL: nstarikov.ru/blog/74129.

Роккуччи 2016 – *Роккуччи А.* Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917–1958. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 582 с.

Скорцени 2018 – *Скорцени О.* Неизвестная война. М.: Попурри, 2018. 592 с.

Alonzi 2013 – *Alonzi R.* Stalin e Italia, 1943–1945. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2013. 299 p.

Ljubin 2014 – *Ljubin V.P.* Discorso alla presentazione del libro di prof. R. Alonzi “Stalin e l’Italia, 1943–1945”, il 14.04.2014 // Archivio della Fondazione Luigi Sturzo, Roma.

Rev.: Uroki Oktyabrya i praktiki sovetskoi sistemy, 1920–1950-e gody. Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 5–7 dekabrya 2017 g. Moscow: Politicheskaja entsiklopedija; Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina, 2018. 919 p.

Ljubin Valerij P. – doctor of historical Sciences, leading researcher of the Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) RAS (Moscow)

Key words: The October Revolution of 1917 and the world, the Soviet state, the party, the nomenclature, ideology, Stalin and repressions, confessional policy, culture, nationalities, everyday life, international relations.

Abstract. The review reflects the main points of the reports of a number of Russian and foreign researchers at the international scientific conference on Soviet history of 1920–1950.

REFERENCES

Alonzi R. *Stalin e Italia, 1943–1945*. Soveria Mannelli: Rubbettino, 2013, 299 p.

Buldakov V.P. *Krasnaia smuta: Priroda i posledstviia revoliutsionnogo nasiliia*. Moscow: ROSSPEN, 1997, 376 p. (2 izd.: Moscow: Rosspen, Tsentr B. N. El'tsina, 2010, 967 p.).

Buldakov V.P., Leont'eva T.G. *1917 god. Elity i tolpy: kul'turnye landshafty russkoi revoliutsii*. Moscow: IstLit, 2017, 624 p.

Ljubin V.P. Discorso alla presentazione del libro di prof. R. Alonzi “Stalin e l’Italia, 1943–1945”, il 14.04.2014. *Archivio della Fondazione Luigi Sturzo*, Roma.

Ljubin V.P. Petersen A. Ty otmorozish' svoiu mordu v Sibiri. Diktat veka: Ervin Ioris. *Novaia i noveishaia istoriia*, Moscow, 2014, no. 5, pp. 245–247.

Ljubin V.P. SSSR – Italiia: Vosstanovlenie diplomaticheskikh otnoshenii, 1943–1945 gg. *RZh "Istoriia"*. Moscow: INION RAN, 2014, pp. 141–147.

Otto Skortseni. *Pochemu my ne vziali Moskvu?* URL: nstarikov.ru/blog/74129.

Rokkuchchi A. *Stalin i patriarkh: Pravoslavnaiia tserkov' i sovetskaia vlast', 1917–1958*. Moscow: Politicheskaja entsiklopediia, 2016, 582 p.

Skortseni O. *Neizvestnaia voina*. Moscow: Popurri, 2018, 592 p.

Г. А. Куренков

«ПРАВЯЩИМИ КРУГАМИ ЛЮБОЙ СТРАНЫ И В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ ИНФОРМАЦИЯ ВСЕГДА ДОЗИРУЕТСЯ». Ответ М. М. Минцу

См.: Минц М. М. Рец.: Куренков Г. А. От конспирации к секретности: Защита партийно-государственной тайны в РКП(б) — ВКП(б), 1918–1941 гг. М.: АИРО-XXI, 2015. 255 с.: ил. // Историческая экспертиза. 2017. №2. С. 258–262.

Ключевые слова: архивное хранение, секретность, государственная тайна, государственная безопасность, рассекречивание.

Аннотация. Автор монографии, посвященной истории хранения государственных тайн в СССР, отвечает своему критику.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-1-285-295

В 2017 г. в журнале «Историческая экспертиза» в №2 вышла рецензия старшего научного сотрудника Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва), кандидата исторических наук М. М. Минца на мою книгу. Во-первых, хочется поблагодарить за написанную рецензию. Сам факт того, что автор обратил внимание на книгу и нашел время написать, говорит о том, что тема моей работы актуальна, вызывает вопросы и критику. Постараюсь ответить на приведенные в рецензии критические констатации, замечания

и сделать соответствующие пояснения. Поскольку и сама рецензия написана не совсем в «классической» академической манере, в своих ответах также буду следовать и придерживаться стиля изложения, выбранного автором рецензии.

Автор рецензии пишет в самом начале: «Тотальная секретность являлась неотъемлемой чертой советской системы. Круг сведений, подлежащих засекречиванию, был настолько велик, что подробный его анализ мог бы занять целую книгу. Помимо собственно государственной тайны существовали сведения “для служебного пользования”, ограничивался доступ в библиотеки и архивы. Наследие этой системы живо до сих

© Г. А. Куренков, 2019

Куренков Геннадий Александрович — кандидат исторических наук, РГАСПИ (Москва); kuren62@mail.ru

пор, несмотря на “архивную революцию” 1990-х гг. Формально введенный в законодательство тридцатилетний срок секретности по существу остается лишь на бумаге, поскольку даже после его окончания документ может быть рассекречен только с согласия фондообразователя или его правопреемника» (с. 258).

Такая характеристика ситуация вызывает возражения. Автор рецензии начинает свою рецензию с термина «тотальная секретность», но не поясняет его. Чем тотальная секретность, в понимании автора, отличается, к примеру, от «нетотальной», и где граница двух этих феноменов и понятий? И по каким критериям автор судит о том, что при советской системе была «тотальная секретность» и она являлась ее «неотъемлемой чертой»? По кругу засекреченных сведений и наличию документов «для служебного пользования»? Следует отметить, что документы «для служебного пользования» и другие виды документов ограниченного доступа существовали и существуют во всех странах, где также ограничен доступ и в закрытые архивы (в основном ведомственные и корпоративные архивы, к примеру, организаций, предприятий, корпораций и т. д.), существуют также закрытые библиотеки и книгохранилища. В публичные библиотеки и архивы при советской системе доступ был открыт. Правда, были в библиотеках и закрытые фонды, у нас они назывались «спецхран», существование таких фондов было отнюдь не только советской спецификой.

Автор упоминает о современном положении, о 30-летнем сроке рас-

секречивания, приводя в пример США: «Для сравнения: в тех же США большинство секретных документов по истечении тридцатилетнего срока рассекречиваются автоматически, лишь для особо ценных документов этот срок может быть продлен до пятидесяти лет. Таким образом, документы, возникшие до середины 1960-х гг., рассекречены уже практически полностью... (с. 258)... В других западных странах сроки рассекречивания могут отличаться, но сути дела это не меняет...» (с. 259).

Это на самом деле большое заблуждение автора рецензии. «Автоматически» никто и нигде документы не рассекречивает, существует определенная процедура рассекречивания. В новейший период истории в США правила рассекречивания регламентировались президентским распоряжением № 11652 от 8 марта 1972 г. и директивой Совета национальной безопасности от 17 мая 1972 г. Действительно, формально они устанавливают, что все секретные сведения или материалы, которым свыше 30 лет, подлежат рассекречиванию, что, однако, не означает, что они становятся несекретными автоматически. Более того, в 1998 г. директивой президента США руководителям военных, а также ряда других министерств и ведомств предоставлено право и предписано задерживать практически на неопределенный срок рассекречивание документов, связанных с интересами «обеспечения национальной безопасности». Это очень широкое определение дает возможность широкой интерпретации, и это сделано специально, т.к. под «интересы национальной безопасности» фактически может

подпасть любая информация и документ без исключения. Это означает, что информация может сохраняться засекреченной настолько долго, насколько этого требуют соображения национальной безопасности. Кроме того, в некоторых случаях ведомствам предоставлено право даже вновь засекречивать и не давать для опубликования ранее рассекреченные данные. Все это означает, что многие важнейшие документы и материалы, раскрывающие политику и стратегию США, к примеру, во Второй мировой войне, продолжают храниться в строжайшей тайне.

Действительно, в США довольно много документов опубликовано (так, было опубликовано 39 томов материалов объединенной комиссии конгресса по расследованию событий в Перл-Харборе), но эти издания осуществляются правительственными органами, заинтересованными, разумеется, в том, чтобы представить свои действия в выгодном для них свете. Неправда, что все документы в США, возникшие до середины 1960-х гг., рассекречены уже практически полностью. Хочется напомнить также, что с середины 1960-х и до настоящего времени прошло не тридцать лет, а более 50. Только совсем недавно, например, были рассекречены некоторые документы по убийству президента США Джона Кеннеди в 1963 г. В США существует 16 видов разведок. Тонны их документов засекречиваются и рассекречиваются только на основе внутренних ведомственных распоряжений. Я указывал в своей работе на то, что количество секретных документов в современном мире не сокращается, особенно если

речь идет о документах спецслужб. Так, по данным американской печати, в 1983 г. число засекреченных государственными ведомствами США документов возросло на 24 % по сравнению с предыдущим годом. Я указал в своей работе на то, что в 1980-е гг., при президенте Р. Рейгане, для Архив Агентства национальной безопасности США было построено специальное хранилище, где поддерживались постоянная температура и влажность. В АНБ засекречивалось в среднем от 50 до 100 миллионов документов в год, а многие тонны секретных бумаг подлежали уничтожению. Не ослабевали и требования к служащим, допущенным к государственной тайне: по распоряжению президента Р. Рейгана, каждый госслужащий давал подписку о неразглашении секретных данных и в случае необходимости проходил проверку на детекторе лжи. Кроме того, каждый имеющий доступ к секретной работе должен был получать специальное разрешение не только на публикацию данных, но даже на выступление с лекцией в университете. Кажется наивным, что рецензент в подтверждение своих спорных рассуждений ставит в пример именно США. Обстановка не изменилась и на данный момент, принимая во внимание, что в настоящее время существует сотрудничество разведслужб США и созданы специальные государственные структуры по их координации (среди которых ЦРУ играет ведущую и координирующую роль), в результате деятельности спецслужб создается множество документов, не подлежащих контролю и разглашению. А в Великобритании, к примеру, не рассекречены даже некоторые

документы, относящиеся к периоду деятельности Кромвеля и т.д. — это мотивируется опять-таки государственными интересами.

Далее рецензент пишет: «Можно услышать и такие рассуждения, что архивы рассекречивать не надо, поскольку в документах упоминаются фамилии сотрудников НКВД или разведчиков-нелегалов, даже если речь идет о документах 1940-х гг.» (с. 259). Отвечаю: во-первых, это говорят не про все архивы, во-вторых, рассекречивать надо с умом. Бездумное рассекречивание таких документов ставит под удар не только сотрудников наших спецслужб, но и граждан других стран, как это было, к примеру, с документами Коминтерна. В выступающих для рецензента в качестве эталона США есть понятие, определяющее степень секретности и конфиденциальности информации. Это так называемая «информационная чувствительность», которая оценивается по степени ущерба при раскрытии данной информации, способного быть нанесенным как национальной безопасности США в целом, так и определенному ведомству или лицу. И речь идет здесь сугубо о государственных документах США, тогда как про защиту информации в частном секторе, в корпорациях и монополиях вообще говорить не приходится. Никакой открытости там и в помине нет, туда, как правило, не допускаются даже государственные структуры.

Рецензент пишет: «В подобных условиях история института государственной тайны в Советском Союзе приобретает исключительный интерес. Достаточно упомянуть о том,

что при источниковедческом, а затем и историческом анализе, скажем, советских стратегических планов 1940 — первой половины 1941 г. необходимо в числе прочего учитывать принятые в то время правила работы с документами, имеющими гриф “особо важно”, иначе можно прийти к ошибочным выводам. Изучение этих правил и их эволюции для исследователя, таким образом, приобретает не только чисто познавательное, но и вполне конкретное инструментальное значение» (с. 259). С таким утверждением рецензента можно вполне согласиться, более того, можно вполне определенно сказать, что истинная история делается, что называется, под грифом «секретно». Не нужно обладать «семью пядями во лбу», чтобы понимать, что правящими кругами любой страны и в любое время информация всегда дозируется (все, что касается государственной тайны, выводится из информационного оборота) и так называемой «широкой общественности» в настоящем и историкам в будущем достаются лишь «разрешенные» крохи информации со «стола» истории. Государственная тайна является неотъемлемой частью суверенитета любой страны. Так было всегда и везде и будет как минимум в ближайшем цивилизационном историческом будущем.

Далее рецензент отмечает: «Целью своего исследования он (т.е. автор рецензируемой книги. — Г.К.) выбрал системный анализ целей, задач и механизмов защиты информации в РСФСР — СССР в межвоенный период...» (с. 259). Цели, конечно же, выбирают только на поле боя, а при обращении к теме научного

исследования их не выбирают, а ставят, причем ставит, разумеется, сам автор исследования, а не приписывающий ему эту цель рецензент. При постановке цели о системном анализе речи не было, как отмечается в книге, «основной целью работы является ознакомление исследователей истории советского периода, партийно-государственной власти с механизмом и уровнем принятия решений по вопросам секретности, защиты партийно-государственной тайны, защиты информации в целом, некоторым кругом сведений, подлежащих засекречиванию, а также с комплексом документов, освещающих данные вопросы, которые отложились в материалах высших органов партии. Используя данные материалы, автор не претендовал (и не мог претендовать в плане общирности и многообразия аспектов темы) на то, чтобы ответить на все вопросы, касающиеся предлагаемой темы. В силу этого работа дает общее представление о затронутой проблеме и служит отправной точкой для исследования на основе изученных и новых архивных документов». И пока не более того. Для более глубокого и системного анализа не хватает документов и информации в целом, и я объясняю почему: «В общем можно констатировать, что, будучи одной из интереснейших проблем советской политической истории, организация защиты информации и деятельность секретных подразделений по обеспечению секретности в партийных органах фактически еще не стала предметом специального углубленного исследования и остается еще малоизученной. В целях более полного понимания вопроса как с точки зрения изучения историче-

ского процесса и специфики защиты информации в данной работе автор попытался объединить историческое и специальное направления исследования данной темы в целом». Сделать системный анализ данной темы — как мне думается, дело будущих работ. Причина сложности для аналитики заключается не только в отсутствии достаточного количества источников, но и в противоречии между методологией исторической науки и требованиями защиты информации. Ведь историческое исследование возможно только при наличии источников и необходимой информации, тогда как защита информации по определению предполагает ее ограничение, а в каких-то случаях и полное ее отсутствие.

Далее рецензент отмечает: «Почти не рассматривается, к сожалению, вопрос о том, какие именно сведения относились к партийной и государственной тайне, в книге дается лишь самая общая информация» (с. 259–260). На это замечание можно ответить его же словами в начале рецензии: «Круг сведений, подлежащих засекречиванию, был настолько велик, что подробный его анализ мог бы занять целую книгу». Вот именно поэтому автором монографии не ставилась такая задача — показать, какие конкретно сведения были секретными, в ней лишь указывались виды секретных документов и давались общие сведения. В советский период, до Великой Отечественной войны, по решению партийных и государственных органов (ЦК ВКП(б) и СНК СССР) составлялись Перечни сведений, не подлежащих разглашению и опубликованию в печати. Они предназначались для

государственных органов цензуры и вводились в действие в 1918, 1919, 1923, 1926, 1927, 1931, 1933, 1936, 1940 гг. (в 1922 г. тоже был составлен Перечень, но в связи с образованием СССР он так и не был введен в действие). Как видим, перечни пересоставлялись как минимум 10 раз. Основным критерием при определении степени, целесообразности и оправданности секретности являлось в первую очередь наличие внешних факторов угроз. Исходя из этих факторов, уже в первых Перечнях сведений, составляющих государственную тайну и не подлежащих опубликованию, подавляющая часть засекреченных сведений относилась к информации военного, экономического и внешнеполитического характера. При этом с течением времени происходили изменения в структуре такой информации, она конкретизировалась, т.е. процесс носил динамический характер. В монографии не ставилась задача сравнивать между собой и анализировать сведения из всех десяти перечней. Это довольно обширная тема, и «это уже другая история», которой была бы посвящена «другая книга».

Рецензент приписывает мне мысль о том, что «после распада СССР документы аппарата ЦК были переданы во вновь образованный Архив Президента РФ». Вообще говоря, я такого не писал. Речь шла о том, «что нынешний Президентский архив берет свое начало из кремлевских архивов Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК», а это не одно и то же. Добавлю, что документы аппарата ЦК были переданы в основном во вновь образованный РГНИ (сначала назывался ЦХСД),

а комплекс документов, относящихся к периоду до 1953 г., в РЦХИДНИ (позже РГАСПИ). В фонды Президентского архива, созданного еще до распада СССР, входили в первую очередь документы аппарата генеральных секретарей.

Далее рецензент пишет: «Первый перечень сведений, составляющих государственную тайну, был утвержден еще во время Гражданской войны. Новый перечень, составленный в 1922 г., вводил уже правила не только для военного, но и для мирного времени. На его основе был разработан первый общесоюзный перечень 1923 г., дополнительно переработанный в 1925 г. В мирное время объем информации, подлежащей засекречиванию, был сокращен, но, как отмечает автор, лишь формально» (с. 261). В мирное время объем сведений, не подлежавших разглашению, естественно, сокращался в сравнении с военным временем, однако у меня речь шла не об объеме информации и не о формальности в подходе к рассекречиванию, а о том, что граница между секретной и несекретной информацией была довольно условной.

По мысли рецензента, «важнейшим фактором, влиявшим на режим секретности в СССР, автор считает внешнеполитический («холодная война», по его мнению, началась сразу после окончания Гражданской войны в России), хотя и соглашается с тем, что в отдельных случаях повышенная секретность была обусловлена соображениями внутривнутриполитической борьбы и могла приводить к злоупотреблениям» (с. 261). Мне не совсем понятно,

с кем здесь я вынужден согласиться? С мнением рецензента? Более существенно, однако, следующая констатация рецензента: «Работа в целом производит благоприятное впечатление, главным образом благодаря значительному объему собранного в ней фактического материала. К сожалению, этого нельзя сказать о ее аналитической и особенно оценочной части. Автор по существу оправдывает систему тотальной секретности, сложившуюся в СССР в межвоенный период» (с. 261). По поводу аналитической составляющей я высказался уже выше. Собранный мной материал дает то, что дает, и требует дальнейшего осмысления. На мой взгляд, материал для более глубокого анализа должен содержаться в аналитических записках НКВД – НКГБ. Что же касается оценочной составляющей, то анализ не отделим от оценки. Версия и ее оценка основываются на фактах, а не наоборот. Фактический же материал, изложенный в работе, позволил мне дать соответствующие оценки – они, конечно, могут не совпадать с теми оценками, которые хотел услышать автор рецензии. Задав чуть не с первых строк определенную установку, он пишет о «системе тотальной секретности», не подкрепляя, однако, свое понимание этой системы фактическим материалом. И совершенно некорректным представляется мне слово «оправдывает»: историческое исследование – не суд, чтобы кого-то оправдывать или судить. И что, собственно говоря, мне надо оправдывать? Тезис рецензента о «тотальной секретности» не подтверждается документами, оценки же, приведенные в моей работе,

исходят из анализа рассмотренных исторических явлений исключительно на основе документов.

Как пишет далее рецензент, «тотальная секретность, по мнению автора, оправдывается, в частности, тем, что белогвардейские, а затем и иностранные спецслужбы, в том числе нацистские, интересовались предельно широким кругом вопросов, включая экономику Советского Союза и биографии его лидеров» (с. 262). Опять же, речь идет не о тотальной, а о необходимой, достаточной секретности, слово «оправдывается» и в этом контексте кажется неуместным. И наконец: а разве широкий круг вопросов, которые интересуют разведку, это не факт? Можно разве что пожелать рецензенту почитать обильную литературу на эту тему.

Далее следует фраза автора рецензии: «О том, что решение этих вопросов было возложено на спецслужбы именно из-за стремления советского руководства засекречивать едва ли не всю сколько-нибудь значимую информацию, автор не задумывается» (с. 262). Сознаюсь, что я сначала не понял смысла этой фразы рецензента, слишком легко отказывающегося коллегам-историкам в способности вообще задумываться при решении поставленных перед исследованием задач. Уж не является ли способность задумываться над серьезной проблемой присущим исключительно ему, рецензенту, профессиональным свойством? И над чем я, собственно говоря, «не задумываюсь»? Над тем, что решение таких важных для государства вопросов, как вопросы защиты информации, государственной тайны и обеспечения секретности,

было возложено именно на спецслужбы лишь из-за стремления (прихоти) кого-либо из руководства страны засекречивать едва ли не всю сколько-нибудь значимую информацию? С одной стороны, вызывает удивление рассмотрение профессионалом-историком этой непростой проблемы сквозь призму чьих-то личных прихотей, озадачивших спецслужбы страны, и в отрыве от государственных интересов. В то же время есть смысл задуматься над другим: зачем советскому руководству надо было, конечно, не все, но многое засекречивать, «нагружая» этим спецслужбы и всю страну и тратя на это ресурсы и народные деньги? По подсказке рецензента, в результате своих раздумий мне следовало прийти к его мысли о том, что все это делалось только ради того, «чтобы скрывать от своего народа злоупотребления и вообще преступления»? Как будто страна-изгой на международной арене, СССР, не испытывала в межвоенный период никаких внешних угроз и прессинга в разных формах, а жила в условиях полной тиши и благодати. А вообще, как показывает исторический опыт, для того, чтобы скрыть следы чьих-либо политических преступлений, вовсе не обязательно быть «тоталитарным» государством с «тотальной секретностью», механизмы для этого существуют и при системах, которые принято называть демократическими. В моей монографии приводятся цифры, свидетельствующие о том, что в проходившей через ЦК информации политическая секретная переписка составляла всего 5–10% от ее общего потока. Где же тут «тотальная секретность»? И при каком количестве процентов можно было бы говорить о нетотальной? Я не утверждаю,

что не было вообще политической секретности, как и злоупотреблений и преступлений как таковых, но в основной массе секретными были сведения, действительно составлявшие государственную тайну. Секретность в СССР и защита государственной тайны были адекватны своему времени и имевшимся угрозам. Это был сложный и драматический период как в истории страны, так и в истории международных отношений. Без учета этой ситуации невозможно осмысление содержания работы по обеспечению секретности в стране и по защите государственной тайны. Продолжала существовать реальная угроза вооруженного конфликта. Мировой экономический кризис, приход к власти фашистских партий в Италии и Германии, агрессивная политика Японии в Тихоокеанском регионе — это и другое выступало факторами, способными сломить шаткое мирное сосуществование, приходится принимать во внимание и недружелюбную к СССР позицию западных демократий. В принципе в тот период все государства готовились к войне. Внешнеполитическая обстановка оставалась напряженной и не сулила спокойствия, тем более что иностранные спецслужбы не сидели сложа руки, активно работая разными способами против СССР. Речь идет об объективных условиях, державших в постоянном напряжении руководство страны, серьезно влиявших на политику и идеологию и формировавших среди значительной части населения восприятие СССР как «осажденной крепости».

По мнению рецензента, я не задумываюсь «и о том, что чрезмерная секретность, вопреки распростра-

ненному заблуждению, не укрепляет, а, наоборот, подрывает защиту информации» (с. 262). Утверждение довольно голословно, поскольку даже в настоящее время, не говоря уже о рассматриваемом периоде, специалистами по защите информации не выработаны еще в полной мере критерии и границы достаточной секретности. К примеру, существует мнение, что чрезмерная закрытость научно-технических разработок и ограниченность обмена сведениями в этой области замедляет научно-технический прогресс. Вопрос этот не новый, он возник еще во времена изобретения каменного топора и поднимался на заре прогресса. Как многократно отмечалось в литературе, уже в начале промышленной революции возникло понимание того, что монополия на секреты изобретения и производства новых товаров и технологий препятствует их распространению, а значит, и техническому прогрессу. В целях преодоления такой монополии в Англии, например, еще в 1754 г. создается общество поощрения ремесла и торговли, состоявшее из промышленников, банкиров и филантропов. Оно стремилось склонить изобретателей не патентовать свои изобретения, взамен им предлагались солидные премии. Таких примеров множество. Существование во всех странах государственных премий и наград (в том числе и по «закрытым» проектам) можно во многих случаях рассматривать и как форму вознаграждения, компенсации за ущемленное секретностью научное самоутверждение. Известно также, что опубликованные в сети закрытых изданий сведения по ранее секретным проектам и изобретениям по истечении опре-

деленного времени и в процессе переработок ведомственных и государственных перечней открываются.

Далее рецензент пишет: «Если иностранной разведке действительно необходимо заполучить тот или иной секрет, она почти наверняка рано или поздно до него доберется; задача контрразведки состоит не в том, чтобы секрет не был раскрыт никогда, а в том, чтобы он был раскрыт как можно позже. Для этого, в свою очередь, требуется максимальная концентрация ресурсов на ограниченном количестве по-настоящему важных тайн, только так можно закрыть все или почти все возможные лазейки, позволяющие заинтересованным специалистам подобраться к искомой информации обходными путями» (с. 262).

Не будем здесь слишком цепляться за выражения, мало совместимые с научной точностью: что такое «почти наверняка», какие конкретные сроки стоят за понятиями «как можно позже», «рано или поздно» и что считать «по-настоящему важной» тайной, а что «не по-настоящему» важной. Рецензент прав в том, что секреты (пусть не все) со временем раскрываются. Согласно теории защиты информации, абсолютную защиту обеспечить нельзя, хотя стремление к этому существует. Вообще если встать на научную основу при рассмотрении вопроса, то следует признать, что секретная информация раскрывается тогда, когда теряет оперативность и актуальность. При этом, что важно, по всем правилам секретности она становится открытой по воле только самого носителя информации. А если она раскрыта

другими (к примеру, иностранной разведкой, агентурой или конкурентом), это считается во всех странах провалом в защите информации и секретности. То есть в этом деле имеет значение принцип своевременности. У всех без исключения государств есть свои государственные секреты. Вот характерный пример. С середины 1930-х гг. со страниц открытых западных научных изданий вдруг исчезли статьи по теории атомного ядра. Так в Советском Союзе поняли, что на Западе работы в этой области перешли в «закрытую», т.е. секретную плоскость, и, как мы знаем, это привело в дальнейшем к созданию атомного оружия. И СССР со своей стороны принял соответствующие контрмеры. Создание в Советском Союзе атомной бомбы и ее испытание в 1949 г. стали для Запада полной неожиданностью. Соперники были, что называется, поставлены перед фактом. Поэтому кажется более чем спорным утверждение о том, что «тотальная секретность приносит прямо противоположный результат, что мы и можем наблюдать на примере Советского Союза, где многие секреты являлись таковыми лишь для советских же граждан» (с. 262). Пример, нами приведенный, дает основание для других выводов. И вообще, когда речь идет о жестком соперничестве разных сил на международной арене, можно ли, как, например, и в поединке по боксу, с точностью определить количество «лишних» или «ненужных» ответных ударов?

Далее рецензент пишет в мой адрес: «Автор, однако, этим не ограничивается и оправдывает даже современную закрытость российских архивов, ссылаясь ни много

ни мало на бывшего председателя КГБ и члена ГКЧП В.А. Крючкова, утверждавшего в свое время, что “неосторожное обращение с архивами может нанести непоправимый ущерб... государству в целом” (цит. по: с. 221)» (с. 262). Упрек по существу или только в том, что я ссылаюсь здесь на Крючкова, а не на З. Бжезинского, Г. Киссинджера, Дж. Сороса или В. Резуна? Рецензент в принципе правильно увидел мою последовательность в этом вопросе. В обязанности председателя КГБ действительно входило обеспечение сохранности государственной тайны и ведение контрразведывательной деятельности в СССР. И с точки зрения интересов сохранения такого государственного образования, как СССР, упреки ему и возглавляемой им структуре могли быть предъявлены прежде всего в том, что в силу определенных обстоятельств сохранить СССР и его государственность так и не удалось. Не надо забывать, что обвинения оппонента в приверженности тоталитарным методам и ценностям восходят к временам холодной войны. С другой стороны, процитированная фраза В.А. Крючкова имеет конкретизирующее продолжение, которое рецензент, видимо, «постеснялся» озвучить, я же это сделаю для того, чтобы уточнить, о чем идет речь: ущерб государству наносится, когда секретная информация попадает «в распоряжение недобросовестных и тенденциозно настроенных лиц, которые не жалеют красок и интерпретируют историю в спекулятивных целях...».

Задачи защиты государственных интересов никогда не теряют своей ак-

туальности. Можно было бы сослаться на процитированное в моей монографии утверждение не Крючкова, а другого эксперта, писавшего, что даже и видимое отсутствие врагов — «не повод для беспечности... В мире сохраняются огромные атомные арсеналы, создаются новые военные базы, разрабатываются самые эффективные виды оружия. Не сданы в архив планы достижения решающего военного превосходства над СССР, хотя страны с таким названием больше уже и не существует. Запад, с одной стороны, поддерживает наши преобразования, в то же время не желает, в частности, отменить ограничения по поставкам в Россию новейшего оборудования и технологий» (Судоплатов А. П. Тайная жизнь генерала Судоплатова: Правда и вымыслы о моем отце. М., 1998. Т. 2. С. 413). Это было написано в конце 1990-х, однако сегодняшние геополитические реалии не дают совершенно никаких оснований для пересмотра высказанной позиции. Скорее напротив. Возвращаясь же к делам многолетней давности, хочется заметить: легко быть «умным», зная, чем закончились те или иные исторические события и на основании этого «признавать» или «не признавать» действия и личности, выправляя историю в соответствии

с сегодняшними представлениями, а зачастую и определенным заказом тех или иных политических сил. Не хочется повторять общих мест, напоминая снова о том, что огульное отрицание определенного периода истории не позволяет адекватно понять не только прошлое, но и настоящее, нарушая историческую преемственность в нашем знании.

Главная задача исторической науки состоит в установлении истины на основе фактов, изложенных в документах, конечно, при критическом к ним отношении. Другими словами, во главе угла должна быть выверенная, документально подтвержденная фактология. В этом залог успешных научных исследований, а политические оценки и суждения, не подтвержденные документально — не дело исторической науки. Не говоря уже о пребывании в плену мифов, об использовании бытовых штампов, сквозь призму которых рассматриваются исторические явления, а тем более о злоупотреблении слишком личностным подходом при оценке трудов коллег-историков. Хотелось бы, кстати, услышать мнение о своей монографии не только М. М. Минца, но и кого-то из историков, специально занимавшихся историей секретности.

“INFORMATION IS ALWAYS DOSED OUT BY THE RULING CIRCLES OF ANY COUNTRY AND AT ANY TIME”. RESPONSE TO M. M. MINTS

Kurenkov Gennady A. — candidate of historical sciences, RGASPI (Moscow)

Key words: archival storage, secrecy, state secrets, state security, broader access to documents.

Abstract. The author of a monograph paper on the history of state secret keeping in the USSR responds to his critic.

Д. В. Стратиевский

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ. СОПРОТИВЛЕНИЕ. КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ. ПАМЯТЬ». 21–24 октября 2018 г. (Новосибирск)

Ключевые слова: советские военнопленные, история Второй мировой войны, история Великой Отечественной войны, сопротивление, коллаборационизм, репатриация, фильтрация, историческая память.

Аннотация. Судьба советских военнослужащих в немецком плену остается малоизученной страницей истории Второй мировой войны, своего рода «белым пятном» в исторической памяти России и Германии. Российско-германская международная конференция «Советские военнопленные. Сопротивление. Коллаборационизм. Память», которая прошла в октябре 2018 г. в Новосибирске, предоставила площадку для профессиональной научной дискуссии специалистам из вузов, мемориальных комплексов и архивов двух стран. Участники конференции затронули широкий круг вопросов касательно советских военнопленных, от сопротивления в лагерях и коллаборации до проверочно-фильтрационных мероприятий и памяти. В рамках конференции также была открыта выставка «Плен и возвращение» и представлен документальный фильм «Война и другой мир» о гражданах СССР армянской национальности, уклонившихся от послевоенной репатриации.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-1-296-304

Советские военнопленные в годы Второй мировой войны являют-

© Д. В. Стратиевский, 2019
Стратиевский Дмитрий Валерьевич — доктор истории, магистр политологии, научный сотрудник Германского исторического

ся второй (после евреев Европы) по количеству жертв группой пострадавших от нацизма. По разным

института в Москве (Берлин); Dmitri.Stratievski@dhi-moskau.org

данным, в период с 1941 по 1945 г. в немецкий плен попали от 4,5 до 5,7 миллиона советских солдат и офицеров. Более трех миллионов из них погибли: расстреляны, умерли от непосильного труда, болезней, недоедания, отсутствия элементарных норм гигиены и медицинского обслуживания. Несмотря на масштабность этой трагедии, проблематика войны и плена применительно к гражданам СССР в течение долгих десятилетий находилась вне зоны внимания мировой историографии и исторической памяти Германии, СССР и постсоветских государств. В память о советских военнопленных в Европе установлено лишь незначительное количество памятников и мемориалов. Правительство ФРГ выделило компенсационные выплаты бывшим советским военнопленным только в 2015 г., когда большинства ветеранов уже не было в живых. В последние годы отмечен рост интереса к обширному комплексу тем, связанных с пребыванием советских военнослужащих в германском плену в годы Великой Отечественной войны, их репатриацией и реинтеграцией в послевоенное советское общество. Вышел ряд публикаций на русском и немецком языках. Был дан старт германо-российскому проекту «Советские и немецкие военнопленные и интернированные», одобренному правительствами двух государств и призванному собрать как можно больше индивидуальных данных об этих группах участников войны. В различных городах России с успехом демонстрируется выставка «Плен и возвращение. Советские военнопленные в Германии в 1941–1945 гг.». Однако

и сегодня число изданных монографий и статей о судьбах советских военнопленных остается весьма скромным, а внимание к этой сложной и многогранной историко-общественной проблеме — явно недостаточным. В ФРГ бывших советских военнопленных до сих пор называют «забытыми жертвами нацизма». По этой причине научные и общественные мероприятия по данному вопросу имеют особую ценность.

Идея проведения конференции принадлежит группе немецких и российских историков. Четверо из них, представляющие различные учреждения двух стран, сформировали организационный комитет: д.и.н., проф. Наталья Маркдорф (НГПУ, Новосибирск), д-р филологии Хайке Винкель (Народный союз Германии по уходу за военными захоронениями, Берлин), д-р истории Андреас Хильгер (Германский исторический институт в Москве, Гамбург) и д-р истории Дмитрий Стратиевский (Германский исторический институт в Москве, Берлин). Помощь в проведении мероприятия оказали МИД ФРГ, Министерство образования и науки РФ, Министерство образования Новосибирской области, НГПУ, германский федеральный фонд «Память, ответственность и будущее», российский Фонд «История Отечества», Германский исторический институт в Москве, Народный союз Германии по уходу за военными захоронениями, германский Фонд мемориальных комплексов Бухенвальд и Миттельбау-Дора, а также Международная ассоциация исследователей культуры и истории

российских немцев. При разработке концепции конференции учитывались как актуальное состояние научных исследований и источниковой базы по проблематике войны и плена, так и широта тематики. Еще до начала работы конференции был подготовлен и издан сборник докладов участников. Планируется выпустить и сборник статей.

Рабочие сессии конференции проходили в период с 22 по 23 октября. В общей сложности было проведено четыре сессии (модераторы в порядке проведения А. Хильгер, Н. Маркдорф, Х. Винкель и Н. Маркдорф) и две открытых дискуссии (Д. Стратиевский и А. Хильгер). По окончании каждой сессии участники и гости конференции имели возможность задать свои вопросы докладчикам либо прокомментировать их выступления. На церемонии открытия к собравшимся с приветственным словом обратились представители МИДа РФ, Консульства ФРГ в Новосибирске, а также руководства Министерства образования Новосибирской области и НГПУ, что подчеркнуло высокий уровень и международный характер мероприятия.

СЕССИЯ 1. «ФОРМЫ И РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА В ПЛЕНУ»

Секцию открыл доклад д.и.н., проф. Юрия Арзамаскина, старшего научного сотрудника Военного университета Министерства обороны РФ, «Идейные борцы или предатели? Советский коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны». Долгие годы идеологические

препоны мешали беспристрастному научному анализу такого комплексного явления, как сотрудничество граждан СССР с национал-социалистами. Ю. Арзамаскин обозначил различные формы коллаборационизма, типы и численность коллаборационистских формирований, состоявших в том числе и из советских военнопленных, подчеркнул зависимость подразделений вермахта от «добровольных помощников» и предложил слушателям основной тезис своего доклада: «Кто же они были в действительности — предатели или патриоты?» Докладчик пришел к выводу, что основной мотивацией к принятию решения о переходе на сторону противника служили не идеологические убеждения, например, антисоветизм, а тяжелые условия пребывания в плену и, как следствие, желание выжить.

Выступление д.и.н., проф. Олега Романько, Крымский университет им. В. И. Вернадского, «Проблема военного коллаборационизма на страницах газеты “Голос Крыма”», было посвящено показательному примеру печатной агитации на полуострове. Русскоязычная оккупационная газета «Голос Крыма» выходила в Симферополе с 1941 по 1944 г. Докладчик описал систему работы издания, принцип подбора публикаций, основные лейтмотивы, которые редакция предлагала читателям. О. Романько отметил, что факт появления Русской освободительной армии (РОА) наложил значительный отпечаток на редакционную политику «Голоса Крыма». В издании появилась рубрика «Уголок добровольца». Власовское движение представлялось в виде «успешного»

«национального» проекта в «борьбе с большевизмом». Вместе с тем вопрос военного коллаборационизма так и не стал центральным для газеты. Этому способствовали как победы Красной армии, так и боязнь нацистского руководства предоставить власовцам слишком большую самостоятельность.

Д-р истории, научный сотрудник Германского исторического института в Москве Даниэль Биссман также представил доклад на специальную исследовательскую тему: «Операция “Цепелин”: советские военнопленные и сотрудники Службы безопасности (СД)». «Цепелин» являлся крупной операцией германских спецслужб с целью разрушения СССР при помощи шпионажа, саботажа и подрывной деятельности. К реализации этого плана были подключены и пленные, завербованные по принципу негативного отношения к социалистическому строю и советским реалиям в целом. С другой стороны, противостояние «Цепелину» служило важным аргументом в пользу эффективности и целесообразности существования разветвленной структуры советских контрразведывательных органов, таких как СМЕРШ. Д. Биссман описал различные сложности, с которыми сталкивались немецкие вербовщики в процессе привлечения военнопленных на свою сторону. Немаловажную роль играли «трудности перевода», отсутствие достаточного количества квалифицированных кадров, которые могли бы не просто осуществить «механический» перевод, но и передать смысловую идеологическую нагрузку антисоветских постулатов.

СЕССИЯ 2. «ЛЮДИ И СУДЬБЫ»

В этой секции на первый план вышли советские военнослужащие в немецком плену как таковые, индивидуумы, а не «элементы» статистики. Доклад д-ра истории Юлии Ландау, сотрудника Фонда мемориальных комплексов Бухенвальд и Миттельбау-Дора, «Советские военнопленные в Бухенвальде: судьбы и воспоминания» был посвящен как формированию официального советского нарратива о Бухенвальде, так и истории лагеря в воспоминаниях бывших его узников. Важной составляющей этого нарратива стал образ подпольщика, активного борца с фашизмом. Историк проанализировала ряд публикаций раннего послевоенного периода о Бухенвальде и проинформировала о дальнейшем жизненном пути некоторых бывших заключенных, в том числе и советских военнопленных, попавших под подозрение в сотрудничестве с врагом.

Д-р истории Анита Ганценмюллер, также представляющая Фонд Бухенвальда, выступила с докладом «Сопротивление советских заключенных в концентрационном лагере Бухенвальд». Если в советское время основное внимание уделялось активному вооруженному сопротивлению, то А. Ганценмюллер обозначила и пассивные формы отпора лагерной администрации и надзирателям, такие как отказ от работы и различные виды саботажа. Она уделила внимание истории появления советских военнопленных в концлагере Бухенвальд, переведенных из «шталагов», обрисовала иерархию лагерного

«микрокосмоса», солидарность узников между собой, а также озвучила имена отдельных военнопленных-подпольщиков. В заключение историк отметила, что факт участия в сопротивлении являлся для советских военнопленных в Бухенвальде частью легитимизации, своего рода «оправдания» перед самим собой за пленение, а в дальнейшем и заявкой на некое признание в советском обществе, в котором им долгое время было отказано.

Завершило вторую секцию выступление к.и.н., начальника отдела в Государственном архиве Новосибирской области (ГАО) Ольги Чернобай «Советские военнопленные-новосибирцы в Бухенвальде: по материалам фондов ГАО». Таким образом, на конференции, наряду с историками, прозвучал и голос архивиста. В центре доклада О. Чернобай находилась личность организатора подпольной группы в лагере Бухенвальд, уроженца Новосибирска Николая Симакова. Докладчик подробно рассмотрела жизненный путь Н. Симакова: довоенный период, фронт, пленение, пребывание в Бухенвальде и организация ячейки сопротивления, послевоенное время. Также О. Чернобай коснулась вопроса увековечивания памяти об Н. Симакове в современном Новосибирске. На доме, в котором он родился, открыта мемориальная доска, а имя подпольщика носит единственный расположенный за Уралом Музей малолетних узников фашизма.

СЕССИЯ 3. РЕПАТРИАЦИЯ, ПРОБЛЕМЫ ФИЛЬТРАЦИИ. СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В СССР

Неотъемлемой частью исследования касательно войны и плена является изучение процессов репатриации и фильтрации освобожденных советских военнопленных. Доклад д.и.н., проф. Аркадия Германа, представляющего Саратовский национальный исследовательский государственный университет, «Проверочно-фильтрационные лагеря как главный элемент механизма репатриации советских военнопленных и других граждан» наглядно показал, как работала система проверочно-фильтрационных мероприятий, насколько предписания отличались от их практической реализации, каким образом регистрировались и проверялись все освобожденные советские военнопленные, включая коллаборационистов. А. Герман подчеркнул, насколько сложной и дорогостоящей была процедура фильтрации репатриантов, требовавшая колоссальных затрат финансовых и человеческих ресурсов.

Д-р истории Иммо Ребичек, научный сотрудник Гисенского университета им. Юлиуса Либиха, в докладе «Уголовное преследование и постсталинская ревизия дел “изменников Родины”» затронул вопрос систематической перепроверки уголовных дел лиц, обвиненных в «контрреволюционных» преступлениях. Эти мероприятия были проведены в 1954–1955 гг., после смерти И. Сталина. Историк опирается на данные по Молотовской области (ныне Пермский край). И. Ребичек отметил, что члены ко-

миссии, осуществлявшей проверку, имели определенную свободу действий. Это привело к переквалификации некоторого количества дел. Однако местные юристы, не получив соответствующего сигнала из Москвы (проверка проводилась до XX съезда КПСС, прошедшего в 1956 г.), опасались принимать решения «политического» характера, поэтому избегали явных «отклонений» от приговоров сталинского периода.

Д.и.н., проф. Наталья Маркдорф (НГПУ) выступила с докладом «“Власовцы” в лагерях и на спецпоселении в Сибири: люди и судьбы», в котором рассматривалась проблематика прибытия на поселение, размещения, быта и условий труда в Сибири бывших военнослужащих военизированных формирований вермахта, таких как РОА, казачьи подразделения, Русский охранный корпус, Отдельный русский полк СС «Варяг» и др. Автор привел ряд статистических данных, обозначил категоризацию спецпоселенцев, применявшуюся МВД СССР, и указал сведения о трудовой деятельности обвиненных в коллаборационизме, вплоть до их освобождения и/или реабилитации. Историк подчеркнула, что смертность этой категории лиц была очень высокой, по причине их слабой физической и психологической адаптации к лагерным сибирским реалиям.

Магистр гуманитарных наук Ясмин Зонер, научный сотрудник Гейдельбергского университета им. Карла Рупрехта, предложила вниманию участников конференции выступление «Бывшие советские военно-

пленные в роли свидетелей на судебных процессах над нацистскими преступниками в ФРГ». Данный доклад интересен широкому кругу российских любителей истории не в последнюю очередь и потому, что процессы над обвиняемыми в преступлениях национал-социализма, которые проходили в послевоенной Западной Германии, малоизвестны в России за пределами научного сообщества и находятся «в тени» Нюрнбергского трибунала. Я. Зеннер обозначила круг проблем, возникавших на пути привлечения советских участников войны в качестве свидетелей на процессах, таких как взаимная подозрительность в процессе контактов между представителями западногерманских следственных и судебных органов и Советским комитетом ветеранов войны, которая была обусловлена идеологическим и геополитическим противостоянием между Востоком и Западом.

СЕССИЯ 4. СОПРОТИВЛЕНИЕ И ВЫЖИВАНИЕ В ПЛЕНУ

В этой секции участники конференции более подробно остановились на сопротивлении советских военнопленных и разнообразии попыток выживания в неволе. Первым прозвучал доклад д-ра истории Рольфа Келлера, Фонд «Нижнесаксонские мемориалы», «Советские военнопленные и их стратегии выживания». Автор говорил об «осознанных» и «неосознанных» стратегиях, палитра которых была весьма широка: регистрация в лагере в качестве «крестьянина» с целью улучшения условий содержания

и питания, объединение в группы по принципу землячества, попытка занять низшие должности в лагерьной иерархии, чтобы избежать отправки на тяжелые работы, например в шахты. К таким стратегиям относится и коллаборационизм, включая выражение готовности служить в РОА. Однако далеко не всех заявителей можно отнести к сознательным коллаборационистам. Большое количество заявлений о приеме в РОА поступало и в начале 1945 г., когда исход войны был легко прогнозируем даже для узников лагерей, имевших мало информации о положении на фронтах.

Магистр гуманитарных наук Йенс Нагель, Мемориал «Эренхайн-Цайтхайн», в своем выступлении «Сопrotивление советских военнопленных в лагере Цайтхайн 1941–1945 гг.» не ограничился заданной темой, а представил обзор лагеря как такового: системы регистрации, размещения и принудительного труда в Шталаге 304 (IV Н), единственном месте заключения в данном военном округе, специально организованном для советских военнопленных. Историк сопоставляет начало организованного сопротивления в лагере с преобразованием «шталага» в лазарет. Медицинский персонал работал в Цайтхайне постоянно. С 1943 г. на длительное время стали задерживаться и другие военнопленные, прибывавшие на лечение. Это создавало благоприятные условия для формирования подпольных групп. Эффективность сопротивления во многом связана с личностью одного из его руководителей, писателя Степана Злобина.

Д.и.н. Наталья Аблажей, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН, предложила вниманию участников конференции доклад «Армянские “легионеры” в алтайской ссылке». История Армянского легиона, коллаборационистского формирования вермахта, до сих пор остается малоизученной. Значительный процент бывших «легионеров» был приговорен к ссылке в азиатские регионы Советского Союза. С ними были отправлены и члены семей. В общественном сознании послевоенного СССР все бывшие военнослужащие коллаборационистских подразделений воспринимались как «власовцы». Документы МГБ Армянской ССР, сохранившиеся в Национальном архиве Армении, в частности дела на выселение, позволяют установить количество именно «легионеров». Указ Президиума Верховного Совета СССР 1955 г. позволил многим осужденным за коллаборационизм вернуться из ссылки в места постоянного проживания до момента призыва в РККА. Однако постановления об освобождении, принятые на основании этого указа, не являлись юридической «реабилитацией». Подобные решения в отношении «легионеров» принимались Верховным судом Армянской ССР.

В конце первого и второго дня работы конференции были проведены две дискуссии, одна из них в режиме «открытого микрофона», другая – в формате подиума. Благодаря этой части конференции были обозначены новые акценты в дискурсе по вопросам войны и плена, которые не были озвучены в рамках заслушан-

ных докладов, например, влияние антисемитской пропаганды нацистов на советских военнопленных, доступ к фондам российских архивов, реабилитационные процессы на постсоветском пространстве, проблемы терминологии и мемориализации и т. д. А. Хильгер, научный руководитель международного проекта «Советские и немецкие военнопленные и интернированные», старт которому был дан совместным заявлением министров иностранных дел России и Германии Сергея Лаврова и Франка-Вальтера Штайнмайера, представил основные цели и задачи этого начинания.

В рамках конференции прошли еще два мероприятия. Ученым, любителям истории и студентам НГПУ был показан документальный фильм Тиграна Паскевичяна и Сатеник Фрамазяна «Война и другой мир». Армянские документалисты осветили сложный жизненный путь людей, принявших решение избежать репатриации в СССР и остаться

на Западе, в США и в ФРГ. Отрицание советского строя, ностальгия по Армении, попытка переосмыслить свой шаг десятилетия спустя — все эти противоречивые чувства фигурируют в монологах участников тех далеких событий. Также состоялось открытие передвижной выставки «Плен и возвращение. Советские военнопленные в Германии 1941–1945 гг.», созданной берлинской общественной организацией «КОНТАКТЕ-КОНТАКТЫ» и московским Фондом «Историческая память». На открытии выступили куратор и автор выставки Дмитрий Стратиевский и представитель фонда Максим Вилков.

По итогам конференции была принята резолюция с призывом к более активному и глубокому изучению судеб советских военнослужащих в немецком плену, а также более интенсивной работе с молодежью с применением современных технологий, например, электронных баз данных и интерактивных карт.

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “SOVIET PRISONERS OF WAR. RESISTANCE. COLLABORATION. MEMORY”. 21–24 OCTOBER 2018 (NOVOSIBIRSK)

Stratievsky Dmitry V. — doctor of history, master of political science, researcher at the German historical Institute in Moscow (Berlin)

Key words: Soviet prisoners of war, history of World War Two, history of the Great Patriotic War, resistance, collaboration, repatriation, filtration, historical memory.

Abstract. The fate of Soviet prisoners that were captured by the Wehrmacht remains an understudied aspect of the history of World War Two and a “white spot” in the historical memory both in Russia and Germany. The Russian-German international conference “Soviet Prisoners of War. Resistance. Kollaboration. Memory”, which took place in Novosibirsk in October 2018, provided

a platform for professional scientific debate for experts from universities, memorial centers and archives from both countries. A broad range of issues regarding Soviet POW was discussed, starting from resistance in the camps and collaboration through to methods of filtration and historical memory. Additionally, the exhibition “Captivity and homecoming” was opened and a the documentary “War and another world” about Soviet citizens of Armenian nationality who successfully evaded repatriation after the war was screened.